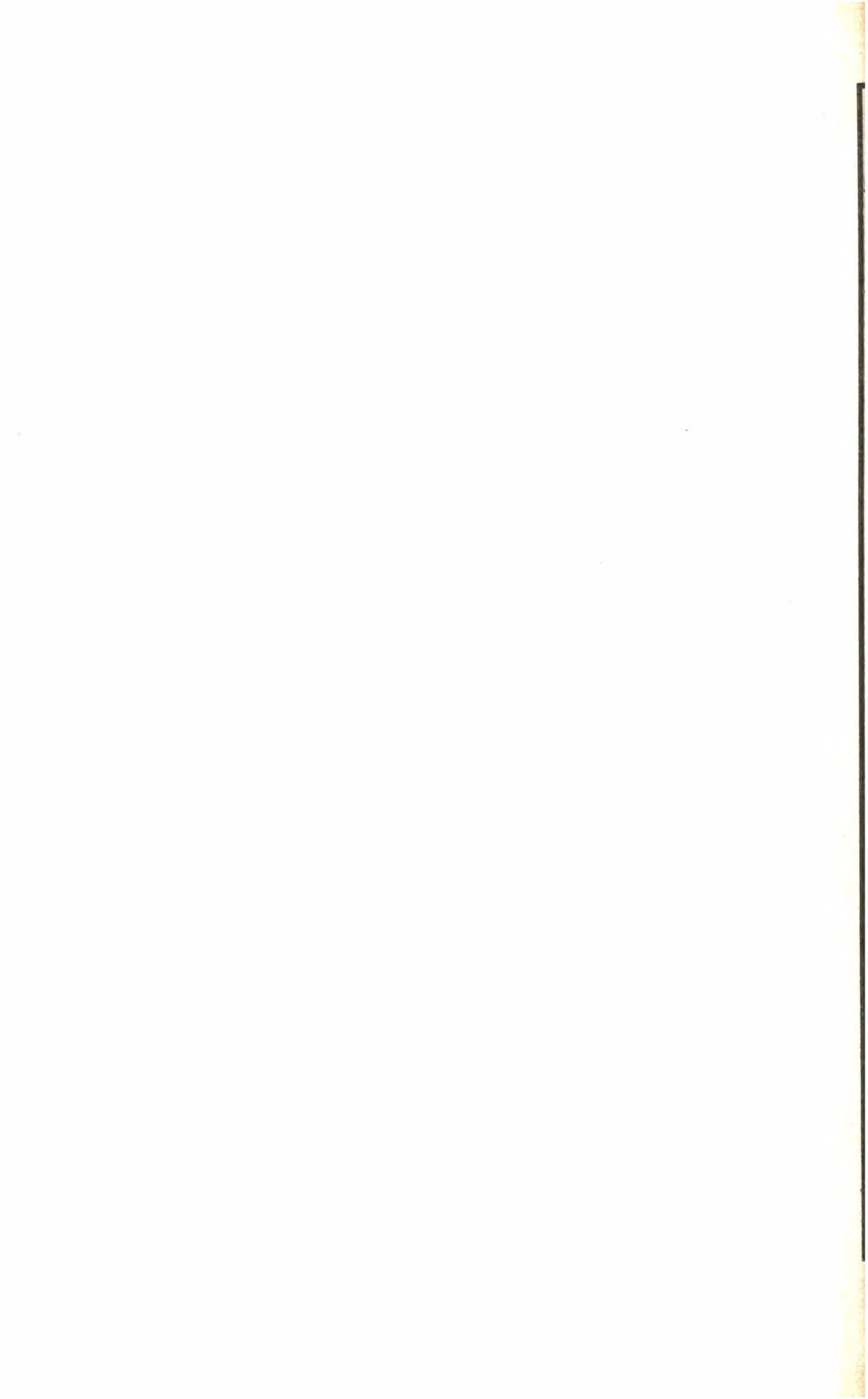
НЕИЗВЕСТНАЯ РОССИЯ

XX век

- АРХИВЫ
- ПИСЬМА
- МЕМУАРЫ

2

«Историческое наследие»
1992

Московское городское объединение архивов

НЕИЗВЕСТНАЯ РОССИЯ

XX ВЕК

II

«ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ»
1992

ББК63.3(2)
Н45

Н $\frac{0503020000—004}{576(03)—92}$ **Без объявл.**

ISBN 5—86000—006—5

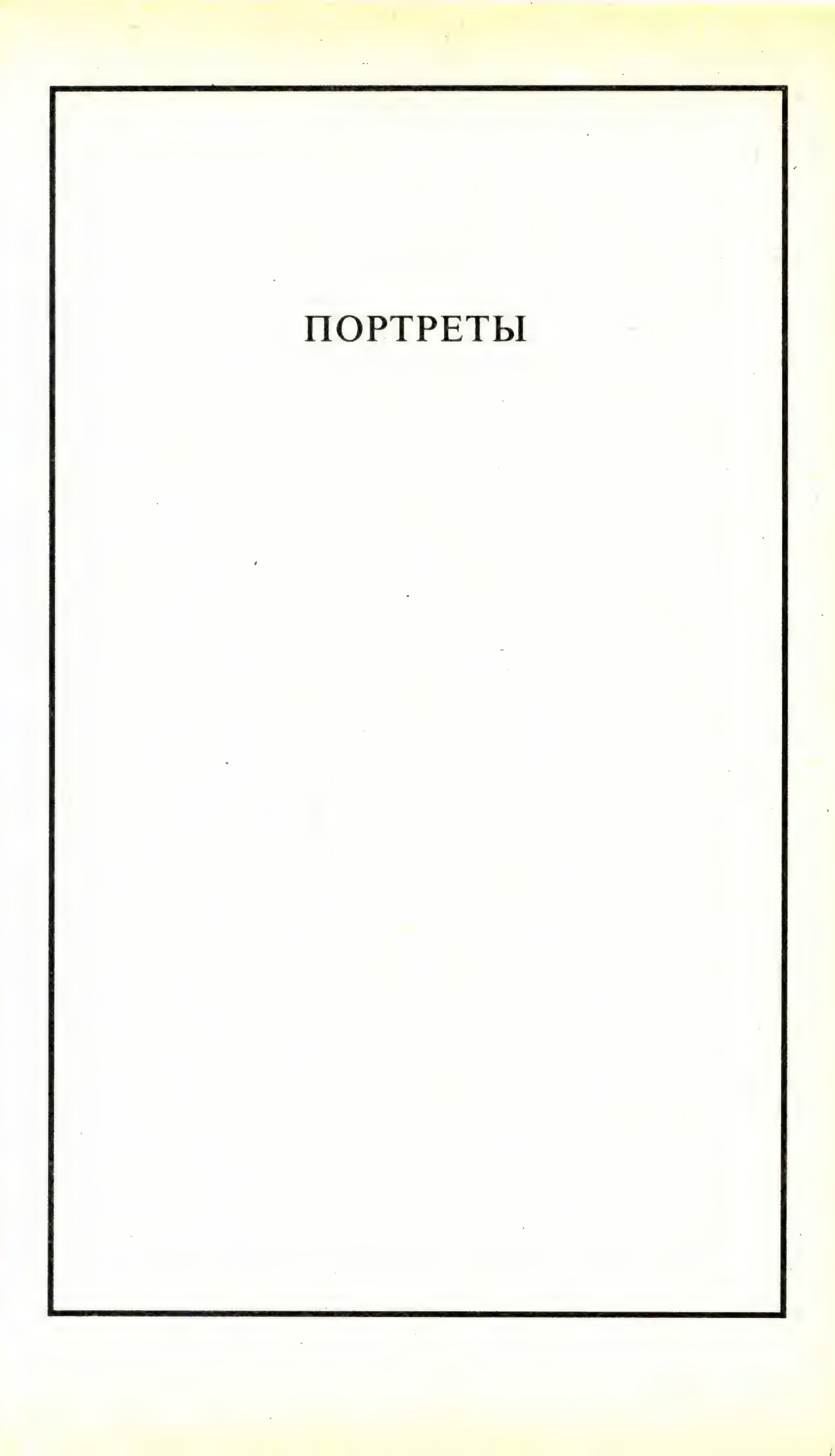
СОДЕРЖАНИЕ

ПОРТРЕТЫ

СТАРЫЕ ПИСЬМА

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

РАСКРЫТЫЕ ТАЙНЫ

ПОРТРЕТЫ

«БЛАЖЕННАЯ» МАРИЯ

Новые документы к биографии Марии Александровны Спиридоновой (1884—1941)

«Больна она, бедняжка, не в себе она! Что с нее спрашивать, когда она блаженная» [1*]. Именно так, просто и благодушно, в феврале 1919 г. завершили полемику со Спиридоновой, одним из лидеров партии левых эсеров, Н. Бухарин [2*] и П. Смидович [3*]. Предчувствия не обманывали М. Спиридонову, когда она писала товарищам по партии: «...Большевики готовят мне какую-то особенную гадость... Кое-какие отрывки сведений, имеющихся у меня из сфер, заставляют меня предполагать что-нибудь особо иезуитское. Объявят, как Чаадаева, сумасшедшей, посадят в психиатрическую лечебницу и т. д.— вообще, что-нибудь в этом роде» [4*].

Почему же эта женщина была объявлена на всю страну «блаженной»?

Мария Спиридонова — дочь тамбовского дворянина, коллежского советника Александра Алексеевича Спиридонова, как и большинство сверстниц ее сословия, получила начальное образование дома, затем училась в Тамбовской женской гимназии. Начало ее жизненного пути совпало с подъемом революционного движения в России 1905—1907 гг. В 6-м классе гимназии М. Спиридонова стала членом партии социалистов-революционеров [5*], более того, вошла в состав ее боевой организации [6*]. 24 марта 1905 г. двадцатилетняя революционерка была впервые арестована Тамбовским жандармским управлением в составе большой группы студентов педагогического училища.

Словом, начало биографии Марии Спиридоновой было обычным для многих молодых людей того времени. Но даже по канонам жестоких революционных эпох нельзя назвать типичной ее последующую жизнь. С января 1906 г. по сентябрь 1941 г. Спиридонова была на свободе только два года. Остальное —

это 11 лет каторжной тюрьмы в Акатуе и Нерчинске, заключения в застенках ВЧК, Бутырской и Кремлевской тюрьмах, домашний арест, ссылка в Казахстан, затем в Башкирию и, наконец, Орловский централ, в котором она незадолго до вторжения в г. Орел фашистских захватчиков была расстреляна.

Мы предлагаем вниманию читателей два эпизода из биографии М. Спиридоновой по ранее не публиковавшимся документам и материалам, ставшим библиографической редкостью. Это документы о террористическом акте М. Спиридоновой в отношении советника Тамбовского губернского правления Луженовского и документы о «клевете» М. Спиридоновой на советскую власть, Коммунистическую партию и Красную Армию.

* *
*

Итак, 24 марта 1905 г. М. Спиридонова была впервые арестована в составе большой группы студентов Тамбовского педагогического училища. Арестованные были избиты охранкой. Грубое насилие губернских властей над студентами должно было запугать население, предотвратить вооруженные выступления рабочих, крестьянские волнения, уже начавшиеся к тому времени во многих местах Российской империи.

В противовес действующим в Тамбове социалистическим партиям и группе конституционных демократов в спешном порядке началось создание монархической организации «Группа русских людей» [7*], которая заявила о себе 3 и 6 марта 1905 г. В опубликованном ею «Обращении к обществу» [8*] выражался критический взгляд на идею принятия конституции и заявлялась готовность проявить «разумную самодеятельность в борьбе с революционными элементами».

Однако события развивались таким образом, что уже в июне 1905 г. тамбовская «Группа русских людей», ставшая впоследствии одним из многочисленных отделов «Союза русских людей» [9*], открыто перешла к организации черносотенных погромов. 26 июня 1905 г. тамбовские монархисты выступили с прокламацией, которая призывала к расправе «с крамольной интеллигенцией», вооружению всех верноподданных, чтобы смело выступить с оружием в руках по сигналу «Группы русских людей».

Губернские партийные организации социалистов-революционеров и социал-демократов публично осудили подготовку выступления черносотенцев и их покровителей — губернатора В. Ф. фон-дер Лауница [10*], вице-губернатора Н. Е. Богданови-

ча [11*], старшего советника губернского правления, лидера черносотенцев Г. Н. Луженовского [12*].

Общественно-политический кризис в губернии обострился к октябрю 1905 г., когда железнодорожные рабочие присоединились к всероссийской забастовке железнодорожников, а в приграничных с другими губерниями волостях произошли крестьянские волнения. Они были жестоко подавлены: крестьяне подверглись массовым поркам, полиция произвела аресты социалистов. Именно тогда тамбовский губернский комитет п. с.-р. дал санкцию боевой организации на террористические акты в отношении лиц, виновных в организациях массовых избиений студентов, в репрессиях против железнодорожных рабочих и крестьян. 15 декабря 1905 г. эсеры М. Л. Катин и И. С. Кузнецов привели в исполнение приговор губернского комитета п. с.-р. в отношении вице-губернатора Н. Е. Богдановича, который от полученных ран через три дня скончался. Террористический акт против старшего советника губернского правления, руководителя карательного отряда по подавлению крестьянских волнений, лидера монархистов Г. Н. Луженовского было поручено произвести М. А. Спиридоновой.

Вероятно, что содействие М. А. Спиридоновой в организации этого террористического акта оказал В. Вольский [13*] (трогательная переписка В. Вольского и М. Спиридоновой, чудом сохранившаяся в архиве, публикуется впервые). Выследив Г. Н. Луженовского, М. Спиридонова произвела в него четыре выстрела, от которых он через месяц скончался.

При задержании М. Спиридонова была жестоко избита, подверглась пыткам, а во время препровождения ее в тамбовскую тюрьму она была изнасилована жандармами Абрамовым [14*] и Ждановым [15*].

Тамбовский период революционной деятельности М. Спиридоновой мог завершиться смертной казнью, но казнь была заменена бессрочной каторжной ссылкой в Акатуй [16*], затем в Нерчинск, где Спиридонова пробыла 11 лет.

После Февральской революции М. Спиридонова приезжает в Петроград и становится одним из руководителей партии левых социалистов-революционеров [17*], с которой другая социалистическая партия — большевиков — в октябре 1917 г. разделила власть.

Летом 1918 г., после покушения на германского посла В. Мирбаха и восстания левых эсеров в Москве, пути двух партий разошлись. М. Спиридонова, являясь членом ЦК партии л. с.-р., взяла на себя ответственность за организацию террористического акта над Мирбахом [18*]. 6 июля 1918 г. она была

арестована ВЧК. Ревтрибунал при ВЦИК 27 ноября 1918 г. приговорил ее к тюремному заключению сроком на один год. Однако уже через два дня решением Президиума ВЦИК она вместе со своими товарищами по партии была амнистирована [19*].

Как показывают документы, за освобожденными руководителями л. с.-р. была организована тотальная слежка.

16 декабря 1918 г. Ф. Дзержинский [20*] поручил Н. Скрыпнику [21*], начальнику Отдела ВЧК по борьбе с контрреволюцией, установить наблюдение за М. Спиридоновой. Через месяц она была арестована в Минске. Затем последовал арест практически всех руководителей губернских комитетов л. с.-р., собравшихся 20 января 1919 г. на партийное совещание в Петрограде.

Левые эсеры обвинялись не в заговоре против власти, а в «клевете» на советскую власть, Красную Армию, на РКП(б). М. Спиридонову и других лидеров левоэсеровской партии привлекли к суду не за действия, а за взгляды. Без снятия показаний, без письменного предъявления обвинения, без допуска защиты дело на М. Спиридонову поступило в суд. Свидетелем на суде взялся выступить редактор газеты «Правда» Н. Бухарин, обвинителем — председатель Моссовета П. Смидович.

Не получив обвинительного заключения, М. Спиридонова отказалась участвовать в суде и с разрешения суда покинула зал заседаний.

Позже, как бы отвечая своим оппонентам, М. Спиридонова писала из Кремлевской тюрьмы: «Право, жаль, что я ушла из суда, стоило им ответить [...] Следователь Герзон [22*] говорит о целом часе труда для вручения мне обвинительного акта и моих отказах. Это — неправда. Он пришел меня допрашивать. Я отказалась давать показания, потом мы обменялись мнениями, как бывало прежде между заключенными и либеральными жандармскими ротмистрами, т. е. спорили зуб за зуб по общим вопросам, и больше ничего. Об обвинительном акте не было и речи, да и не могло быть, так как еще не были с меня сняты показания [...]

Говоря о поруганной власти Советов, о заплеванной и запуганной личности рабочего и крестьянина, о вспоротой спине мужика [...], я действительно была «эмоциональна», я кричала «сплошным криком». Ведь это [...] делается не в Красновской деспотии, а в Ленино-Бухаринской, что для меня до сих пор составляет разницу, потому и «кричу». В Красновской деспотии я бы только действовала» [23*].

Как проходил суд и какие обвинения были предъявлены М. Спиридоновой, читатель узнает из документов. Обратим внимание лишь на одно обстоятельство.

Н. Бухарин справедливо подметил на суде, что левые эсеры первыми использовали возможности ВЧК для решения своих партийных задач, но, отметим мы, столь же верно и то, что руководители большевиков (см. обвинительное заключение) стали первыми объявлять своих политических противников психически «больными», «блаженными», что широко использовалось позднее в отношении инакомыслящих.

А. Рыбаков

1. СУД ЦАРСКИЙ

№ 1. ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ ГРУППЫ АРЕСТОВАННЫХ УЧАСТНИЦ ДЕМОНСТРАЦИИ 24 МАРТА 1905 г. НА ИМЯ ПРОКУРОРА ТАМБОВСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА

31 марта 1905 г.

«24 марта у Екатерининского учительского института между 11—12 часами ночи мы вместе с другой публикой были окружены солдатами и без всякого предупреждения разойтись отведены в 1-ю часть.

Там нас продержали на дворе в грязи в течение 3 часов и, несмотря на неоднократные заявления публики, в помещение не впустили.

Из части под конвоем тех же солдат, чинов полицейского отряда или под начальством офицера (учитель гимнастики в Екатерин[инском] учит[ельском] институте) публика была отправлена в тюрьму, и вот тут началось грубое издевательство и избиение.

[...] Солдаты били прикладами ружей как попало по чем попало, толкали, оскорбляли — офицер при этом присутствовал.

Мы утверждаем, что избиение это было организовано заранее, так как 1) публика держалась корректно и не давала ни малейшего повода к насилию, т. к. 2) на обращение публики к конвойному офицеру он не обращал внимания и смеялся и 3) в части были жандармский полковник, полицмейстер, другие чины полиции, конвойный офицер, туда же вызывали по нескольку человек конвойных солдат.

Мы считаем арест наш незаконным, поведение полиции и конвойного офицера — грубым произволом

и насилием и требуем немедленного освобождения всех арестованных, расследования дела и привлечения к ответственности виновных лиц.

Авдеева, А. Гармиза, Р. Коникова, В. Колендо, М. Спиридонова».

Черменский П. Н. 1905. Хроника революционных событий Тамбовской губ. Тамбов, 1925, с. 35—36.

№ 2. ПОВТОРНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ АРЕСТОВАННЫХ УЧАСТНИЦ ДЕМОНСТРАЦИИ 24 МАРТА НА ИМЯ ПРОКУРОРА ТАМБОВСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА

5 апреля 1905 г.

«12 дней как мы арестованы, и до сих пор не соблюдена даже тень законности — мы не знаем, в чем нас попытаются обвинять. Протестуя против такого грубого нарушения наших элементарных прав, мы требуем освобождения или немедленного предъявления нам формального обвинения и ведения дела судебным порядком.

Авдеева, Гармиза, Коникова, Колендо, Спиридонова».

ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 400, л. 62.
Подлинник, рукопись.

№ 3. ИЗ ПИСЬМА ЗАКЛЮЧЕННОЙ В. Б. КОЛЕНДО Е. А. СПИРИДОНОВОЙ [24*]

6 апреля 1905 г.

«Евгения Александровна.

Пишу Вам по поручению Маруси — она лежит. Читать ей, конечно, не буду того, что сообщаю Вам,— иначе она не согласится отсылать письмо, а Вам знать настоящее положение теперь необходимо. Она больна — результатом чего эта болезнь, здесь говорить не буду, Вы, вероятно, и сами знаете те условия, при которых нас арестовали [...] Теперь мы, требуя освобождения, объявили голодовку. Ее с трудом убедили пока не присоединяться, присоединение к голодовке было бы равносильно смерти через 4—5 дней [...]

У нее страшное кровотечение носом, доктор был 2 раза (Никитин). Вы должны сделать все возможное для ее немедленного освобождения, т. е. действовать на прокурора и министра. За советом обратиться можно к одному из порядочных присяжн[ых] поверен[ных], напр[имер] Тимофееву, Вольскому, Мягкову и т. д.»

ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 400, л. 66 об.
Подлинник, рукопись.

№ 4. ПОСТАНОВЛЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ТАМБОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПОЛКОВНИКА СЕМЕНОВА ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ М. А. СПИРИДОНОВОЙ ИЗ-ПОД СТРАЖИ

10 апреля 1905 г.

«1905 г. апреля 10 дня в г. Тамбове я, Отдельного корпуса жандармов полковник Семенов, рассмотрев настоящую переписку в отношении заподозренной дочери личного почетного гражданина Марии Александровой Спиридоновой и принимая во внимание, что по течению расследования дальнейшее содержание ее под стражею не вызывается необходимостью, руководствуясь 29 ст. Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, высочайше утвержденного 14 августа 1881 г., постановил: дочь личного почетного гражданина Марию Александрову Спиридонову из-под стражи освободить, о чем ей объявить, и копию сего постановления препроводить начальнику Тамбовской губернской тюрьмы и г. прокурору Тамбовского окружного суда.

Полковник Семенов.

Настоящее постановление мне объявлено 10 апреля 1905 г. Жительство буду иметь в г. Тамбове. Козловская ул., № 57.

Мария Спиридонова».

ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 399, л. 55.
Подлинник.

№ 5. ИЗ СЕКРЕТНОГО ПРЕДПИСАНИЯ ТАМБОВСКОГО ПОЛИЦМЕЙСТЕРА СТАРЫНКЕВИЧА ПРИСТАВАМ ТАМБОВА

15 апреля 1905 г.

«Вследствие отношения начальника Тамбовского губернского жандармского управления от 15 апреля за № 12383 поручаю Вам немедленно учредить негласное наблюдение за следующими лицами [...]

13. Спиридоновой Марьей Александровной, дочерью личного дворянина. О последующем мне донести».

ГАТО, ф. 1025, оп. 1, д. 57, л. 38—38 об.
Подлинник.

№ 6. ПРЕДПИСАНИЕ ТАМБОВСКОГО ГУБЕРНАТОРА В. Ф. ФОН-ДЕР ЛАУНИЦА СОВЕТНИКУ ТАМБОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ Г. Н. ЛУЖЕНОВСКОМУ

27 октября 1905 г.

«Предлагаю Вашему Высокородию с командированными в Ваше распоряжение двумя ротами 291-го Бобровского полка отправиться на станцию Умет, где, глядя по полученным известиям и соображаясь с распоряжениями г. вице-губернатора, энергичными и решительными мерами прекратить разгром экономий, не стесняясь самыми действительными мерами. Доносите о ходе дела по возможности ежедневно, по усмирении потребуйте вагоны для обратного пути. При соединении с г. вице-губернатором Вы должны, вместе с двумя ротами Бобровского полка, поступить в распоряжение вице-губернатора.

В случае [если] беспорядки произойдут в Балашовском или другом уезде — предлагаю не стесняться границами».

ГАТО, ф. 2, оп. 128, д. 2, л. 10—10 об.
Подлинник.

№ 7. ИЗ ПИСЬМА СОВЕТНИКА ГУБЕРНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ Г. Н. ЛУЖЕНОВСКОГО ТАМБОВСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ В. Ф. ФОН-ДЕР ЛАУНИЦУ

16 декабря 1905 г., 22 часа

«Ваше Превосходительство глубокоуважаемый Владимир Федорович, единственный возможный способ «секретно» доложить Вам о положении г. Борисоглебска это сношение письмом, также не могу придать моему донесению форму официального рапорта ввиду чудовищности фактов [...]

Полиция г. Борисоглебска и его уезда, поскольку я познакомился с ней, представляет из себя сборище ни к чему не обученных людей, склонное служить революционерам.

[...] Чувствую, что за мной начинают охотиться, ну да Бог не выдаст, свинья не съест.

Ужасно жаль Богдановича и его жену и как досадно, что казаки не изрубили этих подлецов на месте. Обидно умирать, зная, что убийцы будут оправданы. Порядок в Борисоглебске, считая с внешней стороны, вполне восстановлен, но агитаторы, бежавшие из города в деревни, дадут о себе знать [...]»

ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 5978, л. 19—21 об.
Подлинник, рукопись.

№ 8. ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ БОРИСОГЛЕБСКОГО УЕЗДНОГО ИСПРАВНИКА ПРОТАСОВА В. Ф. ФОН-ДЕР ЛАУНИЦУ

16 января 1906 г., 13 час. 28 мин.

«Гавриил Николаевич при выходе из вагона и проходя на станцию ранен пятью пулями [...] Преступница задержана: приехавшая из Тамбова гимназистка седьмого класса Мария Александровна Спиридонова [...]»

ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 5978, л. 55—56 об.
Подлинник, рукопись.

№ 9. ИЗ РАПОРТА ИСПРАВНИКА ПРОТАСОВА В. Ф. ФОН-ДЕР ЛАУНИЦУ

21 января 1906 г.

«[...] С поездом № 6 в Борисоглебск прибыл начальник охраны г. Луженовский, когда г. Луженовский решил выйти из вагона для следования в город, то я, как обыкновенно, пошел на шаг впереди его, дабы расчистить дорогу. По бокам были казаки и чиновники полиции. Пройдя следующий за вагоном г. Луженовского вагон и сделав шаг к следующему, я услышал последовательно один за другим три коротких выстрела и одновременно крик г. Луженовского «что это такое»; быстро обернувшись назад, я, увидав г. Луженовского на земле, а около вагона девушку, у которой заметил приподнятую правую руку для выстрела, крикнув бывшим тут казакам задержать ее, я приподнял г. Луженовского, которому пристав Томусяк помог войти в вагон. Все это было делом одной минуты. В тот момент, когда я обернулся назад, раздался четвертый выстрел [...]»

ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 5978, л. 62.
Подлинник.

№ 10. ТЕЛЕГРАММА ТАМБОВСКОГО ГУБЕРНАТОРА Б. М. ЯНУШЕВИЧА [25*] НА ИМЯ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

10 февраля 1906 г.

«Сегодня умер советник [Луженовский], раненный [в] Борисоглебске в январе революционеркой Спиридон[овой], дело о которой передано мной Москов[скому] военно-окруж[ному] суду».

ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 5978, л. 74.
Копия.

№ 11. ИЗ ПИСЬМА М. А. СПИРИДОНОВОЙ В ГУБЕРНСКИЙ КОМИТЕТ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Не позднее 15 февраля 1906 г.

«[...] Обалделая охрана в это время опомнилась; вся платформа наполнилась казаками, раздались крики: «бей», «руби», «стреляй»! Обнажились шашки. Когда я увидела сверкающие шашки, я решила, что тут пришел мой конец, и решила не даваться им живой в руки. В этих целях я поднесла револьвер к виску, но на полдороге рука опустилась, а я, оглушенная ударами, лежала на платформе. «Где ваш револьвер?» — слышу голос наскоро меня обыскивавшего казачьего офицера. И стук прикладом по телу и голове отозвался сильной болью во всем теле. Пыталась сказать им: «Ставьте меня под расстрел». Удары продолжали сыпаться. Руками я закрывала лицо; прикладами руки снимались с него. Потом казачий офицер, высоко подняв меня за закрученную на руку косу, сильным взмахом бросил на платформу. Я лишилась чувств, руки разжались, и удары посыпались по лицу и голове. Потом за ногу потащили вниз по лестнице. Голова билась о ступеньки, за косу внесена на извозчика [...]

В полицейском управлении была раздета, обыскана, отведена в камеру холодную, с каменным полом, мокрым и грязным.

В камеру в 12 или 1 час дня пришел помощник пристава Жданов и казачий офицер Абрамов: я пробыла в их компании, с небольшими перерывами, до 11 часов вечера. Они допрашивали и были так виртуозны в своих пытках, что Иван Грозный мог бы им позавидовать... Они велели раздеть меня донага и не велели топить мерзлую и без того камеру. Раздетую, страшно ругаясь, они били нагайками (Жданов) и говорили: «Ну, барышня (ругань), скажи зажигательную речь!» Один глаз ничего не видел, и правая часть лица была страшно разбита. Они нажимали на нее и лукаво спрашивали: «Больно, дорогая? Ну, скажи, кто твои товарищи? [...]»

Повезли в экстренном поезде в Тамбов. Поезд идет тихо. Холодно, темно. Грубая брань Абрамова висела в воздухе. Он страшно ругает меня. Чувствуется дыхание смерти. Даже казакам жутко. «Пой, ребята, что вы

приуныли, пой, чтобы эти сволочи подохли при нашем веселии!» Гиканье и свист. Страсти разгораются, сверкают глаза и зубы, песня отвратительна. Брежу: воды — воды нет. Офицер ушел со мной во 2-й класс. Он пьян и ласков, руки обнимают меня, расстегивают, пьяные губы шепчут гадко: «Какая атласная грудь, какое изящное тело [...]»

Газета «Право», 1906, № 7, 19 февраля.

№ 12. СЕКРЕТНОЕ ДОНЕСЕНИЕ ПОМОЩНИКА НАЧАЛЬНИКА ТАМБОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ИМЯ ПОЛКОВНИКА СЕМЕНОВА

5 марта 1906 г.

«Доношу, что 2 сего апреля, около 12 часов ночи, в городе Борисоглебске, при выходе из квартиры девиц Ефремовых, на Дворянской улице, тремя выстрелами из револьвера убит подъесаул Абрамов [26*], вместе с ним находился борисоглебский уездный исправник Протасов, убийца не обнаружен».

ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 678, л. 170.
Подлинник.

№ 13. СЕКРЕТНОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ НА ИМЯ ТАМБОВСКОГО ГУБЕРНАТОРА Б. М. ЯНУШЕВИЧА

9 марта 1906 г.

«По имеющимся в Департаменте полиции сведениям, содержащаяся в Тамбовской губернской тюрьме дочь личного дворянина Мария Александровна Спиридонова, обвиняемая в убийстве советника Тамбовского губернского правления Луженовского, поддерживает переписку с находящимися на свободе своими единомышленниками. Произведенным 19 минувшего февраля у сестры ее,

Юлии Спиридоновой [27*], обыском обнаружено письмо последней на имя «Г-на редактора» о том, что «подлинник с письма сестры ее Марии Александровны цел». Изложенное в связи с содержанием отобранных у той же Юлии Спиридоновой записок обвиняемой Спиридоновой и задержанием в квартире Юлии Спиридоновой нижних чинов 7-го запасного кавалерийского полка рядового Ярыгина и унтер-офицера Загуменного, дает основание полагать, что появившееся в № 27 газеты «Русь» известное письмо Марии Спиридоновой было написано ею в тюрьме и, при посредстве стоявших у ее камеры часовых Ярыгина и Загуменного, тайно передано ее сестре Юлии, а последней доставлено в редакцию, и что вся прочая переписка заключенной Спиридоновой, найденная у ее сестры, была передана тем же путем или же чрез посредство общеуголовных арестантов, которым она передавала оставшийся у нее хлеб с спрятанными в нем записками. Кроме того, в переписке Марии Спиридоновой имеются указания на намерение единомышленников организовать ее побег.

В видах предупреждения возможных попыток к побегу Марии Спиридоновой, а равно повторения в будущем подобных совершенно недопустимых явлений, Департамент полиции, по приказанию господина министра, просит Ваше Превосходительство принять строжайшие меры к надзору за тюрьмой».

ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 6390, л. 123—124.
Подлинник.

№ 14. ИЗ ПИСЬМА-ОБРАЩЕНИЯ М. А. СПИРИДОНОВОЙ, РАЗМНОЖЕННОГО 23 МАРТА 1906 Г. В ВИДЕ ЛИСТОВКИ ТАМБОВСКИМ КОМИТЕТОМ П. С.-Р.

Не позднее 10 марта 1906 г.

«Дорогие товарищи рабочие!

11-го суд и смерть. Хочется на прощание сказать вам несколько слов. Я видела некоторых из вас в оковах и так хорошо было и радостно перекинуться с вами взглядом. Так жаль мне вас за то, что придется присутствовать при

третьей казни товарищей [28]*. Я уверена, что вам будет в 1000 раз тяжелее, чем мне. Мне хорошо сейчас; стерегут меня очень усиленно, прячут мое лицо ото всех, следят за мной и день и ночь, но стали обращаться прилично. Да оно и понятно: осталось прожить несколько дней. Настроение у меня бодрое, спокойное и даже веселое, так что чувствую себя счастливой умереть за святое дело народного освобождения [...] Знайте, что пожертвовать своей жизнью не трудная и не ужасная вещь. Это большое и глубокое счастье.

Наши жизни, наши усилия, наши иногда нечеловеческие страдания — все это такое хорошее зерно, из которого вырастает великое, роскошное дерево свободы народной. Помните и день и ночь, что вам нужно полное и всестороннее освобождение, и политическое и экономическое. Боритесь с капиталом так же яростно и доблестно, как боретесь вы сейчас, дорогие друзья, с самодержавием, и вы победите! Прощайте же, дорогие товарищи, друзья, посылаю вам свой горячий привет и желаю жить в счастливой, освобожденной вашими руками, руками трудящегося класса — рабочих и крестьян, стране. Крепко жму ваши руки».

ГАТО, ф. 4. оп. 1, д. 6367, л. 157.
Подлинник, рукопись.

№ 15. ИЗ ПОКАЗАНИЙ М. А. СПИРИДОНОВОЙ, ДАННЫХ НА ЗАСЕДАНИИ ВРЕМЕННОГО ВОЕННОГО СУДА В ТАМБОВЕ

11 марта 1906 г.

«[...] Да, я убила Луженовского и хотела бы дать некоторые объяснения.

Я — член п. с.-р., и мой поступок объясняется теми идеями, которые исповедует партия и я, как член ее, и теми условиями русской жизни, при которых эти идеи должны реализоваться. [Так в тексте.— *Авт.*].

[...] Луженовский являлся в глазах тамбовского комитета партии социал-революционеров и моих, как члена его, воплощением зла, произвола, насилия, типичным выразителем всех страшных черт бюрократии [...] Он был народный угнетатель, и никакой меры обуздания, кроме смерти, найти на него было нельзя.

[...] И во имя человеческого достоинства, во имя уважения к личности, во имя правды и справедливости тамбовский комитет и я вынесли смертный приговор Луженовскому. Я, в полном согласии с ним и в полном сознании своего поступка, взялась за выполнение приговора, потому что сердце так рвалось от боли, так стыдно и тяжко было жить, слыша, что происходит в деревнях, получая вести о том ужасе и деморализации, царивших в душах крестьян после Луженовского. А когда мне пришлось встретиться с мужиками, сошедшими с ума от истязаний, когда я увидела безумную старуху-мать, у которой 15-летняя красавица-дочь бросилась в прорубь после казацких ласк, то никакие силы ада, никакая перспектива страшнейших мучений не могли бы остановить меня от выполнения задуманного».

Владимиров В. [29*] Мария Спиридонова, с. 98, 102—103.

№ 16. ИЗ РЕЧИ НА ЗАСЕДАНИИ СУДА ЗАЩИТНИКА М. СПИРИДОНОВОЙ ПРИСЯЖНОГО ПОВЕРЕННОГО Н. В. ТЕСЛЕНКО [30*]

11 марта 1906 г.

«[...] Господа судьи, от вас требуют смертного приговора. Загляните же в вашу совесть глубже, пытливее, проницательнее. Загляните! [...]

Вы выслушали потрясающую повесть подсудимой о нечеловеческих мучениях, которым ее подвергали. Вы не усомнились в правдивости ни одного ее слова. Да и нельзя сомневаться [...]

Это даже не пытка с целью исторгнуть рассказ о сообщниках. Это нечто более утонченное. Пытка — физическая боль. Здесь же, кроме того, было бесконечное унижение, надругательство над самыми нежными и деликатными чувствами человека и чистой, непорочной девушки [...]

Перед вами не только униженная, поруганная, больная Спиридонова. Перед вами больная и поруганная Россия [...] Казните Спиридонову, и вздрогнет вся страна от боли и ужаса. Когда-нибудь надо положить предел этому озлоблению. Надо сказать слово умиротворения. На вашу долю может выпасть счастье сказать это впервые.

Идите же в совещательную комнату и возвращайтесь оттуда с оливковой ветвью мира, а не с поднятым мечом».

Владимиров В. Мария Спиридонова, с. 110, 114—116.

№ 17. ИЗ ПОСЛЕДНЕГО СЛОВА М. А. СПИРИДОНОВОЙ НА СУДЕ

11 марта 1906 г.

«Господа судьи, оглянитесь кругом: где вы видите веселые лица довольных и счастливых людей? Их нет! [...] Я ухожу из этой жизни. Вы можете меня убить [...], можете изобрести самые ужасные наказания, но прибавить к тому, что я вынесла, ничего не можете.

Смерти я не боюсь. Убивайте меня,— вы не сможете убить мою веру в то, что настанет пора народного счастья, да и справедливость будут реализованы, когда идеи братства и свободы не будут пустым звуком, а воплотятся в действительность. О, за это, право, не жалко отдавать свою жизнь!..»

Владимиров В. Мария Спиридонова, с. 87—88.

№ 18. ИЗ ПРИГОВОРА ВЫЕЗДНОЙ СЕССИИ МОСКОВСКОГО ВОЕННО-ОКРУЖНОГО СУДА ПО ДЕЛУ М. А. СПИРИДОНОВОЙ

Оглашен 12 марта 1906 г, в 16 час.

«По указу Его Императорского Величества 1906 г. марта одиннадцатого дня, временный военный суд в г. Тамбове под председательством военного судьи ген[ерал]-май[ора] Иваненко в закрытом судебном заседании [...] слушал дело о дочери губернского секретаря Марии Александровне Спиридоновой, обвиняемой в преднамеренном, по соглашению с др[угими] лицами, убийстве должностного лица при исполнении обязанностей службы в местности, объявленной на положении чрезвычайной охраны [...]

Выслушав дело, суд признал подсудимую виновною в том, что, принадлежа к партии с.-р. и решив, согласно постановлению Тамбовского комитета этой партии, лишить жизни советника Тамбовского губернского правле-

ния Луженовского, действиями которого, как начальника охраны Борисоглебского уезда по подавлению происходивших там в конце 1905 г. аграрных и политических беспорядков, названная партия была недовольна, она во исполнение преднамеренного 16 января 1906 г. на железнодорожной станции Борисоглебск произвела в Луженовского, прибывшего на эту станцию с поездом № 6 по обязанностям службы, из револьвера, заряженного пулями, надрезанными, в видах более верного достижения намеченной цели, четыре выстрела — один на расстоянии нескольких шагов, а три — в упор и причинила теми выстрелами Луженовскому несколько тяжких ран в области груди и живота, от каковых ран Луженовский 10 февраля 1906 г. умер [...]

По сему и на основании 910 ст. кн. XXIV и 279 ст. кн. XXII С.в.п. [...], 2 ч. 1454 ст. ул. о нак. угол. и испр., ст. 18 правил о положении усиленной охраны, суд постановил: 1) Подсудимую Марию Александровну Спиридонову, по лишении ее всех прав состояния, подвергнуть смертной казни через повешение.

4) Приговор сей, по вступлении в законную силу, но до обращения к исполнению представить, на основании ст. 19 правил о положении усиленной охраны, на утверждение командующего войсками Московского военного округа».

ГАТО, ф. 2, оп. 143, д. 172, л. 2—2 об.
Копия.

№ 19. ПРОШЕНИЕ М. А. СПИРИДОНОВОЙ НА ИМЯ ТАМБОВСКОГО ГУБЕРНАТОРА Б. М. ЯНУШЕВИЧА

25 марта 1906 г.

«Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить мне свидание с женихом моим Владимиром Казимировичем Вольским, находящимся в заключении в Тамбовской губернской тюрьме, в возможно непродолжительном времени ввиду близкого утверждения и выполнения приговора надо мною».

ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 6390, л. 226.
Подлинник, рукопись.

№ 20. ИЗ СОПРОВОДИТЕЛЬНОГО ПИСЬМА К ТЕКСТУ ПРИГОВОРА ВЫЕЗДНОЙ СЕССИИ МОСКОВСКОГО ВОЕННО-ОКРУЖНОГО СУДА ПО ДЕЛУ М. А. СПИРИДОНОВОЙ О ЗАМЕНЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ БЕССРОЧНОЙ ССЫЛКОЙ НА КАТОРЖНЫЕ РАБОТЫ НА ИМЯ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА СУДА

26 марта 1906 г.

«Препровождается для исполнения, причем, согласно сообщению штаба Московского военного округа, ввиду ходатайства временного военного суда в г. Тамбове о замене Спиридоновой смертной казни ссылкою в каторжные работы без срока, признал таковое заслуживающим уважения и выразил согласие на вышеуказанную замену [...]»

ГАТО, ф. 2, оп. 143, д. 172, л. 3.
Копия.

№ 21. ИЗ ПИСЬМА М. А. СПИРИДОНОВОЙ, ОТПРАВЛЕННОГО ИЗ ТЮРЬМЫ ПОСЛЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ ЕЙ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА СУДА

Позднее 26 марта 1906 г.

«Моя смерть представлялась мне настолько общественно ценною, и я ее так ждала, что отмена приговора и замена его вечной каторгой подействовала на меня очень плохо: мне нехорошо [...]

Скажу более — мне тяжко!

Я так ненавижу самодержавие, что не хочу от него никаких милостей».

Владимиров В. Мария Спиридонова, с. 118.

№ 22. ИЗ ПИСЬМА В. К. ВОЛЬСКОГО М. А. СПИРИДОНОВОЙ

Позднее 26 марта 1906 г.

«Моя дорогая ворчунья. Ей-Богу, никогда не позабывал о тебе и всегда, когда имелась возможность, спешил напомнить о себе весточкой, но увы ни одного ответа никогда не получил. Мне казалось, что ни одна моя записка не попадала к тебе, и писать безответно, без уверенности, что именно ты читаешь их, мне не улыбалось. Наступает наконец момент решения нашей участи [...]

Моя непоседливая натура вряд ли сумеет приспособиться к однообразию ссыльных, а потому и участь моя будет решаться исключительно от моего хотенья, а что это за хотенье, конечно, ты можешь предположить [...]

Судя по выдержкам из твоих писем, я вижу, что твое настроение ухудшилось, а потому ухудшается и здоровье. Вполне понимаю твою досаду, но с другой стороны, скажу словами Гершуни [31*]: «Умирай смело, а живи бодро и радостно»,— ты еще нужна нам, Маруся,— нужна — а потому — жить, жить и жить [...]

Крестьянское движение как будто не удалось, и вообще политические горизонты теперь тихи, спокойны, исключая, конечно, с.-р., которые не умеют свыкаться с мирными настроениями — то там, то здесь бурлят и напоминают о себе террором [...]»

ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 356, л. 751—751 об.
Подлинник, рукопись.

№ 23. ИЗ ПИСЬМА В. К. ВОЛЬСКОГО М. А. СПИРИДОНОВОЙ

6 апреля 1906 г.

«С досадливым чувством сажусь писать: хочу говорить с тобой и только с тобой, родная моя, и вместо этого письмо мое попадет в чужие, враждебные руки. Поневоле пишешь подцензурно, сдерживаешь слова, стесняешься в выражениях, а это, не правда ли, очень неприятно, особенно, когда любишь [...]

Я уверен в том, что правители постараются «зависящее» сделать для жизнесохранения твоего, ибо неловко «миловать», чтобы быстро заморить. А не быстро, т[о] тогда ты окрепнешь и победишь [...]

В пропавшем [письме] писал, что доволен твоим ответом мне, и пояснил свое то, неудобопонятное: принцип всякого действия — расширение; удовлетворения быть не может; психика самочувствия, положенная в основу поведения, повела бы к рекомендации всем заняться акциями, т. к. лишь они ведут к полноте жертвы. Усмотрев это в твоих письмах, я восстал против такого принципа, а потому удовлетворился твоим письмом [...]

Я так хочу, Маруся моя, чтобы ты жила, одолев все преграды, и мне даже в груди больно, когда ты кашляешь. Жаль, что у меня зрение плохо, мне очень хочется видеть тебя ясно... близко и поцеловать. Маруся, ты мне очень нравишься, и я иногда жалею, что не поцеловал тебя, когда видел последний раз... а ведь это можно было? После всего: люблю тебя».

ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 356, л. 752—752 об.
Подлинник, рукопись.

№ 24. ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ТАМБОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПОЛКОВНИКА СЕМЕНОВА НА ИМЯ ТАМБОВСКОГО ГУБЕРНАТОРА Б. М. ЯНУШЕВИЧА

7 апреля 1906 г.

«С препровождением настоящей переписки на распоряжение Его Превосходительства, уведомляю, что упомянутый Марией Спиридоновой ее жених Владимир Вольский повенчан законным браком в Покровской г. Тамбова церкви с девицей Лукьяненко лет 6 тому назад, а Михаил Вольский женат на дочери Красникова».

ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 6390, л. 227 об.
Подлинник.

№ 25. ИЗ АКТА ОСОБОГО ПРИСУТСТВИЯ ТАМБОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ С ДАННЫМИ О СОСТОЯНИИ ЗДОРОВЬЯ М. А. СПИРИДОНОВОЙ

13 апреля 1906 г.

«**Имя, отчество, фамилия или прозвище.** Мария Александровна Спиридонова...

О способности следовать в ссылку. В настоящее время не может вследствие кровохарканья. Общее состояние здоровья требует безусловного покоя, больничного и климатического лечения, для чего необходима отправка в более мягкий климат.

Подробные данные о состоянии здоровья ссыльного. На щеках резко ограниченный румянец... температура слегка выше нормальной, пульс 104 удара в минуту [...] При кашле выделяется много алой крови, что повторяется, по заявлению тюремного врача и окружающих ее лиц тюремной администрации, довольно часто [...]»

ГАТО, ф. 2, оп. 143, д. 172, л. 8—8 об.
Подлинник.

№ 26. ИЗ ПРЕДПИСАНИЯ Б. М. ЯНУШЕВИЧА НА ИМЯ НАЧАЛЬНИКА ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ТЮРЬМЫ СТЕПАНОВА

17 апреля 1906 г.

«Содержащаяся в Тамбовской тюрьме Мария Спиридонова обратилась ко мне с просьбой разрешить ей свидание с ее женихом Владимиром Вольским, находящимся в заключении в Тамбовской тюрьме.

Объявите Спиридоновой, что [...] просьба ее оставляется мною без удовлетворения, так как Владимир Вольский... уже 6 лет женат [...]»

ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 6390, л. 228.
Копия.

№ 27. ИЗ ПИСЬМА В. К. ВОЛЬСКОГО Б. М. ЯНУШЕВИЧУ

27 апреля 1906 г.

«Ваше Превосходительство!

Я решил обратиться к Вам с частным письмом, ибо таким образом можно свободнее высказать то, что нужно, нежели в официальных бумагах, проходящих через массу чиновных рук и стесняющих самой формой «бумаги» по начальству. В этом письме, идущем помимо конторы тюрьмы, я хочу высказать то, что сказал бы на личном приеме без свидетелей.

Я и невеста моя — М. А. Спиридонова получили отказ в просьбе разрешить нам свидание. Я — просто отказ, она же с мотивом, что Вольский не может быть женихом, ибо он 6 лет женат. Таким образом, вместо простого немотивированного произвола, рассчитанного, как всегда, по отношению к нам — политическим, на создание наибольших оскорблений и угнетения, в отказе приведен именно тот формальный чисто мотив, о котором, как о негодном, я говорил в своем на Ваше имя прошении.

Что значит быть женихом и невестой? Это значит, быть в таких взаимных отношениях, в которых оба лица желают вступить в брак. Под последним подразумевается постоянное сожительство двух лиц, скрепляемое во многих странах религиозным обрядом. Вот именно в этом отношении к Марии Спиридоновой я и состою. Я ее люблю, как свою невесту, и если сверх ожиданий она не умрет после тех отвратительно-гнусных истязаний, преступно примененных к ней правительством, и даже выйдет на волю, то будет моей женой — о чем я заявлял и заявляю. Обратите внимание на следующее: если бы не было у меня и у нее сильных, глубоких мотивов, разве счел бы я возможным, не нелепым заявить администрации о своем близком знакомстве с девушкой, за политическое убийство осужденной на смерть [...] И после этого не верить, что только истинная связь могла побудить меня и ее просить свидания! Я женат, да! Вы спрашивали моего отца, действительно ли Спиридонова моя невеста. Не говоря о странности этих вопросов, ибо я человек взрослый и самостоятельный, вышедший из-под опеки родителей, я думаю, следовало бы спросить

его, женат ли я и где моя жена? Четвертый год я с нею не живу и не знаю, где она, ибо четыре года, как она ушла к другому человеку, с коим, может быть, живет и до сих пор. Вот и это Вы могли узнать у моего отца, и притом точно. Неужели серьезно, а не только для оскорбительной формальной оговорки, можно говорить, что я, как не разведенный формально, не могу быть женихом. Повторяю, это оскорбление мне, да и моей невесте, которая, конечно, знает о моей формальной несвободе. Вам не менее моего известно, что люди женатые и жившие с семьей заводят семьи на стороне и чиновничья мораль с этим мирится. Вам известно, что дают свидания, не справляясь по бумагам. И Вы сочли нужным отказать под таким предлогом [...]

Владимир Вольский. № 13 камеры.
Тамбовская губернская тюрьма».

ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 6368, л. 486—487 об.
Подлинник, рукопись.

№ 28. ИЗ ЗАМЕТКИ, ПОМЕЩЕННОЙ В ГАЗЕТЕ «СЛОВО», С СООБЩЕНИЕМ ОБ УБИЙСТВЕ ПОМОЩНИКА ПРИСТАВА ЖДАНОВА

10 мая 1906 г.

«Сообщаю подробности убийства бывшего помощника пристава Жданова. В злополучный вечер часов около десяти вечера Жданов возвращался к себе домой из гостей. В последнее время, оставшись не у дел, он искал какую-нибудь должность, и ему обещали место смотрителя на одном сахарном заводе в Юго-Западном крае. За три дня до смерти Жданов получил анонимное письмо, в котором сообщалось: «Уезжайте скорее из Тамбова — иначе вас постигнет участь Абрамова».

Однако Жданов не внял предупреждению и, как уверяют хорошо знавшие его, решил, что «судьбы не избежать»... По словам тех же лиц, покойный в последнее время мучился угрызением совести и после смерти Абрамова подавал несколько прошений о привлечении его к суду. «Если мы совершили преступление,— говорил Жданов,— то оба должны за него

расплатиться». Фатальный рок совершил желание Жданова... Ему вынесли суровый приговор, и неизвестный субъект, по наружному виду интеллигентный рабочий, покончил с ним из-за угла».

«Проезжий».

Газета «Слово», 1906, 10 мая.

№ 29. ИЗ ПИСЬМА М. А. СПИРИДОНОВОЙ, НАПИСАННОГО НЕЗАДОЛГО ДО ЕЕ ОТБЫТИЯ НА КАТОРГУ

Не позднее 18 мая 1906 г.

«Итак, мнение моих товарищей: я должна теперь забыть и Жданова и Абрамова и в будущем быть терпеливее при неизбежных в положении каторжанки оскорблениях.

Вы хотели бы дать мне больше сил и бодрости, чтобы я могла снести все испытания.

Не надо больше!

Я могу снести очень многое; я могу выдержать новые пытки, я не боюсь никаких мучений и лишений. Я скажу только: «Пусть!.. Мы все-таки победили!» И эта мысль будет делать меня неуязвимой.

[...] Будущее не страшит меня: оно для меня не важно,— важнее торжество идеи.

Маруся».

Владимиров В. Мария Спиридонова, с. 120.

2. СУД БОЛЬШЕВИСТСКИЙ

№ 30. ПИСЬМО М. А. СПИРИДОНОВОЙ ИЗ КРЕМЛЕВСКОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ [32*] 4-МУ ВСЕРОССИЙСКОМУ СЪЕЗДУ ПАРТИИ Л. С.-Р. (ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ) [33*]

4 октября 1918 г.

«Задачи партии, дорогие товарищи, все усложняются и становятся почти грандиозными.

1) Заново собрать партию, разгромленную больше-

вистским террором и всеми из него последствиями — ренегатством, провокацией, отречениями и пр. пр. Что внесло много излишнего страдания и смятения в нашу среду, в значительной степени утерявшую связь с массами, которую надо немедленно завоевать.

2) Выработать мудрую тактику, которая с наибольшим успехом и с наименьшей потерей времени дала бы русской революции возможность разорвать Брестский мир, чем откроются дальнейшие пути развития русской и мировой революции.

3) Силами собранной, дисциплинированной партии, опирающейся на массы, завоевать заново рабочим и крестьянам власть Советов, которой сейчас нет в советской России, не левоэсеровскую власть, а власть Советов, строющуюся на выборности, доверии и поддержке трудового народа, при которых только и возможно социалистическое творчество трудовых масс, развитие в жизни лозунгов Октября.

4) Силами партии, организацией масс, агитацией и пропагандой содействовать образованию из крестьянской «пыли» — класса с самосознанием, волей и классовой вооруженностью. Образование класса — процесс органический, помощь в этом процессе крестьянам может оказать только наша партия с нашим философско-социалистическим багажом и программой и с традиционной душевной связанностью с судьбами земледельческого класса и преданностью ему.

Организация крестьянства под нашими лозунгами, во главе с нашей партией — неотложная задача, так как крестьянство опять на положении эксплуатируемого угнетенного раба, только в другом виде, и так как крестьянство уходит поэтому вправо и революция наша становится под угрозу контрреволюции из деревни, что страшнее всяких фронтов извне [...]

Догматический марксизм социал-демократии, как и в советской России, будет изуверствовать по всему миру, и борьба за крестьянство — современный оплот у большевиков и всей прочей социал-демократии, крестьянство, правомочное и равноценное историческое лицо в общем новом восстании и социалистическом творчестве — является нашей задачей в мировом масштабе.

6) Суметь даже в состоянии разгрома повседневно служить происходящей революции и бороться с контрреволюцией, надвигающейся не только из Бреста.

Каждая из задач требует для своего выполнения партии, на это способной. Наша партия вся еще в будущем. Ее дробление, расколы, отколы, почкования, это неизбежное следствие ее жизненности, роста новой ткани мышц и духа [...]

Что касается акта партии над Мирбахом, ни отказываться от него, ни судить ЦК за него партия не должна и не может. Акт над Мирбахом — детище всей партии, постановление ее 3-го съезда «о расторжении Брестского договора» [34*], ее настроения, международной политики, ее интернационалистической и революционной сущности. Отрешиться от ЦК — это от себя отрекаться, т. е. значит пересмотреть некоторые тактические положения, чем и займется данный съезд, если найдет нужным [...]

В перспективе судьба партии, если отложить уже рассмотренное существенное значение акта, дающее партии плюс в будущем и настоящем, акт над Мирбахом страшно ударил по ней. В этом надо сознаться, факт налицо. Причин этому много. Вина ЦК, в частности и моя (я б себя четвертовать дала сейчас за свою вину), в непредусмотрительности, отсутствии дальновидности, которая должна была предугадать возможные последствия акта и заранее нейтрализовать их.

Обстановка после акта дала возможность громить нас, как мятежников, и свалить нас ложью, клеветой, всеми бесчестными способами в одну кучу противосоветских мятежников. Практическая и психологическая неподготовленность партии была громадная. Под удар попала партия, не защищенная ничем. Конечно, громадным оправданием является совсем иная оценка нашего большевистского правительства. ЦК совершенно не представлял себе, что большевистское правительство не только отождествит нападение на Мирбаха с нападением на себя, но даже защищать германо-империалистическую агентуру будет методами Вильгельма [35*], методами буржуазного государства. Ведь Дзержинский, прискакав за Блюмкиным [36*], заявил: «За голову Мирбаха ответит своей головой весь ЦК». Дальнейшее имело только свою стихийную логику — ответа и самозащиты. Самой большой ошибкой в акте с Мирбахом я считаю то, что с ним поторопились. Надо было партии совсем стать на ноги,

окружить ее массовой поддержкой и защитой, несравненно более крупной силой и тогда бить по всей линии Брестского договора, Брестской системе (когда уже против него и ее были бы и массы [...]

Мне кажется, что сейчас еще не кульминационный пункт, но он может прийти во всякое время, и все силы надо сейчас убить на завоевание масс, все силы. Советская работа будет для нас доступна на самых низах. Туда надо идти и на почве выталкивания нас чиновничеством развивать агитацию в массах, революционизирующую их и еще теснее связывающую с принципом, с величайшей идеей советской власти, над которой так грубо надругались большевики, заменяя эту идею принципом чиновничества, назначенчества. Это самое худшее их дело, так как население приобретает психологические навыки ко всякому захвату их прав и насилию, ко всякой диктатуре. Подготовка их психологии идет в сторону убийства Октября в принципе.

Не считая возможным занимать ваше внимание, товарищи, рядом вопросов, которые необходимо затронуть на съезде, но о которых надо говорить, а не писать, позволю себе только ответить на запросы многих товарищей, как это я, стоявшая за ратификацию мирного договора, была активна в деле с Мирбахом. На 2-м съезде партии [37*] я сказала: если действительность даст данные удушения революции Брестским договором, я буду против него энергичнее бороться, чем многие из вас. События более чем убедили меня. Реставрация в преданных нами Украине, Финляндии, Белоруссии, чехословацкий фронт, англо-французы, отрезанные экономические возможности нашего социалистического существования, продовольственная политика — последствия тоже Бреста. Ужасающие в смысле тайной дипломатии уступки, позорные мелочные и крупные капитуляции большевиков перед германским империализмом, известные мне по контрразведке над Мирбахом и пр. пр., и открывшиеся возможности срывом помочь в огромном размере мировой революции — все это помогло мне совершенно излечиться от стихийной тяги к миру, купленному какой угодно ценой, которой я заразилась от армии и крестьянства, где жила всегда с головой. И чувствуя себя безмерно виноватой в том, что стояла за Брест, я поэтому взяла на себя главное исполне-

ние начала разрыва — организацию акта и несение ответственности за него [...]

Большевики идут к упадку по разным причинам, может быть, больше всего из-за чрезмерного партийного честолюбия, побудившего их, за отшибанием всех революционных сил, пользоваться отжившими системами. Они извращают сейчас и идею советской власти и угашают, убивают живой дух революции, чем только и может двигаться, дышать всякое восстание трудящихся. Поэтому массы их отбросят.

Я верю, что нашей партии удастся создать настоящее рабоче-крестьянское правительство. Не важно, чтобы оно было левоэсеровское, не за это, не за партийную власть должны мы бороться. Партийная власть имеет в себе какой-то органический порок и ведет в конце концов к господству, к обману масс, к насилию. Назначение партии должно быть — напитать лозунгами страну, разомкнуть живые ключи народного творчества, дать ему ход, ему самому и силу, и власть, и помощь строиться, создавать новую правду, новый мир.

В идеологии нашей программы и в том, как она создавалась, в истории, полной сплошного мученичества во имя идеи, страстной преданности трудовому народу и связанности с ним (ведь лес виселиц и столбов с расстрелянными, тысячи каторжных могил стоят за спиной каждой буквы левоэсеровского учения об освобождении личности, трудового класса, всего человечества) — во всем этом есть признаки, позволяющие надеяться, что наша партия с честью понесет и донесет свое знамя до полной победы интернационала, рабочих и крестьян всего мира и не обманет их. И то, что перед нами лежит страдная пора подполья и гонений, не должно смущать нас, и наоборот должно дать крылья и размах, большую силу и горячую веру.

От всей души со всей любовью приветствую дорогих товарищей.

Ваша М. Спиридонова».

РЦХИДНИ, ф. 71, оп. 34, д. 224, л. 21—28.
Копия.

№ 31. ЗАПИСКА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЧК Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА ВЧК ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ Н. А. СКРЫПНИКУ

16 декабря 1918 г.

«Со слов Уралова [38] *, Меерович [39] * передал ему, что его знакомый, бывший левый эсер, социалист-революционер, был в Замоскворечье на каком-то рабочем митинге, на котором выступала Спиридонова. На этом митинге она обратилась к нему, не зная, что он вступил в РКП, с вопросом: «Почему вы не убили Ленина?»

Следует расследовать этот факт и установить за этой истеричкой наблюдение.

Ф. Дзержинский».

РЦХИДНИ, ф. 71, оп. 34, д. 224, л. 20.
Копия.

№ 32. ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ОСВЕДОМИТЕЛЕЙ ВЧК ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ, ДЕМИЧЕВА, Г. СОЛОВЬЕВА, МУСЕЙТА НАЧАЛЬНИКУ СЛЕДСТВЕННОГО И СЕКРЕТНО-ОПЕРАТИВНОГО ОТДЕЛОВ С. Г. УРАЛОВУ

23 декабря 1918 г.

«Похороны л. с.-р. П. П. Прошьяна [40] * были обставлены следующим образом: к 12 час. дня 22 с[его] м[есяца] в клинику Шимана, что по Яузскому бульвару д. № 9, прибыли делегация от рабочих л.с.-р. разных районов г. Москвы со знаменами и плакатами, на которых были написаны девизы: «В борьбе обретешь ты право свое» и т. п. Особенно обращал на себя внимание черный плакат с надписью: «Осужденный большевизмом на три года принудительных работ Прошьян уже освобожден». К выносу тела приехали трое каких-то неизвестных на автомобиле за № 2019. На выносе произнес несколько слов Штейнберг [41] *, который сказал, что малочисленность собравшихся не позволяет ему сказать многого [...]

На кладбище Ваганьковское, что за Пресненской заставой, приехала М. Спиридонова, которая произнесла

речь, в которой высказала надежду, что наш строй падет и наши безумные правители, выдвинутые несознательными массами, правители, опьяненные своей властью, будут низложены [...]

Во время похорон по дороге раздавались листовки антибольшевистского содержания. После похорон Спиридоновой был подан автомобиль, номер которого нельзя было видать за плохой погодой [...]

Преображенская
Демичев
Соловьев
Мусейт».

РЦХИДНИ, ф. 71, оп. 34, д. 224, л. 18—19.
Подлинник.

№ 33. ИЗ ДОНЕСЕНИЯ В. КОСАРЕВА [42] * О ВЫСТУПЛЕНИИ М. А. СПИРИДОНОВОЙ НА МИТИНГЕ В КЛУБЕ ПРИ ЗАВОДЕ ГУЖОНА [43] *

Январь 1919 г.

«[...] Написать конспект бессистемных выкриков Спиридоновой невозможно. Я записывал отдельные выражения и фразы наиболее характерные. Демагогия уже до открытия собрания. Было видно, что митинг организован на посрамление большевиков [...]

Спиридонова начала говорить в 7 час. 45 мин., окончила около 11 час. 15 мин.

Начала она с описания мрачными красками международного положения, что со всех сторон нам грозит гибель со стороны белогвардейцев. Причем опасность явно преувеличивала..

Затем говорила о страданиях питерских рабочих, что по 60 человек в день подбирают на улице умерших от голода. Было сказано, что «палачом питерских рабочих является Зиновьев» [44] *. Нужно создать силу для сопротивления против всех идущих на нас врагов, а большевики препятствуют организации этих сил. Я считаю политику большевиков самой контрреволюционной. Они звали вас к лучшей жизни, обещали вам хлеб и разные блага. Они не выполнили назначения. Они убивают внутренние силы революции. Они должны устраниться и дать дорогу

вам. Большевики приняли программу с.-р. Эта программа была выношена десятками поколений, крестьяне дрались за нее с оружием в руках. Но программа эта саботировалась большевиками, а теперь Ленин скалит зубы над крестьянским страданием [...] Вместо социализации проводится национализация. Мы, эсеры, хотели обрубить руки всякому, кто тянется к земле, мы всегда считаемся с психологией крестьян. Большевики — изменники по отношению к крестьянам [...] Теперь крестьян предают суду за запашку земли советских имений. Большевики поступают так же, как делал Керенский [45] *. В этих имениях рабочий будет наемником у государства. «Коммуна — вещь святая», но в большевистской коммуне земли дается в семь раз больше, чем у соседних крестьян, эти коммуны нанимают рабочих. Там идет расхищение остатков помещичьего имущества. Эти коммунисты, как и все большевики, чувствуют, что попали к власти на минуту. Они пользуются случаем, чтобы грабить.

Мы, л. с.-р., заявили в ЦИК и на съезде, что будем резко бороться против комитетов бедноты. Этих сыскных отделений. В них вошли хулиганы, отбросы деревни. Ком[итеты] бедноты создают огромную контрреволюцию, ибо они могли реквизировать каждый фунт спрятанной муки. Большевики хотели расколоть, расслоить крестьян, но они создали единый фронт, ибо крестьяне были связаны родством, соседством и проч. Комитеты бедноты устраивали всякие безобразия, отнимали пищу, одежду, заставляли приводить к себе красивых девушек. Крестьяне восстали, пытали комиссаров, ломали их кости и рвали тело.

Затем идет вопль о событиях в Варнавинском уезде [46] *. Чрезвычайная комиссия всех запугала. Так, женщины боялись ставить на стол горшок со щами, ибо комитеты бедноты могли увидеть, что сварено. Они отнимали у крестьянок поневы, сотканные их 20-летним трудом. Крестьяне восстали, но как их пороли. Сколько там было расстрелов. Большевики должны были поучиться у приставов. Умные пристава приезжали в деревню, собирали сход, узнавали в чем дело. Они сажали урядников в холодную.

Крестьяне стали теперь говорить, что умрут за батюшку царя.

Большевики — первые контрреволюционеры. Палачи, палачи, шарлатаны.

Они сами признаются о Варнавинском уезде. Но эта контрреволюция, эти восстания во всех уездах, по всем губерниям. Кулак уничтоженный, измученный говорит: «думал, что наступит правда». Большевики натравили рабочих на крестьян, послали продовольственные отряды.

Так не усмиряли сатрапы, как пороли и расстреливали коммунисты. Усмиряют, порют, разоряют, а потом налагают огромную контрибуцию. Иногда говорят: крестьяне, нужно идти к Ленину; что ты, что ты, останавливают их другие, не ходите, а то опять придут.

Было время, царское правительство также усмиряло, но тогда не разоряли, нельзя разорять до ниточки, хотя бы они и были контрреволюционеры. Крестьяне ненавидят не только большевиков и сов. власть. Они настроены против рабочих, против города, у них наступила апатия.

Я по ночам ходила по избам и за уши притягивала крестьян к социализму [...]

В партии большевиков есть хорошие люди, но к ним так много пришло хулиганов, городовых, приставов и проч. Есть Советы, силой назначаемые. Комиссары приезжают на места, садятся за стол и ноги на стол. Для виду иногда расстреливают одного, а 20 мерзавцев остается [...]

Только большевикам все привилегии. Им и карточки на галоши. Они чиновников записывают в сочувствующие. Левых с.-р. они силой тянули в свою партию. У меня есть документ, как Сталин [47] * угрозой принуждал и приказывал некоторым л. с.-р. подписывать отречения от своей партии. Некоторые изменили нам. Но остались самые верные. В Рогожском районе не было переходов л. с.-р. к коммунистам [...]

В. Косарев».

РЦХИДНИ, ф. 71, оп. 334, д. 224, л. 3—7.
Подлинник.

№ 34. ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ЧЛЕНА МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА РКП(б) Ю. С. МЫШКИНА [48] * О ВЫСТУПЛЕНИИ МАРИИ СПИРИДОНОВОЙ В БЛАГУШИНСКОМ РАБОЧЕМ КЛУБЕ [49] *

27 января 1919 г.

«Это выступление было в среду 22 января вторично в нашем районе. Ввиду того, что это был день годовщины 9 января, она и начала свою речь с параллели — прежде и теперь — и установила не только тождество, но и указала на то, что советский режим является гораздо худшим прототипом царского (истязания, насилие, расстрелы). Партия коммунистов была хорошей в Октябре, теперь она представляет банду комиссаров, которая сидит на шее русского народа, жрет, грабит, избивает его. Вот какова политика коммунистов: Красная Армия отдана в руки генералов, офицеров и всех контрреволюционеров, которые расстреливают, предают и расстреливают красноармейцев; поэтому Красная Армия дезертирует, у нее нет никакого духа, и Красной Армии не за что «сражаться», хотя «шкурник и обозник» Троцкий [50] * казнит красноармейцев [...]

В заключительном слове Спиридонова определенно сказала, что [раньше] призывала свергнуть и прогнать Керенского, теперь она также призывает свергнуть всех — Ленина, Троцкого или еще «кого, кто бы ни был». Руки прочь от крестьян, от рабочих и солдат, вы не рабоче-крестьянское правительство, ибо вас никто не желает и никто вас не выбирал.

Эту речь я слышал сам лично. Вся буржуазия во главе, а за ней незначительная часть рабочих сплачивается вокруг Спиридоновой, не говоря о том, что она растлевает духовно красноармейцев.

Ю. С. Мышкин».

РЦХИДНИ, ф. 71, оп. 34, д. 224, л. 8—9.
Подлинник.

№ 35. ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ВЧК ПО ДЕЛУ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ СПИРИДОНОВОЙ

Декабрь 1918 — февраль 1919 г.

«По заявлению четырех членов Коммунистической партии Косарева, Мышкина, Рабичева [51] * и Бальбатова [52] * возникло дело по обвинению Марии Спиридоновой в клевете на советскую власть и Российскую Коммунистическую партию.

Выступая на митингах в рабочих клубах и заводах, Спиридонова, стараясь исключительно действовать на низкие инстинкты масс, клеветническим образом говорила о том, что советский режим является худшим прототипом царского (истязания, пытки и расстрелы), что партия коммунистов представляет собою банду комиссаров, сидящих на шее русского народа, грабят, убивают и т. п. Красная Армия, говорила Спиридонова, отдана в руки контрреволюционных генералов, которые предают и расстреливают красноармейцев, вынужденных поэтому дезертировать. Возводя клевету на Красную Армию, Спиридонова называла Троцкого обозником и шкурником, казнящим красноармейцев. Говоря о социализации земли и рабочем вопросе, Спиридонова называла всех наймитами, находящимися в подчинении чиновников, насажденных советской властью. Указывая на коммунистов и комиссаров, она говорила, что они пользуются всеми привилегиями, получая всякие карточки (галошные и другие), а население голодает. Комиссара продовольствия она называла проворовавшимся, о чем будет напечатано в левоэсеровском нелегальном органе. Называя большевиков изменниками по отношению к крестьянам, Спиридонова обвиняла их в грабеже, каковой, по ее словам, они творят потому, что считают свою власть временной. В самой грязной клевете Спиридонова называла комбеды сыскными органами, творящими безобразия, а большевиков — контрреволюционерами, палачами и шарлатанами. Грязня Коммунистическую партию, Спиридонова говорила, что среди ее членов большинство хулиганов, городовые, пристава. Также Спиридонова говорила, будто угрозами заставляют вступать эсеров в Коммунистическую партию, а в сочувствующих записывают чиновников. Развивая самую бездарнейшую демагогию, Спиридонова говорила, что левых эсеров аре-

стовывают повсюду и ввиду предстоящих выборов, чтобы они не попали в Советы, и также то, что Зиновьев обещал путиловским рабочим по 1,5 пуда муки за голосование за большевиков. Кроме того, Спиридонова, с целью действовать на низкие инстинкты масс, выдумывала всякие небылицы о советской власти и Коммунистической партии. Ввиду вышеизложенного я, следователь Губерман, постановил:

1). Дело следствием заключить.

2). Передать таковое в президиум Московского революционного трибунала на предмет предания суду Спиридоновой по обвинению ее в клевете на советскую власть и Российскую Коммунистическую партию.

Вызову на судебное заседание подлежат:

Обвиняемая: Мария Александровна Спиридонова (Кремль),

Свидетели: 1. Косарев — Рогожский районный комитет Коммунистической партии [...],

2. Рабичев — Железнодорожный комитет Коммунистической партии [...],

3. Бальбатов [...],

4. Мышкин [...]

Следователь — Губерман.

Председатель Следственной комиссии — А. Глузман».

РЦХИДНИ, ф. 71, оп. 34, д. 224, л. 10—11.
Подлинник.

№ 36. ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ МОСКОВСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА ПО ДЕЛУ М. А. СПИРИДОНОВОЙ [53] *

24 февраля 1919 г.

[Председатель — А. Дьяконов]
[Обвинитель — П. Г. Смидович]
[Свидетель] — Бухарин Николай Иванович

Председатель [54] *. Какое положение занимаете?

Бухарин. Член ЦИК, редактор «Правды».

Председатель. Что вам известно о выступлении Спиридоновой на митингах, в отношении клеветы на советс-

кую власть, в отношении призыва к восстанию, известно ли также вам об опорочении Красной Армии?

Бухарин. Разрешите суммарно ответить, или на каждый вопрос в отдельности?

Председатель. Ответьте, имея в виду все эти вопросы.

Бухарин. Относительно деятельности Спиридоновой я имею два существенных факта. Во-первых, я присутствовал на одном из митингов на заводе Гужона, который был созван левыми эсерами, во-вторых, видел прокламацию, адресованную Красной Армии [55] *, которая, по моему глубокому убеждению, принадлежала Спиридоновой, потому что там был целый ряд выражений, оборотов, которые совершенно совпадали с ее выражениями.

Председатель. Прокламацию мы оставим в стороне пока.

Бухарин. Все ее выступления, речи были прямо погромного характера, против советской власти. Если говорить об отдельных характеристиках, то были такие характеристики, как, например, Троцкого, Зиновьева она называла палачами. Что касается всей советской власти и правящей партии большевиков, что в ее речах совпадало, т. е. соответствовало действительности, то в этом отношении с ее стороны были такие заявления, что мир никогда не видел ничего контрреволюционнее партии большевиков, и советская власть характеризовалась как самое контрреволюционное явление, которое существует во всем мире. Это ее буквальные слова. Партия большевиков характеризовалась также как палаческая партия. Что касается критики советской власти, то критика ставилась в связи с чрезвычайными комиссиями, с Красной Армией и в связи с целым рядом других вопросов, касающихся структуры советской власти. Дело сводилось к тому, что советская власть возродила царский режим, подобно тому, как монарх опирался на постоянную армию, точно так же в настоящее время советская власть опирается на такую же по сути дела царскую армию, как и царский режим. Как царская власть опиралась на ведомственное духовное затмение народа, так и советская власть опирается по сути дела на такие же ведомства. Очевидно, здесь подразумевалась советская пропаганда. Как царская власть опиралась на охранное отделение, так и советская власть опирается на чрезвычайные комиссии. Точно так же как царская власть была властью, направ-

ленной против народа, точно так же советская власть является властью, выступающей против народа.

Вот все, что в общем и целом было ею сказано. Если какие-нибудь добавочные вопросы зададите, я отвечу. Я не знаю, могу ли я касаться другой стороны дела. Указывая на объективное изложение того, что я слышал, я не знаю, возможно ли касаться другой стороны, т. е. субъективной стороны дела, именно вопроса, который стоит в связи с вопросом о той или иной степени вменяемости.

Председатель. Это любопытно. Можете касаться этого.

Бухарин. Конкретные убеждения и положения, которые высказывала гр. Спиридонова, переходили в логическую явную несообразность. Например, когда она говорила относительно чрезвычайных комиссий, она совершенно упускала из виду, что в своем первом восстании против советской власти [56] * не кто иной, как левые эсеры, опирались на чрезвычайные комиссии.

Вооруженное восстание было организовано отрядом представителей чрезвычайной комиссии. Затем, когда гр. Спиридонова говорила относительно предательства по отношению к союзникам и Брестского мира, то она забывала о том, что никто не был таким пламенным сторонником заключения мира во что бы то ни стало. Мне отлично известно, что в то время как часть наших большевиков была против ратификации мира, Спиридонова выступала и говорила: зачем затягивать дело, когда нужно в возможно скором времени подписать мирный договор. Так что здесь логическая несообразность гр. Спиридоновой, которая била в глаза. Есть также целый ряд других мелких вопросов, которые показывают, что мыслительный аппарат ее работает чрезвычайно плохо. Я обращаю внимание суда на эмоциональный тон, в который были окрашены все ее речи, который показывает, что основанием этого была чрезвычайная неуравновешенность психической структуры подсудимой. Все ее речи походили на истерические выкрики, она топала ногой, истерически кричала, предлагала записывать фамилии умученных большевиками. Атмосфера была чрезвычайно тяжелая, напоминающая сцены из Достоевского. Я позволю себе упомянуть один случай, свидетелем которого я был. Сравнительно много времени тому назад, после разгона Учредительного собрания, мы ехали на автомобиле с гр.

Спиридоновой по улицам Петрограда. Были страшные заносы, рабочие и работницы чистили снег по трамвайным линиям, чистили с самоотвержением, потому что это даже не было их обязанностью. Когда мы проезжали, они замахнулись на нас лопатой, я не успел сказать шоферу, чтобы он не мешал им, как гр. Спиридонова достала браунинг и стала махать им, угрожая. Мне с большим трудом приходилось ее сдерживать, говорить ей: «Что вы делаете, разве можно?» Она мне же кричала с судорожным видом: «Представьте, я не могу допустить, чтобы кто-то замахивался на меня чем бы то ни было, будь это даже рабочий, работница, кто бы то ни был». Я ей говорил на это: «мы сами виноваты», но состояние душевное Спиридоновой было таково, что никакие доводы не могли воздействовать. Мне с трудом удалось предупредить самосуд, потому что толпа нас вытащила из автомобиля. У меня был также браунинг, как у Спиридоновой. Был один момент, чтобы и мне и Спиридоновой толпа раскроила череп, может быть, поделом, потому что нельзя вытаскивать револьвер и быть таким неуравновешенным. Я думаю, что это будет не лишнее для суда показать, так как эти случаи характеризуют Спиридонову как не вполне вменяемого человека.

Смидович. Скажите, товарищ, как[ое] на вас производили впечатление речи Спиридоновой, могли ее речи представить определенную опасность не в данный момент, а вообще.

Бухарин. Я нарочно разграничивал две стороны дела, субъективную и объективную, поскольку я полагаю, что с субъективной стороны гр. Спиридонова не может характеризоваться как вполне вменяемый человек. С объективной стороны ее речи являются погромными, контрреволюционными. Какая могла быть опасность для советской власти? Я лично ставлю вопрос так, что та аудитория, которая присутствует на выступлениях, она составляется не исключительно из рабочих, у нас есть масса недовольного элемента и даже из рабочих, есть также масса мещанства, разорившейся интеллигенции, торговцев, это все те, которые имеют основание так или иначе быть недовольными советской властью. Такой элемент примыкает ко всякой оппозиции против советской власти и к каким угодно контрреволюционным выпадам. Такой элемент, как губка, впитывает речи Спиридоновой. Я считаю, что ее выступления против Красной Армии

можно считать опасными, потому что в то время было международное положение, что такие ее речи могли быть опасными. В настоящее время положение очень улучшилось, но все-таки нельзя сказать, что мы гарантированы от какой бы то ни было опасности. С другой стороны, надо принять во внимание, что наша армия на всех фронтах борется в небывало трудных условиях, ведет героическую борьбу, и если натянуть струну, то она может лопнуть, этот подрыв в деятельности армии равносилен будет полному краху. И наша армия поддерживается силами самих рабочих, и если бы какой-нибудь группе, какой-нибудь организации удалось подорвать Красную Армию, то это было бы равносильно полному краху [...]

Смидович. Товарищ Бухарин, вы говорите, что вы не сомневаетесь в честности Спиридоновой, а вместе с тем здесь, на заседании трибунала, происходит такой факт. Она упрекает трибунал в том числе, что он ей не предъявил обвинительного акта, что трибунал думает обвинять, не предъявивши обвинительного акта, а вместе с тем оказывается, что представитель трибунала мучился в продолжение полутора часов, чтобы вручить ей обвинительный акт. Я не сомневаюсь в том, что в прокламациях, которые выйдут потом, будет говориться о том, что трибунал обвинил, не предъявив обвинительного акта. Был целый ряд случаев, когда опровергнутые факты вновь Спиридоновой повторяются.

Бухарин. Я думаю, что такие явления объясняются двумя вещами. Во-первых, прыгающей ее психикой, сегодня она говорит одно, завтра другое. Кроме того, есть здесь другая сторона дела, которая имеет более существенное значение. По мнению Спиридоновой, большевики и советская власть являются самым крупным злом, которое есть в мире. Она убеждена, что нет более контрреволюционной партии, чем партия большевиков. В борьбе с большевиками она позволяет себе пускать в ход все средства такие, как в прежнее время пускали революционеры против царского правительства. В прежнее время считали, что можно обманывать охранку, точно так же она считает возможным вести по отношению к нам такую политику, считая возможным употреблять какие угодно приемы борьбы, потому что они ведут к единой спасающей цели — агитации против большевиков. В своих речах она пользуется случаем назвать коммунистичес-

кие ячейки в Красной Армии шпионами правительственных организаций, и на все коммунистические ячейки, которые находятся в советских учреждениях, она кладет штемпель шпионов.

Председатель. Больше нет вопросов. Объявляется перерыв на обед.

(Перерыв с 2 час. 30 мин. до 3 час. 30 мин.)

Председатель. Трибунал постановил от дальнейших свидетелей отказаться. Товарищ Смидович, вам не угодно дополнить следственный материал оглашением каких-нибудь документов?

Смидович. Я бы воспользовался документами, которые имеются в деле, но я только вчера получил дело и не успел сделать выписки.

Председатель. В обвинительном вашем заключении я вам дал дело, чтобы пользоваться им, но можно пользоваться материалом, который прошел на судебном следствии [...]

Смидович. Я просил бы огласить документ № 4, это воззвание к красноармейцам.

Председатель. (Оглашает документы, воззвания и копии писем Спиридоновой.)

Председатель. Больше ничем не угодно дополнить судебное следствие? Я объявляю судебное следствие законченным. Ваше слово.

Смидович. Товарищи заседатели, мы здесь должны совершенно спокойно, беспристрастно посмотреть на этот человеческий материал и ту политическую работу, которая лежит перед нами. Чувство возмездия, чувство, которое было свойственно раньше судам, и чувство справедливости, то что являлось на почве этого принципа совершенно отвлеченной справедливости, совершенно не свойственно нашему суду. Наш суд только по названию схож с прежними судами. По существу же каждое наше учреждение принципиально отличается от учреждений старого строя. Нам неинтересно копаться в разных пунктах положения, законоположения, рассматривать, что за это следует. В старых судах строго юридически рассматривают, под какую статью подходит данное преступление, какое наказание следует за то или иное преступление. В старых судах ставилось целью возмездие, говорили об исправлении и т. д. Перед нами только одна руководящая нить, интересы революции, интересы рабоче-крестьянской социалистической республики.

С этой точки зрения в высшей степени нелегко разобраться в том вопросе, который лежит перед нами, т. е. отношение к партии левых эсеров, отношение к вождю их — Спиридоновой. Нам тем труднее это сделать, потому что перед нами нет ни защитников, ни свидетелей другой стороны. Приходится в высшей степени осторожно подходить к этому материалу, чтобы разобраться в нем и в существующем политическом положении, чтобы ясно, отчетливо выяснить, что именно нам нужно сделать в интересах углубления и дальнейшего развития революции, что нам нужно принять в данном случае. Все действия Спиридоновой так тесно связаны с партией левых эсеров, что отделить одно от другого невозможно. И вот нам приходится посмотреть, что из себя представляет эта партия, ее дела, ее слова. Нам поэтому придется посмотреть, что представляет из себя деятельность Спиридоновой, к чему она приводит, и затем выяснить, какие меры в интересах рабоче-крестьянской революции должны быть приняты в данном случае. Каковы дела этой партии?

Одно время эта партия работала вместе с нами. Мы всегда трактовали ее как представительницу мелкой буржуазии вообще и крестьянства в частности. Как бывает всегда, такие мелкобуржуазные партии промежуточные, в определенный момент идут вместе с партиями пролетарскими, по существу революционными [...]

Пока партия шла вместе с нами, пока она была связана с определенными массами в городе и деревне, пока представляла партию, известная линия поведения у них была, но с тех пор как они оторвались от пролетарской Коммунистической партии, своей линии, с тех пор как впали в авантюру, масса, которая была с ними, несомненно должна была уйти от них, и партия начинает вырождаться, вымирать, она позабыла лозунги, с которыми шла раньше [...]

Председатель. Я вас перебью. Я прошу держаться ближе к обвинению Спиридоновой.

Смидович. Я кратко перейду к этому. Если посмотрите на восстание металлистов в Петрограде, там опять-таки сыграли роль левые эсеры. Посмотрите, что произошло в Кугилянске в момент острой борьбы советских сил, рабоче-крестьянских сил, идущих под красным знаменем, с монархистами. В этот момент, когда нужна сплоченность, когда нужно единение, в этот момент левые эсеры, как только получили возможность, опираются

на определенные силы в процессе борьбы, организуют свой штаб, сплачивают свои силы, какие только можно, чтобы пойти против советской власти, объявив при этом себя приятелями. Они с чисто наивной детской расчетливостью опираются на контрреволюционные силы, опираются, зная, к чему это приведет, как это и было в момент их восстания здесь в Москве [...]

Она говорит, что мы не находили возможности бороться с ними на митингах, так как не было достаточно для этого таланта и умения, и решили прибегнуть к лишению ее свободы. Подобное утверждение я не могу трактовать иначе, как заведомое извращение. Это одна сторона вопроса, затем определенно идет клевета. Очевидно, у Спиридоновой личные мотивы играли большую роль. У нее несомненно имеется неприязнь к определенным лицам. Она на каждом шагу т. Троцкого называет шкурником, обозником. Мы знаем, мы видели т. Троцкого. Товарищ Троцкий на фронте всегда впереди, он не знает, что такое тыл и что такое фронт. Он всегда под огнем. Я видел, когда около него разорвался снаряд, он не обращал на него внимания, не обращал внимания на то, опасно это или нет. Мы знаем, мы видим т. Троцкого, откуда же это извращение. Но опровергать это на каждом митинге невозможно, при этих условиях, которые я вам описывал. Откуда эта клевета? Мы здесь сами видели. Спиридонова говорит, что ей не предъявили обвинительного акта, а оказывается, что представитель обвинения бился полтора часа, чтобы вручить ей обвинительный акт, и ничего сделать не мог. Я спрашивал товарища Бухарина, в чем же дело, мы знаем Спиридонову, как человека искреннего. Товарищ Бухарин говорит, что, очевидно, она относится к нам так же, как революционеры относились когда-то к царскому правительству, к охранке. Но если это так, то мы уже не будем спрашивать свидетелей о том, есть ли призыв к вооруженному давлению на советскую власть. Свидетели показали, что это есть [...]

Мы идем сейчас по широкому пути, поставив себе определенную цель, при в высшей степени запутанном международном положении, которое становится благоприятным в виде разрушения сил врага. Но чтобы дойти до нашей цели, нам надо напрягать все усилия до конца. Нужно знать, какая работа идет в армии и тылу. Нужно видеть, как красноармейцы не сменяются месяцами с по-

зиций, нужно видеть, какого напряжения требует это движение вперед. Мы идем вперед, но те опасности в тылу, которые имеются, они должны быть устранены. Тут не может быть соображений о том, болен ли человек или здоров, откуда это исходит, из истерики или из другой какой-нибудь подоплеки, здесь не может быть соображений о том, славное прошлое или неславное. Перед нами задача — борьба, и в этой борьбе все препятствия должны быть устранены. И это должны сделать вы. Вы, орган борьбы за интересы революции, вы — революционный трибунал, вы должны это сделать, вы должны устранить препятствие, которое имеется по пути на место движения [...]

У нас в данном случае не чувство возмездия, не чувство мести, нам надо только, чтобы препятствия не было, мы должны быть гарантированы от того, что оно не будет. Я бы потребовал более или менее длительного срока, сократить срок всегда возможно. Я бы потребовал 8 месяцев такого удаления, которое соответствовало бы тюремному удалению, т. е. той степени кары, чтобы в продолжение 8 месяцев с этим препятствием нам не пришлось встретиться.

Председатель. Трибунал удаляется на совещание.

(В 4 час. 55 мин. [суд] удаляется на совещание, объявляется приговор в 6 час. 20 мин.)

(Читает приговор)

На основании приговора Спиридонова признается виновной в том, что клеветала на советскую власть и отдельных представителей ее и дискредитировала советскую власть, чем и помогла контрреволюции. Спиридонова изолируется от общественной и политической жизни путем заключения в санаторий на 1 год.

РЦХИДНИ, ф. 71, оп. 34, д. 224, л. 110—129.
Копия

№ 37. ПРИГОВОР МОСКОВСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА ПО ДЕЛУ М. А. СПИРИДОНОВОЙ

24 февраля 1919 г.

«Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики

Московский революционный трибунал в публичном заседании своем от 24 февраля 1919 г., заочно рассмотрев дело гражданки Марии Александровны Спиридоновой по обвинению ее в контрреволюционной агитации и в клевете на советскую власть, признал 1) Доказанным, что Мария Спиридонова в своих выступлениях в январе месяце 1919 г. публично клеветала на советскую власть и отдельных ее представителей и искусственным подбором ни на чем не основанных обвинений и фактов дискредитировала вождей рабоче-крестьянской революции и своей безответственной и преступной агитацией среди рабочих, крестьян и солдат способствовала дезорганизации революционных сил и таким образом бессознательно помогала контрреволюции. 2) Что деятельность Марии Спиридоновой, как представительницы политической группы левых с.-р., при недостаточно окрепшем положении красного фронта и тыла советской России в связи с чрезвычайно сложным положением ее в борьбе с мировым капиталистическим империализмом является вредной.

На основании изложенного, однако принимая во внимание болезненно-истерическое состояние обвиняемой Спиридоновой, не преследуя в наказании цели отмщения врагам революции и не желая причинить Марии Спиридоновой излишних страданий, одновременно с тем охраняя рабоче-крестьянскую революцию и стоя на страже ее завоеваний, Московский революционный трибунал приговорил: изолировать Марию Александровну Спиридонову от политической и общественной жизни сроком на один год посредством заключения Спиридоновой в санаторию с предоставлением ей возможности здорового физического и умственного труда [57] *.

Председатель Моск[овского] ревтрибунала А. Дьяконов

Заседатели
Секретарь»

РЦХИДНИ, ф. 71, оп. 34, д. 224, л. 130.
Заверенная копия.

№ 38. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ПАРТИИ Л. С.-Р. (ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ) О ПОБЕГЕ М. СПИРИДОНОВОЙ ИЗ КРЕМЛЯ [58] *

27 марта 1919 г.
«В борьбе обретешь ты право свое».

Ввиду того, что здоровье тов. Спиридоновой подвергается несомненной опасности от ничем не гарантированной возможности дальнейшего применения к ней того «санаторного» режима, под которым она была от 14—15 февраля до 9 марта, и ввиду того, что жизнь Спиридоновой нужна партии в ее революционно-социалистической работе,— ЦК партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов) постановляет организовать побег тов. Спиридоновой, о чем и доводит до ее сведения.

Что касается жизни остальных членов партии левых эсеров, заключенных в настоящее время в Бутырках и по тюрьмам всей России и объявленных ВЧК заложниками, то ЦК п[артии] л. с.-р. предупреждает ВЧК, что она будет всецело ответственна за жизнь каждого заключенного члена партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов).

ЦК партии л. с.-р. (интернационалистов)».

Кремль за решеткой, с. 15.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Известия, 1919, 25 февраля.
2. Бухарин Николай Иванович (1888—1938), член РКП(б) с 1906 г. После Октябрьской революции — редактор газеты «Правда», кандидат и затем член Политбюро ЦК РКП(б), член Президиума Исполкома Коминтерна.
3. Смидович Петр Гермогенович (1874—1935), с марта 1918 г. председатель Моссовета, с августа 1918 г. начальник отдела снабжения 5-й Армии, председатель Реввоентрибунала армии.
4. Кремль за решеткой (Подпольная Россия). Берлин, «Скифы», 1922, с. 17—18.
5. Далее — п. с.-р.
6. Боевая организация п. с.-р. была создана при губернском комитете для подготовки и проведения террористических актов, действовала конспиративно, автономно от губернской организации.
7. Государственный архив Тамбовской области (далее — ГАТО), ф. 242, оп. 1, д. 442, л. 368.
8. Тамбовские губернские ведомости, 1905, № 43—51, 3—6 марта.
9. Монархическая партия. I съезд партии состоялся в июне 1905 г. в Москве. Тамбовских монархистов на съезде представлял Г. Н. Луженовский.

10. Фон-дер Лауниц Владимир Федорович (1855—1906), с 1902 г. по декабрь 1905 г.— губернатор Тамбовской губернии. 31 декабря 1905 г. назначен Петербургским градоначальником. 31 декабря 1906 г. убит тамбовским эсером Е. Ф. Кудрявцевым.

11. Богданович Николай Евгеньевич (1870—1905), с 2 июля 1905 г. тамбовский вице-губернатор. 15 декабря 1905 г. смертельно ранен в Тамбове эсерами М. Л. Катиным и И. С. Кузнецовым. Скончался 18 декабря.

12. Луженовский Гавриил Николаевич (1870—1906), потомственный дворянин, выпускник Московского императорского университета. С 7 апреля 1905 г.— старший советник Тамбовского губернского правления.

13. Вольский Владимир Казимирович (1877—1937), руководитель Тамбовского комитета партии социалистов-революционеров, позднее — член ЦК партии с.-р., председатель Комитета членов Учредительного собрания (г. Самара).

14. Абрамов Петр Федорович (1869—1906), подъесаул 21-й Донской казачьей сотни. Убит летучим отрядом с.-р. Тамбова.

15. Жданов Тихон Саввич (1882—1906), выпускник Юнкерского училища, помощник пристава 2-й части Тамбова. 29 марта 1906 г. уволен в отставку. 4 мая 1906 г. убит летучим отрядом с.-р.

16. Акатуевская тюрьма была предназначена для мужчин, в ней содержались террористы, смертная казнь которым была заменена каторгой. Там же оказалось шесть женщин. Среди них А. Измайлович — автор воспоминаний о Спиридоновой.

17. Далее — л. с.-р.

18. Убийство германского посла в Москве В. Мирбаха произошло 6 июля 1918 г.

19. Красная книга ВЧК. Изд. 2-е, М., 1989, с. 294—295.

20. Дзержинский Феликс Эдмундович (1877—1926), член РКП(б), председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии.

21. Скрыпник Николай Алексеевич (1872—1933), член РКП(б) с 1897 г., член коллегии ВЧК, начальник отдела ВЧК по борьбе с контрреволюцией.

22. Дело М. Спиридоновой вел следователь Московского революционного трибунала Губерман (имя, отчество, даты жизни не установлены). Фамилия Герзон в письме названа ошибочно.

23. Кремль за решеткой..., с. 20—21.

24. Спиридонова Евгения Александровна, сестра М. А. Спиридоновой, была арестована по делу Марии, затем оправдана военным судом и выпущена на свободу.

25. Янушевич Бронислав Мечиславович, преемник фон-дер Лауница на посту тамбовского губернатора. Своей сдержанностью, по сравнению с деятельностью предшественника, возбудил к себе ненависть тамбовских черносотенцев, став для них «человеком, для которого все русское чуждо», «польским жидом».

26. Тамбовский губернский комитет п. с.-р. приговорил Абрамова и Жданова к смертной казни. Приговор был приведен боевой организацией в исполнение.

27. Спиридонова Юлия Александровна, сестра М. А. Спиридоновой. За содействие в передаче редакции газеты «Русь» писем сестры из тюрьмы, опубликование которых вызвало волну негодования не только в России, но и в Западной Европе, была, как и Евгения, заключена в тамбовскую тюрьму.

28. Имеется в виду казнь М. Л. Катина и И. С. Кузнецова 23 декабря 1905 г.

29. В. Владимиров по поручению редакции газеты «Русь» проводил расследование «по делу истязания Марии Александровны Спиридоновой казачьим офицером Абрамовым и помощником пристава Ждановым». Полученные им от родственников и друзей М. Спиридоновой письма из тюрьмы были опубликованы в газете «Русь», а затем вместе с материалами расследования вышли отдельной книгой. В публикуемых нами по этому источнику письмах М. А. Спиридоновой, к сожалению, нет указаний, кому они были адресованы.

30. Тесленко Николай Васильевич (1870—?), выпускник Московского университета (одновременно с Луженовским учились на юридическом факультете). С 1899 г.— присяжный поверенный, товарищ председателя ЦК партии конституционных демократов. По приглашению родственников М. А. Спиридоновой прибыл в Тамбов из Москвы. Выступал на суде в качестве защитника подсудимой.

31. Гершуни Григорий Андреевич (1870—1908), один из основателей партии с.-р., руководитель боевой организации партии с.-р., организатор террористических актов в отношении министра внутренних дел Сипягина, уфимского губернатора Богдановича, покушения на харьковского губернатора князя Оболенского. В 1903 г. арестован, в 1906 г. бежал из Акатуя за границу. Умер в Швейцарии.

32. М. А. Спиридонова находилась в Кремлевской тюрьме (с 6 июля — 29 ноября 1918 г.) по обвинению в организации левоэсеровского восстания.

33. 4-й съезд партии л. с.-р. (интернационалистов) состоялся в Москве 2—7 октября 1918 г.

34. 3-й съезд партии л. с.-р. (интернационалистов) проходил в Москве с 28 июня по 1 июля 1918 г.

35. Имеется в виду император Германии и король Пруссии Вильгельм II (Гогенцоллерн), (1859—1941).

36. Блюмкин Яков Григорьевич (1900—1929), заведующий отделом ВЧК по борьбе с немецким шпионажем, участник террористического акта над В. Мирбахом. Организация террористического акта была поручена А. А. Биценко — члену ЦК партии л. с.-р, лидеру московской организации левых эсеров. Приготовление бомб было возложено на Я. Фишмана. 6 июля 1918 г. в гостинице «Националь» Я. Фишман вручил бомбы А. Биценко, которая передала их явившимся к ней Я. Блюмкину и Н. Андрееву, затем последние уехали на автомобиле в Германское посольство. Фамилия непосредственного организатора террористического акта называется впервые (РЦХИДНИ, ф. 71, оп. 34, д. 2141, л. 110—112; ф. 564, оп. 1, д. 19, л. 6).

37. 2-й съезд парти л. с.-р. (интернационалистов) проходил в Москве с 17 по 25 апреля 1918 г.

38. Уралов (Кисляков) Сергей Герасимович (1893—1969), член РКП(б) с 1914 г., инспектор для особых поручений ВЧК, с декабря 1918 г.— начальник следственного и секретно-оперативного отделов ВЧК.

39. Меерович, осведомитель ВЧК.

40. Прошьян Прош Перчевич (1883—1918), член ЦК партии л. с.-р., нарком почт и телеграфов, член Чрезвычайной комиссии по продовольствию (с 15 февраля 1918 г.), член ВЦИК, умер от тифа.

41. Штейнберг Исак Захарович, член ЦК партии л. с.-р., нарком юстиции.

42. Косарев Владимир Михайлович (1881—1941), член Рогожского районного Совета г. Москвы.

43. Металлургический завод быв. Ю. П. и Э. П. Гужонов в Москве (ныне завод «Серп и Молот»).

44. Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883—1936), член Политбюро РКП(б), председатель Петроградского совета, в 1936 г.— репрессирован.

45. Керенский Александр Федорович (1881—1970), глава третьего коалиционного Временного правительства.

46. Крестьянское восстание в Варнавинском уезде Нижегородской губернии.

47. Имеется в виду давление со стороны Сталина на членов фракции л. с.-р. 5-го Всероссийского съезда Советов, арестованных после убийства германского посла графа Мирбаха.

48. Мышкин Юрий Сократович, член Московского комитета РКП(б), даты жизни не установлены.

49. Благушинский рабочий клуб Благуше-Лефортовского (Бауманского) района г. Москвы.

50. Троцкий (Бронштейн) Лев Давыдович (1879—1940), нарком по военным и морским делам, председатель Реввоентрибунала.

51. Рабичев Николай, член РКП(б), отчество и даты жизни не установлены, в качестве свидетеля на суде не выступал.

52. Бальбатов С., член ЦИК железнодорожников, имя, отчество и даты жизни не установлены.

53. Во время свидетельских показаний Н. Бухарина, выступления обвинителя Н. Смидовича М. Спиридонова в зале суда не присутствовала, мотивируя тем, что ей заранее не было предъявлено обвинительное заключение.

54. Дьяконов А., председатель суда Московского революционного трибунала, имя, отчество и даты жизни не установлены.

55. Имеется в виду обращение к солдатам Красной Армии, в котором л. с.-р. призывали не применять насилия в отношении рабочих и крестьян.

56. Имеется в виду так называемое восстание л. с.-р. (интернационалистов) 6—8 июля 1918 г. и охрана части членов ЦК л. с.-р. отрядом ВЧК под руководством Д. И. Попова, члена коллегии ВЧК.

57. «Санатория», куда была помещена Спиридонова по приговору суда, размещалась в караульной казарме охраны Кремля. «Я живу,— писала она на волю,— в узеньком закутке при караульном помещении, где находится 100—130 человек смены красноармейцев (инструкторская школа красных офицеров, большей частью коммунисты) [...] Грязь, шум, гам, свист, нечаянная стрельба, стук и все прочее, сопутствующее день и ночь бодрствующую караульную казарму» (Кремль за решеткой, с. 20).

58. Постановление ЦК л. с.-р. выполнено 2 апреля 1919 г. М. А. Спиридонову вывел из Кремлевской тюрьмы служащий ВЧК Николай Степанович Малахов.

Публикацию подготовили *Ю. Мещеряков* (г. Тамбов)
и *А. Рыбаков* (г. Москва).

«МНЕ БЫЛО ПРИКАЗАНО БЫТЬ СПОКОЙНЫМ И НЕ ПАНИКОВАТЬ»

Трагедия Западного фронта и его командующего Д. Г. Павлова[1]*

Более полувека прошло с трагической даты 22 июня, когда войска гитлеровской Германии вторглись на территорию нашей страны. Начальный период Великой Отечественной войны был особенно жестоким для советского народа и его армии. Несмотря на многократные предупреждения разведки не только о неизбежности войны с Германией, но и конкретных сроках военного нападения, армия не находилась в состоянии полной боевой готовности. Причиной тому являлось стремление Сталина всячески оттянуть сроки военного столкновения с Германией, чрезмерная боязнь того, что любые мероприятия по повышению боевой готовности Советских Вооруженных Сил могут спровоцировать военно-политическое руководство Германии к переносу вторжения на более ранний срок.

К тому же на Сталина и его ближайшее окружение оказывали влияние целенаправленные дезинформационные акции фашистских спецслужб, которые, как об этом свидетельствуют трофейные документы, стали активно проводиться ими с осени 1940 г. Целью этих акций было убедить советское руководство в том, что Германия всецело поглощена подготовкой к вторжению на Британские острова, и войска, дислоцированные вблизи советской границы, якобы проходят скрытую от глаз английской разведки подготовку к осуществлению десантной операции через Ла-Манш.

Сложная и весьма опасная политическая обстановка требовала глубокого и вдумчивого подхода к ее оценке, непредвзятого и обстоятельного анализа, борьбы мнений в поиске оптимального выхода из создавшейся критической ситуации для Советского Союза. Однако такой стиль деятельности советского военно-политического руководства был в те годы

невозможен. Именно поэтому руководители внешней разведки и наркоматов обороны и иностранных дел избегали направлять Сталину документы, содержащие аналитические оценки и прогнозы. Среди архивных документов тех лет преобладает информация о конкретных фактах. Оценки даются устами источников информации.

Репрессии тридцатых годов создали в обществе обстановку страха и взаимной подозрительности, породили боязнь быть обвиненным в антипартийных и антисоветских настроениях или навлечь подозрения в симпатиях к коллегам по работе, подвергшимся репрессиям, и в преступных связях с ними. Руководитель любого уровня боялся отклониться от установок, спущенных сверху, особенно если они связывались с именем вождя. Люди отучались рисковать, быть независимыми и инициативными.

Именно такая обстановка сложилась перед началом войны в политическом и военном руководстве страны.

Дезориентирующее и отрицательное морально-психологическое воздействие на военное командование, да и на советских людей в целом оказало заявление ТАСС от 14 июня 1941 г. За неделю до агрессии советское руководство убеждало народ и весь мир в том, что Германия соблюдает условия договора о дружбе с СССР. Этим политическим трюком Сталин пытался вынудить Гитлера к аналогичному заявлению. Однако Гитлер не поддался на эту уловку. Он не стал опровергать то, в чем были уверены политические и военные руководители Англии, США и ряда других стран мира и чего с большой тревогой ожидали советские военачальники, да и весь советский народ. Гитлер не принял предложенную Сталиным политическую игру. Он вообще игнорировал это заявление. В Германии оно не было опубликовано. А ближайший сподвижник Гитлера министр пропаганды Й. Геббельс в своем дневнике в записи от 16 июня, то есть через 2 дня после заявления, дал такую оценку этому шагу Советского правительства: «Сообщение ТАСС — выражение страха. Сталина охватывает дрожь перед приближающимися событиями».

Страх и неуверенность диктатора перед надвигающейся войной передавались подчиненным, тем более что опыт 20-х и 30-х годов подсказывал: в случае катастрофы Сталин объявит их главными виновниками. Психологической установке на ожидание приказа, как действовать в случае возникновения кризисной ситуации или вооруженного нападения, и твердому указанию ни в коем случае не поддаваться на провокации были подвержены командиры всех уровней. Наиболее сильно эта установка влияла на поведение и действия высших эшелонов

военного командования. Это усугубило и без того сложное положение Красной Армии перед началом войны и обусловило сильное негативное влияние субъективного психологического фактора, проявление которого на первом этапе войны выражалось в скованности действий военачальников, в признании ими и многими их подчиненными не только материального, но и морально-психологического превосходства врага. Лишь небольшая часть наиболее волевых и опытных командиров на собственный страх и риск принимали необходимые меры на случай внезапного нападения врага. Однако не всегда такая инициатива получала одобрение наверху.

Именно так обстояло дело с народным комиссаром военно-морского флота Н. Г. Кузнецовым, который на свой риск дал приказ о заблаговременном приведении флота в боевую готовность и выводе кораблей на наиболее удобные для обороны позиции. Это мужественное решение спасло многие корабли и их личный состав во время первых налетов вражеской авиации на военно-морские базы. Несмотря на это, судьба не была милостива к Н. Г. Кузнецову, который незаслуженно третировался и наказывался Сталиным в годы войны, и его имя несправедливо замалчивалось после Победы.

Сказалось и то, что к началу войны значительное число командиров на занимаемых ими постах находились недавно, заменив более опытных офицеров, пострадавших вследствие широкой чистки армии, массовых увольнений и арестов. Многие боевые командиры, проявившие личную отвагу и умело руководившие боем небольших подразделений войск, оказались не в состоянии управлять большими массами людей. Сложность обстановки заключалась и в том, что советские люди не понимали причин и существа критического развития событий. Воспитанные на лозунгах «выиграть войну малой кровью и громить врага на его территории» командиры и рядовые бойцы Красной Армии были растеряны и подавлены катастрофическими масштабами поражения нашей армии.

Раскрытые выше характерные черты обстановки в политическом и военном руководстве страны, действия объективных и субъективных факторов, снижавших боеготовность войск, находившихся на передовых рубежах обороны, нашли отражение в публикуемых материалах уголовного дела на Героя Советского Союза генерала армии Д. Г. Павлова, занимавшего пост командующего Западным фронтом в первые дни войны, и трех генерал-майоров — начальника штаба фронта В. Е. Климовских, начальника связи штаба фронта А. Т. Григорьева и командующего 4-й армией [2*] А. А. Коробкова. Эти материалы

содержат интересные данные об уровне и стиле руководства со стороны Верховного Командования и Наркомата обороны командующими фронтов перед началом войны и в первые дни войны, а также о развитии боевых действий на Западном фронте и другие малоизвестные сведения. Этими документами являются спецсообщение Третьего управления НКО [3*], разосланное Г. М. Маленкову, Л. П. Берия и Г. К. Жукову, по поводу ареста командующего 4-й армией Коробкова, три протокола допроса Д. Г. Павлова, протокол судебного заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР под председательством В. В. Ульриха, рассматривавшей дело по обвинению Павлова и трех подчиненных ему генералов, и приговор по этому делу, согласно которому все четыре советских военачальника были расстреляны.

Из этих материалов вырисовываются трагические фигуры советских военачальников, которые самой логикой развития событий оказались заложниками тоталитарного режима, жизнью которых верховный диктатор расплачивался за свои просчеты во внешней политике и подготовке страны к войне, за те жестокие поражения, которые понесла наша армия в начальный период войны. Люди, которые прежде всего виновны в этих поражениях, в гибели и плене миллионов советских людей, возлагают вину на тех, кто самой системой и ее руководителями был поставлен в такие условия, в которых иного развития событий и быть не могло. Конечно, были и факты трусости и малодушия, были и измены, дезертирства и оставления без приказа поля боя, боевой техники и другие военные преступления, которые требовали решительных и жестоких мер. Но в любых условиях недопустимы правовой произвол и фальсификация материалов и понуждение к самооговору. Порядок нельзя устанавливать преступным путем, как мы это видим в деле Павлова. Главный обвиняемый по делу — 44-летний генерал армии, Герой Советского Союза, получивший это звание за подвиги на полях сражений во время гражданской войны в Испании, в начале 30-х годов командовал полком, затем бригадой. После возвращения из Испании, в период массовой чистки армии, незадолго до войны выдвигается на должность командующего Западным особым военным округом, а с началом войны — Западным фронтом. Именно против Западного фронта наносился главный удар гитлеровского вермахта, нацеленный на Москву. При этом следует подчеркнуть, что военно-стратегические прогнозы Генерального штаба не оценивали этот фронт как направление главного удара. Это находило отражение в планах стратегического развертывания и обеспече-

ния материальными и людскими ресурсами. В показаниях Д. Г. Павлов рассказывает о своих переговорах по телефону с Наркомом обороны К. Тимошенко в ночь на 22 июня. Характерно, что за три часа до начала войны, уже после того как в войска была направлена директива, ориентирующая на военное нападение, нарком обороны лишь поинтересовался, спокойно ли на границе. В ответ на доклад Павлова об усиленном движении германских войск, о снятии немцами на отдельных участках границы проволочных заграждений нарком обороны порекомендовал Павлову сохранять спокойствие и, если случится что-то неприятное, ни в коей мере не поддаваться на провокацию. «Если будут отдельные провокации — позвоните». Такими словами, по заявлению Д. Г. Павлова, нарком закончил разговор с ним. И это неудивительно. Даже такой опытный военачальник, как Тимошенко, неоднократно просивший Сталина о принятии подготовительных мер, когда уже и ему было ясно, что война вот-вот начнется, строго следует сталинским указаниям: не поддаваться на провокации, вот что главное. Какие оборонительные меры приняты Павловым, выслушивается им без комментариев. Павлову не дается никаких конкретных распоряжений, за исключением указания собрать штаб «на всякий случай» и не паниковать. Д. Г. Павлов вызвал к аппарату ВЧ всех командующих армиями и распорядился привести войска в боевую готовность и занять сооружения боевого тыла, в том числе и незавершенные строительством железобетонные укрепления.

Командующие армиями доложили Павлову, что войска находятся в состоянии боевой готовности на местах, где им положено быть по плану боевого развертывания. Павлов особо подчеркнул командующему 4-й армии необходимость вывести на боевые позиции войска Брестского гарнизона. В 3 часа 30 мин. Павлов вновь разговаривал с наркомом, доложил, что обстановка без изменения и что он дал указания, вопреки распоряжению командующего ВВС страны, заправить самолеты бензином и поставить на неисправные самолеты моторы из неприкосновенного запаса. Спустя несколько минут по поступлении информации о нападении немецких войск она была передана Павловым Тимошенко, и тот отдал указание «действовать по обстановке».

В первые же дни войны противником были нарушены линии связи штаба фронта с армиями. Павлов оказался изолированным от войск. Часть его приказов, особенно противоречащих установкам Москвы, выполнена не была. Войска Брестского гарнизона при выходе на боевые позиции были разгромлены.

О судьбе гарнизона Брестской крепости Павлов какой-либо информацией не располагал. Показания Павлова проливают некоторый свет на обстоятельства, почему героическую оборону Брестской крепости на протяжении многих дней держал гарнизон, составленный из остатков разгромленных при выходе на боевые позиции дивизий.

На следствии от Павлова требовали подтверждения его участия в военном заговоре, того, что он якобы преднамеренно открыл фронт немцам, чем совершил изменническое деяние. Применялся испытанный сталинский прием: все беды, нарушения и промахи списывать на «врагов народа», заговорщиков и других агентов империализма. На суде Павлов отказался от самооговора, к которому его вынуждали следователи, и осужден был за воинские преступления, которые якобы привели к поражению войск Западного фронта. На спецсообщении, подписанном руководителями 3-го Управления НКО Тутушкиным и Болотиным, имеются визы Маленкова и Молотова с указанием об аресте генерала Коробкова — свидетельство того, что репрессии высшего командного состава Красной Армии проводились по прямым указаниям и с согласия Сталина и его близкого окружения по Политбюро.

24 июля 1957 г. Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко утвердил и направил в Военную Коллегию Верховного Суда СССР заключение (в порядке статьи 378 УПК РСФСР) по делу Павлова Д. Г. и вышеуказанных военачальников Западного фронта, в котором предлагалось приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 22 июля 1941 г. в отношении Павлова Д. Г., Климовских В. Е., Григорьева А. Т. и Коробкова А. А. отменить, а уголовные дела в отношении поименованных лиц, за отсутствием в их действиях состава преступления, дальнейшим производством прекратить.

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР определением № 4п- 09510/57 от 31 июля 1957 г., рассмотрев материалы дела на Павлова Д. Г. и других, нашла заключение Генерального Прокурора СССР обоснованным и определила: приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 22 июля 1941 г. в отношении Павлова Д. Г. и других отменить по вновь открывшимся обстоятельствам и дело на них производством прекратить за отсутствием состава преступления.

Публикуемые материалы взяты из готовящегося к изданию сборника документов «Советские органы безопасности в Великой Отечественной войне».

Названия географических объектов воспроизводятся по стенограммам.

1. ПРОТОКОЛ ДОПРОСА АРЕСТОВАННОГО ПАВЛОВА ДМИТРИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА

Павлов Д. Г., 1897 года рождения, уроженец Костромской губ., из крестьян, бывший командующий Западным фронтом — генерал армии, член ВКП(б).

7 июля 1941 г.
Допрос начат в 1 час 30 мин.

Вопрос: Вам объявили причину вашего ареста?

Ответ: Я был арестован днем 4 июля с. г. в Довске, где мне было объявлено, что арестован я по распоряжению ЦК.

Позже со мной разговаривал зам. пред. Совнаркома Мехлис и объявил, что я арестован как предатель.

Вопрос: В таком случае приступайте к показаниям о вашей предательской деятельности.

Ответ: Я не предатель. Поражение войск, которыми я командовал, произошло по не зависящим от меня причинам.

Вопрос: У следствия имеются данные, говорящие за то, что ваши действия на протяжении ряда лет были изменническими, которые особенно проявились во время вашего командования Западным фронтом.

Ответ: Я не изменник, злого умысла в моих действиях, как командующего фронтом, не было.

Я также не виновен в том, что противнику удалось глубоко вклиниться на нашу территорию.

Вопрос: Как же в таком случае это произошло?

Ответ: Я вначале изложу обстановку, при которой начались военные действия немецких войск против Красной Армии.

В час ночи 22 июня с. г. по приказу народного комиссара обороны я был вызван в штаб фронта. Вместе со мной туда явились член Военного Совета корпусной комиссар Фоминых и начальник штаба фронта генерал-майор Климовских.

Первым вопросом по телефону народный комиссар задал: «Ну, как у вас, спокойно?» Я ответил, что очень большое движение немецких войск наблюдается на правом фланге, по донесению командующего 3-й армией Кузнецова, в течение полутора суток в Сувальский вы-

ступ шли беспрерывно немецкие мотомехколонны. По его же донесению, на участке Августов — Сапоцкин во многих местах со стороны немцев снята проволока заграждения. На других участках фронта я доложил, что меня особенно беспокоит группировка «Бялоподляска».

На мой доклад народный комиссар ответил: «Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но смотрите ни на какую провокацию не идите. Если будут отдельные провокации — позвоните». На этом разговор закончился.

Согласно указанию наркома я немедленно вызвал к аппарату ВЧ [4*] всех командующих армий, приказав им явиться в штаб армии вместе с начальниками штабов и оперативных отделов. Мною также было предложено командующим привести войска в боевое состояние и занять все сооружения боевого типа и даже недоделанные железобетонные.

На это мое распоряжение Кузнецов ответил, что согласно ранее мною данных указаний, патроны войскам он раздал и в настоящее время приступает к занятию сооружений.

Командующий 10-й армии Голубев доложил, что у него штабы корпусов после военной игры оставлены для руководства войсками на том месте, где им положено быть по плану. Я предупредил Голубева, чтобы он войска держал в полной боевой готовности и ждал моих дальнейших распоряжений.

Коробков — командующий 4-й армией, доложил, что у него войска готовы к бою. Боеготовность Брестского гарнизона он обещал проверить. На это я Коробкову указал, что гарнизон должен быть на том месте, где ему положено по плану, и предложил приступить к выполнению моего приказания немедленно.

Явившиеся ко мне в штаб округа командующий ВВС округа Копец и его заместитель Таюрский доложили мне, что авиация приведена в боевую готовность полностью и рассредоточена на аэродромах в соответствии с приказом НКО.

Этот разговор с командующими армий происходил примерно около двух часов ночи.

В 3 часа 30 мин. народный комиссар обороны позвонил ко мне по телефону снова и спросил — что нового? Я ему ответил, что сейчас нового ничего нет, связь с ар-

миями у меня налажена и соответствующие указания командующим даны.

Одновременно я доложил наркому, что вопреки запрещению начальником ВВС Жигаревым заправить самолеты бензином НЗ и заменить моторы за счет моторов НЗ, я такое распоряжение отдал Копцу и Таюрскому. Народный комиссар это мое распоряжение одобрил. Я обещал народному комиссару дальнейшую обстановку на моем участке доложить после вторичных переговоров с командующими армий.

В течение дальнейших 15 минут я получил от командующих следующую информацию:

От командующего 10-й армией — «все спокойно»; от 4-й армии — «всюду и все спокойно, войска выполняют поставленную вами задачу». На мой вопрос — выходит ли 22-я танковая дивизия из Бреста, получил ответ: «Да, выходит, как и другие части». Командующий 3-й армией ответил мне, что у него ничего нового не произошло. Войска Иванова — начальника укрепрайона — находятся в укреплениях, 56-я стрелковая дивизия выведена на положенное ей место по плану; 27-я стрелковая дивизия тоже на своем месте, она примерно за месяц до начала военных действий мною была переведена из Сапоцкин — Гродно на Августов — Граево, Сухового. Эти места утверждены Генеральным штабом.

Я отправился доложить новую обстановку народному комиссару обороны и прежде чем добился Москву, мне позвонил по телефону Кузнецов, доложив: «На всем фронте артиллерийская и оружейно-пулеметная перестрелка. Над Гродно до 50 — 60 самолетов штаб бомбят, я вынужден уйти в подвал». Я ему по телефону передал ввести в дело «Гродно-41» (условный пароль плана прикрытия) и действовать не стесняясь, занять со штабом положенное место. После этого я срочно позвонил в Белосток, Белосток ответил: «Сейчас на фронте спокойно».

Примерно в 4.10—4.15 я говорил с Коробковым, который также ответил: «У нас все спокойно».

Через минут 8 Коробков передал, что «на Кобрин налетела авиация, на фронте страшенная артиллерийская стрельба». Я предложил Коробкову ввести в дело «Кобрин 41 года» и приказал держать войска в руках, начинать действовать с полной ответственностью.

Все, о чем доложили мне командующие, я немедленно и точно донес народному комиссару обороны. Последний

ответил: «Действуйте так, как подсказывает обстановка».

Вопрос: Через сколько минут вы доложили народному комиссару обороны сообщение Кузнецова о том, что противник открыл в районе расположения его армии артиллерийский и оружейно-пулеметный огонь?

Ответ: Доложил я сообщение Кузнецова наркому минут через 10—12.

Вопрос: Продолжайте излагать дальнейшую обстановку на фронте.

Ответ: После доклада народному комиссару обороны мною было отдано распоряжение штабу вступить в связь в соответствии с нашим планом и особенно в радиосвязь. Проверка ВЧ показала, что эта связь со всеми армиями прервана. Примерно около 5 часов по междугородному телефону обходными линиями мне доложил обстановку Кузнецов. Он сообщил, что войска противника им сдерживаются, но что Сопоцкин весь горит, так как по нему была произведена особо сильная артиллерийская стрельба и что противник на этом участке перешел в наступление, пока атаки отбиваем.

Примерно в 7 часов прислал радиограмму Голубев, что на всем фронте идет оружейно-пулеметная перестрелка и все попытки противника углубиться на нашу территорию им отбиты.

Генерал Семенов — заместитель начальника штаба фронта — мне доложил, что Ломжа противником взята, но контрударом 6-й кавдивизии противник снова из Ломжи выбит. С этого времени радиосвязь со штабом 10-й армии начала работать с перерывами. На мой запрос точно указать положение наших частей штаб 10-й армии шифром доложил, где находятся какие дивизии и обстановку, по которой было видно, что части на фронте успешно отражают атаки противника, нанося ему огромный урон. Против частей 10-й армии действует пехота противника с сравнительно небольшим количеством танков и что быстрым ударом в районе Семятичи был застигнут и окружен противником батальон связи 113-й дивизии. Противник на этот участок вывел крупные мехчасти, и наши войска ведут с ними упорный бой. В некоторых местах наша пехота под давлением танков противника отходит в общем направлении на Брянск. В этой же сводке говорилось, что командующий 10-й армией бросает в атаку танкистов 13-го мехкорпуса (там было около

200 танков всего) и привлекает весь корпус для участия в общем бою и что он намечает использовать для удара и 6-й мехкорпус, который ему также был подчинен.

Вопрос: Как вы оценили это сообщение командующего 10-й армией?

Ответ: Я оценил, что противник сковывает действия 10-й армии действиями своей пехоты, с незначительным количеством танков с фронта и стремится нанести более мощный удар с направления Дрогочин, Нагайновка или севернее к горловине между Беловежской пущей и Супреневскими лесами.

Вопрос: Какие указания вы дали в соответствии с этим командующему 10-й армией?

Ответ: Командующему 10-й армией было дано указание — противотанковую бригаду немедленно вывести на свое место и развернуть в районе западнее Михалово, рубеж южнее Белостока.

Я указал также Голубеву, что ввод 6-го мехкорпуса в бой должен быть произведен для самого сильного удара, предложив хорошенько разобраться в обстановке и в соответствии с нею действовать. В этом же сообщении я ему указал, что мой заместитель Болдин выезжает к нему.

Вопрос: Новую обстановку вы доложили народному комиссару обороны?

Ответ: Сводки в адрес народного комиссара обороны, в соответствии с указанием Генерального штаба, посылались исправно.

Вопрос: От народного комиссара вам поступали какие-нибудь указания?

Ответ: Я получал директивные указания ставки исправно в соответствии с обстановкой.

Вопрос: Как дальше развивались события?

Ответ: Получив очень отрывочные данные из штаба 4-й армии о том, что эта армия в районе Жабенко собирается наносить контрудар противнику, я был поставлен этим сообщением в недоумение, не понимая, как могла в такой короткий срок 4-я армия отступить на 30 км от Бреста. Запросил Коробкова и получил ответ от него, что связь с 49-й и 75-й стрелковыми дивизиями он потерял. Место расположения 75-й дивизии знает и поддерживает с нею связь делегатами. Коробков доложил, что он бросает корпус Сборина в контратаку против очень крупных механизированных сил противника и что результат атаки донесет.

Из последующих данных было видно, что Жабинка в этот день 7 раз переходила из рук в руки, что наша пехота всюду выбивала пехоту противника, но все-таки Коробков под давлением мехчастей противника начал отходить в Кобрин.

Мною было отдано приказание сообщить Коробкову радиотелеграммно, чтобы он не самовольничал и не бросал бы так легко рубежи, а дрался на каждом рубеже до разрешения на отход штаба фронта.

Мною были посланы делегаты к Коробкову, которые имели прямое указание в категорической форме потребовать от штаба 4-й армии руководства и управления войсками, предложив командующему и начальнику штаба армии за обоюдными подписями сообщать — где какие части находятся и в каком состоянии. Одновременно с этим мною была тронута вперед на помощь Коробкову в его распоряжение в направлении на Картуз — Береза вся 113-я стрелковая дивизия. Для ускорения ее переброски был назначен весь автомобильный полк, находящийся в Старых Дорогах. Кроме того, было указано Коробкову, что рубеж района Картуз — Береза должен быть подготовлен для обороны и прикрытия выброски 55-й дивизии. Все эти мероприятия потом были своевременно доложены народному комиссару обороны.

Во второй половине дня Кузнецов донес, что из трех имеющихся у него радиостанций — две разбиты, а одна оставшаяся повреждена, он просит подбросить радиостанцию. За это же время от него же поступили данные, что нашими частями оставлен Сопоцкин, и Кузнецов с дрожью в голосе заявил, что, по его мнению, от 56-й стрелковой дивизии остался номер. Я ему ответил, что напрасно рано паникуешь, люди соберутся. Спросил Кузнецова — что он делает с 85-й стрелковой дивизией. Он ответил, что 85-я дивизия, развернувшись на рубеже западнее Гродно, под давлением тяжелых танков противника, начала отход на юг, юго-восток, но что он, Кузнецов, бросает в контратаку танковую дивизию Стеклова и попытается этим самым восстановить положение 85-й дивизии. На мой вопрос — каково положение на его правом фланге, Кузнецов ответил, что там положение, по его мнению, катастрофическое, так как разрозненные части в районе Козе (севернее Гродно) с трудом сдерживают натиск противника, а стрелковый полк, находящийся между Козе и Друскеники, был смят ударом с тыла очень

крупных механизированных частей, но что он сейчас собирает все, что у него есть под рукой, и бросает в район Козе. Наконец Кузнецов спросил: «Я чувствую, что нам придется оставить Гродно, в случае чего как быть со складами и семьями начсостава, многие из них уже остались у противника». Я ответил, что при оставлении каких-нибудь пунктов — склады и все добро, которое нельзя вывезти, уничтожить полностью. Кузнецов передал трубку члену Военного совета Бирюкову, который снова спросил — как же быть с семьями? Я ответил: «Раз застал бой, сейчас дело командиров не о семьях заботиться, а о том, как ведется бой».

В следующем донесении штаб 3-й армии сообщил, что противник подошел к Гродно, и наши части оставляют город. По приказанию Кузнецова склады взорваны, армия из этого склада пополнилась снарядами.

В этот же день Голубев, чувствуя сильно развивающееся давление противника со стороны Семяточи в направлении на Брянск — Бельск, не разобравшись с обстановкой, донес, что противник находится на подступах к Бельску, в то время как фактически противник дрался еще под Брянском. Голубев принял решение ввести в дело мехкорпус.

Оценивая всю обстановку, я усматривал, что штаб 3-й армии оставил Гродно и перешел в Луно, но противник особенного давления и преследования 3-й армии не проявляет. На левом фланге 10-й армии противник ценою больших усилий развивает успех, тесня наши части. На остальных участках 10-й армии все попытки противника перейти в наступление отбиты. В 4-й армии чувствуется полная растерянность командования, потеряно управление войсками, и противник быстро развивает успех, имея осью движения Бобруйско-Брестское шоссе.

В соответствии с обстановкой мною было приказано 6-му мотомехполку нанести удар противнику из исходного положения в направлении на Брянск с задачей разгрома мехчасти противника в районе Брянск и по выполнении задач сосредоточить все в районе Волковыск в мое распоряжение. Этот приказ был продублирован делегатами с самолетов и по радио.

На участке 3-й армии мы потеряли Августовский район. На участке 10-й армии части оставались в том же районе, где они должны были быть по плану, кроме левого фланга, где противник занял Цехоновец, подходил к Брянску.

4-й армии части дрались за Жабенко, но мне стало известно, что при выходе из Бреста части 42-й и 6-й дивизий и 22-й танковой дивизии были обстреляны огромным количеством артиллерии противника, который весь свой огонь сосредоточил в первую очередь по домам начсостава, во вторую очередь по улицам и дорогам и по гаражному расположению. Мне известно, что этим огнем противник нанес значительные потери материальной части выходящей из Бреста артиллерии. Это мне известно из доклада командира корпуса и танковой дивизии.

Вопрос: Какие вы, как командующий фронта, сделали выводы из исхода первого дня боя?

Ответ: Из результатов первого дня боя я сделал следующий вывод, что против центра 10-й армии дерется по преимуществу пехота и что наша пехота успешно отбивает все атаки противника. На правом фланге против Кузнецова, в направлении на Сапоцкин введены тяжелые танки противника, которые не пробиваются 45 мм артиллерией и что противник за этими танками ввел свою пехоту, поломав нашу оборону. На правом же фланге у Кузнецова был разгромлен весь полк крупной механизированной частью противника, пришедшего с севера из Литвы в составе: 2—3 мехдивизий и 2—3 мотодивизий. Это заставило меня очень сильно опасаться за возможность разворота удара этой механизированной частью в общем направлении на Лида.

Вопрос: Какие меры вами были приняты, как командующим, для предотвращения прорыва фронта?

Ответ: На правом фланге мною было указано 3-й армии — используя атаку 11-го мехкорпуса в направлении Сапоцкин, частям 85-й дивизии этой же армии занять второй оборонительный рубеж западнее Гродно на Суховоло, фронтом на север. Потрепанные части 56-й дивизии я приказал Кузнецову собрать, поставить на правый берег реки Неман и оборонять Гродно и направление на Лида.

Почувствовав удар из Литвы, я приказал командиру 21-го стрелкового корпуса (штаб в Лиде) занять оборонительный рубеж западнее Лида противотанковой бригаде, северо-западнее — 17-й стрелковой дивизии, дабы удержать рубеж для того, чтобы выиграть время и дать возможность 37-й и 24-й стрелковым дивизиям сосредоточиться в районе северо-западнее Лида и обеспечить правый фланг от удара из Литвы с направления Ораны,

войдя в связь с литовскими частями, что командиром 21-го стрелкового корпуса и было выполнено, но никаких частей в районе Ораны им найдено не было.

Вопрос: Ваше решение вы передали в порядке приказа командиру 21-го стрелкового корпуса?

Ответ: Да, это же распоряжение было передано и командующему 3-й армии, которому указывалось, что с момента получения настоящего приказа командир 21-го стрелкового корпуса входит в ее состав.

По левому флангу я уже докладывал: выдвигалась из Слуцка в направлении Картуз — Береза 55-я стрелковая дивизия, которая перебрасывалась на автомобильном транспорте с задачей войти в состав 4-й армии и закрыть слуцкое направление. Кроме того заканчивала сосредоточение в районе Обус — Лесно прибывшая поэшелонно 143-я дивизия с задачей усиления частей 4-й армии для нанесения контрудара в направлении Картуз — Береза или Миловицы по обстановке. Кроме того в этом же районе стояла 131-я дивизия, подготовив рубеж реки Щара и в готовности нанести удар по обстановке или на Ружаны, или на Пружаны.

Но 10-я армия после того, как мною было указано Болдину произвести удар мехкорпусом в направлении на Брянск с задачей разгрома мехчастей противника в этом районе и по выполнении задачи отойти в мой резерв на Волковыск, и получив директиву ставки, нанести удар в северном направлении конно-механизированной группой с задачей восстановить положение в районе Гродно. Поставив новую задачу конно-механизированной группе 10-й армии для выполнения ее мною был назначен генерал-лейтенант Болдин, который своевременно и прибыл на место.

Одновременно для руководства действиями 3-й и 10-й армий и проконтролировать удар конно-механизированной группы отбыл и 23 июня прибыл в штаб 10-й армии маршал Кулик.

В дальнейшем мы имели о 6-м мехкорпусе донесение, что он первой задачи не выполнил, командующий 10-й армией Голубев по неизвестной для меня причине в атаку его не пустил. Корпус переменил район сосредоточения, стал восточнее Белостока в районе Валилы. 29-я мотодивизия заняла фронт Соколка и юго-западнее.

Вопрос: Меры эти вы считали достаточно исчерпывающими, чтобы восстановить положение?

Ответ: Нет, недостаточными, но большего я не мог ничего сделать, так как частей у меня не было.

Вопрос: Выступавшая против вас группировка сил противника была вам точно известна?

Ответ: Нет, не точно. Эти данные уточнялись в процессе боя и авиаразведкой. В первый день боя стало ясно о наличии крупных мехсоединений противника в районе Брест, Семятичи и Жабенка и крупных мехсоединений в Литве в районе западнее Ораны. Против 10-й армии наступали до четырех-пяти стрелковых дивизий и в направлении Сапоцкин—Гродно наступало до трех стрелковых дивизий с тяжелыми танками.

Вопрос: Вы приняли все меры, чтобы обеспечить армии радиостанциями?

Ответ: Да, все меры на этот счет мною были приняты. Когда в первый день боя Кузнецов позвонил мне и просил прислать радиостанцию, так как имевшиеся у него три были разбиты, я затребовал их из Москвы самолетом. Москва сначала не отвечала, а после повторных моих требований ответила, что выслала 18 радиостанций, но до дня моего ареста эти радиостанции получены не были.

Вопрос: Почему же все-таки немцам удалось прорвать фронт и углубиться на нашу территорию?

Ответ: На брестском направлении против 6-й и 42-й дивизий обрушилось сразу 3 механизированных корпуса, что создало превосходство противника как численностью, так и качеством техники. Командующий 4-й армией Коробков, потеряв управление и, по-видимому, растерявшись, не смог в достаточной мере закрыть основного направления своими силами, хотя бы путем подтягивания на это направление 49-й дивизии. На 6-ю и 42-ю дивизии на этом же брестском направлении противником была брошена огромная масса бомбардировочной авиации. По докладу Коробкова, эта авиация со всей тщательностью обрабатывала расположение нашей пехоты, а пикирующие бомбардировщики противника выводили из строя орудие за орудием. Господство авиации противника в воздухе было полное, тем паче что наша истребительная авиация уже в первый день одновременным ударом противника ровно в 4 часа утра по всем аэродромам была в значительном количестве выбита, не поднявшись в воздух. Всего за этот день выбито до 300 самолетов всех систем, в том числе и учебных. Все это

случилось потому, что было темно и наша авиация не смогла подняться в воздух. Я лично не мог физически проверить, как была рассредоточена на аэродроме авиация, в то время как командующий ВВС Копец и его заместитель Таюрский, зам. по политчасти Листров и начальник штаба ВВС Тараненко доложили мне, что приказ наркома обороны о сосредоточенном расположении авиации ими выполнен.

Вопрос: Имели ли вы сообщение, что на границе появились самолеты противника?

Ответ: Такое сообщение я получил одновременно с началом бомбежки.

Минский центральный пост ВНОС[5]* получил сообщение о перелете государственной границы авиацией противника через 4 минуты, а приграничные аэродромы это сообщение получили значительно раньше, но подняться в воздух не смогли, так как новой техникой в ночных полетах не овладели.

Вопрос: Расскажите, как дальше развивались события на фронте.

Ответ: Штабом фронта 23 июня была получена телеграмма Болдина, адресованная одновременно и в 10-ю армию, о том, что 6-й мехкорпус имеет только одну четверть заправки горючего. Учитывая необходимость в горючем, ОСГ (Отдел снабжения горючим) еще в первый день боя отправил в Барановичи для 3-го мехкорпуса все наличие горючего в округе, т. е. 300 тонн. Остальное горючее для округа по плану генштаба находилось в Майкопе. Дальше Барановичи горючее продвинуться не смогло из-за беспрерывной порчи авиацией противника железнодорожного полотна и станций.

На фронте 4-й армии. Второй день противник, используя исключительно авиацию и танковые части с мотоциклистами, подошел к Кобрину. Наши части, слабо управляемые командующим 4-й армией Коробковым, вынуждены были под давлением превосходящих сил противника оставить Кобрин. Оставление Кобрина мною расценивалось как оголение левого фланга 10-й армии и угроза ее окружения. В армию был направлен мой помощник по вузам Хабаров с моим строжайшим приказом, если нужно, расстрелять любое количество людей, но отступление 4-й армии остановить и добиться того, чтобы штаб армии взять в руки управления (так в тексте.— Авт.). Одновременно было приказано для помощи

4-й армии выбросить в направлении на Рожаны 121-ю стрелковую дивизию и ускорить темп подвоза 55-й дивизии на рубеж Картуз — Береза. 155-я дивизия, прочно занимающая рубеж Слоним, обязана была быть в готовности повернуть с Волковысского шоссе на Рожаны, т. е. тоже на помощь 4-й армии.

Это распоряжение было доставлено командирам дивизий и Коробкову делегатами через Барановичи и на самолетах.

Одновременно, в целях сохранения барановичского направления 17-му механизированному корпусу (без материальной части) было приказано обеспечить со стороны Обус—Лесна узел Барановичи, что очень добросовестно выполнено 17-м корпусом даже в условиях, когда он был полностью окружен.

Во второй день авиация противника целый день производила налеты на аэродромы, где был расположен истребительный полк 43-й авиационной дивизии, производя 12 раз бомбардировку аэродрома.

В силу того что аэродром Лосинца был разбомблен и материальная часть, учебная и гражданская, не могущая летать, вся выведена из строя, командование ВВС перебазировало полк на аэродром Сленянка. Одновременно во второй день противник наносил разрушение железнодорожным узлам Орша, Борисов, Бобруйск, Осиповичи и разрушил полностью артиллерийский склад Гайновка.

Авиация противника в этот день потеряла 27 самолетов.

Во второй день части 10-й армии, кроме штаба армии, остались на своих местах. Штаб армии сменил командный пункт, отойдя восточнее Белостока в район Валилы. Части 4-й армии, беспрерывно теснимые мехчастями противника и авиацией, продолжали отход на рубеж Пружаны и Береза—Картузка.

3-я армия за второй день продвинулась вперед на 13-17 км по направлению Гродно.

Никаких данных о потерях живой силы и материальной части как за первый, так и за второй день я не имел, кроме общего доклада Кузнецова, который в первый день передавал, что 56-я стрелковая дивизия перестала существовать, на самом же деле дивизия потеряла процентов 25 личного состава и к концу первого дня и к утру второго дня появилась — одна часть на левом берегу реки Неман, а другая часть на правом берегу реки Неман.

85-я дивизия 3-й армии, хотя и понесла потери, но была вполне боеспособной.

27-я дивизия 3-й армии оторвалась и прочно заняла оборону Сухового — Генионс, войдя в связь со второй дивизией 10-й армии.

Выводы из третьего дня: противник быстрым темпом продвигался с брестского направления крупными механизированными силами при поддержке очень сильной авиации, обрабатывающей нашу пехоту и артиллерию.

Вопрос: Что вами было предпринято для осуществления перелома на фронте?

Ответ: Для того чтобы избежать быстрого темпа наступления противника, в первую очередь мною 23 числа была брошена вся наличная бомбардировочная авиация исключительно для бомбежки наступающего противника в район Кобрин, ускорился темп перевозки 55-й дивизии из Слуцка в район Береза—Картузка, чтобы это направление можно было закрыть цельным организованным соединением. В распоряжение командующего 4-й армией передавались 121 и 143-я дивизии. Последняя продолжала разгрузку и сосредоточение в районе Обус—Лесна.

Вопрос: Какие результаты дали вот эти проведенные вами мероприятия?

Ответ: Результаты те, что противника мы смогли остановить на одни сутки в районе Береза—Картузка.

Последующие события развивались таким образом, что после нашего доклада Ставке о тяжелом положении на брестском направлении и после доклада о том, что механизированные части противника ведут сильный удар на направление Бельска на Городок по-видимому с задачей оторвать части 10-й армии, было получено приказание: все части быстро отвести на рубеж реки Щара. Этот приказ был вручен 10-й армии, дважды передан по радио, квитанция получена, продублирован во все армии на самолетах и парашютистами. За контролем выполнения этого приказа были отправлены в каждую армию специальные делегаты. Этой же группе делегатов было приказано разыскать в районе 10-й армии маршала Советского Союза Кулик. Части приказ получили и приступили к его выполнению.

Одновременно, для обеспечения планомерного отхода частей на рубеж реки Щара, мной уже были подготовлены позиции в полном объеме частями 155, 121, 143-й дивизий, и они заняли этот рубеж.

55-я дивизия, действующая на брестском направлении, выйдя на свой рубеж, была подвергнута атаке не менее трех танковых дивизий в сопровождении большого количества бомбардировщиков, была разрезана и отброшена в лес по обе стороны шоссе. Таким образом, одновременно с занятием фронта Щара, снова образовался прорыв на левом фланге. Противник устремился на Слуцк.

Мною лично начальнику штаба Сандалову были поставлены задачи — УРовскими[6*] войсками занять и приспособить к обороне Слуцкий УР, лично вместе с командующим армии выехать в 55-ю стрелковую дивизию, навести жесткий порядок и заставить обороняться на бывшей госгранице, а частями 143-й дивизии нанести контрудар в южном направлении с задачей прорезать шоссе в районе Картуз—Береза.

Мне не удалось установить — как выполнялся этот приказ. Мне лишь стало известно, что части 55-й дивизии в этот день были атакованы на правом фланге, т. е. со стороны Барановичи не менее чем 60 танками.

Атака противника была отбита как силами артиллерии, так и силами бойцов, но уже эти действия показали мне, что противник в какой-то части прорвался на Барановичи и тем самым вышел в тыл и второй группировки, т. е. 121, 155 и 143-й дивизиям. Однако принятыми мерами командиром 17-го мехкорпуса генералом Петровым до 45—50 танков противника, прорвавшихся на Барановичи, были разгромлены, а остальные ушли в южном направлении.

Мне было известно, что 24 числа части 3-й армии начали отход на указанный Ставкой рубеж — реку Щара. Мне лишь не было известно, куда направляется штабом 10-й армии 6-й механизированный корпус. По моему же приказанию он должен был ускоренным броском выйти вперед пехоты и встать в районе Слоним, дабы быть готовым отрезать возможный контрудар противника с целью окружения 10-й армии с южного направления. Этот приказ был мною передан в Ставку и был одобрен.

25-го числа противник в направлении Вильно, по сведениям бежавших из Литвы, разгромил 5-ю механизированную дивизию, разбежалась национальная литовская дивизия, и механизированные части противника появились на правом фланге 21-го стрелкового корпуса, что заставило еще сильнее ускорить движение 50-й дивизии

на Вилейка, 24-й дивизии на присоединение к 21-му стрелковому корпусу.

Северней Лиды 24-я дивизия была атакована не менее чем одной танковой дивизией противника, нанесла ему огромный урон и остановилась на занятом ею рубеже фронтом на северо-запад.

37-я дивизия, с большими потерями для противника отбившая танковую и мотомехатаку, выровняла фронт, встав в одну линию с 24 и 17-й стрелковыми дивизиями.

Противник устремился на Молодечно, обходя части 21-го стрелкового корпуса, не встречая никакого сопротивления, так как войск на этом направлении не было и неоткуда их было взять. Попутно задев 50-ю дивизию в районе Вилейка, противник занял Молодечно и тем самым перерезал путь соединения 50-й дивизии с 21-м стрелковым корпусом.

Командир 50-й дивизии принял совершенно правильное и разумное решение отойти и занять район Плещаница для крепкой обороны минско-борисовского направления.

После захвата противником Слуцка и Молодечно были приведены в полную боевую готовность УРовские войска — Минского и Слуцкого УР, для усиления УРов были выдвинуты: 64, 108 и 100-я дивизии, последней поручалось оборонять северный фас Минска, 161-я дивизия была оставлена в резерве южнее Минска. Эти дивизии, кроме 100-й, к данному моменту только что заканчивали свое развертывание.

Отошедшему штабу 13-й армии было приказано создать Минский фронт примерно по линии Плещаница — Минского и Слуцкого укрепрайонов. В состав армии вошли: 2-й, 44-й стрелковые корпуса и 20-й без материальной части механизированный корпус. Таким образом, создавался фронт, прикрывающий Минск, и накапливались силы для возможного контрудара в случае, если потребуется выводить из окружения Минско-Новогрудскую и Барановичскую группировки.

25 числа штабом фронта была получена телеграмма из штаба 10-й армии: «Части вышли на реку Зальвянка, противником заняты все переправы, прошу поддержать со стороны Барановичи».

Мною было приказано 10-й армии взять переправы или искать пути отхода через реку Неман или южнее по лесным массивам — по обстановке. Войскам было

приказано более точно давать свое место расположения и указывать способ действия. Одновременно для правильных действий группы войск, находящихся уже на рубеже реки Щара, в штаб Петрова был направлен мой помощник по вузам Хабаров с группой параллельных делегатов, которые обязаны были возглавить содействие этой группировки выводу частей 10-й армии, а затем им было указано, куда выходить с этими группировками, по какому направлению.

К этому времени удачными боями в районе Слоним были разбиты передовые танковые части противника и была взята карта на убитом офицере, в которой точно указана вся наступающая группировка противника, начиная с реки Буг и до Барановичи включительно. Из этой карты видно, что противник вел наступление силой трех механизированных корпусов и что по направлению удара вся эта группа обрушилась только на фронт сначала 2-х стрелковых дивизий, а затем 1[одной] стрелковой дивизии.

Судя по ходу событий, можно было определить, что в районе Слоним и в районе Волковыска, по-видимому, была брошена противником механизированная дивизия левофлангового корпуса.

В боях на Минском УРе был целиком разгромлен штаб немецкого корпуса и захвачена вся его документация. Из документов устанавливается, что на этом направлении действуют 2 мехкорпуса, усиленные 3 мотодивизиями.

По 13-й армии командующий армией отдал приказ на основании личного приказания народного комиссара обороны, переданного через маршала Шапошникова,— «за Минск драться с полным упорством и драться вплоть до окружения». Этот приказ был доведен до всех войск, и этим объясняется то упорство, с каким войска дрались против многочисленных мехчастей, а израсходовав бронебойные снаряды, части применяли обыкновенные бутылки и фляги, наполненные бензином, и зажигали немецкие танки. Таким способом только одной 100-й дивизией уничтожено не менее 100 танков. Этот способ мною преподан всем войскам был еще зимой этого года, как опыт боев на Халхин-Голе. Однако мехчасти противника обошли Минский УР и, выбросив группы парашютного десанта в районе Смеловичи, соединились с этим десантом, перехватив шоссе Минск—Борисов.

Путь подвоза для частей остался — Минск—Осиповическое шоссе и Могилевское шоссе.

На левом фланге к моменту моего выезда на фронт противник подходил к Старым Дорогам, не имея перед собой сколько-нибудь организованного сопротивления, а по докладу начальника склада Уречье силой не менее полка танков в этот день подходил к Уречью, что побудило начальника склада поджечь и взорвать склад и уйти. Войск для прикрытия этого направления больше не было.

Мною на месте приказано — из людей разных дивизий, отъезжающих с тылов, формировать взводы, роты и батальоны и поставить на линию Старых Дорог. Одновременно было поднято Бобруйское тракторное училище, которое заняло оборону под Бобруйском. Все мосты через реку Березина были минированы, подготовлены к взрыву. Остатки 42-й дивизии, правда очень слабые, и 21-й деповский полк заняли оборону на левом берегу реки Березина.

По взрыву мостов мною была поставлена задача командиру 42-й дивизии Лазаренко — в случае появления танков противника и угрозы захвата переправ, все мосты подорвать, что генералом Лазаренко было сделано при отходе наших частей.

Около 3 часов ночи 27 или 28 июня начальник штаба 13-й авиадивизии лично от меня получил приказ — с первым проблеском рассвета уйти с аэродрома, чтобы не подвергнуть себя полному поражению, что очень своевременно авиацией было проделано, и аэродром на рассвете был уже занят танковыми частями противника. Противник продолжал все время стремиться найти переправы через реку Березина в районе Птатково — Доманово.

Для обеспечения наведения переправ противник применял массовый налет авиации пикирующих бомбардировщиков и огромное количество минометов. Наша авиация в течение двух дней имела основную задачу — бомбить бобруйскую группировку противника.

Для переговоров по телефону с командующим ВВС мною был составлен следующий код: Северная группа — это означало район Смеловичи, Северная 2-я — это означало район Плещаница и южная — это Бобруйск.

Этот код был установлен для того, чтобы можно было всю авиацию, в зависимости от обстановки, простым распоряжением сосредоточить на любом из этих направлений.

С 25 по 28 число радиосвязи ни с 3-й, ни с 10-й армиями не было. Попытка полета делегатов на самолетах окончилась тем, что самолеты сбивались. Послано большое количество делегатов обходными путями на машинах.

Мне не известно, пробрались ли эти делегаты к штабам 10 и 3-й армий или нет. Люди, появляющиеся из 3-й и 10-й армий, привозили данные о том, где находится штаб этих армий или части, обычно с опозданием на двое суток. Из 10-й армии с реки Зельвянка оторвалась и вышла 1-я противотанковая бригада. Вышла, не имея ни одного снаряда. Была остановлена на Березине и немедленно пополнена снарядами для того, чтобы оборонять переправу Березино.

В дальнейшем основной задачей ставилось — любыми мерами и любой ценой разыскать, где находятся наши части. Сбрасывались парашютисты в районе предполагавшегося нахождения наших частей с задачей — вручить зашифрованную телеграмму или передать на словах направление отхода.

В 10-й армии все время, вплоть до моего отъезда, находился маршал Советского Союза Кулик, судьба которого мне по настоящее время не известна.

Накануне моего ареста мне стало известно в штабе фронта, что из окружения выходит конный корпус и якобы 113-я дивизия. Принятыми мерами по задержанию направления противника на Минск со стороны Слуцка был сохранен свободный промежуток выхода частей южнее Минска до Шацка включительно, куда и направились все части 155, 121, 143, 55-й [дивизий] и 21-го стрелкового корпуса, кроме 50-й дивизии, которой было приказано занять оборону левого берега реки Березина северней Борисова.

Выводя части на реку Березина, мною заблаговременно из разных сборных отрядов и школ были организованы отряды прикрытия переправ в районе Борисов, Березино и м. Свислачь. Задача этих отрядов — пропустить все наши части за реку Березина, отошедшим частям, занявшим левый берег реки Березина, поручено удерживать левый берег, не допуская переправ противника.

47-й стрелковый корпус, 20-й мехкорпус намечались к использованию для контрудара в общем направлении Могилев—Бобруйск, чтобы совершенно отрезать прорвавшиеся на Рогачев танки противника.

Эти мероприятия не удалось осуществить, так как приехал новый командующий фронтом.

На день отъезда я не могу точно доложить состояние частей 3-й и 10-й армий, но знаю, что по состоянию войск они будут сопротивляться очень долго и упорно и примут все меры к тому, чтобы выйти из окружения.

За все время боев штаб фронта работал с полным напряжением, приходилось добывать сведения всякими возможными путями, так как проволочная связь совершенно бездействовала. Она рвалась в западных областях местным антисоветским элементом и диверсантами — лицами, сброшенными с самолетов.

Степень истощения начальника штаба генерала Климовских была настолько велика, что мне лично приходилось записывать отдаваемые распоряжения к себе в блокнот или самому лично проверять их выполнение, или отправлять для проверки специальных людей, подобранных из состава политработников.

Основной причиной всех бед считаю огромное превосходство танков противника и его новой материальной части и огромное превосходство авиации противника.

Вопрос: Вы можете назвать потери людей и материальной части, которые понес Западный фронт во время вашего руководства?

Ответ: До дня ареста сведений о потерях как людей, так и материальной части у меня не было. Остались в окружении часть 3-й армии и часть 10-й армии. Судьба их мне не известна. Остальные части принятыми мерами из окружения были выведены и были управляемыми.

Вопрос: Кто виновник прорыва на Западном фронте?

Ответ: Как я уже показывал, основной причиной быстрого продвижения немецких войск на нашу территорию являлось явное превосходство авиации и танков противника. Кроме этого, на левый фланг Кузнецовым (Прибалтийский военный округ) были поставлены литовские части, которые воевать не хотели. После первого нажима на левое крыло прибалтов литовские части перестреляли своих командиров и разбежались. Это дало возможность немецким танковым частям нанести мне удар с Вильнюса. Наряду с этим потеря управления штабом 4-й армии Коробковым и Сандаловым своими частями способствовала быстрому продвижению противника в бобруйском направлении, а невыполнение моего приказа командующим 10-й армии генералом Голубевым о производстве удара на Брянск 6-м мехкорпусом с целью разгрома мехгруппировки противника, после чего войти

в мое распоряжение в районе Волковыска, лишило меня возможности иметь надлежащую ударную группу.

Вопрос: Изменнические действия были со стороны ваших подчиненных?

Ответ: Нет, не было. У некоторых работников была некоторая растерянность при быстро меняющейся обстановке.

Вопрос: А в чем ваша персональная вина в прорыве фронта?

Ответ: Я предпринял все меры для того, чтобы предотвратить прорыв немецких войск. Виновным себя в создавшемся на фронте положении не считаю.

Вопрос: Сколько времени вы командовали Западным особым военным округом?

Ответ: Один год.

Вопрос: Части округа были подготовлены к военным действиям?

Ответ: Части округа к военным действиям были подготовлены, за исключением вновь сформированных — 17, 20, 13, 11-го мехкорпусов. Причем в 13-м и 11-м корпусах по одной дивизии было подготовлено, а остальные, получив новобранцев, имели только учебную материальную часть и то не везде. 14-й мехкорпус имел слабо подготовленную только одну мотодивизию и стрелковые полки танковых дивизий.

Вопрос: Если основные части округа к военным действиям были подготовлены, распоряжение о выступлении вы получили вовремя, значит, глубокий прорыв немецких войск на советскую территорию можно отнести лишь на счет ваших преступных действий как командующего фронтом.

Ответ: Это обвинение я категорически отрицаю. Измены и предательства я не совершал.

Вопрос: На всем протяжении госграницы только на участке, которым командовали вы, немецкие войска вклинились глубоко на советскую территорию. Повторяю, что это результат изменнических действий с вашей стороны.

Ответ: Прорыв на моем фронте произошел потому, что у меня не было новой материальной части, сколько имел, например, Киевский военный округ.

Вопрос: Напрасно вы пытаетесь свести поражение к не зависящим от вас причинам. Следствием установлено, что вы являлись участником заговора еще в 1935 г. и тогда еще имели намерение в будущей войне изменить

родине. Настоящее положение у вас на фронте подтверждает эти следственные данные.

Ответ: Никогда ни в каких заговорах я не был и ни с какими заговорщиками не вращался. Это обвинение для меня чрезвычайно тяжелое и неправильное с начала до конца. Если на меня имеются какие-нибудь показания, то это сплошная и явная ложь людей, желающих хотя чем-нибудь очернить честных людей и этим нанести вред государству.

Допрос окончен в 16 час. 10 мин.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано.

Д. Павлов.

Допросили:
Врид зам. начальника следчасти
3-го Управления НКО СССР
ст. батальонный комиссар Павловский

Следователь 3-го Управления НКО СССР
мл. лейтенант госбезопасности Комаров

№ 2. СПЕЦСООБЩЕНИЕ 4-го ОТДЕЛА 3-го УПРАВЛЕНИЯ НКО СССР О ПОЛОЖЕНИИ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

т. Маленкову
т. Берия
т. Жукову

№ 37030 8 июля 1941 г.

Совершенно секретно

3-й отдел ЗАПОВО [7]* сообщил:

Командующий 4-й армией Западного фронта генерал-майор Коробков проявил трусость и не организовал оборону частей армии. 23 июня он вместе со своим штабом уехал в Пинск, где областному военкому майору Емельянову сказал, что «нас окружают войска противника», и не отдав никаких приказаний о подготовке частей к бою, уехал в Минск.

Майор Емельянов, как начальник Пинского гарнизона, собрал после этого командиров частей гарнизона и отдал приказание — подготовить части к эвакуации, а Пинскому военгоспиталю эвакуироваться немедленно. Одновременно приказал начальнику окружного склада № 847, воентехнику 1-го ранга Разумовскому взорвать склад.

Это приказание Разумовский выполнил 24 июня. Взрывом склада уничтожено около 300 — 400 вагонов артснарядов разных калибров, винтовочных патронов и других боеприпасов, в то время как части 4-й армии, находившиеся за 70 км от Пинска, оставались без боеприпасов. Взрыв склада осложнил военные операции частей Красной Армии, действовавших на фронте. Кроме этого, вызвал панику среди жителей Пинска. Призванные по мобилизации, находившиеся в военном городке, после взрыва склада разбежались.

Емельянов и Разумовский арестованы.

После бегства командования 4-й армии в пинском направлении из остатков 4-й армии был сформирован ряд частей, которые единого руководства не имеют и бои ведут самостоятельно.

На новой линии фронта в составе 4-й армии действует 47-й стрелковый корпус. Части корпуса вооружением обеспечены недостаточно. Всего имеется: пушек 45 мм — 4, 76 мм — 4 и пушек 122 мм — 12. Боеприпасов не хватает даже и на эти огневые средства.

28—29 июня при форсировании противником реки Березина части корпуса из-за остатков снарядов вынуждены были вести огонь по противнику одиночными выстрелами.

29 июня во время артобстрела наших частей со стороны противника с линии фронта бежало около 500 человек. Все они задержаны.

Начальник 4-го Отдела 3-го Управления
НКО СССР
бригадный комиссар Р. Болотин

На документе резолюции: *«Тов. Маленкову. Мое мнение — Коробкова нужно арестовать и судить как труса и предателя.* **(Подпись неразборчива)** [8] *. *9.VII. 41».*

«За. Арестовать после замены Коробкова Рокоссовским. **Маленков.** *(Без даты)».*

«Согласен. **В. Молотов.** *(Без даты)».*

«Тов. Тутушкину. Исполнить как указано т. Маленковым и т. Молотовым. **(Подпись неразборчива).** *9.VII.41».*

«Коробков арестован. **Тутушкин.** *10.VII.41».*

«Указания на арест Коробкова даны. **(Подпись неразборчива).** *12.VII.41».*

№ 3 ПРОТОКОЛ ДОПРОСА АРЕСТОВАННОГО ПАВЛОВА ДМИТРИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА

Павлов Д. Г., 1897 года рождения, уроженец Горьковского края, Кологривского района, деревни Вонюх. До ареста командующий Западным фронтом, генерал армии член ВКП(б) с 1919 г.

9 июля 1941 г.
Допрос начат в 12 час. 00 мин.

Вопрос: Следствие еще раз предлагает вам рассказать о совершенных вами преступлениях против партии и советского правительства.

Ответ: Анализируя всю свою прошлую и настоящую деятельность, я счел необходимым рассказать следствию о своих предательских действиях по отношению к партии и советскому правительству.

Еще в 1932 г., когда я командовал в Белоруссии мехполком, Уборевич меня отличал как хорошего командира.

В последующие годы Уборевич продолжал выделять меня из среды других командиров, что мне очень льстило, и таким образом я целиком подпал под его влияние, стараясь как можно лучше выполнить все его указания, одновременно и боялся его.

В 1937 г., будучи у меня на стрельбах, Уборевич в присутствии ряда командиров прямо сказал, что он меня, как командира, высоко ценит, вполне мне доверяет и уверен, что я и впредь буду выполнять точно все его указания. Это мое слепое доверие Уборевичу привело к тому, что в последующем, зная о его вредительских действиях, направленных к полному износу материальной части трех бригад, я промолчал, не доложил об этом Ворошилову.

Позже, насколько мне известно, Уборевич рекомендовал мою кандидатуру в Испанию для командования танковыми частями. Уборевич давал мне вредительское указание по использованию танков, приказав раздать все танки по 3—5 штук по всему фронту, что вело к полной гибели их.

Мне известно, что правой рукой Уборевича был Мерецков, который также выполнял все указания Уборевича.

В бытность свою в Испании Мерецков по указанию Уборевича стянул все лучшие войска в Мадрид, создав таким образом положение, при котором в случае отреза Мадрида, эти войска окажутся в мешке и не смогут оказать никакого воздействия на общий фронт, т. е. подвергал лучшие части разгрому. Эти вредительские указания не были окончательно выполнены лишь благодаря вмешательству военного советника Кулика.

Кроме этого Уборевич и Мерецков всегда всему командному составу прививали германофильские настроения, говорили, что нам надо быть в союзе с Германией, так как германскую армию они очень высоко ценят и всегда ставили в пример немецких офицеров. Я разделял эту точку зрения.

Вопрос: Вы расскажите о своей организационной связи по линии заговора с Уборевичем и другими.

Ответ: Организационно по линии заговора я связан ни с Уборевичем, ни с другими не был. Будучи приверженцем Уборевича, я слепо выполнял все его указания, и Уборевичу не нужно было вербовать меня в заговорщическую организацию, так как и без этого я был полностью его человеком.

Вопрос: Следствием по делу участников заговора установлена ваша организационная связь по линии заговора с Уборевичем и другими его соучастниками, но в этом вас будем уличать позже. В первую очередь нас интересуют ваши предательские действия в последний период, в бытность вашу командующим Западным фронтом, об этом сейчас и расскажите.

Ответ: После испанских событий мои отношения с Мерецковым до последних дней продолжали оставаться самыми хорошими, Мерецков по-прежнему оказывал на меня большое влияние, и все его указания по военной линии (он был тогда начальником Генштаба и начальником боевой подготовки) я выполнял, не вникая в их сущность.

Как показали дальнейшие события, эти указания Мерецкова были вредительские, так как они сводились к затягиванию сроков боевой подготовки вверенного мне округа, что в настоящее время было недопустимо.

Мерецков всегда внушал мне, что Германия в ближайшее время воевать с Советским Союзом не будет, что она очень глубоко завязла в своих военных делах на Западном фронте и в Африке. В связи с этим Мерецков пред-

лагал мне не делать особого упора на ускорение боевой подготовки в округе, а вести все по годичному плану. В финскую кампанию, когда я выезжал на финский фронт в качестве начальника бронетанковых войск, обратил внимание Мерецкова, что все лучшие силы с западной границы стянуты на финский фронт и что этим мы оголяем границу с Германией. На это Мерецков еще раз заявил, что нападения со стороны Германии в ближайшее время ожидать не надо. Все эти убеждения Мерецкова я принимал за чистую монету и в своих дальнейших действиях, как командующий Западным особым военным округом, не торопился с повышением уровня боевой подготовки, что привело во время военных действий к предательству фронта, разгрому частей Красной Армии и материальной части, так как округ, которым я командовал, оказался неподготовленным к войне.

Основное зло я нанес своей беспечностью и неповоротливостью, я слишком много доверял своим подчиненным и не проверял их. Эта беспечность передавалась моим подчиненным.

Так, например, мною был дан приказ о выводе частей из Бреста в лагеря еще в начале июня текущего года, и было приказано к 15 июня все войска эвакуировать из Бреста.

Я этого приказа не проверил, а командующий 4-й армией Коробков не выполнил его, и в результате 22-я танковая дивизия, 6-я и 42-я стрелковые дивизии были застигнуты огнем противника при выходе из города, понесли большие потери и более, по сути дела, как соединения не существовали. Я доверил Оборину — командир мехкорпуса — приведение в порядок мехкорпуса, сам лично не проверил его, и в результате даже патроны заранее в машины не были заложены.

22-я танковая дивизия, не выполнив моих указаний о заблаговременном выходе из Бреста, понесла огромные потери от артиллерийского огня противника.

В отношении строительства УРов я допустил со своей стороны также преступное бездействие. В 1940 г. строились только отдельные узлы, а не сплошная линия укреплений, и я поставил об этом вопрос только в 1941 г., перед событиями. Вопросы эти хотя и были разрешены положительно, но было уже поздно. В результате моей бездеятельности УРы к бою готовы не были. Из 590 сооружений было вооружено только 180—190 и то

очень редкими узлами. Остальные бетонные точки пришлось использовать как временно пулеметные гнезда и убежища. Такое положение с УРами дало возможность противнику безнаказанно их обходить и форсировать.

По связи. Я передоверил этот важнейший вопрос Григорьеву — нач. связи, в результате чего он не подготовил связь, а я ее не проверил, радиостанций в округе не было в достаточном количестве, последние были выбиты из строя, в то время как при моем настоятельном обращении в центральный склад НКО мою просьбу могли бы удовлетворить, так как радиостанции там были.

Я допустил беспечность с выдвижением войск к границе.

Вместо того чтобы, учитывая обстановку за рубежом, уже в конце мая месяца вывести все свои части на исходное положение и тем самым дать возможность принять правильные боевые порядки, я ожидал директив генштаба, пропустил время, в результате чего затянул сосредоточение войск, так что война застала большую половину сил на марше в свои исходные районы.

В отношении складов. Я допустил схематическое утверждение складов, приближенных к границе на 50—60 км. В результате этого склады были в первые же два дня подожжены авиацией противника или наши войска вынуждены были отходя рвать их сами.

В отношении авиации. Я целиком доверил на слово рассредоточение авиации по полевым аэродромам, а на аэродромах по отдельным самолетам, не проверил правильность доклада командующего ВВС Копца и его заместителя Таюрского, допустил преступную ошибку, что авиацию разместили на полевых аэродромах ближе к границе, на аэродромах, предназначенных для занятий на случай нашего наступления, но никак не обороны. В результате таких действий в первый же день войны авиация понесла огромные потери, не успев подняться в воздух из-за краткости расстояния от госграницы до аэродрома.

Также одним из вредных моментов является недостаток солярового масла для танковых дизелей, в результате чего 6-й мехкорпус бездействует. При проверке мною в 5-м отделе Генштаба и УСГ [9*] начальник Ермолин и в УСГ — начальник Котов мне доложили, что горючего для ЗАПОВО отпущено потребное количество и хранится в Майкопе, тогда как на самом деле оно должно было храниться в Белостоке. Практически получилось,

что на 29 июня в ЗАПОВО недополучено 1000 тонн горючего. Надо полагать, что Котов и Ермолин доложили правительству, что ЗАПОВО обеспечено полностью горючим, не указав места его нахождения, тем самым ввели правительство в заблуждение.

Таким образом я признаю себя виновным:

1. В том, что благодаря своей бездеятельности я совершил преступления, которые привели к поражению Западного фронта и большим потерям в людях и материальной части, а также и к прорыву фронта, чем поставил под угрозу дальнейшее развертывание войны.

Вопрос: Все эти ваши предательские действия, о которых вы показали, являются результатом не благодушия, а умышленного предательства. Будучи участником антисоветского заговора, вы проводили вредительскую работу в округе, заведомо зная о ее последствиях в предстоящей войне с Германией. Предлагаем вам рассказать правдиво о вашем организованном предательстве — той системе, которую вы создали среди своих подчиненных.

Ответ: Ни от кого задания открыть Западный фронт я не получал, но мое преступное бездействие создало определенную группу командного, политического и штабного состава, которые творили в унисон мне. Так, например, начальник штаба Климовских своих прямых обязанностей по проверке, как выполняются отданные мной распоряжения, совершенно не выполнял. Совершенно неясно было, почему не состоялся удар из Рожаны, выставлены ли и назначены ли заградительные отряды и работают ли посты в районах сборов отходящих частей и даже занятия переправ отрядом на реке Березина. Несмотря на неоднократные мои указания Климовских проверить это положение — он этого не сделал, и проверку произвели специально назначенные политработники.

Начальник связи Григорьев, ограничившись тем, что центр не дает до штатной потребности радиостанций, не принял должных мер к пополнению радиостанций за счет центра и не создал некоторых резервных запасов у себя, чтобы в случае выхода из строя радиостанций можно было бы пополнить их, перебросив на самолете или иным путем. Мне известно, что в центре имелась возможность удовлетворить округ радиостанциями по штатной потребности. Благодаря его — Григорьева — исключительной бездеятельности была утеряна связь с тремя армиями и только впоследствии с одной из них налажена.

Командир мехкорпуса Оборин больше занимался административными делами и ни в коей мере не боевой готовностью своего корпуса, в то время как корпус имел более 450 танков. Оборин с началом военных действий потерял управление и был бит по частям. Предательской деятельностью считаю действия начальника штаба Сандалова и командующего 4-й армии Коробкова. На их участке совершила прорыв и дошла до Рогачева основная мехгруппа противника и в таких быстрых темпах только потому, что командование не выполнило моих приказов о заблаговременном выводе частей из Бреста, чем подвергло эти части разгрому. Штаб потерял с первого дня боя управление частями и доносил только о своем местонахождении, не стараясь взять в руки управление армией вплоть до отхода на Рогачев.

Командующим ВВС Таюрским использование авиации, работа самого штаба является явно преступной. Контроля за выполнением поставленных задач не было. Сводки о своих потерях и об ущербе, нанесенном противнику, всегда приходилось добывать с величайшим трудом. Разведывательные задачи, как правило, не выполнялись. Приказ о сосредоточенном ударе авиацией по какой-либо колонне противника выполнялся не всей авиацией, работающей в этот день, а одним-двумя звеньями. Авиация удалялась на чрезмерно далекие аэродромы или оставалась в непосредственной близости. Так, например, Бобруйск — самолеты вылетели за 15 минут до подхода немецких танков. Начальник оперативного отдела штаба ВВС и начальник разведывательного отдела, фамилии их забыл, проявили полную бездеятельность, граничившую с преступлением, а начальник связи авиации, фамилии также не помню, не принимал никаких мер, чтобы обеспечить связь командования с армиями. Все это воспитанники генерала Копца.

Вопрос: Вы снова рассказываете о предательских действиях отдельных лиц. От вас требуют, чтобы вы рассказали об умысле этих действий. Вы, как заговорщик, открыли фронт врагу намеренно, противник знал всю вашу дислокацию и планы действий, еще раз предлагаем именно об этом рассказать сейчас следствию.

Ответ: Происшедшее на Западном фронте заставляет меня быть убежденным в большом предательстве на брестском направлении. Мне неизвестен этот предатель, но противник рассчитал удар совершенно точно по тому

месту, где не было бетонных точек и где наиболее слабо была прикрыта река Буг. Повторяю, что намеренно я фронт врагу не открывал. Прорыв немцев получился благодаря моей бездеятельности и невыполнению указаний ЦК о постоянной мобилизационной готовности.

Вопрос: Следствие убеждено, что вы умышленно предали фронт, и будет разоблачать вас в этом.

Допрос окончен в 15 час. 10 мин.

Стенограмма записана с моих слов правильно, мною прочитана.

Д. Павлов

Допросили:
Зам. начальника следчасти
3-го Управления НКО СССР
ст. батальонный комиссар Павловский

Следователь 3-го Управления НКО СССР
мл. лейтенант госбезопасности Комаров

№ 4. ПРОТОКОЛ ДОПРОСА АРЕСТОВАННОГО ПАВЛОВА ДМИТРИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА

Павлов Д. Г., 1897 года рождения, уроженец Горьковского края, Кологривского р-на, дер. Вонюх, русский, гр-н СССР, быв. член ВКП(б) с 1919 г., до ареста командующий Западным фронтом — генерал армии.

11 июля 1941.
Допрос начат в 13 час. 30 мин.

Вопрос: На допросе 9 июля т[екущего] г[ода] вы признали себя виновным в поражении на Западном фронте, однако скрыли свои заговорщические связи и действительные причины тяжелых потерь, понесенных частями Красной Армии в первые дни войны с Германией.

Предлагаем дать исчерпывающие показания о своих вражеских связях и изменнических делах.

Ответ: Действительно основной причиной поражения на Западном фронте является моя предательская работа как участника заговорщической организации, хотя этому в значительной мере способствовали и другие объективные условия, о которых я показал на допросе 9 июля т. г.

Вопрос: На предыдущем допросе вы отрицали свою принадлежность к антисоветской организации, а сейчас заявляете о своей связи с заговорщиками. Какие показания следует считать правильными?

Ответ: Сегодня я даю правильные показания и ничего утаивать от следствия не хочу.

Признаю, что в феврале 1937 г. бывшим старшим советником в Испании Мерецковым Кириллом Афанасьевичем я был вовлечен в военно-заговорщическую организацию и в дальнейшем проводил вражескую работу в Красной Армии.

Вопрос: Не хотите ли вы сказать, что вражескую работу вы начали вести только с 1937 г. Так ли было в действительности?

Ответ: Не отрицаю, что еще в 1934 г. я имел некоторые суждения о заговорщической работе, однако организационно с участниками заговора в Красной Армии я тогда связан не был.

Вопрос: С кем вы имели суждения о заговорщической работе?

Ответ: В августе 1934 г. в Бобруйск на учения, проводившиеся мною в 4-й танковой бригаде, которой я командовал, приехал бывший начальник Автобронетанкового управления Красной Армии Халепский.

Халепского я знал с 1932 г. По рекомендации Халепского я был назначен командиром 6-го мехполка и по его же представлению был награжден грамотой ВЦИК и золотыми часами.

Перед началом учений мы беседовали с Халепским на армейские темы. Халепский говорил, что в армии отсутствует твердый порядок, войсковая дисциплина развалена, а руководство не в состоянии перестроить надлежащим образом Красную Армию. В этих условиях трудно что-либо сделать, продолжал Халепский, так как попытки командиров навести порядок в частях встречают со стороны руководства армией резкое противодействие.

Вопрос: Как вы отнеслись к этому заявлению Халепского?

Ответ: К замечаниям Халепского я отнесся одобрительно, тогда он продолжил разговор и заявил, что в армии имеется уже группа решительных командиров, которая противопоставляет себя руководству Красной Армии и ставит перед собой задачу — добиться смены ее руководящей верхушки и выдвижения на высшие

командные посты способных и решительных командиров. Вы здесь у себя также должны над этим подумать, заключил Халепский.

Вопрос: Изложенный вами разговор не дает ясного представления о том, что предложение Халепского носило заговорщический характер.

Ответ: Для меня было очевидно, что речь идет о заговорщической группе среди командиров, в задачу которой входило — добиться замены руководства Красной Армии и выдвижение на руководящие посты своих людей. Хотя Халепский и не упомянул лично Ворошилова, однако он недвусмысленно давал понять, что речь идет именно о нем. Антисоветский характер предложения Халепского не вызывал у меня никаких сомнений.

Вопрос: Этот разговор с Халепским у вас был наедине?

Ответ: Нет, вместе со мной была группа командиров, в частности: бывший начальник бронетанковых войск Белорусского округа Сурен Шаумян; бывший командир 3-й мехбригады того же округа Хрулев и бывший командир 5-й танковой бригады Тылтынь.

После отъезда Халепского вместе с Шаумяном, Тылтынем и Хрулевым мы обменивались мнениями по существу предложения Халепского и условились занять независимую по отношению к руководству армией линию и строить работу по своему усмотрению.

Вопрос: Возвратимся к вашему разговору с Халепским. Покажите, что вы ответили ему после его предложения организовать группу командиров для противодействия руководству Красной Армии.

Ответ: Определенного ответа я Халепскому не дал, так как в это время мне доложили о чрезвычайном происшествии (танком был задавлен красноармеец), и пока я отдавал необходимые распоряжения, связанные с этим делом, Халепский уехал.

Не отрицаю, однако, что мое положительное отношение к предложению Халепского было выражено при обсуждении этого вопроса с Шаумяном, Хрулевым и Тылтынем.

Исходя из установок Халепского, я занял линию ограничения прав политработников, чинил препятствия в их работе и одновременно, не согласовывая, как это предусмотрено приказами, с наркомом обороны, начал

самовольно отстранять от должности и отправлять из части командиров, совершавших незначительные проступки.

Вопрос: Выходит, что к заговорщической работе вы были привлечены Халепским, тогда как в начале допроса вы показали, что в военно-заговорщическую организацию вас вовлек Мерецков. Как это понимать?

Ответ: Я показываю так, как было в действительности. После разговора с Халепским никто из заговорщиков ко мне не обращался, и я не считал себя организационно связанным с заговорщической организацией в Красной Армии.

Лишь в 1937 г. в Испании я был посвящен Мерецковым о существовании в Красной Армии заговора и привлечен к вражеской работе.

Вопрос: Что связывало вас с Мерецковым? На какой почве он вовлек вас в заговорщическую организацию?

Ответ: С Мерецковым я познакомился в 1934 г., когда он был начальником штаба Белорусского военного округа, а я в том же округе командовал 4-й мехбригадой. По службе мне приходилось с ним сталкиваться.

Мерецков несколько раз проводил в моей бригаде учения, и у нас установились хорошие взаимоотношения.

В ноябре 1936 г. я был направлен в Испанию, где к тому времени был и Мерецков. Встретил он меня очень радушно, предоставил главному советнику при военном министре Берзину и ходатайствовал о назначении меня генералом испанской армии. В дальнейшем мы часто разъезжали по фронтам и участвовали в боевых операциях. Это еще более сблизило нас и создало почву для откровенных разговоров.

В феврале 1937 г. я приехал из Алкалы в Мадрид и посетил Мерецкова в гостинице. После деловых разговоров мы обменивались с Мерецковым мнением о положении в Красной Армии.

В беседе выяснилось, что оба мы сходимся в оценке состояния Красной Армии. Мы считали, что командный состав Красной Армии, якобы, бесправен, а политсоставу наоборот предоставлены излишние права. Существовавший, по нашему мнению, разброд среди комсостава вызывается якобы неправильной политикой руководства Красной Армии.

В Красной Армии, заявил Мерецков, нет единой доктрины, это хорошо понимают некоторые руководящие

армейские работники, которые объединились на почве недовольства существующим в армии положением. Тогда же Мерецков сообщил мне, что Тухачевский и Уборевич возглавляют существующую в Красной Армии заговорщическую организацию, которая ставит перед собой задачу — сменить негодное, с их точки зрения, руководство Красной Армией: «Вот приедем мы домой, сказал Мерецков, нужно и тебе работать заодно с нами».

Вопрос: Что вы ответили Мерецкову?

Ответ: Мерецкову я сказал, что глубоко уважаю военный авторитет Уборевича и готов поэтому примкнуть к группе командного состава, которая идет за Уборевичем.

Вопрос: Сомнительно, чтобы Мерецков, не заручившись предварительно вашим согласием примкнуть к заговорщической организации, раскрыл бы перед вами ее руководителей в лице Тухачевского и Уборевича. Правильно ли вы показываете?

Ответ: Я показываю правильно. Откровенной беседе о существовании в армии заговорщической организации предшествовали длительные разговоры, в процессе которых Мерецков убедился, что я разделяю его точку зрения о положении в армии. Кроме того, учитывая мое преклонение перед авторитетом Уборевича, Мерецков без риска мог сообщить мне о его руководящей роли в военно-заговорщической организации.

Вопрос: Какие практические задачи поставил перед вами Мерецков?

Ответ: В этот раз никаких практических заданий Мерецков мне не давал.

Допрос прерывается в 17 час. 10 мин.

Протокол мною прочитан, с моих слов записан правильно, в чем и расписываюсь.

[Д.] Павлов

Допросили:
Зам. начальника следчасти
3-го Управления НКО СССР
ст. батальонный комиссар Павловский

Следователь 3-го Управления НКО СССР
ст. лейтенант госбезопасности Комаров

№ 5. ПРОТОКОЛ ЗАКРЫТОГО СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

Москва 22 июля 1941 г.

Совершенно секретно

Отп. 1 экз.

Председательствующий — армвоенюрист В. В. Ульрих
Члены — диввоенюрист А. М. Орлов и диввоенюрист Д. Я. Кандыбин
Секретарь — военный юрист А. С. Мазур

В 0 часов 20 мин. председательствующий открыл судебное заседание и объявил, что подлежит рассмотрению дело по обвинению бывшего командующего Западным фронтом — генерала армии Павлова Дмитрия Григорьевича, бывшего начальника штаба Западного фронта — генерал-майора Климовских Владимира Ефимовича,— обоих в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 63-2 и 76 УК БССР; бывшего начальника связи штаба Западного фронта — генерал-майора Григорьева Андрея Терентьевича и бывшего командующего 4-й армией — генерал-майора Коробкова Александра Андреевича,— обоих в преступлении, предусмотренном ст. 180 п. «б» УК БССР.

Удостоверившись в самоличности подсудимых, председательствующий спрашивает их, вручена ли им копия обвинительного заключения и ознакомились ли они с ним?

Подсудимые ответили утвердительно.

Оглашается состав суда и разъясняется подсудимым право отвода кого-либо из состава суда при наличии к тому оснований.

Отвода составу суда подсудимыми не заявлено.

Ходатайств до начала судебного следствия не поступило.

Судебное следствие:

Председательствующий оглашает обвинительное заключение и спрашивает подсудимых, понятно ли предъявленное им обвинение и признают ли они себя виновными.

1. **Подсудимый Павлов.** Предъявленное мне обвинение понятно. Виновным себя в участии в антисоветском военном заговоре не признаю. Участником антисоветской заговорщической организации я никогда не был.

Я признаю себя виновным в том, что не успел проверить выполнение командующим 4-й армией Коробковым моего приказа о эвакуации войск из Бреста. Еще в начале июня месяца я отдал приказ о выводе частей из Бреста в лагеря. Коробков же моего приказа не выполнил, в результате чего три дивизии при выходе из города были разгромлены противником.

Я признаю себя виновным в том, что директиву Генерального штаба РККА я понял по-своему и не ввел ее в действие заранее, то есть до наступления противника. Я знал, что противник вот-вот выступит, но из Москвы меня уверили, что все в порядке, и мне было приказано быть спокойным и не паниковать. Фамилию, кто мне это говорил, назвать не могу.

Председательствующий. Свои показания, данные на предварительном следствии несколько часов тому назад, то есть 21 июля 1941 г., вы подтверждаете?

Подсудимый. Этим показаниям я прошу не верить. Их я дал будучи в нехорошем состоянии. Я прошу верить моим показаниям, данным на предварительном следствии 7 июля 1941 г.

Председательствующий. В своих показаниях от 21 июля 1941 г. (лд. 82, том 1) вы говорите:

«Впервые о целях и задачах заговора я узнал еще будучи в Испании в 1937 г. от Мерецкова».

Подсудимый. Будучи в Испании, я имел одну беседу с Мерецковым, во время которой Мерецков мне говорил: «Вот наберемся опыта в этой войне и этот опыт перенесем в свои войска». Тогда же из парижских газет я узнал об антисоветском военном заговоре, существовавшем в РККА.

Председательствующий. Несколько часов тому назад вы говорили совершенно другое и в частности о своей вражеской деятельности.

Подсудимый. Антисоветской деятельностью я никогда не занимался. Показания о своем участии в антисоветском военном заговоре я дал будучи в невменяемом состоянии.

Председательствующий. На том же лд. 82, том 1, вы говорите:

«Цели и задачи заговора, которые мне изложил Мерецков, сводились к тому, чтобы произвести в армии смену руководства, поставив во главе армии угодных заговорщикам людей — Уборевича и Тухачевского».

Такой разговор у вас с ним был?

Подсудимый. Такого разговора у меня с ним не было.

Председательствующий. Какие разговоры вы имели с Мерецковым об антисоветском военном заговоре по возвращении из Испании?

Подсудимый. По возвращении из Испании, в разговоре с Мерецковым о вскрытом заговоре в армии, я спросил у него, куда мы денем эту сволочь. Мерецков мне ответил: «Нам сейчас не до заговорщических дел. Наша работа запущена, и нам надо, засучив рукава, работать».

Председательствующий. На предварительном следствии 21 июля 1941 г. вы говорили по этому поводу совершенно другое. И в частности на лд. 83, том 1, вы дали такие показания:

«По возвращении из Испании, в разговоре с Мерецковым по вопросам заговора, мы решили, в целях сохранения себя от провала, антисоветскую деятельность временно не проводить, уйти в глубокое подполье, проявляя себя по линии службы только с положительной стороны».

Подсудимый. На предварительном следствии я говорил то, что и суду. Следователь же на основании этого записал иначе. Я подписал.

Председательствующий. На лд. 86 тех же показаний от 21 июля 1941 г. вы говорите:

«Поддерживая все время с Мерецковым постоянную связь, последний в неоднократных беседах со мной систематически высказывал свои пораженческие настроения, доказывал неизбежность поражения Красной Армии в предстоящей войне с немцами. С момента начала военных действий Германии на Западе Мерецков говорил, что сейчас немцам не до нас, но в случае нападения их на Советский Союз и победы германской армии хуже нам от этого не будет».

Такой разговор у вас с Мерецковым был?

Подсудимый. Да, такой разговор у меня с ним был. Этот разговор происходил у меня с ним в январе месяце 1940 г. в Райволе.

Председательствующий. Кому это «нам хуже не будет»?

Подсудимый. Я понял его, что мне и ему.

Председательствующий. Вы соглашались с ним?

Подсудимый. Я не возражал ему, так как этот разговор происходил во время выпивки. В этом я виноват.

Председательствующий. Об этом вы докладывали кому-либо?

Подсудимый. Нет, и в этом я также виноват.

Председательствующий. Мерецков вам говорил о том, что Штерн являлся участником заговора?

Подсудимый. Нет, не говорил. На предварительном следствии я назвал Штерн участником заговора только лишь потому, что он во время гвадалахарского сражения отдал преступное приказание об отходе частей из Гвадалахары. На основании этого я сделал вывод, что он участник заговора.

Председательствующий. На предварительном следствии (лд. 88, том 1) вы дали такие показания:

«Для того, чтобы обмануть партию и правительство, мне известно точно, что Генеральным штабом план заказов на военное время по танкам, автомобилям и тракторам был завышен раз в 10. Генеральный штаб обосновывал это завышение наличием мощностей, в то время как фактически мощности, которые могла бы дать промышленность, были значительно ниже... Этим планом Мерецков имел намерение на военное время запутать все расчеты по поставкам в армию танков, тракторов и автомобилей».

Эти показания вы подтверждаете?

Подсудимый. В основном да. Такой план был. В нем была написана такая чушь. На основании этого я и пришел к выводу, что план заказов на военное время был составлен с целью обмана партии и правительства.

Председательствующий оглашает показания подсудимого Павлова, данные им на предварительном следствии (лд. 89, том 1) о его, Павлова, личной предательской деятельности и спрашивает подсудимого, подтверждает ли он эти показания.

Подсудимый. Данные показания я не подтверждаю. Вообще командующий связью не руководит. Организацией связи в армии руководит начальник штаба, а не командующий. Этот пункт, что я сознательно не руководил организацией связи в армии, я записал для того, чтобы скорее предстать перед пролетарским судом.

Мои показания и в отношении УРов, что я якобы

сознательно не ставил вопрос о приведении их в боеготовность, также не отвечают действительности. Подчиненные мне укрепленные районы были в лучшем состоянии, чем в других местах, что может подтвердить народный комиссар обороны СССР.

Председательствующий. По этому поводу Климовских на предварительном следствии показал:

«Работы по строительству укрепленных районов проходили чрезвычайно медленно. К началу военных действий из 600 огневых точек было вооружено 189 и то не полностью оборудованы» (лд. 25, том 2).

Подсудимый. Климовских говорит совершенно верно. Об этом я докладывал Центральному Комитету.

Председательствующий. Когда?

Подсудимый. В мае 1941 г.

Председательствующий. О боеготовности укрепленных районов вы сами на предварительном следствии показали:

«Я сознательно не ставил резко вопроса о приведении в боеготовность укрепленных районов, в результате УРы были небоеспособны, а УРовские войска даже по плану мая месяца не были развернуты».

Подсудимый. Эти показания я подтверждаю, только прошу вычеркнуть из них слово «сознательно».

Председательствующий. Свои показания от 21 июля 1941 г. вы заканчиваете так:

«Будучи озлоблен тем обстоятельством, что многие ранее близкие мне командиры Красной Армии были арестованы и осуждены, я избрал самый верный способ мести — организацию поражения Красной Армии в войне с Германией»...

«Я частично успел сделать то, что в свое время не удалось Тухачевскому и Уборевичу, то есть открыть фронт немцам» (лд. 92, том 1)

Подсудимый. Никакого озлобления у меня никогда не было. У меня не было основания быть озлобленным. Я был Героем Советского Союза. С прошлой верхушкой в армии я связан не был. На предварительном следствии меня в течение 15 дней допрашивали о заговоре. Я хотел скорее предстать перед судом и ему доложить о действительных поражениях армии. Поэтому я писал и о злобе и называл себя тем, кем я никогда не был.

Председательствующий. Свои показания от 11 июля 1941 г. вы подтверждаете?

Подсудимый. Нет, это также вынужденные показания.

Председательствующий оглашает выдержку из показаний подсудимого Павлова, данных им на предварительном следствии 11 июля 1941 г. (лд. 65, том 1), следующего характера:

«...Основной причиной поражения на Западном фронте является моя предательская работа как участника заговорщической организации, хотя этому в значительной мере способствовали и другие объективные условия, о которых я показал на допросе 9 июля».

Подсудимый. Все это записано неверно. Это мои вынужденные показания.

Председательствующий. Что вы скажете относительно своих показаний от 9 июля 1941 г.?

Подсудимый. Эти показания также совершенно не отвечают действительности. В этот день я чувствовал себя хуже, чем 21 июля 1941 г.

Председательствующий. 9 июля 1941 г. на лд. 59 тома 1 вы дали такие показания:

«В отношении авиации. Я целиком доверил на слово рассосредоточение авиации по полевым аэродромам, а на аэродромах по отдельным самолетам, не проверил правильность доклада командующего ВВС Копца и его заместителя Таюрского. Допустил преступную ошибку, что авиацию разместили на полевых аэродромах ближе к границе, на аэродромах, предназначенных для занятий на случай нашего наступления, но никак не обороны».

Эти показания вы подтверждаете?

Подсудимый. Это совершенно правильно. В начале военных действий Копец и Таюрский доложили мне, что приказ народного комиссара обороны СССР о сосредоточенном расположении авиации ими выполнен. Но я физически не мог проверить правильность их доклада. После первой бомбежки авиадивизия была разгромлена. Копец застрелился потому, что он трус.

На вопросы члена суда диввоенюриста тов. Кандыбина **подсудимый Павлов** ответил:

Я своевременно знал, что немецкие войска подтягивались к нашей границе, и согласно донесений нашей разведки предполагал о возможном наступлении немецких войск. Несмотря на заверения из Москвы, что все в порядке, я отдал приказ командующим привести войска в боевое состояние и занять все сооружения боевого типа.

Были розданы войскам патроны. Поэтому сказать, что мы не готовились,— нельзя.

Свои показания, данные в начале предварительного следствия, в отношении командующего 4-й армией Коробкова я полностью подтверждаю.

После того как я отдал приказ командующим привести войска в боевое состояние, Коробков доложил мне, что его войска к бою готовы. На деле же оказалось, что при первом выстреле его войска разбежались.

Состояние боеготовности 4-й армии, находящейся в Бресте, я не проверял. Я поверил на слово Коробкову о готовности его частей к бою.

На вопросы члена суда диввоенюриста т. Орлова **подсудимый Павлов** ответил:

Я считаю, что все войска Западного фронта к войне были вполне подготовлены. И я бы не сказал, что война застала нас врасплох и неподготовленными. В период 22—26 июня 1941 г. как в войсках, так и в руководстве паники не было, за исключением в 4-й армии, в которой чувствовалась полная растерянность командования.

При отходе на новые оборонительные позиции неорганизованности не было. Все знали, куда надо было отходить.

К противовоздушной обороне столица Белоруссии Минск была подготовлена, кроме того, она охранялась 4-мя дивизиями.

Член суда т. Орлов. А чем объяснить, что 26 июня Минск был брошен на произвол судьбы?

Подсудимый. Правительство выехало из Минска еще 24 июня.

Член суда т. Орлов. При чем здесь правительство? Вы же командующий фронтом.

Подсудимый. Да, я был командующим фронтом. Положение, в котором оказался Минск, говорит о том, что Минск полностью обороной обеспечен не был.

Член суда т. Орлов. Чем объяснить, что части не были обеспечены боеприпасами?

Подсудимый. Боеприпасы были, кроме бронебойных. Последние находились от войсковых частей на расстоянии 100 км. В этом я виновен, так как мною не был поставлен вопрос о передаче складов в наше распоряжение.

По обороне Минска мною были приняты все меры, вплоть до доклада правительству.

2. Подсудимый Климовских. Предъявленное мне обвинение понятно. Виновным себя признаю во второй части предъявленного обвинения, то есть в допущении ошибок по служебной деятельности.

Председательствующий. В чем именно вы признаете себя виновным?

Подсудимый. Я признаю себя виновным в совершении преступлений, изложенных в обвинительном заключении.

Председательствующий. Свои показания, данные на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Подсудимый. Показания, данные мною на предварительном следствии, о причинах поражения войск Западного фронта я полностью подтверждаю.

Председательствующий. На предварительном следствии (лд. 25, том 2) вы дали такие показания:

«...2-я причина поражения заключается в том, что работники штаба фронта, в том числе и я, и командиры отдельных соединений преступно халатно относились к своим обязанностям как до начала военных действий, так и во время войны».

Эти показания вы подтверждаете?

Подсудимый. Подтверждаю полностью.

Член суда т. Орлов. Скажите, был ли выполнен план работ по строительству укрепленных районов?

Подсудимый. Работы по строительству укрепленных районов в 1939—1940 гг. были выполнены по плану, но недостаточно. К началу военных действий из 600 огневых точек было вооружено 189 и то не полностью оборудованы.

Член суда т. Орлов. Кто несет ответственность за неготовность укрепрайонов?

Подсудимый. За это несут ответственность: командующий войсками Павлов, пом. комвойсками по УРам Михайлин и в известной доле я несу ответственность, как начальник штаба.

Член суда т. Орлов. Кто несет ответственность за отсутствие самостоятельных линий и средств связи для общевойскового командования, ВВС и ПВО?

Подсудимый. За это несет ответственность начальник связи Западного фронта и я, как начальник штаба.

Член суда т. Орлов. Вы располагали данными о том, что противник концентрирует войска?

Подсудимый. Такими данными мы располагали, но

мы были дезинформированы Павловым, который уверял, что противник концентрирует легкие танки.

Первый удар противника по нашим войскам был настолько ошеломляющим, что он вызвал растерянность всего командного состава штаба фронта. В этом виновны: Павлов, как командующий фронтом, я — как начальник штаба фронта, начальник связи Григорьев, начальник артиллерии и другие командиры.

Член суда т. Орлов. Вы являлись участником антисоветского заговора?

Подсудимый. Участником антисоветского заговора я никогда не был.

Член суда т. Орлов. Показания участников антисоветской заговорщической организации Симонова и Батенина, данные ими на предварительном следствии в отношении вас, вам известны? Если да, то что вы скажете в отношении их показаний?

Подсудимый. Показания Симонова и Батенина мне хорошо известны. Их показания я категорически отрицаю. Повторяю, что участником антисоветской заговорщической организации я не был.

Член суда т. Орлов. Как вы считаете, Минск в достаточной степени был подготовлен к обороне?

Подсудимый. Я считаю, что Минск к обороне был подготовлен недостаточно. В Минске действовала авиация, но ее было мало, фактически оборона Минска была недостаточной.

Член суда т. Кандыбин. Подсудимый Павлов на предварительном следствии дал такие показания:

«Командир мехкорпуса Оборин больше занимался административными делами и ни в коей мере не боевой готовностью своего корпуса, в то время как корпус имел более 450 танков. Оборин с началом военных действий потерял управление и был бит по частям. Предательской деятельностью считаю действия начальника штаба Сандалова и командующего 4-й армией Коробкова».

Что вы скажете в отношении показаний Павлова?

Подсудимый. Показания Павлова я подтверждаю.

3. Подсудимый Григорьев. Предъявленное мне обвинение понятно. Виновным признаю себя в том, что после разрушения противником ряда узлов связи я не сумел их восстановить.

Председательствующий. Свои показания, данные на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Подсудимый. Первые свои показания, данные в Минске, а также показания, данные 21 июля 1941 г., я подтвердить не могу, так как дал их вынужденно.

Свои собственноручные показания я полностью подтверждаю.

Член суда т. Орлов оглашает показания подсудимого Григорьева, данные им на предварительном следствии 5 июля 1941 г. (лд. 24—25, том 4), о том, что он, Григорьев, признает себя виновным:

1. В том, что не была бесперебойно осуществлена связь штаба фронта с действующими частями Красной Армии.

2. В том, что не было принято им решительных мер к формированию частей фронтовой связи по расписаниям военного времени.

3. В том, что им не было принято решительных мер к своевременному исправлению повреждений проводов и пунктов связи, как диверсантами, так и в результате бомбардировки самолетами противника.

Подсудимый. Первый и третий пункт моих показаний я полностью подтверждаю. Второй же пункт, хотя я и признал себя виновным, но он ко мне совершенно не относится, так как я мобилизацией не занимался. Правда, я несу косвенную ответственность и за это.

Член суда т. Орлов. Свои собственноручные показания от 15 июля 1941 г. вы начинаете так:

«Война, разразившаяся 22 июня 1941 г., застала Западный особый военный округ к войне неподготовленным» (лд. 67, том 4).

Эти показания вы подтверждаете?

Подсудимый. Да, подтверждаю.

Член суда т. Орлов. Давая показания об обстановке в штабе округа перед началом войны, вы говорите:

«Война, начавшаяся 22 июня, застала Западный особый военный округ врасплох. Мирное настроение, царившее все время в штабе, безусловно передавалось и в войска. Только этим «благодушием» можно объяснить тот факт, что авиация была немецким налетом застигнута на земле. Штабы армий находились на зимних квартирах и были разгромлены и, наконец, часть войск (Брестский гарнизон) подвергалась бомбардировке на своих зимних квартирах» (лд. 76, том 4).

Эти показания соответствуют действительности?

Подсудимый. Да.

Член суда т. Орлов. Чувствовалось ли в штабе округа приближение войны?

Подсудимый. Нет. Начальник штаба округа — Климовских считал, что все наши мероприятия по передвижению войск к границе есть мера предупредительная.

Член суда т. Орлов. Кто во всем этом виновен?

Подсудимый. Виновны в этом: командующий — Павлов, начальник штаба — Климовских, член Военного совета Фоминых и другие.

Член суда т. Орлов. На лд. 79, том 4, вы дали такие показания:

«Выезжая из Минска, мне командир полка связи доложил, что отдел химвойск не разрешил ему взять боевые противогазы из НЗ. Артотдел округа не разрешил ему взять патроны из НЗ, и полк имеет только караульную норму по 15 штук патронов на бойца, а обозно-вещевой отдел не разрешил взять из НЗ полевые кухни. Таким образом, даже днем 18 июня довольствующие отделы штаба не были ориентированы, что война близка... И после телеграммы начальника Генерального штаба от 18 июня войска округа не были приведены в боевую готовность».

Подсудимый. Все это верно.

4. Подсудимый Коробков. Предъявленное мне обвинение понятно. Виновным себя не признаю. Я могу признать себя виновным только лишь в том, что не мог определить точного начала военных действий. Приказ народного комиссара обороны мы получили в 4.00, когда противник начал нас бомбить.

К исполнению своих обязанностей — командующего 4-й армией я приступил 6 апреля 1941 г. При проверке частей более боеспособными оказались 49, 75 и 79-я стрелковые дивизии. Причем 79-я стрелковая дивизия ушла в 10-ю армию. 75-я стрелковая дивизия находилась на левом фланге. Остальных частей боеготовность была слаба.

События развернулись молниеносно. Наши части подвергались непрерывным атакам крупных авиационных и танковых соединений противника. С теми силами, которые я имел, я не мог обеспечить отпор противнику. Причинами поражения моих частей я считаю огромное превосходство противника в авиации и танках.

Председательствующий оглашает выдержки из показаний подсудимого Павлова, данных им на предвари-

тельном следствии (лд. 30, том 1) о том, что Коробковым была потеряна связь с 49-й и 75-й стрелковыми дивизиями и (лд. 33) о том, что в 4-й [армии] чувствовалась полная растерянность командования, которое потеряло управление войсками.

Подсудимый. Показания Павлова я категорически отрицаю. Как может он утверждать это, если он в течение 10 дней не был у меня на командном пункте. У меня была связь со всеми частями, за исключением 46-й стрелковой дивизии, которая подчинялась мехкорпусу.

На предварительном следствии меня обвиняли в трусости. Это неверно. Я день и ночь был на своем посту. Все время был на фронте и лично руководил частями. Наоборот, меня все время обвиняло 3-е Управление в том, что штаб армии был очень близок к фронту.

Председательствующий. Подсудимый Павлов на предварительном следствии дал о вас такие показания:

«Предательской деятельностью считаю действия начальника штаба Сандалова и командующего 4-й армией Коробкова. На их участке совершила прорыв и дошла до Рогачева основная мехгруппа противника и в таких быстрых темпах только потому, что командование не выполнило моих приказов о заблаговременном выводе частей из Бреста» (лд. 62, том 1).

Подсудимый. Приказ о выводе частей из Бреста никем не отдавался. Я лично такого приказа не видел.

Подсудимый Павлов. В июне месяце по моему приказу был направлен командир 28-го стрелкового корпуса Попов с заданием к 15 июня все войска эвакуировать из Бреста в лагеря.

Подсудимый Коробков. Я об этом не знал. Значит, Попова надо привлекать к уголовной ответственности за то, что он не выполнил приказа командующего.

Больше судебное следствие подсудимые ничем не дополнили, и оно было объявлено законченным.

Предоставлено последнее слово подсудимым, которые сказали:

1. Подсудимый Павлов. Я прошу исключить из моих показаний вражескую деятельность, так как таковой я не занимался. Причиной поражения частей Западного фронта являлось то, что записано в моих показаниях от 7 июля 1941 г., и то, что стрелковые дивизии в настоящее время являются недостаточными в борьбе с крупными танковыми частями противника. Количество пехотных

дивизий не обеспечит победы над врагом. Надо немедленно организовывать новые противотанковые дивизии с новой материальной частью, которые и обеспечат победу.

Коробков удара трех механизированных дивизий противника выдержать не мог, так как ему было нечем бороться с ними.

Я не смог правильно организовать управление войсками за отсутствием достаточной связи. Я должен был потребовать радистов из Москвы, но этого не сделал.

В отношении укрепленных районов. Я организовал все зависящее от меня. Но должен сказать, что выполнение мероприятий правительства было замедленно.

Я прошу доложить нашему правительству, что в Западном особом фронте измены и предательства не было. Все работали с большим напряжением. Мы в данное время сидим на скамье подсудимых не потому, что совершили преступления в период военных действий, а потому, что недостаточно готовились в мирное время к этой войне.

2. Подсудимый Климовских. Участником антисоветской заговорщической организации я не был. Меня оговорили Симонов и Батенин. Их показания разбирались Центральным Комитетом и, если бы они были правдоподобны, меня никогда не направили бы на должность начальника штаба.

Я признаю себя виновным в ошибках, которые были мною допущены в своей служебной деятельности как до войны, так и во время войны, но прошу учесть, что эти ошибки в работе мною были допущены без всякого злого умысла.

Я прошу доложить высшему командованию Красной Армии о том, чтобы во время военных действий высший командный состав находился при войсках и на месте исправлял те или иные ошибки.

Я прошу дать мне возможность искупить свою вину перед Родиной, и я все силы отдам на благо Родины.

3. Подсудимый Григорьев. Работа связи находилась в очень тяжелых условиях, ибо враг нанес решительный удар и нарушил как телеграфную, так и телефонную связь.

Я никогда не был преступником перед Советским Союзом. Я честно старался исполнять свой долг, но не мог его выполнить, ибо в моем распоряжении не

было частей. Части не были своевременно отмобилизованы, не были своевременно отмобилизовны войска связи Генштаба.

Если только мне будет дана возможность, я готов работать в любой должности на благо родины.

4. Подсудимый Коробков. 4-я армия по сути не являлась армией, так как она состояла из 4-х дивизий и вновь сформированного корпуса. Мои дивизии были растянуты на растоянии 150 км. Сдержать наступление 3-х мехдивизий противника я не мог, так как мои силы были незначительными и пополнение ко мне не поступало.

Первые два дня начала военных действий моим частям двигаться нельзя было из-за огромного количества самолетов противника. Буквально каждая наша автомашина расстреливалась противником. Силы были неравные. Враг превосходил нас во всех отношениях.

Ошибки в моей работе были, и я прошу дать мне возможность искупить свои ошибки.

Суд удалился на совещание, по возвращении с которого председательствующий в 3 часа 20 мин. огласил приговор и разъяснил осужденным их право ходатайствовать перед Президиумом Верховного Совета СССР о помиловании.

В 3 часа 25 мин. председательствующий объявил судебное заседание закрытым.

Председательствующий — армвоенюрист В. Ульрих
Секретарь — военный юрист [А.] Мазур

№ 6. ПРИГОВОР ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

22 июля 1941 г.
Москва Совершенно секретно

Именем Союза Советских Социалистических Республик Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР в составе: председательствующего — армвоенюриста В. В. Ульриха, членов — диввоенюристов А. М. Орлова и Д. Я. Кандыбина,

при секретаре военном юристе А. С. Мазуре в закрытом судебном заседании в г. Москве 22 июля 1941 г. рассмотрела дело по обвинению:

1. Павлова Дмитрия Григорьевича, 1897 года рождения, бывшего командующего Западным фронтом, генерала армии;

2. Климовских Владимира Ефимовича, 1895 года рождения, бывшего начальника штаба Западного фронта, генерал-майора;

3. Григорьева Андрея Терентьевича, 1889 года рождения, бывшего начальника связи Западного фронта, генерал-майора,— в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 193—17/б и 193—20/б УК РСФСР.

4. Коробкова Александра Андреевича, 1897 года рождения, бывшего командующего 4-й армией, генерал-майора,— в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 193—17/б и 193—20/б УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что подсудимые Павлов и Климовских, будучи первый — командующим войсками Западного фронта, а второй — начальником штаба того же фронта, в период начала военных действий германских войск против Союза Советских Социалистических Республик проявили трусость, бездействие власти, нераспорядительность, допустили развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций частями Красной Армии, тем самым дезорганизовали оборону страны и создали возможность противнику прорвать фронт Красной Армии.

Обвиняемый Григорьев, являясь начальником связи Западного фронта и располагая возможностями к налаживанию боеспособной связи штаба фронта с действующими воинскими соединениями, проявил паникерство, преступное бездействие в части обеспечения организации работы связи фронта, в результате чего с первых дней военных действий было нарушено управление войсками и нормальное взаимодействие воинских соединений, а связь фактически была выведена из строя.

Обвиняемый Коробков, занимая должность командующего 4-й армией, проявил трусость, малодушие и преступное бездействие в возложенных на него обязанностях, в результате чего вверенные ему вооруженные силы понесли большие потери и были дезорганизованы.

Таким образом, обвиняемые Павлов, Климовских,

Григорьев и Коробков вследствие своей трусости, бездействия и паникерства нанесли серьезный ущерб Рабоче-Крестьянской Красной Армии, создали возможность прорыва фронта противником в одном из главных направлений и тем самым совершили преступления, предусмотренные ст. ст. 193—17/б и 193—20/б УК РСФСР.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 319 и 320 УПК РСФСР, Военная Коллегия Верховного Суда СССР

Приговорила:

1) Павлова Дмитрия Григорьевича, 2) Климовских Владимира Ефимовича, 3) Григорьева Андрея Терентьевича и 4) Коробкова Александра Андреевича лишить военных званий: Павлова — «генерал армии», а остальных троих военного звания «генерал-майор» и подвергнуть всех четырех высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

На основании ст. 33 УК РСФСР возбудить ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР о лишении осужденного Павлова звания Героя Советского Союза, трех орденов Ленина, двух орденов «Красная Звезда», юбилейной медали в ознаменование «20-летия РККА» и осужденных Климовских и Коробкова орденов «Красное Знамя» и юбилейных медалей «20-летие РККА».

Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит.

Председательствующий В. Ульрих

Члены А. Орлов

Д. Кандыбин

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Павлов Дмитрий Григорьевич (1897—1941), генерал армии (1941), Герой Советского Союза (1937). В Советской Армии с 1919 г. Окончил военную академию им. М. В. Фрунзе (1928). Участник первой мировой войны. В гражданскую войну — помощник командира кавалерийского полка. С 1928 г.— командир и комиссар мехбригады. Участник войны испанского народа 1936—1939 гг. С 1937 г.— начальник Автобронетанкового управления РККА, участвовал в советско-финляндской войне 1939—1940 гг. С 1940 г.— командующий войсками Белорусского (Западного) особого военного округа.

2. 4-я армия, входившая в состав Западного фронта, была дислоцирована перед войной в район Бреста.

3. С 1940 и до июля 1941 г. органы военной контрразведки входили в систему Наркомата обороны, затем они были преобразованы в Особые отделы НКВД СССР, а в апреле 1943 г.— в органы военной контрразведки «Смерш», которые вновь были подчинены Наркомату обороны.

4. ВЧ — высокочастотная связь.

5. ВНОС — воздушное наблюдение, оповещение и связь.

6. УР — укрепрайон.

7. ЗАПОВО — Западный особый военный округ.

8. На документе имеется штамп его поступления в секретариат начальника Генштаба — т. е. в аппарат Г. К. Жукова. Есть большая вероятность того, что резолюция принадлежит Жукову, хотя графические признаки подписи на документе не полностью совпадают с образцами его почерка.

9. УСГ — Управление снабжения горючим.

Публикацию подготовили *В. Ерошин* и *В. Ямпольский.*

СТАРЫЕ ПИСЬМА

В ОЖИДАНИИ ПАЛЕСТИНЫ

17 писем С. Н. Булгакова к М. О. Гершензону и его жене. 1897—1925 гг.

Современному читателю легче вспомнить, что разделяло этих людей, чем представить себе, что соединяло в разные времена — марксиста, «христианского социалиста», наконец, православного богослова Сергея Николаевича Булгакова (1871—1944) и историка русской общественности Михаила Осиповича Гершензона (1869—1925).

Они встретились в Москве в середине 1890-х гг.: выпускник юридического факультета университета Булгаков и его коллега с факультета историко-филологического Гершензон. В кругу будущей родственницы Булгакова марксистской издательницы М. И. Водовозовой их сплотила работа над переводами историко-экономической литературы и почти неизвестная нам, но определенно нелегальная, социалистическая деятельность. На этом фоне вызрели и развились достаточно близкие, но идейно поверхностные отношения двух типичных российских интеллигентов. Их судьба во многом предопределялась для одного — всей отвратительностью существования иудея вокруг черты оседлости и иных административных «порогов», для другого — происхождением из семьи провинциального священника и опытом юношеского атеизма и нигилизма. Гершензон-толстовец противостоял власти этически, Булгаков-марксист уповал на борьбу труда с капиталом, подчиняя свои пристрастия политической экономии. Признаваясь своему товарищу, что посланной «карточкой Энгельса Вы меня утешили», Булгаков выговаривал ему: «А все-таки это свинство, что Вы мне Маркса не послали» [1*]. Аккуратный Гершензон записал для памяти: «С. Н. Булгакову: портрет Маркса» [2*]...

Им было уже за тридцать, когда их духовное развитие неожиданно быстро стало открывать им внутреннюю необоснованность юношеского выбора, и приподнято-ернический тон

писем Булгакова сменился нарастающей жесткостью жизненных констатаций. Гершензон — в исследовании отечественной культуры через призму творивших ее имен (В. С. Печерина, П. Я. Чаадаева, Н. В. Станкевича и др.) — склонялся к индивидуализму. Булгаков — в беспристрастном изучении экономики — утрачивал марксистскую ортодоксальность. Оба они, следуя бывшему редактору их журнала «Новое слово» и марксистскому вождю П. Б. Струве, не только естественно присоединились к делам интеллигентски-либерального «Союза Освобождения», размывающего былую партийность во имя широты антисамодержавного фронта, но и сделали важные мировоззренческие коррективы. На страницах эмигрантского органа Гершензон опубликовал анонимное «Письмо...», в котором пророчески обличал узкий политицизм, почти по-«веховски» утверждая приоритет воспитания личности над ее поспешным политическим освобождением. Булгаков же, вернувшись к вере, последовательно выстраивал концепцию единства социалистического и либерального идеалов с принципами христианства.

Дуэт конфидентов пережил пред- и послереволюционные годы в прежнем качестве: во взаимном дополнении кабинетного архивиста, не чуждого «запросам современности», и политического публициста, борющегося против капиталистической эксплуатации и за церковную реформацию. Так же вместе Гершензон и Булгаков пережили горькое разочарование в способностях и устоях интеллигенции, в равной степени далекой, как оказалось, и от народа, и от внутренней свободы, и от церковно-соборного жизнестроительства. Совершенно не случайно одним из главных участников задуманного Гершензоном сборника, посвященного критике интеллигенции, стал Булгаков.

В сборнике «Вехи», впервые открыто сопоставившем кредо двух друзей, проявилось глубокое различие взглядов на единую проблему, которое уже нельзя было скрыть отсылками на специализацию. Идейное разногласие их выразилось в крайнем индивидуализме и отторжении от любой «внешней» деятельности, с одной стороны, и, с другой,— в уравновешенной религиозно-общественной позиции, соединяющей идею «Царства Божия внутри нас» с протестантским требованием личного подвига. Примечательно, что примерно в эту же эпоху Булгаков отзывался о Гершензоне: «Мы с ним старые приятели» [3*]. Именно тогда, в точке явственного взаимного самоопределения, созрела близость этих людей. Близость, не обходящая болезненных «пунктиков» русско-еврейских отношений: известная статья Булгакова «Карл Маркс как религиозный тип» писа-

лась одновременно с приглашением Гершензона к сотрудничеству в христианской газете «Народ».

В чем же искать внутренних корней этого содружества? Что сделало возможным и необходимым возникновение в середине 1910-х гг. дружеского кружка в составе православного Булгакова, прокатолического Вячеслава Иванова и не крещеных Гершензона и Льва Шестова? Что определило органичность деятельного участия Гершензона в трудах «славянофильского» издательства «Путь» (Булгаков, В. Ф. Эрн, Е. Н. Трубецкой и др.), в котором он выпустил двухтомники И. В. Киреевского и П. Я. Чаадаева? Разумеется, дело не только в душевной слабости Гершензона к героям своих исследований. Дело в высоком и редком качестве, которое много лет спустя отметил в нем П. Б. Струве.

Повествуя о порче русского языка кальками с немецкого в конце XIX в., Струве заключил, что происходила она чаще всего через посредство пишущих русских евреев, которые, вырастая в пределах черты оседлости, не могли хорошо узнать русский язык, а высшее образование (из-за процентной нормы в русских университетах) получали, как правило, в Германии. Родившийся в Кишиневе, в Берлине учился и Гершензон, пока не прорвался в Московский университет... И зная это, Струве, русский немец, чрезвычайно чуткий к национальному содержанию культуры, признавался, что на его памяти было только двое русских евреев, Н. Минский и Гершензон, владевших столь гармоничным, богатым и ярким русским языком, что ему мог поучиться всякий. В. Ф. Ходасевич иронически вспоминал, что Гершензон чуть ли не лучше Пушкина знал события его жизни. Именно безграничная слиянность Гершензона с русской культурой позволяла ему спокойно и без нажима оставаться самим собой и сохранять свою еврейскую идентичность. Показателем этого была не только симпатия вполне простонародного по языку и характеру Булгакова. Выбор Гершензона был неуязвим ни для В. В. Розанова, ни для В. Жаботинского, чьи статьи появлялись едва ли не рядом со штудиями Гершензона на страницах «Русской мысли» П. Б. Струве. Однако в 1920 г. Гершензон писал: «Я живу, подобно чужеземцу, освоившемуся в чужой стране; любим чужеземцами и сам их люблю, ревностно тружусь для их блага, но и знаю себя чужим, тайно грущу о полях моей родины [...] Где моя родина?» (Вяч. Иванов и М. О. Гершензон. Переписка из двух углов. Пг., 1921, с. 61).

Когда катастрофа 1917 г. развела Гершензона с большинством его «веховских» коллег, неприязненно пенявших за лояльность к большевикам ему, одному из самых скандально

известных критиков интеллигенции («Нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом,— бояться его мы должны пуще всех казней власти»), пожалуй, единственным из этих коллег, кто не отвернулся от него, был Булгаков. Даже более того — в июне 1918 г. в Даниловом монастыре Гершензон присутствовал при посвящении Булгакова в иереи. Преодолевая политические и конфессиональные преграды, в момент взрыва старой России Булгаков и Гершензон были вместе. После этого еще несколько месяцев сохранялась их эпистолярная связь, но встретиться им больше не пришлось никогда.

Высокое понимание своего человеческого единства с Гершензоном Булгаков высказал после его смерти в письме к вдове. Но, наверное, глубина их общей судьбы стала ясна Булгакову еще прежде, когда его изгнали из России. В 1923 г. он писал из Праги Н. А. Бердяеву об эмиграции: «... В этом русском гетто я чувствую себя русским жидом, ждущим своей Палестины»[4*].

Письма печатаются по автографам, хранящимся в Отделе рукописей РГБ: ф. 746, оп. 1, к. 29, д. 22, 23 (к М. О. Гершензону); к. 47, д. 27 (к М. Б. Гершензон).

№ 1

[Ливны] [24 декабря 1897 г.]

Дорогой Михаил Осипович!

Еду в Крым (ст. Кореиз, им[ение] Олеиз):[5*] 29 числа. Получил от П[авла] Ив[ановича] [6*] телеграмму, что мне дана казенная командировка [7*]. Срок и даже место свадьбы пока не выяснен. Извещу. Черкните.

Ваш Поликрат.

№ 2

ст. Верховье 28 декабря 1897 г.

Дорогой Михаил Осипович!

Еду в Крым. Свадьба будет или 9 или 12 января. Извещу, как только вырешится, а Вы известите кого увидите из моих близких. Мне пишут, что «Рынки» [8*] уже разрешены. Стипендия дана мне одному из юристов, в уменьшенном размере 1200 р[ублей] в год (а не 1500),

что, конечно, ничего не значит. Ехать — в конце февраля. От курсов, конечно, отказываюсь [9*]. В Москве или 15 или 20 янв[аря]. Весь Ваш С. Б.

№ 3

[Олеиз] [9 января 1898 г.]

Дорогой Михаил Осипович!

Настоящим письмом имею известить Вас, что свадьба моя окончательно назначена на вечер 14-го января. Утром пятнадцатого мы едем, заедем в Ливны и 21-го в Москве (22-го у меня лекция [10*]). О своей жизни здесь не распишешься: такие моменты или дни не выражаются словами. Представьте себе курьез: здесь я получил бумагу об утверждении меня в чине надворного советника [11*], в каковом классе я состою по должности. Вот разберите тут!

Обнимаю Вас. Скажите моим приятелям (как я был удивлен и огорчен гостями Н. М. [12*]) о дне свадьбы, кого увидите. Обнимаю Вас.

С. Бул.

№ 4

Фридрихроде 5/17 июля [1898 г.]

Дорогой Михаил Осипович!

«Откуда начну плакати окаянного моего житья деяний», т. е. чем начну свои извинения? И с другой стороны «откуда начну повести временных лет», т. е. рассказ о своих впечатлениях. Последнее страшно трудно, п[отому] ч[то] их было слишком много. Но сперва чисто внешний очерк своей жизни за это время: (Продолжаю в Oberhof'е 12/24). В половине февраля мы приехали в Берлин и благополучно прожили там до мая. С 1-го мая Нелли [13*] заболела серозным плевритом и проболела до половины июня. Делали укол, даже два,— пробный и настоящий, а затем послали долечиваться горным воздухом в Тюрингенские горы, сначала в Фр[идрихроде], а затем в Oberhof (наверное, ни того ни другого не слыхали). Приблизительно через неделю-две мы возвращаемся в Берлин, и уж там врачи признают, закончено ли

лечение. У Нелли здоровая наследственность и хорошие от природы легкие. Тем не менее, правое легкое, сжатое долго экссудатом, до сих пор движется слабее левого и образовались сращения, к[ото]рые однако уменьшаются. Я надеюсь, что все это произойдет благополучно. Мне не нужно Вам говорить, что время ее болезни принадлежит к одному из самых мучительных периодов моей жизни, но слава богу, что все благополучно кончилось.

Мои впечатления... но их так много, что, право, даже трудно начать. Я видел, наконец, по возможности знакомился и буду еще знакомиться с тем движением, к[ото]рое так интересовало меня в России, знаком с немцами-теоретиками. Для меня самого еще не ясно, в какую форму отложатся для меня эти впечатления,— я думаю, что вполне это выразится только в России. Но это страшно поучительно и дало мне много нового,— не в основных т[очках] зр[ения], к[ото]рые остаются, конечно, те же, но в деталях. Берлин — оч[ень] интересный и поучительный город, я считаю его настолько вообще поучительным, что останусь здесь на весь год, с короткими выездами, имея в виду еще удобства для занятий. Перед глазами прошли выборы, хотя горячка избирательной агитации была уловима только по газетам, п. ч. главной частью пришлась на болезнь Нелли. Один из неожиданных для меня выводов, теперь, по здравом размышлении, нахожу это вполне понятным, было то, что здесь в общем гораздо меньше читают (в соц[иал]-д[емократических] кругах), хотя уровень рабочих масс несомненно выше. Это отражается и на литературе, к[ото]рую я нахожу положительно недостаточной (куда им до нашего «Нового слова» [14*], право!). В силу своего положения, русские гораздо больше рассуждают о жизни, чем живут, а тут жизнь занимает большую часть времени. Если бы Вы видели, какую поразительную энергию в выборную агитацию развивают здесь такие старики, как Либкнехт, да и Бебель [15*] ведь уже не молод. Да и все здесь вообще работают страшно.

Спросите, что я делал за это время. Очень мало, сравнительно, п. ч. сначала весь отдавался знакомству с жизнью через газеты и лично, а затем не успел установиться, подкралась болезнь Нелли. Я довольно много читал и думал,— чего мне путем последнее время не удавалось делать в России. Чувствовал себя обязанным докончить статью «О нек[оторых] осн[овных] пон[ятиях]

пол[итической] эк[ономии]» [16*], известную Вам и перепечатанную из Н[ового] сл[ова] в Н[аучном] обозр[ении] [17*] (этот журнал не дает оттисков), и не думал, что она возьмет так страшно много времени и меня измучит. Между тем это было так. Вы не поверите, когда будете читать эту статью в 1 1/2—2 листа, что я писал ее несколько месяцев и даже, вопреки обыкновению, исписал бумаги, по кр[айней] м[ере], в 4 раза больше чем в печати. Зато много продумал и вырешил для себя, думается, окончательно капитальной важности вопрос экономического миросозерцания. Сейчас дописываю статью о «Хозяйстве и цене» для хрестоматии, издаваемой Ком[иссией] Дом[ашнего] Чт[ения] [18*],— тоже старое обязательство, но последнее. Затем уже возьмусь работать для диссертации, чего не начинал еще. Говоря откровенно, неохота, хотелось бы на воле погулять, но уже пора приниматься вплотную. За это время я не читал ни русских газет, ни журналов, кроме ругательной статьи Тугана на мою книжку [19*] (читали? Я отвечать на подобную критику считаю ниже своего достоинства). Через нек[ото]рые немецкие газеты мы имели такую картину известных сторон русской жизни, что волос дыбом становился (оттуда узнали и о судьбе Н. К.) [20*]. Первое время я чувствовал даже известное раздражение ко всему русскому — от соотечественников (кроме Кослиского) [21*] до сих пор сторонился. Но теперь выпишу подцензурные Р[усские] В[едомости]. То, что приходилось читать в иностр[анных] газетах (а также в русских, когда случалось) о голоде, поистине ужасно. Напишите мне, пожалуйста, как Вы живете, как себя чувствуете, как Ваши нервы, работы, написали ли что (а если напечатали, то и пришлите). И не сердитесь за долгое молчание,— право, при всех данных условиях мне не так было легко собраться написать письмо, как это кажется. Посылаю письмо на имя Ландау [22*], ибо Вашего адреса не знаю. Мой Берл[инский] адрес: Klopstockstr[asse], 25, Gartenhaus, II.

Напишите также о России: о голоде, о литературе, об общих знакомых. Что хотите, только напишите. Мне посчастливилось быть в Дрездене и испытать небесное счастье перед Сикстинской мадонной [23*]. Прелестный город Дрезден. Нелли Вам очень кланяется. Крепко жму Вам руку и желаю всего доброго. Ваш. С. Б.

Надо ли добавлять, что теперь мне живется оч[ень] счастливо.

№ 5

Bayern. Berchtesgaben.
Lockstein Haus Loset Walch 28/16 августа [1898 г.]

Дорогой Михаил Осипович!

На днях получил Ваше письмо от 2 авг[уста], а через несколько дней спустя Ваше маленькое письмо из Одессы же. Как видите, мы находимся уже в третьем курорте, к к[ото]рому привязаны до конца сентября (н[ового] ст[иля]). Снаружи Нелли совсем здорова и уже поправилась, но на легком остались следы плеврита и никак эти следы не искоренимы. В Берлине даже на Klopstockstr[asse] жить нам зиму запрещено; самое большее, если позволят в Грюневальде, не то на юг, в Гейдельберг, Тюбинген и под[обные]. Нечего г[ово]рить, насколько это во всех отношениях неприятно и неудобно. Но обнадеживают, и пока мы сами надеемся, что останемся хоть в Грюневальде. Вот Вам внешние данные о нашей жизни. Нечего г[ово]рить, что кроме поганых Kurgast'ов [24*] здесь ничего нет. Убеждаюсь воочию, какова сила католицизма. Уж не г[ово]ря о невероятном обилии распятий, мадонн и т. д. на улицах, на стенах, в домах,— обилии, о к[ото]ром мы в России не имеем никакого понятия, достаточно зайти в церковь, чтобы увидать, какую здесь силу имеет католицизм. Не нужно, впрочем, забывать, что здесь страна мелкого крестьянства, след[овательно] наиболее «варварской» части населения, но, г[ово]рят, и в промышленных округах на Рейне не лучше. Теперь в промышленном Krefeld'е заседает съезд католиков, к[ото]рый не стесняясь высказывает пожелания об издании законов против свободы науки, критики и т. д. Насколько вообще север выше юга, а протестантизм (если уж выбирать) католичества!

Заниматься здесь и удобно и неудобно. Удобно потому, что нет отвлекающих впечатлений, а неудобно потому, что в этом медвежьем углу, конечно, нет библиотек, след[овательно], приходится довольствоваться случайно взятым материалом, да сверх того, по предписанию д[окто]ра, мы большую часть дня проводим в лесу, где не так удобно заниматься, как в комнате. Я читаю (единственное, что теперь делаю: с статьей о хоз[яйстве] и цене отписался) по аграрному вопросу. М[ожет] б[ыть] Вы и правы, что не следовало бы так рано браться за специ-

альную работу. Но я не могу справиться с внутренним беспокойством, которое приковывает меня теперь же. Буду работать по материалу,— непривычная до сих пор для меня вещь! м[ожет] б[ыть] потому я так волнуюсь. Но от известного волнения в работе я неотделим. Конечно, я не перестаю следить за всем и читать текущую литературу, и это слежение (простите слово!) доставляет нам огромное наслаждение. Сживаемся с местными (они же мировые) интересами.

В Пет[ербурге] были проекты, по-видимому, они не осуществились или, по крайней мере, пока не осуществляются [25*]. Стр[уве] пишет книгу по эк[ономической] истории России или собирается писать [26*]. Он давно не писал мне. Последние известия у меня — непосредственные — были в мае от Тугана [27*], к[ото]рый проезжал здесь. Странно: и Вы находите, что надо ответить, и все мне так г[ово]рят. Но я все еще остаюсь при прежнем мнении. Если мы останемся в Берлине, значит, увидимся. Какую работу Вы хотите выполнить в Берл[ине]. Меня интересует Ваша статья или проект статьи о Пушкине. Выполняете ли Вы его [28*]? Кстати: в газетах промелькнуло известие, что Гауптман написал новую драму из крестьянской жизни, к[ото]рая выйдет осенью [29*]. Страшно меня это интересует. О своих впечатлениях и о знакомствах мне оч[ень] трудно писать Вам [30*]. Упомяну, между прочим, о последнем знакомстве с Штаммлером [31*]. Вопреки всем ожиданиям, он произвел на меня самое гадкое впечатление,— такая рабская жажда похвалы, такое самобожие, что просто тошнит. У Зиммеля [32*] эти же черты выкупаются хоть несколько его остроумием, а здесь и этого даже нет: говорит целыми страницами из своей книги. Да ведь ее я читал! Мы спорили, хотя и совершенно бесплодно, но дов[ольно] азартно. Впрочем, я был слаб в языке и потому и в диалектике. На этот раз кончаю. Не забывайте письмами. Нелли шлет Вам привет. Обнимаю Вас.

Ваш С. Б.

Я до сих пор не получаю русских газет. С осени выпишу. Поэтому пишите все выдающееся из русской жизни. Спасибо за память. Будьте здоровы и денежны.

№ 6

[Париж] 3 мая [18]99 г.

Дорогой Михаил Осипович!

Оч[ень] Вам благодарен за Ваше письмо. От души радуюсь, что Вы наслаждаетесь свободой [33*],— на Вашу долю это счастье не часто выпадает. Надолго ли Вы свободны? Мне, как Вы легко можете себе представить, Париж день ото дня становится невыносимее, и я не могу представить себе большего наказания, к[а]к жить в этом зачумленном городе бессрочно или, по кр[айней] м[ере], долго. Газет я уже давно не читаю, т. е. того, что мы понимаем под газетами,— обозрения важнейших событий во всем цивилизованном мире, нет, а есть мерзкие сплетни, теперь исключительно о деле Дрейфуса [34*], и — всегда — о скачках, кокотках и т. д. Партии — все, по-видимому, политиканствующая сволочь; нет и следа того элементарного, грубого, но искреннего увлечения, к[ото]рое одушевляет немцев. Боюсь, однако, что я описываю Вам не Париж, а свои ощущения в Париже; но я думаю, что я заметил бы положительные признаки, если бы, по кр[айней] м[ере], они были видны невооруженным глазом. Правда, сам я просиживаю целые дни в библиотеке и никуда не хожу, т[а]к что собственными глазами почти ничего не видел. Потому (конечно, не только потому) я не могу дождаться счастливого момента, когда оставлю Париж и поеду к своим [35*] [...]

Перечитываю Ваше письмо и нахожу, что от него веет оч[ень] здоровым и бодрым духом. М[ожет] б[ыть], Вы дадите мне возможность познакомиться с своими стихами in spe [36*]? Впрочем, я даже не прошу, а лишь спрашиваю. Относит[ельно] Воскресенья, кажется, мы разойдемся. У меня было начало складываться впечатление вроде Вашего от всех деталей (как «ямочки на руках священника» и под[обных] Leitmotiv'ов), к[ото]рыми Толстой злоупотребляет так, как нигде, и к[ото]рые положительно мешают читать и просятся быть зачеркнутыми; р[авным] обр[азом], морализирующие тенденции, к[ото]рые то здесь, то там мешают художнику. Но когда на днях прочел описание Пасхи, молодой любви Нехлюдова к Катюше, так у меня дух захватило. Кто же еще во всем мире так может писать! И откуда этот старик с потухающею жизнью мог взять эту поэзию, эту свежесть? Уди-

вительно, Неля писала мне, что даже в русск[их] газетах было, что цензура выпустила целые сцены, так что непременно надо добыть Лондонское издание [37*].

Вы спрашиваете меня, пахнет ли революцией в Бельгии? Личных связей у меня нет с Бельгией, а после моей характеристики фр[анцузских] газет Вы поймете, что не в них узнавать об этом. Я слежу за стачкой [38*] (да и вообще за внешним миром) по Vorwärts [39*],— зеркало, сами знаете, дов[ольно] кривое.

Оба письма, Вами присланные, получил; спасибо Вам. Знаете ли Вы, что и вторую кн[ижку] Начала [40*] цензура хотела представить к уничтожению (вырезана только одна статья, но, м[ежду] пр[очим], указывалась и моя,— о идиоты!) [41*]. Неужели у Вас нет никого из русских в Берлине? Каковы Ваши планы теперь, долго ли думаете прожить там?

Кажется, Стр[уве] [42*] собирается поехать недели на три за границу, лечиться, что ли. Я от него не имел ни строки. Не попытаться ли мне в России навести нужные Вам справки, пожалуй, это скорее будет. А по-моему, пишите статью, не в одном, так в другом журнале, а напечатаете. Обнимаю Вас.

Ответьте мне. Ваш С. Б.

№ 7

Москва 11 июня [1899 г.]

Дорогой Михаил Осипович!

Сегодня получил здесь Ваше письмо от 3 июня, переданное мне из Олеиза [...]

Дела Начала, как Вы, вероятно, знаете, не ахтительны: апрельская книжка представлена в Ком[итет] Мин[истров]; г[ово]рят, что в журнале дезорганизация, а число подписчиков убывает, б[ыть] м[ожет], ввиду непрочности журнала. Боюсь, что Начало не доживет до того времени, когда Вы напишете о Герцене [43*]. Вы правы, г[ово]ря, что празднества Пушкина [44*] не вызвали серьезного протеста общества относит[ельно] положения печати, но и в теперешнем виде я приветствую их: внешние размеры чествования являются сами по себе положительным культурным фактом, ибо чествуемый на улицах и площадях [неразб.] все-таки впервые в русской

истории — не генерал, и не министр и т. д., а «писачка российский». Впрочем, я отлично понимаю, насколько опасна моя точка зрения и как легко с нею увязнуть в болоте благодушного оппортюнизма.

Если бы не было внешней (в виде командировки) и внутренней (из-за окончания работы) необходимости, не поехал бы я теперь за границу. Но я жду многого от английских впечатлений (особенно как материала для окончания операции «сжигания чему поклонялся»).

Ну прощайте. Пока мой адрес: London, post restante [45*]. Не сердитесь на меня и пишите о себе. Нелли Вам очень кланяется, а я обнимаю Вас. Маруська теперь повернулась по воззрениям в сторону отца и кричит а-ве-ве, выражая очевидно признание заслуг известного экономиста (В. В.) [46*].

С. Булгаков.

P. S. Сейчас слышал, что 4 министра постановили закрыть Начало [47*].

№ 8

Крым. Кореиз 20 апреля [19]00 г.

Дорогой Михаил Осипович!

Благодарю Вас за Ваше письмо (и оттиск), на к[ото]рое я, к[а]к всегда, промедлил ответом. Причин тоже как всегда было много, м[ежду] пр[очим] ждал все, пока мои знакомые увидятся с Бакуниным [48*], с к[ото]рым я сам не знаком, и спросят его по Вашему делу.

Вы просите написать поподробней о себе, но мы так давно не виделись, что я не знаю, с чего начать и за что взяться. Если увидимся, то при разговоре все это будет сделать легче. Как я Вам упоминал, пребывание в Англии было для меня необыкновенно поучительно и освободительно,— там я стряхнул с себя окончательно ветхого социал-демократического ч[елове]ка [49*], к[ото]рый расползался уже по швам в Германии, и там я собрал более половины материала для своей работы [50*]. О последней сейчас не буду говорить ничего, кроме того, что она выходит довольно велика. Я отдаю ей теперь все время; хороша ли она или плоха будет, но это будет уже «mein

Bestes» [51*], выше какового лба уши не растут. Планов литературных у меня великое множество, и нек[ото]рые из них довольно грандиозны или претенциозны. Меня все больше тянет в социальную философию или даже просто философию, но на очереди еще ряд экономических работ. С осени я буду читать в Техн[ическом] Уч[илище] [52*] и, б[ыть] м[ожет], приват-доцентировать в Ун[иверсите]те (там воссел, по-видимому, Мануйлов [53*]); жить буду в Москве. Нелино легкое и до сих пор не окончательно починилось, так что и на будущую зиму (надеемся, лишь на будущую) ей придется остаться в Крыму, конечно, с девочкой; последняя много хворала за это время от зубов и искусственного вскармливания, но теперь, пригретая весенним солнцем, расцвела и поздоровела.

Ваши литературные планы меня, конечно, страшно интересуют и встречают самое горячее сочувствие; если бы Вы только не отодвигали их осуществление ad Calendas Graecas [54*]! Странно, что цензура так поступила со статьей о Герцене; меня уверяли, что все-таки готовится издание его сочинений, хотя и с исключениями [55*]. Результат переговоров с Бакуниным таков: он соглашается принять всех, кто желает к нему обратиться (я не называл Вашей фамилии). Но насколько будет от этого толк, сказать трудно, п. ч. он, говорят, одряхлел, а кроме того только недавно был болен, из-за и замедлились переговоры с ним (так в тексте.— *М. К.*); несколько лет тому назад его уже использовал Милюков [56*]. Но это все, конечно, не мешает Вам попытать. Приезжайте же, это будет очень хорошо. Известите меня о приезде, если можно, заблаговременно. Я здесь безвыездно, но среди лета (точно еще не знаю времени) мы на месяц поедем в Ливны [57*]. Итак, надеюсь увидаться с Вами.

Спасибо Вам за статью о Петрарке [58*]. Вот Вам откровенное мнение. Написана она безукоризненным, прекрасным литературным языком и читается с неослабным интересом; внешней стороной изложения Вы можете гордиться. Что касается внутренней, то, не зная Петрарки, я затрудняюсь судить об исторической верности Вашей характеристики, но архитектура статьи мне не нравится. Не нравится именно то, что Вы начинаете с раздражительной моралистической нотации Петрарке, и она занимает так много места и оставляет такое сильное впечатление, что заслоняет характеристику тех свойств Петрарки, к[ото]рые представляют главный интерес для

историка. Б[ыть] м[ожет], изучение характера Петрарки, к[а]к мифологической проблемы, может составить особый сюжет, отличный от характеристики его общественной роли, но в данном случае Вы слили и утопили обе проблемы одну в другой. Но за всем тем, это прекрасная статья, и могу только пожелать, чтобы Вам обстоятельства позволили соразмерять качеству написанного и его количество.

Здесь идут гастроли Моск[овского] Худож[ественного] театра, и я получил высокое наслаждение видеть «Дядю Ваню» и «Одиноких». В Ялте живет Чехов, но я с ним незнаком и не встречаюсь; недавно приехал Горький, к[ото]рый там поселился (из-за здоровья жены и своего отчасти). С ним мы знакомы; если бы Вы знали, какое чарующее впечатление производит этот человек [59*]!

Ну прощайте или лучше до свидания! Не ворчите, что мало и редко пишу, ей-богу, мне противно видеть перо и бумагу при постоянной пачкотне. Неля шлет Вам привет. Маруська начинает лепетать, хотя и довольно туго; вообще развитие ее, особенно физическое, шло туго.

Весь Ваш С. Б.

№ 9

Киев 26 января [19]02 г.

Дорогой Михаил Осипович!

Простите меня за молчание,— оно больше всего объясняется тем, что я все это время собираюсь и никак не соберусь в Москву. Лекцию читать мне не разрешили, но я приеду прочесть доклад в Психолог[ическом] общ[естве] (субъективно для меня очень важный, ибо в нем выражены основные начала моего теперешнего жизне- и миропонимания) [60*]. Но поездку пришлось отложить по независящим обстоятельствам: началась забастовка [61*], и в такое время отлучиться невозможно. Кроме того, сейчас идет обсуждение новых «временных правил» [62*], почему присутствие в Совете становится необходимым. Все мои усилия клонятся к тому, чтобы Совет их не принял так же, как студенты, и отослал обратно без попытки даже применения. Есть шансы надеяться, что этого удастся достигнуть, но кур, как г[ово]рится, по осени считают. Вчера прошла забастовка и в ун[иверсите]те, где правила

были торжественно сожжены. В ун[иверсите]те идет обструкция, у нас в ней почти нет нужды, ибо лекции и без того почти не читаются. Наступает опять тяжелое, серьезное и ответственное время. События идут так быстро, что никакие предсказания невозможны. Сейчас у наших студентов нет еще определенного забастовочного настроения; в понедельник снова будет сходка, к[ото]рая подтвердит или отменит забастовку. В первом случае институт, вероятно, временно будет закрыт. У нас Совет благожелательный и даже либеральный, но студентов и студенческое движение большинство мало понимает, и приходится все время быть настороже. Подробности расскажу лично, если мне придется быть в Москве.

С основным Вашим замечанием по поводу статьи Стр[уве] [63*] я вполне согласен,— положительные ее результаты малы и отчасти ошибочны. Но тем не менее по бодрости и энергии настроения и по философскому размаху она составляет заметное (и замечательное) явление в нашей публицистике. Я понимаю национализм не как «тенденцию» (странное и неясное выражение), а как совокупность известных особенностей мысли, характера, чувств, духа (даже одежды); все это может установляться и наблюдением и даже самонаблюдением. Метафизически национализм состоит в признании национальной исторической задачи; нет великого народа без великой задачи; национальность получает провиденциальное значение. Все это неясно, но я надеюсь сделать это со временем яснее в ряде литературных работ.

Прошу Вас, если только можно, занесите Герцена в контору Токмакова [64*] и Молоткова (Тверская, д[ом] Толмачевой, уг[ол] Газетного пер., винный магазин) и передайте Герцена с просьбой запаковать и отправить мне. С артельщиком у нас сведены счеты. Маруська выросла, болтает, здорова, Неля Вам кланяется. Ваш С. Б.

№ 10

Крым. Кореиз 8 июня 1904 г.

Дорогой Михаил Осипович!

От всего сердца поздравляю Вас с Вашим счастьем [65*] и искренно счастлив вместе с Вами. Всегда Вам этого желал и рад, что мое желание исполнилось. Ваше на-

поминание о том, как мы ходили в «Петергоф» из «Америки» [66*] заставило меня вспомнить эти исключительно прекрасные, неповторяющиеся моменты жизни, которые потом озаряют своим светом всю последующую жизнь. Итак, и Вы, наконец, вышли из состояния «американцев» не в географическом и топографическом, а бытовом смысле.

Писать о своих делах в Политехникуме подробно не стоит и излишне,— при случае узнаете. Суть в том, что по требованию мин[истерства] вн[утренних] д[ел] мне было предложено выйти в отставку, но затем мин[истерство] фин[ансов], к[ото]рое не хотело скандала, сделало диверсию, и пока я остаюсь [67*]. Отставка предложена за общее направление и по совокупности, но последнею каплей была моя статья «С новым годом» в 1-ом номере «Юго-Западной Недели», за к[ото]рую последняя и была запрещена (я Вам посылал этот номер). Спасибо Вам за обещанные статьи для журнала [68*], темы их я нахожу чрезвычайно интересными и для нас в особенности нужными. К сожалению, мы потерпели аварию, которая ставит под сомнение самое существование журнала из-за отсутствия достаточно прочного материального базиса. Главная причина — арест Жуковского, который еще сидит [69*]. Однако мы не потеряли надежды наскрести средства и открыть журнал. Вопрос выяснится осенью и тогда я дам Вам знать. Держите меня, пожалуйста, в курсе Вашего адреса. Я до сентября здесь, а затем в Киеве; в первых числах буду в Москве.

Пришлите мне Печерина [70*], у меня нет. Война ужасно вредит книжному делу, по общему отзыву, и создает неблагоприятные условия для устроения и открытия журнала. Дети здоровы [71*], Ел[ена] Ив[ановна] тоже ничего. Она Вам кланяется и поздравляет.

Передайте мои поздравления и пожелания жене Вашей, хотя я и не знаком еще с нею. Обнимаю Вас и еще раз желаю всего доброго.

Ваш С. Бул.

P. S. А рассказывали ли Вы жене, как Вы меня обшивали и выбирали мне свадебный сюртук (признаюсь post factum, довольно неудачный)?

№ 11

Киев. Б. Житомирская, 26 [Не позже 4 марта 1906 г.]

Милый Михаил Осипович!

В Киеве возникает ежедневная христианская газета под моей редакцией (и Волжского) [72]*, т[а]к сказать Соловьевского и уж несомненно в общ[ественно]-полит[ическом] отношении самого прогрессивного направления, замышляется как орган всероссийский. Если Ваша теоретическая совесть не воспрепятствует Вам участвовать и быть в числе сотрудников открыто и решительно христианской газеты, то я был бы искренно рад иметь Вас в числе их [73]*. Но во всяком случае прошу Вас ответить немедленно. Ваше участие могло бы выразиться в статьях ист[орико]-лит[ературного] содержания, заметках, и вообще, что бы Вы нашли нужным. Над нами висит драконовская цензура и лишь это омрачает перспективы.

Ваш С. Булгаков.

№ 12

[Олеиз] [5 августа 1909 г.]

Милый М. О., только вчера послал Вам записку о постигшем нас горе [74] *. В ответ на Вашу открытку добавлю, что отдаю вполне в Ваше распоряжение свой голос о новом изд[ании] «Вех» [75] *, Вам виднее, а я сейчас еще не в состоянии вникать во все детали. Работа моя, обрывавшаяся все лето, теперь пока совсем оборвалась.

Привет Вашим. Ваш С. Б.

№ 13

Олеиз 29 августа [19]09 г.

Милый Михаил Осипович!

Пусть наградит Вас Бог за Ваше дружеское, задушевное, скажу больше, церковной любовью обвеянное письмо — хотя мы внешне и не принадлежим к одной церкви. В благодатном осенении, в к[ото]ром я живу после смерти мальчика нашего, не последнее место занимает острое,

небывалое ощущение любви и окружающих и отдаленных друзей, любви незаслуженной и как будто неожиданной, но от этого еще более трогающей. В духовном мире пошла какая-то волна, толкающая сердца людские и их зажигающая, и источник этой волны уход к Богу чистой младенческой души. Наш этот мальчик был совсем особенный, неземной, «не жилец», как про него говорили. (Он и родился у нас в Рождеств[енскую] ночь и на меня это всегда производило особое впечатление.) Ласковый, одаренный, не по годам развивающийся, с большими прекрасными глазами. Всегда на него смотреть и его любить можно было только с щемящей болью, тревогой в сердце. Его последние страдания нельзя изобразить, скажу только, что я в первый раз переживал такую муку, и, хотя считаю и себя отчасти их виновником (духовно), но не без религиозного соблазна проходил я их, и нельзя было иначе. Но час смерти был так прекрасен, так ощутительна была близость Бога, так загорелись его возведенные к небу глаза, что я переживал не ужас последней разлуки, а восторг религиозный, почти экстаз. И после, у его гроба, у меня все время боролись или чередовались или лучше сказать соединялись два чувства: гимн религиозной радости, победы, света, и горе, которое Вы знаете. И таким светом озарялась вся моя жизнь, все тайники греховной души моей, что я как бы ослеплен был этим светом и, (неразборчиво.— *М. К.*) его естеству, теперь стараюсь восприять в душе благодатные озарения. Вообще в жизни моей, лучше сказать,— нашей, произошел факт такой неизмеримой важности, последствия к[ото]рого д[олж]ны отразиться, как мне кажется, во всем: в мнениях, чувствах, оценках, жизни. И я одного теперь боюсь, об одном молюсь за себя лично, чтобы не забыть, чтобы легкомысленная, суетная, слабовольная часть души, обремененная суетой жизни, не изнемогла и опять не очерствела. Насколько понятнее, ближе и дороже Вы мне стали, после того как из этого письма я заглянул в святилище Вашей души и узнал кое-что из генезиса Вашей веры...

Я вполне отдался воле Божией и как будто заранее мирюсь и приемлю, что бы она ни послала, и только об одном молю — о силах быть достойным и испытания и жизни, а сил этих так мало... Ел[ена] Ив[ановна] — мать, следов[ательно], переживает потерю не только интенсивнее, но и как будто качественно отлично, ей тяже-

ло, но, на мой взгляд, духовно она переносит испытание доблестно. Но физическое ее состояние внушает тревогу, не знаю, скоро ли она оправится.

Спасибо Вам за готовность помочь с квартирой, мы раздумали менять квартиру,— останемся на прежней. В Москву приедем в начале декабря, теперь, в сентябре, я не приеду совсем. Занятия мои не возобновились, и не только потому, что я чувствую себя недостаточно сильным, но и потому, что до 40-го дня мы хотим быть исключительно с ним и не занимать головы и души посторонними вещами, раз есть возможность.

Сердечный привет от нас Марии Борисовне. Ел. Ив. благодарит Вас. Обнимаю Вас. Сердечно Ваш С. Б.

№ 14

Кореиз 8 июля 1915 г.

Дорогой Михаил Осипович!

Оч[ень] рад был получить от Вас весть и благодарю Вас за нее. Оттиски я посылал наугад, но теперь узнал, что Вы все трое, т. е. Вы, В[ячеслав] Ив[анович] и Л[ев] И[саакович] [76] * сидите в Москве. Неужели просидите все лето? Впрочем, если не считать разлуку с близкими, то в центре сейчас отчасти даже и легче, чем вдали. Нужно ли говорить, что живется мучительно: ведь я выехал из Москвы почти накануне немецкого погрома и с самыми тяжелыми предчувствиями о собирающемся в воздухе электричестве (хорошо, если оно уже разрядилось!), затем начались дни предльвовские и львовские, а теперь начинаются, по-видимому, дни рижские и варшавские [77] *. Правду сказать, вдали и в одиночестве больше сосредоточиваешься (б. м., потому здесь и переживается все мучительней) и, кажется мне, лучше, вернее и увереннее чувствуешь родину и пульс событий. Впрочем, с некоторого времени, думается, опять наступил перелом в нашу пользу, хотя он и не скоро еще реализуется. Вообще о конце войны я еще не думаю (м. б., потому, что слишком думаю вообще о конце). Я жду еще продолжительного и сильного опустошения Европы войной, большего (относительно), чем России. Все больше крепнет у меня мысль, что немцам опять суждено явиться Атиллой — бичом гнева Божия над буржуазной Европой,

делающим свое спасительное дело очищения Европы (конечно, включая и самое Германию). Мне сейчас страшно вспомнить, какова была Европа (а с нею и Россия) до войны,— как мы могли мириться с нею, как сама она себя переносила! Образ Европы накануне войны, право, остается для меня страшней, чем образ войны, срывающей все повязки и условности. Потому, в конце концов, как можете видеть, благословляю пути Провидения и предаю ему «себя, друг друга и живот наш». Букет интеллигентщины чую и отсюда, и здесь, но льщу себя мыслью, что наблюдаемые нами махровые экземпляры суть срезанные историей цветы, и новых отпрысков они не дадут. Вообще так сильно чувствую перст Провидения над всем миром, и так сильно сдвинут он уже со своего пути, что чувствуется какое-то новое доверие и свобода... Сам я живу сосредоточенно и для себя значительно, хотя, разумеется, не могу себя мерить и подводить итоги. Занятия идут плохо, вернее, вообще сколько-нибудь идут лишь в lucida intervalia [78] *, а в другое время скорее отсиживаю присутственные часы, ведь иначе совсем лопнешь. Книгу [79] * дописываю и допишу, вероятно, вчерне, но оттого ли, что уже вижу невожделенный брег, или вследствие огромного духовного напора войны (да и других мыслей и настроений) уже потерял сам способность «эротической» κατοκη над ней и работаю больше в порядке послушания, чем в порядке вдохновения.

Передайте от меня самый сердечный привет В. И-чу и Л. И-чу. Заранее предвкушаю сладостность вдохновений симфонии «Человек» и терпкую горечь («Бёмовскую») произведения нашего беспочвенника [80] *.

Поклонитесь М[арии] Бор[исовне], когда будете писать. Вокруг нас атмосфера тяжелая,— безнадежно болен один из родственников, близких и семье, было и другое. Ел[ена] Ив[ановна] и дети сравнительно здоровы. Она Вам кланяется. Сердечно Ваш С. Булгаков.

P. S. В начале лета писал в газеты, теперь смолк опять. Прилагаю одну статейку из газеты [81] *.

P.P. S. А что нам так трудно, это в порядке вещей, так и надо. Б. м., в эти-то времена и осуществляются наши победы и «сдвиги»!

№ 15

[Кореиз] 6 июля 1916 г.

Дорогой Михаил Осипович!

Очень грустно, что Вы сами уже третий год, да и семья Ваша проводите лето в Москве, но еще более грустно, что по такой печальной причине. Передайте мое горячее сочувствие Мар[ии] Бор[исовне], это так тяжело бессильно присутствовать при страданиях конца [82] *, в и такие торжественные и святые вместе с тем эти минуты... Дай Бог всем Вам сил и бодрости. Мы сравнительно с Вами сейчас взысканы судьбой, так что даже неловко говорить об этом. Скажу коротко, что мы все благополучны, погода в общем хорошая, и легочные травмы, надо надеяться, заживают. Я живу в общении почти с одной природой и как-то стихийно восстанавливается организм, и все приходит на свое место. Работаю не интенсивно. Вероятно, я свою книгу внутренно кончил раньше, чем ее дописал фактически, почему и работается вяло, и кроме того типографская остановка не располагает торопиться.

По поводу Ваших соображений о памятнике Вл. Со[ловье]ву могу Вам сообщить, что вопрос этот имеет длинную и путаную историю, к которой я причастен вот уже более 10 лет. По-видимому, теперь удастся взяться за него рел[игиозно]-ф[илософск]ому обществу, он уже поставлен в последнем годовом заседании, оно же отчасти имеет и присмотр за могилой [83] *. Как-то получил письмо от И. С. Книжника [84] *. Оказывается, московская волна через питеров докатилась и до Петрограда, и там тоже была устроена беседа в частном кружке на тему о «соединении церквей» [85] *. Судя по отсутствию книги Б. А. Кистяковского [86] *, надо думать, что он еще не кончил ее печатание, чему не удивляюсь при теперешнем положении.

Сюда непосредственно война докатывается слабо: иногда видишь миноносец или подводную лодку, есть лазареты, военнопленные, мало мужчин, но нет напряженности. А теперь несомненно началась новая стадия и б. м. близится развязка этой новой стадии. Так, в сущности, невероятно, а вместе и закономерно то, что совершается! Судя по появлению Вашего фельетона в Б[иржевых] В[едомостях] [87] * и Н. А. Бердяева, очевидно, там

все наладилось? Я как-то имел приглашение за подписью Волынского специально в лит[ературно]-библ[иографический] отдел [88] *. Поклонитесь Шестову. Привет Вам обоим от Е[лены] И[вановны]. Любящий Вас С. Б.

№ 16

Киев 10/23 сентября 1918 г.

Дорогой Михаил Осипович!

До меня дошло Ваше суждение о моем здоровье [89] *, спасибо за заботу. Но мне до такой степени тягостно предназначенному Вами режиму (так в тексте.— *М. К.*), что мне хотелось бы еще раз спросить у Вас, есть ли это только Ваша личная оценка или мнение компетентного д[окто]ра, основывающееся на объективных показаниях. Не изменилось ли с тех пор положение? Я летний месяц провел оч[ень] хорошо, а начиная с августа все еду. Теперь уже давно проживаю здесь в ожидании поезда. Пока приходится отложить поездку, о всех Вас, живущих в Москве и испытывающих продов[ольственную] нужду, думаю с тревогой. Т. Ф-на [90] * сообщила мне о Вас что могла.

Ответьте на эту записку с подателем письма по адресу моей дочери Маруси, к[ото]рая пристроилась в здешнем ун[иверсите]те: Б. Шияновская, 5, кв. 4, Марии С. Б-вой для передачи С. Б. Сердечный [привет] М[арии] Бор[исовне]. Жму Вам руку. Дружески Ваш св[ященник] [91] * С. Б.

Летом имел одно письмо от Адел[аиды] Каз[имировны] [92] *, ей живется, кажется, без перемен и, очевидно, трудно.

№ 17

[Париж] 12/25 апреля 1925 г.

Христос Воскресе!

Дорогая Мария Борисовна!

Давно испытываю потребность подать Вам свой голос, послать благословение, сказать, как я с Вами в постигшем Вас горе [93] *. Я искренно любил и уважал его и, кроме того, привык чувствовать себя благодарным ему

в течение всей своей жизни, за которую видел столько горячей к себе любви, ревнующей, верной, преданной. Мне трудно и скорбно, что я не могу о нем молиться как о своем духовном сыне или хотя единоверце, т. е. за литургией, но молюсь о нем, как можно. Храню благодарную память о наших последних встречах, особенно в Донском монастыре. Мы настолько сверстники и вместе прожили жизнь, что вместе с ними уходит в могилу уже и кусок моей жизни. Впрочем, нам приходится в такой степени постоянно общаться со смертью, что в этом ощущении нет чего-либо особенно острого, ибо жизнь есть смерть, но и смерть есть жизнь. Грани истончиваются, вероятно, вместе с приближением к ним.

Горше Ваша доля. Как живете? Как справляетесь с борьбой за существование, с воспитанием детей? Тогда это были славные, много обещающие именно в религиозном отношении дети. Что у них вышло? Вас лично и тогда чувствовал, чувствовал немую связь, которая между нами устанавливалась, но к[ото]рой не суждено было упрочиться. Да сохрани Вас всех Бог!

Про себя скажу кратко, что несмотря на все испытания, безочарования и пр. не проходит дня и часа, когда бы я не славил Создателя за блаженный удел, к[ото]рый дал мне на склоне лет и при остатке сил. Пою Богу моему дондеже есмь. Семья моя со мною [94] * и относительно благополучна, шлет привет. Кланяюсь Е[лизавете] Н[иколаевне] [95] *.

Сердечно Ваш о[тец] С[ергий].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. С. Н. Булгаков — М. О. Гершензону 9 сентября 1897 г. (ОР РГБ, ф. 746, оп. 1, к. 29, д. 22, л. 14, 15 об.).
2. М. О. Гершензон. Записная книжка. 1894—1897. (ОР РГБ, ф. 746, оп. 1, к. 13, д. 7, л. 18).
3. С. Н. Булгаков — А. С. Волжскому 28 февраля 1908 г. (РГАЛИ, ф. 142, оп. 1, д. 198, л. 84).
4. РГАЛИ, ф. 1496, оп. 1, д. 372, л. 18.
5. Имение Олеиз (станция Кореиз, Таврической железной дороги) близ Ялты принадлежало родителям невесты Булгакова — Токмаковым.
6. Новгородцев Павел Иванович (1866—1924), философ права, с 1894 г.— приват-доцент юридического факультета Московского университета.
7. Булгаков получил командировку за границу для написания магистерской диссертации от юридического факультета Московского университета, при котором он был оставлен с 1895 г. для подготовки к профессорскому званию.

8. С. Н. Булгаков. О рынках при капиталистическом производстве: теоретический этюд. М., 1897. Книга вышла в декабре 1896 г., но почти на год была задержана цензурой. 11 июля 1897 г. Булгаков писал Гершензону: «Судьба «Рынков» еще раз перерешена и их еще раз решено представить в Ком[итет] Мин[истров] к уничтожению» (ОР РГБ, ф. 746, оп. 1, к. 29, д. 22, л. 12 об.).

9. Речь идет о преподавании на Высших женских курсах.

10. С 1897 г. в качестве преподавателя политической экономии и статистики Булгаков читал лекции в Московском техническом училище.

11. Чин надворного советника соответствовал должности доцента.

12. Лицо не установлено.

13. Так в семье звали Елену Ивановну Токмакову (1868— ?) — жену Булгакова.

14. «Новое слово» — ежемесячный марксистский журнал, выходивший в Петербурге с марта по декабрь 1897 г. под фактической редакцией П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановского. Статьи Булгакова появились в его №№ 8, 11, 1, 2.

15. Вильгельм Либкнехт (1826—1900) и Август Бебель (1840—1913) — лидеры германской социал-демократии.

16. С. Н. Булгаков. О некоторых основных понятиях политической экономии // Научное обозрение. СПб., 1898, №№ 2, 9, 10.

17. «Научное обозрение» — двухнедельный, а затем ежемесячный научно-популярный журнал, выходивший в Петербурге под редакцией М. М. Филиппова, в своем общественно-научном отделе ориентировавшийся на марксизм. По признанию Булгакова, Филиппов еще в 1897 г. приглашал Булгакова и Струве к сотрудничеству: «Тогда это было невозможно, но по закрытии «Нового слова» мы оба обещали свое сотрудничество, рассчитывая иметь в «Научном обозрении» хоть до известной степени свой угол» (С. Н. Булгаков — Г. В. Плеханову 29 апреля 1898 г.// Первая марксистская организация в России. Сб. М., 1984, с. 241). Статья Булгакова, опубликованная в «Научном обозрении» (см. прим. 16), первоначально предполагалась для закрытого «Нового слова». В 1901 г. возник проект передачи журнала под редакцию Булгакова для превращения его в орган утверждавшегося тогда «идеалистического направления» в социализме во главе со Струве, но он не состоялся из-за недостатка финансовых средств.

18. Такая статья Булгакова не известна.

19. М. И. Туган-Барановский. Капитализм и рынок (по поводу книги С. Булгакова «О рынках при капиталистическом производстве». М., 1897)// Мир Божий. СПб., 1898, № 6. В мае 1899 г. Туган-Барановский писал Струве из Германии: «Виделся несколько раз с Булгаковым — он со мной любезен, но, по-видимому, еще не забыл нашей литературной стычки» (РЦХИДНИ, ф. 279, оп. 1, д. 91, л. 147 об.)

20. О ком идет речь, установить не удалось.

21. Фамилия написана неразборчиво.

22. Сотрудник «Русских ведомостей», знакомый Гершензона (см. М. О. Гершензон. Записная книжка. 1894—1897. (ОР РГБ, ф. 746, оп. 1, к. 13, д. 7, л. 14).

23. О впечатлении, произведенном на Булгакова «Сикстинской мадонной» Рафаэля, и его поворотном религиозном значении для мировоззрения мыслителя см., например, С. Н. Булгаков. Свет невечерний. Сергиев Посад, 1917, с. 8—9.

24. «Курортников» (нем.).

25. Имеются в виду поиски периодического издания, способного стать марксистским органом после закрытия «Нового слова».

26. Речь идет о характерном для русского марксизма 1890-х гг. обращении к истории экономических отношений в России, призванном доказать органичность капитализма для отечественной экономики (см. М. И. Туган-Барановский. «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1898) и В. И. Ленин. «Развитие капитализма в России» (1899). П. Б. Струве поставил своей целью исследование крепостного хозяйства как экономической системы и причин его падения, но ограничился докладом в Вольном Экономическом Обществе (1899), материалы которого в переработанном виде вошли в его позднейшую книгу «Крепостное хозяйство» (1913).

27. Туган-Барановский Михаил Иванович (1865—1919), экономист, один из лидеров русского марксизма 1890-х гг. и «критического» в нем направления.

28. Первая статья Гершензона, касающаяся имени А. С. Пушкина, увидела свет в «Русской мысли» № 4 за 1904 г.

29. Имеется в виду драма немецкого писателя Герхарта Гауптмана (1862—1946) «Возчик Геншель» (1898).

30. Булгаков поддерживал связи с Г. В. Плехановым, К. Каутским, А. Брауном, В. Адлером и другими неблагонадежными для русских властей социал-демократами, поэтому реальной была опасность перлюстрации его писем на границе. О марксистских связях Булгакова см. Группа «Освобождение Труда». Сб. 6. М.-Л., 1928, с. 251, 257; Сб. 5. М.-Л., 1926, с. 214; С. Н. Булгаков. Автобиографические письма// Логос. Вып. 2. М., 1991; публикацию писем Булгакова к Плеханову 1898—1899 гг. // Первая марксистская организация... с. 241—247 и др.

31. Штаммлер Рудольф (1856—1938), философ, автор книги «Хозяйство и право с материалистической точки зрения» (1896), отрецензированной Булгаковым. Полемика между Булгаковым и Струве по поводу этой книги, в которой первый защищал ортодоксальные позиции, в 1896—1897 гг. послужила началом философского самоопределения «критического» направления в русском марксизме.

32. Зиммель Георг (1858—1918), философ, чьи работы в России конца XIX в. воспринимались как образец научного взгляда на общество, тем самым близкого марксистской социологии. В «Новом слове» Булгаков поместил рецензию на его книгу «Проблемы философии истории» (1897, № 2).

33. Письмо адресовано в Берлин.

34. Офицер французского Генштаба еврей А. Дрейфус в 1894 г. был осужден за шпионаж без достаточных на то оснований. Под давлением общественного мнения, обнаружившего, что причиной осуждения стал антисемитизм, в 1899 г. был помилован.

35. 17 ноября 1898 г. у Булгакова родилась дочь Мария.

36. «В будущем» (лат.). Стихи Гершензона были опубликованы в «Новом слове» (1897, № 8, с. 181—182.— Мих. Г.). Булгаков писал по этому поводу Гершензону 9 сентября 1897 г.: «Позвольте Вас подразнить, марксистский поэт, написавший в марксистский журнал всего три стихотворения и почивший на лаврах!» (ОР РГБ, ф. 746, оп. 1, к. 29, д. 22, л. 16).

37. Роман Л. Н. Толстого «Воскресение» (1889—1899) в России печатался с цензурными изъятиями. Полностью вышел в лондонском издательстве «Свободное слово» в 1899 г.

38. Стачка в Бельгии в мае 1899 г.

39. «Вперед» — газета, орган германской социал-демократической партии, возобновленная в 1890 г. под редакцией В. Либкнехта.

40. «Начало» — ежемесячный марксистский журнал, выходивший

в Петербурге под фактической редакцией Струве с января по май 1899 г. Булгаков признавался Плеханову, что появление нового марксистского журнала было для него «совершенной неожиданностью» (7/19 января 1899 г. // Первая марксистская организация... с. 244).

41. В сдвоенном номере «Начала» (№ 1—2) была напечатана статья Булгакова « К вопросу о капиталистической эволюции земледелия». Из номера цензурой были удалены страницы 140—167 (статья А. Потресова «О наследстве и наследниках»). В третьей книге журнала появилось окончание статьи Булгакова. Жена его Е. И. Булгакова писала Гершензону 9/21 апреля 1899 г.: «Получили ли мартовскую книжку Начала? Мне она кажется малоинтересной и бледной: ценз[урными] условиями нельзя это объяснить, потому что вырезали только одну статью» (ОР РГБ, ф. 746, оп. 1, к. 30, д. 38, л. 2). Здесь уместно будет заметить, что Е. И. Булгакова в 1890-е гг. сама принимала участие в революционной пропаганде и находилась в ссылке, позже она участвовала во всех периодических изданиях, редактировавшихся Булгаковым до 1906 г.

42. Струве Петр Бернгардович (1870—1944), в 1890-е гг. лидер русского марксизма, на рубеже веков возглавивший движение своих коллег — Булгакова, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка — «от марксизма к идеализму» и далее — к сборнику «Вехи».

43. Первая статья Гершензона о Герцене появилась в «Русской мысли» за 1902 г. (№№ 11 и 12).

44. В июне 1899 г. впервые праздновался юбилей А. С. Пушкина.

45. «До востребования» (франц.).

46. В. В.— псевдоним Василия Павловича Воронцова (1847—1918), экономиста-народника, одного из главных оппонентов русского марксизма 1890-х гг.

47. Журнал «Начало», так же как и «Новое слово», был закрыт совещанием четырех министров: внутренних дел, народного просвещения, юстиции и обер-прокурора Св. Синода.

48. Бакунин Александр Александрович (1821—1908), брат М. А. Бакунина, владелец обширного архива кружка Н. В. Станкевича 1830-х гг.

49. Англия, как страна «классического» капитализма, описанного К. Марксом, почиталась своеобразным полигоном для анализа его новейших тенденций и во многом послужила материалом для ревизионистских концепций марксизма.

50. Магистерская диссертация была защищена Булгаковым в 1901 г. и вышла изданием: С. Н. Булгаков. Капитализм и земледелие. Т. 1—2. СПб., 1900.

51. «Мое лучшее» (нем.).

52. В 1900 г. Булгаков возобновил чтение лекций в Московском техническом училище.

53. Мануйлов Александр Аполлонович (1861—1929), профессор политической экономии юридического факультета Московского университета.

54. «До греческих календ» (лат.) — на неопределенно долгое время.

55. Первое собрание сочинений А. И. Герцена в России вышло в семи томах в 1905 г.

56. По материалам архива Бакуниных П. Н. Милюков опубликовал в «Русских ведомостях» (1895—1896) статью «Любовь у идеалистов тридцатых годов» (перепечатана в его сборнике: Из истории русской интеллигенции. СПб., 1903).

57. Ливны, Орловской губернии,— родина Булгакова.

58. М. Гершензон. Франческо Петрарка // Книга для чтения по истории средних веков. Вып. IV. М., 1899, с. 74—77.

59. Булгаков мог познакомиться с М. Горьким через посредство П. Б. Струве в редакции «Нового слова», в котором печатались произведения писателя. Сестра жены Булгакова М. И. Водовозова писала В. В. Вересаеву 22 декабря 1901 г.: «У нас в Олеизе живет Алекс[ей] Макс[имович]», и далее о том, что возобновила с ним бывшие два года назад дружеские отношения: «[Горький] хороший человек в самом лучшем смысле слова; умеющий на все отозваться, чего я не могу сказать про Чехова, кот[оро]го здесь также приходится встречать [...] На днях мы были у Льва Ник[олаевича]» (РГАЛИ, ф. 1041, оп. 4, д. 215, л. 4 об.—5).

60. 19 января 1902 г. Булгаков писал из Киева Гершензону: «Я все это время ждал окончательного решения вопроса о моей лекции и, следов[ательно], поездке в Москву. Теперь, когда вопрос этот разрешился уже в отрицат[ельном] смысле, я все же думаю на день приехать в Москву, чтобы 26-го прочесть доклад в Психологическом обществе» (ОР РГБ, ф. 746, оп, 1, к. 29, д. 23, л. 11).

61. О студенческих забастовках этого времени в Киеве Булгаков подробно писал П. Б. Струве (РЦХИДНИ, ф. 279, оп. 1, д. 75).

62. Имеется в виду обсуждение «Временных правил» (1902) для высших учебных заведений в Совете института.

63. П. Борисов [П. Б. Струве]. В чем же истинный национализм?// Вопросы философии и психологии. М., 1901., кн. 59 (перепечатано в его сборнике «На разные темы». СПб., 1902).

64. Токмаков Иван Федорович (ум. 1909), тесть Булгакова.

65. Гершензон женился на Марии Борисовне Гольденвейзер (1873—1940).

66. «Америка» — меблированные комнаты на Воздвиженке, в которых в середине 1890-х гг. жил холостой Булгаков.

67. Киевский политехнический институт по ведомству принадлежал Министерству финансов (а не народного просвещения). В нем Булгаков работал с осени 1901-го до весны 1906 г. В «Листке «Освобождения» от 27 мая/9 июня 1904 г. (№ 10) сообщалось, что Булгакову было предложено подать в отставку, а в № 20 от 4/17 декабря 1904 г. было опубликовано «конституционное заявление» Совета Киевского политехнического института, принятое в ответ на запрос Министерства финансов о мерах к устранению студенческих беспорядков. В заявлении, подписанном среди прочих Булгаковым, прекращение студенческих беспорядков увязывалось с конституционными требованиями к правительству.

68. Имеется в виду проект издания журнала «Вопросы жизни», осуществившийся лишь с октября 1904 г. при перемене редакции журнала «Новый путь»: его возглавили тогда Булгаков и Н. А. Бердяев. С января 1905 г. под тем же руководством выходил журнал «Вопросы жизни». Гершензон опубликовал: в «Новом пути» статью «Н. В. Станкевич» (№ 11), в «Вопросах жизни» — «П. Я. Чаадаев и его «Философические письма» (№ 10—11).

69. Жуковский Дмитрий Евгеньевич (1868—1943), издатель, член «Союза Освобождения», финансировавший его орган журнал «Освобождение» (Штутгарт — Париж) и «Вопросы жизни». 25 апреля 1904 г. при попытке провоза через российскую границу части тиража «Освобождения» был арестован (см. К. Ф. Шацилло. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. М., 1985, с. 104).

70. М. Гершензон. Процесс В. С. Печерина// Научное слово, 1905, № 5.

71. Сын Булгакова Федор родился 12 марта 1902 г.

72. Ежедневная религиозно-общественная газета «Народ» выходила в Киеве 2—10 апреля 1906 г. под фактической редакцией Булгакова и А. С. Волжского. Приостановлена цензурой и закрылась из-за недостатка средств (РГАЛИ, ф. 142, оп. 1, д. 198, л. 22).

73. Статьи Гершензона в газете «Народ» появиться не успели.

74. В письме Гершензону от 3 августа 1909 г. Булгаков сообщал о смерти своего младшего сына Ивашека в возрасте трех с половиной лет, последовавшей от дизентерии 27 июля 1909 г. (ОР РГБ, ф. 746, оп. 1, к. 47, д. 27, л. 51).

75. Сборник «Вехи» вышел вторым изданием в июне и третьим — в августе 1909 г.

76. Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949), поэт, и Шестов Лев Исаакович (Шварцман) (1866—1938), философ, в 1915—1916 гг. составили ближайший круг общения Булгакова и Гершензона.

77. Речь идет об отступлении русской армии в кампании 1915 г. к Риге и оставленных ею Львове и Варшаве.

78. «Дневное время» (лат.).

79. Вероятно: С. Н. Булгаков. Свет невечерний: созерцания и умозрения. Сергиев Посад, 1917.

80. Речь идет о цикле стихотворений Вяч. Иванова «Человек» (1919); «беспочвенником» именуется Лев Шестов, автор книги «Апофеоз беспочвенности» (1905); упоминается книга: Я. Бёме. Аврора, или Утренняя звезда. М., 1914.

81. О какой статье идет речь, не установлено.

82. Умирал тесть Гершензона Б. Гольденвейзер. 9 июля 1916 г. Булгаков направил М. Б. Гершензон соболезнование о кончине ее отца (ОР РГБ, ф. 746, оп. 1, к. 47, д. 27, л. 1).

83. Могила В. С. Соловьева находится в Новодевичьем монастыре, в Москве.

84. Книжник Иван Сергеевич (Ветров) (1878—1965), историк и библиограф.

85. В петербургском Религиозно-философском обществе в 1915—1916 гг. прошли доклады К. М. Аггеева, Д. Ф. Философова, И. Д. Холопова о задачах церковной реформы.

86. Кистяковский Богдан Александрович (1868—1920), в 1890-е гг. марксист, впоследствии участник сборников «Проблемы идеализма» и «Вехи». Его книга «Социальные науки и право» (М., 1916) включила в себя и систематизировала почти все его статьи с 1900 г.

87. См. статьи Гершензона в «Биржевых ведомостях» за 1916 г. от 24 января, 6 февраля, 8 марта, 26 марта, 7 мая, 28 мая, 28 июня.

88. Волынский Аким Львович (Флексер) (1863—1926), историк литературы и критик, в 1916 г.— редактор литературного отдела «Биржевых ведомостей».

89. Летом 1918 г. Булгаков выехал из Москвы в Крым к семье. В августе он решил вернуться через Киев, но получил иносказательное предупреждение о начавшемся «красном терроре» и нежелательности его возвращения в Москву. Булгаков писал из Киева в Москву М. М. Замятниной 10/23 сентября 1918 г.: «Д[окто]р М. О. Г[ершензо]н вкупе с Вяч[еславом] Ив[ановичем Ивановым] и другими медицинскими авторитетами находит невозможным для моего здоровья приезд сюда» (ОР РГБ, ф. 109, к. 14, д. 6, л. 1).

90. Лицо не установлено.

91. Булгаков принял священство 9 июня 1918 г. в присутствии Гершензона, Вяч. Иванова, Н. А. Бердяева, П. Б. Струве и др.

92. Герцык Аделаида Казимировна (1874—1925), поэтесса, жена Д. Е. Жуковского.

93. Гершензон умер 19 февраля 1925 г.

94. Сын Булгакова Федор, женатый на дочери художника М. В. Нестерова, при высылке Булгакова за границу в декабре 1922 г. остался в России.

95. Орлова Елизавета Николаевна, близкая знакомая Гершензона, владелица архива по истории первой половины XIX в., с которым он работал, просветительница, финансировавшая издание сборника «Вехи».

Публикацию подготовил *М. Колеров.*

«И С ВРЕМЕНЕМ ЧТО-ТО НЕЛАДНОЕ...»

Письмо А. Белого Р. В. Иванову-Разумнику. 8 марта 1925 г.

Огромное эпистолярное наследие Андрея Белого опубликовано и изучено далеко не полностью. В то же время письма Белого не только ценнейший источник для изучения творческой биографии писателя, но и важная составная часть этой биографии, занимающая в ней место, по-своему не менее значительное, чем художественные произведения. Достаточно назвать, скажем, переписку Белого и Блока, выросшую в факт культуры первостепенного значения [1*]. Идейно и интеллектуально насыщенные письма Белого показывают поразительную интенсивность его духовной жизни.

Публикуемое письмо (РГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, д. 16, л. 1—25) извлечено из обширного эпистолярного комплекса, каким являются письма Белого к философу, критику и историку литературы Иванову-Разумнику [2*]. Их знакомство относится к 1913 г., когда писатель заканчивал работу над романом «Петербург». Роман, не имевший аналогов в отечественной литературе и справедливо признанный сейчас не только самым значительным произведением Белого, но и одной из вершин мировой прозы XX века, отпугнул вначале издателей. Лишь благодаря усилиям Иванова-Разумника, поддержанного А. Блоком, «Петербург» вышел в свет [3*].

Тогда же между Белым и Ивановым-Разумником завязалась переписка, которая, как и дружеские связи, не прерывалась на протяжении двадцати с лишним лет.

Иванов-Разумник совместно с С. Д. Мстиславским [4*] организовал сборник «Скифы», два выпуска которого вышли в 1917—1918 гг., а также заведовал литературным отделом органа ЦК левых эсеров — газеты «Знамя труда» [5*].

В «Скифах» и в «Знамени труда» он помещал стихи и прозу А. А. Блока, Е. И. Замятина, С. А. Есенина, Н. А. Клюева, О. Э. Мандельштама, А. М. Ремизова, М. М. Пришвина,

А. П. Чапыгина, О. Д. Форш и др. Но особенно внимательным и дружеским было отношение Иванова-Разумника к Белому, в котором критик, не боясь показаться пристрастным, чтил великого писателя. 18 апреля 1934 г. Иванов-Разумник писал из Саратова (где отбывал ссылку) критику А. Г. Горнфельду: «Смерть Андрея Белого ошеломила меня своей (для меня) неожиданностью; я больно переживал ее и до сих пор еще не «освоился» с нею. Я знаю, что он не был героем Вашего романа, но воздавать должное можно и идейному врагу [...] Тесная двадцатилетняя дружба не мешала и не мешает мне быть объективным, видеть провалы и слабости (не те и не там, где видит их статья в сборнике «Год шестнадцатый», которую Вы, вероятно, читали); но слабость эта — не художественная и не идейная, а слабость приспособленчества, которая, конечно, отражалась и на идеях, и на художестве. Он был «никаким» критиком: мог же он (в разговоре со мной) ставить дюжинную поэму Санникова [6*] выше «Возмездия» Блока, мог же он в последний год жизни написать статью о Гладкове (которую я не читал, но довольно и заглавия [7*]), мог же пройти мимо Пришвина и т. д. В двух первых случаях слабость приспособленчества причиной; она же отразилась и в ряде мест «Начала века» (особенно — предисловие), и в «Гоголе» (как Вы увидите), и даже в «Масках» (главы о Львове). Возмездие за все это он получил в глубоко потрясшем и взбесившем его редакционном предисловии к «Началу века» [8*]. Но все это — тлен и прах, слабость великого писателя, не это будет его бессмертием. В сказке Андерсена говорится, что «позолота — сотрется, свиная кожа останется» — и это верно, если дело идет о мишурной позолоте. Но если это золото, то останется оно, а истлеет свиная кожа. Сие и буди» [9*].

Огромное место в письмах Андрея Белого занимают разные аспекты антропософии, верным адептом которой он оставался до конца дней. История духовных катакомбных течений в СССР, к которым относится и антропософия, до сих пор изучалась преимущественно за рубежом [10*]. Особой темой для исследователей должна стать история по-своему трагических попыток примирить эзотерические учения (в частности масонство, теософию, антропософию) с большевизмом. Разумеется, не могло быть и речи о том, чтобы сделать антропософию интегральной частью советского общества (как известно, веру в Бога В. И. Ленин называл в одном из писем к Горькому «духовным труположеством»), но даже и на какой-либо нейтралитет со стороны репрессивных органов рассчитывать не приходилось. Формально антропософское

общество прекратило свое существование в советской России в 1923 г., с середины же 1920-х гг. начинается новый виток гонений ОГПУ на антропософов. Пик его пришелся на 1930—1931 гг. Тогда арестовали жену Белого, антропософку К. Н. Васильеву. В ОГПУ забрали и литературный архив писателя; Белого вызывали на Лубянку, где его допрашивал Я. С. Агранов, специализировавшийся на делах подобного рода, т. е. интеллектуальном шантаже [11*]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в публикуемом письме, как и в других письмах Белого того времени, некоторые термины, имена, антропософские понятия зашифрованы (впрочем, предельно наивно: конспиратор из автора «Петербурга», одну из сюжетных линий которого составляла конспирация и провокация, был никакой) [12*]. Также в конспиративных целях наиболее важные письма Белый не рисковал отправлять по почте, а передавал с оказиями.

Отметим в этой связи, что среди причин, побудивших к эмиграции великого актера Михаила Чехова (убежденного антропософа и хорошего знакомого Белого), были как сложные театральные интриги, так и провокации ОГПУ, обратившего внимание на МХАТ-2 как на «антропософское гнездо» [13*]. Иванов-Разумник также не был безразличен к антропософским увлечениям; есть свидетельства о том, что его последнее, предсмертное сочинение (по всей видимости, погибшее) было озаглавлено «Антроподицея».

Письма Белого Иванову-Разумнику (их около 200) охватывают период с декабря 1913 г. по сентябрь 1932 г. Они составляют основу фонда Иванова-Разумника в РГАЛИ [14*]. В нелегкой архивной судьбе этого собрания по-своему отразились некоторые черты времени [15*]. Хорошо понимавший значение документа и историко-культурную ценность собранного за многие годы тесного общения с литераторами архива, Иванов-Разумник держал его в образцовом порядке, разбирал, систематизировал, составлял общую опись. До поры до времени сохранности архива не могло повредить даже то, что его хозяин постоянно подвергался арестам и отбывал, одно за другим, несколько тюремных заключений и ссылок (в отсутствие мужа архив и богатую библиотеку в их доме в Детском Селе оберегала жена Иванова, Варвара Николаевна).

Из саратовской ссылки [16*] Иванов-Разумник в феврале 1935 г. начал переписку с директором Государственного литературного музея в Москве В. Д. Бонч-Бруевичем. Вернувшись домой после ссылки, Иванов-Разумник работал по договорам с музеем, позволявшим ему иногда пренебрегать предписанным «мину-

сом» и, заручившись командировкой от музея, наезжать в поисках литературных материалов в Ленинград и Москву. Тогда же он, по договору с музеем, подготовил к изданию письма Белого, которые должны были составить один из томов «Летописей Государственного литературного музея». Сделав для себя машинописные копии, Иванов-Разумник продал оригиналы писем музею [17*].

Работа над комментированием писем Андрея Белого и составлением к ним указателя была завершена в августе 1937 г., в самый пик «ежовщины» [18*]. Едва Иванов-Разумник успел поставить последнюю точку и сдать работу в музей, как был арестован. (О своем пребывании в тюрьмах 1937—1938 гг. он написал впоследствии книгу [19*].) Судьба на сей раз оказалась милостива к литератору: своим освобождением год спустя он оказался обязан падению Ежова, попав в число немногочисленных счастливцев, дела которых Берия приказал пересмотреть как «сфабрикованные пробравшимися в НКВД врагами народа».

Выйдя на свободу, Иванов-Разумник напомнил директору ГЛМ о своем труде, перечислив также наиболее значительные документы своего архива, которые, в перспективе, предполагал продать музею. 25 июля 1939 г. он писал Бонч-Бруевичу: «В 1936—1937 гг. мною была сделана для музея большая работа: проредактированы и прокомментированы письма ко мне Андрея Белого (с 1912 [20*] по 1932 г., около 200 писем).

В трех машинописных экземплярах эта работа была сдана мною в музей в августе 1937 г.

Эти двести писем Андрея Белого представляют собой лишь незначительную часть имеющихся у меня материалов (десятки и сотни писем А. Блока, В. Брюсова, Ф. Сологуба, А. Ремизова, Л. Андреева, М. Горького, М. Пришвина и др.), не говоря уже о рукописях этих и других авторов; так, например, рукописей одного лишь Андрея Белого имеется свыше 2000 листов (среди них: роман «Петербург», стихи, поэма, проза — черновики и чистовики)» [21*].

О дальнейшей печальной судьбе архива Иванова-Разумника рассказано во вступительной статье А. В. Лаврова к опубликованной в «Литературном наследстве» переписке критика с А. Блоком: «Живший в 1941 г. в Пушкине, Иванов-Разумник оказался в зоне немецкой оккупации. С другими жителями города он был выслан в Гатчину, а затем весной 1942 г. вместе с женой отправлен в лагерь для перемещенных лиц в Конице (под Данцигом), где провел более года. Хотя Варвара Николаевна Иванова, урожденная Оттенберг, имела немецких предков

и могла рассчитывать на определенные привилегии, жили они в самых тяжелых условиях. Летом 1943 г. Ивановым удалось выйти на свободу, и последние годы их жизни прошли в скитаниях по разрушающейся Германии. 18 марта 1946 г. В. Н. Иванова умерла в Реденсбурге; после этого Иванов-Разумник, с уже сильно надломленным здоровьем, перебрался к родственникам в Мюнхен, где и скончался 9 июня 1946 г.

Библиотека Иванова-Разумника в его квартире в Пушкине была разгромлена фашистами, архив остался без присмотра и постепенно уничтожался, рукописи использовались для отопления. После снятия блокады, в августе 1944 г., остатки архива были обнаружены Д. Е. Максимовым...» [22*]. В полуразрушенном домике бесформенной грудой были навалены бумаги — письма Блока, рукопись «Петербурга» Белого, протоколы заседаний Вольной философской ассоциации, машинописные копии писем Белого (очевидно, авторский экземпляр подготовленной книги). Впоследствии из спасенных остатков архива Иванова-Разумника в Пушкинском Доме был образован его личный фонд в количестве 1000 единиц хранения.

Судьба переданных Ивановым-Разумником в августе 1937 г. в Гослитмузей трех экземпляров рукописи остается неясной. Издание этого тома «Летописей», как и издание целого ряда томов, подготовленных музеем перед войной, было заморожено. В мае 1941 г. архивное собрание Гослитмузея было передано в образованный тогда в системе ГАУ НКВД Центральный государственный литературный архив (нынешний РГАЛИ). В 1950 г. было ликвидировано издательство Гослитмузея, и весь редакционный портфель, включавший рукописи примерно 8 томов «Летописей», а также материалы историко-литературных сборников «Звенья», выходивших с 1932 г. под редакцией Бонч-Бруевича, был передан редакции «Литературного наследства». По некоторым оценкам, в редакционном портфеле содержалось до 800 законченных статей и публикаций общим объемом в 750 печатных листов [23*]. В диссертации К. Г. Межовой, со ссылкой на слова основателя и редактора серии «Литературное наследство» И. С. Зильберштейна, в одном из подстрочных примечаний содержится глухое упоминание о том, что все рукописи около 1954 г. погибли [24*].

Если это так (увы, скорее всего именно так), то утрата для истории литературы и общественной мысли достаточно чувствительна. К счастью, оригиналы писем Андрея Белого уцелели; в настоящее время заново ведется подготовка к изданию его переписки с Ивановым-Разумником. Но несмотря на то, что над этим изданием работают выдающиеся знатоки творчества

и биографии Андрея Белого, множество фактов и реалий, известных только его корреспонденту, уже никогда не удастся восстановить. Они ушли навсегда.

* *
*

[8 марта 1925 г.] [25*]

Дорогой друг.

Как-то сильно потянуло вдруг Вам написать. Я Вас так ждал в Москву, приготовился к встрече с Вами (говорили, что Вы будете в Москве 25—26-го февраля), мысленно с Вами беседовал,— даже было Вам оставлено М. А. Чеховым [26*] место на «Гамлете» (27-го); и Вы — не приехали. Вот и вырвалось вдруг у меня к Вам это письмо... Жизнь у нас напряженная, бурная, интересная, трудная, почти... непосильная; ведь и радость утверждения жизни ныне только в пунктах непосильного несения креста жизни; не думать о том, сколько проживешь, а о том, чтобы последний аккорд жизни застал тебя на твоем жизненном посту... Ведь и утомляться-то еще всем нам — недолго: максимум лет 10; а потом — долгий отдых... Вспомнишь все это; и — повеселеешь...

Вот и Михаила Осиповича не стало [27*]; и, право, завидую ему: человек бурлил, кипел, как поставленный на печке кофейник, до последней минуты; а потом в одни сутки — сложил руки, улегся; и мы вокруг него стали; и спели ему «Вы жертвою пали», и еще что-то по-еврейски раввин кричал; я не знаю, что он такое кричал, но — в кредит с ним соглашался; и кричал мысленно вместе с ним; одно место в еврейской панихиде я понял, это когда раввин, так сказать, отворяет дверь покойнику и представляет его Иегове: «Такой-то, мол, пошел к Тебе...» Нечто вроде визитной карточки... Так странно среди гортанных еврейских восклицаний зычное «Профессор Гершенсон»; и далее — опять по-еврейски там что-то: «Пошел, мол, к Тебе...» И показалось мне, что — встал и пошел в эту минуту «профессор Гершенсон» — такой небольшой, в сюртучке: прямо из Никольского переулка по перпендикуляру (сквозь крышу!) в коперникианское пространство, мимо Луны, Солнца, к... к... куда?.. К созвездию Лебедя?.. Нет,— дальше: созвездие Лебедя, вероятно, лишь какая-нибудь узловая станция, ну, там — Орел, Курск, Харьков,— в его путешествии к Иегове:

в какую даль человек поехал! А за несколько дней до того сидел со мной — здоровый, веселый, бодрый — и кипятился моей лекцией «Пушкин и мы», устроенной в «Академии Худож[ественной] Культуры» [28*]. И — никуда не собирался; в доме — никаких приготовлений; ни чемоданчика, ни саквояжа. И вдруг: нате! Светлая смерть!

И как-то особенно я почувствовал свое культовое безразличие и одинакое уважение ко всем обрядам, если они предлог — почтить человека; а «такого» человека — было чем почтить; как-то сразу обнаружилось после его смерти: всем — дал, всеми — горел, никого — не обидел. Даже самые лучшие люди огорчают друг друга; не странно слышать: «Меня огорчил Блок», «Меня огорчил Клюев». Но совершенно невозможно было себе представить кого-нибудь, кто бы мог сказать: «Меня огорчил Гершенсон». А ведь порою «какою кипучкой» он был: раз на меня — натопал, накричал, почти выгнал от себя (за заметку «Штемпелеванная Культура» [29*]; я — смутился и — внутренне сказал себе: «Заслужу прощение...» И — заслужил; дулся на меня два месяца; и после — вернул расположение; и как от «сердца» кричал, так от «сердца» — простил; и весь этот случай между нами остался в моей памяти не как огорчение, а как — ей-Богу — светлое воспоминание, как «нежность» к Гершенсону.

Никого не обидел!

Наоборот: всех соединил над гробом; лежал в гробу с таким видом, что соединяет нас, мирит, благословляет (как-то похорошел); глядел я на него и — думал: «А ведь какой красавец лежит!» Это — Михаил Осипович (нос — крючком, губы — сливой). Как-то продухо́вел в гробу, просиял: лежал — красавцем. И не случайно вокруг него соединились обряды: сам был — «еврей», «жена и дети» — христиане, брат жены (Гольденвейзер) — толстовец; и вот — стояли над ним; и каждый молился посвоему (раввин — «кричал»); потом пришли люди из «Академии», где работал он, и понесли на Пречистенку (в бывшую гимназию Поливанова, где — Академия); там величали «гражданским порядком: с «Реквиумом» и с «Вы жертвою пали». И опять так вышло: было хорошо. И «коммунисты» были очень деликатны с покойным: хоронили его как «идеалиста», как одного из «последних могикан» идеализма и прекрасного человека. И чувствовалась — даже... «смычка». (Только вот А. Н. Чеботаревская «дернула» истерику: в данном слу-

чае «истерика» была не у места; можно было устроить истерику где угодно, но не над гробом этого человека, когда над ним пролетал «тихий ангел» и когда «материалисты» вели себя безукоризненно). Правильно или неправильно думал покойный о «смычке», но он же был «смычкой»; и надо было иметь такт, чтобы понять: хоронили Гершенсона так, как он работал в жизни («смыкая» людей); и если бы он присутствовал сам на своих похоронах, то остался бы доволен «лейтмотивом» мира душевного, с которым стояли над его прахом; Ал[ександра] Ник[олаевна] Чеботаревская выскочила — озлобленная, исступленная (настоящая Роза Дартль: ей бы — мужа!) и потрясая «Богом», как томагавком, кричала о том, что мы все погибнем; она одна была «размычкой», ненужным вскриком в ноте тишины [30*].

Даже до смешного вышли эти похороны Гершенсона — примирением людей над памятью его; он — примирил меня с П. С. Коганом. На похоронах Брюсова (я не участвовал в процессии,— лишь «от себя самого» проводил на тротуаре Брюсова вдоль Пречистенки) со мною случился инцидент; остановилась процессия под «Академиею»; с балкона говорили речи; я случайно стоял под балконом; говорил «нарком» [31*], потом говорил Коган, «президент» Академии (глупую пошлятину с «великий» Брюсов); а я тут вспомнил, что он стал писать в «На посту», вспомнил, как 15 лет назад он ругательски ругал Брюсова; и вдруг — рассердился; когда Коган кончил, у меня вырвалось — среди торжественной погребальной тишины — на всю улицу (как говорили: «отчетливо-звонко» — я же думал, что — никто ничего не слышал): «А что вы говорили 15 лет назад?» Тут из процессии раздались увещания: «Борис Николаевич, похороны не место дебатов...» Мне стало неловко; посмотрел я,— а прямо передо мной, в почетной коляске, с «красным революционным» бантом на груди почетный комсомолец, «профессор» Рачинский! [32*] Я поспешил скрыться, поняв, что я — на официальных похоронах Брюсова полез с «суконным рылом в калашный ряд»... Потом Коган где-то на лекции ссылался на то, что «кто-то кричал» и давал объяснения... Но мы с Коганом с тех пор, конечно, избегали друг друга; а на похоронах Гершенсона поставили нас, как нарочно, в почетный караул друг против друга. После оставалось лишь подойти друг к другу; и — сердечно протянуть друг другу руку.

Для меня Гершенсон в продолжение 16 лет был примирителем и смычкой с людьми; и остался себе верен в гробу; у изголовья своего гроба примирил с Коганом.

Милый Разумник Васильевич,— пишу Вам так подробно о Гершенсоне потому, что смерть его как-то всколыхнула; почувствовалось — еще одно упраздненное место на «жизненном пиру». В эпоху 1908—1910 гг. и в эпоху 1916—1917-го не было недели, чтобы я не сбегал к покойному: тащил ему свои мысли, работы; ходил к нему «просто так», посидеть; и вот недавно еще — вдруг с неудержимою силою потянуло к Михаилу Осиповичу после почти годового «невиданья»; просидел с ним 3 вечера; и точно — простился...

27-го февраля был пятый раз на «Гамлете»: рассчитывал, что будем сидеть с Вами; и очень грустил, что Вас нет. «Гамлет» в этом сезоне занимает в моей душе большое место. Не знаю, как это Вам объяснить. Прежде всего — не думайте, что я стал «театралом» (я определенно не люблю театра); и не думайте, что я стал «поклонником» таланта артиста Чехова; я на старости лет не способен увлекаться. Я хотел бы Вам объяснить свое «увлечение» «Гамлетом» не в порядке того шума, который вызвал «Гамлет», а как-то иначе... Я еще до постановки видел, с каким благоговением группа артистов с Чеховым готовилась к постановке, и невольно вошел в ритм дум о Гамлете, где-то соучаствовал; я знал, что люди шли на репетиции, как в храм, что каждая деталь вынашивалась из подлинного сердечного горения, что о «театре» в театре забывали; и не видя «Гамлета», я уже сердцем говорил тому делу «да», особенно сойдясь в прошлом году с Мих[аилом] Алекс[андровичем] Чеховым на почве «нашей с ним общей не театральной» работы [33*]; увидев в нем человека глубокого, мятущегося, «нашего» (мог бы сказать «вольфильского», мог бы сказать «а-ского») [34*], я его просто полюбил; мне показалось, что он вошел в нашу семью, ну, как Алексей Сергеевич [35*], например; и я «a priori» говорил «да» всем возможным «падениям» сценическим, всей «наготе», всей обнаженности в выявлении стремления Чеховым: «будить сердца...» И опять в измученных зернах «полезное, доброе, вечное» (употребляю эти слова в их сокровеннейшем, священнейшем смысле).

Признаться,— я ждал, что будет неумело и немного «глупо», немного «стыдно», ведь прецедентов таких еще

не было за последние 25 лет в театральной жизни. Ставили пьесы или — рутинно, или — разрешая тот или иной «трюк», или преследуя холодное тенденциозное задание, здесь — реализма, там — символизма. А тут ставилась пьеса как «молитва», без предвзятых «трюков», «жар сердца» и жест «любви» оказывались непроизвольной тенденцией постановки: так, как Гоголем «не написалась» 2-я часть «Мертвых душ»; и я был уверен, именно потому, что вторые части «Мертвых душ», т. е. «Души живые» в жизни сей обречены на провал (об этом Ариман [36*] позаботился гениально), провалится и «Гамлет». И кроме того: я, признаться, не верил, чтобы посредством этой пьесы можно было бы вколдовать «душу живую»; мне представлялся Гамлет в берете «гамлетизма» и в позе «быть или не быть».

И кроме того: приглядываясь к такой сложной, носящей всякие «бездны» душе, как душа Мих[аила] Алекс[андровича], я думал, что его жест дать со сцены моральный импульс к правде и свету есть показатель лишь трагедии творчества большого художника, а судьба людей, схваченных такой трагедией, либо — давать блоковский «страшный мир», либо косноязычное «тае-тае» Акима Толстого, либо тупую Костанжогловщину [37*]. Именно потому, что Чехов большой артист, дающий незабываемые образы, но... гоголевских ужасов и «ужасиков», он и провалится с Гамлетом — думал я; после жуткой Недотыкомки-Хлестакова, чудовищно смешного Мальволио («12-ая ночь»), незабываемого еврея Фрезера («Потоп») и жутко-истерического Эрика [38*],— понятно в большом артисте трагическое «Это же делаю я», понятно стремление к очищению «правдой духовного света» от страшного хохота; ведь то, от чего В. Ф. Комиссаржевская (тоже — «душа живая») бежала в итоге своей деятельности, т. е. от «как играть» к «как жить», чтобы жизнь соединить со сценой, чтобы убить в сцене «сцену». В прошлом году мы его едва уговорили, чтобы он не бросал своего дома; а то он хотел ликвидировать все и поступить так, как я поступил в 1912 г., т. е. не вернуться, «уйти», «совсем уйти» (как хотел Толстой, как ушел Добролюбов [39*]). Мне он стал близок, как «большая душа», пылающая «большими вопросами». На «Гамлета» я смотрел, как на выражение жеста трагедии его индивидуального положения «быть или не быть». А в постановку не верил. Кроме того: мне приходилось видеть, какие трудности

приходилось преодолевать, начиная с цензурных и кончая противодействием другой группы артистов, той же «Первой Студии» [40*], решивших, что Чехов «сошел с ума» и что он затащит театр туда, куда «Макар телят не гоняет»; сам М. А. до самого последнего момента шел на всяческий «провал» своей идеи, рассчитывая в лучшем случае лишь на то, что постановка — «первый блин комом», что это «тредьяковщина» в кредит будущего [41*].

И вдруг — неожиданный шум, «гвоздь» московского сезона, полный сбор, волнение сердец и прочие сюрпризы! Станиславский со злости корчится, большевики из «Кремля» шлют Чехову письма с объяснениями в любви, Луначарский жалует Чехова «заслуженным» артистом [42*], «ВЦИК» посылает учителей съезда на «Гамлета». И прочее...

Допускаю тысячи ошибок, допускаю «энное» количество отсебятин, перефантазирований, выявления неожиданных рефлексов шекспировской драмы, заставляющих многих себя спрашивать: «Шекспир ли показан? «Гамлет» ли Гамлет?» В основном — прозвучало одно: показано что-то огромное, монументальное; Шекспир ли это? По-моему — да! Это Шекспир, взятый сквозь призму нашего огромного времени, в котором провалился без остатка «Ибсен», еще недавно казавшийся «великим», в котором по-новому «взлетел» Шекспир, доказавши, что он «был, есть и будет» во все времена. А что нет «академического» Шекспира, «академического» Гамлета, Гамлета дореволюционной интеллигенции, что дан Гамлет-герой, революционер духа,— разве это не хорошо? Даже враги этого «Гамлета» соглашаются: «Показано нечто огромное, монументальное...» И, стало быть, цель «первого блина комом» — достигнута. И в том для меня — наша общая победа, «нечаянная радость» [43*] (может быть, единственная) этого сезона.

Вы спросите меня, что же заставляет меня ходить на «Гамлета» (был — пять раз)? Да что-то невероятно-интимное, близкое, милое и знакомое, что встает в душе: сквозь монументальность, как сквозь транспарант, образы «Гамлета» понятным сердцу языком «мне говорят о тайнах вечности и гроба»; вот от этих образов словами Пушкина «все, что нам гибелью грозит», для сердца вещего таит «неотразимы наслажденья, бессмертья, может быть, залог». Залог бессмертья, завет «бессмертья» передает Горацио Гамлет, умирающий в последней кар-

тине; показано ясно, что «повесть о Гамлете» есть повесть о победе бессмертного «Я». До nec plus ultra [44*] подчеркнута фраза Гамлета: «распалась связь времен», т. е. катастрофа «тюрьмы мира» («Дания, может быть, лишь отделенье тюрьмы»); и показано по-новому воссоединение «связи» в «крестном мече» Гамлета: показано, что не мир Гамлет несет, но — «меч» для Клавдио-короля.

Удивительно, что от дематериализации «тени» отца в звук «Духа-Отца», соединяющегося с «Сыном» и выговаривающим свои слова из «Сына» (в тексте в этом месте всюду вместо «Я» — «Ты»: слова «Духа» произносит Гамлет): «Ты во мне и Я в Тебе»,— от такой дематериализации Дух воплощается во все картины Гамлета; томление Гамлета становится современной для каждого «Я» Голгофой («во Христе умираем»), а момент смерти Гамлета, когда его под музыку закрывают знаменами и когда сцена освещается до максимума, звучит, как «Христос Воскресе».

И — странно: идея моей поэмы «Христос Воскресе» [45*], но раз в тысячу мощней, поднимается над образами Гамлета, которые во мне вызывают слова,— слова о мистерии «Гамлет», что «эта мистерия совершается нами — в нас» и что

Огромная атмосфера
Сиянием
Опускается
На каждого из нас,—
Перегорающим страданием
Века
Омолнится
Голова
Каждого человека...

«Гамлет» показан Чеховым в «перегорающем страдании века». До соединения с Духом это — меланхолия, «Ante Lucem» [46*], в сцене с Духом — величайшее потрясение.

В землетрясениях и в пожарах
Разрывались
Старые шары
Планет.

Отсюда, как удар грома, звучат слова Гамлета: «Распалась связь времен». С момента Откровения Гамлета начинается «безумие Гамлета», или «миссия» его дела: поднять меч на «мир сей, лежащий возле». Совершенно

изумительны сцены с актерами; одна — дана сплошь в «музыке и в эвритмии» [47*], ибо «символы не говорят, они молча кивают без слов». Сцена с матерью всякий раз меня хватает за горло:

И что-то в горле
У меня
Сжимается от умиленья.

В ней «перегорающее страдание» в Гамлете «молнит» Гамлета; в этой сцене Гамлет с «омолненной» головою —

Как два
Крыла
Орла,
Сияющие издалека.

В последнюю сцену он вступает, как «Esse Homo» [48*], а когда опускают на землю щит с его телом, то

Огромная атмосфера
Сиянием
Опускается
На каждого из нас.

Так говорит «Гамлет»!

Здесь он не «принц», а человек: «принц» в нем — «Я»; и показано, как в «человеке, ставшем Челом Века», Христос не Сверхчеловек, а только Человек.

Антроподицея, антропософия, революция Духа,— как хотите! Но мне ясно: как во мне поэма «Христос Воскресе» — нищенское выражение для меня соединения двух идей: идеи революции с идеей «пятого» Евангелия (ведь крещены мы с ним «одним огнем»); и за всеми образами «Гамлета» для меня ясен эсотерический жест его души: вернуть доктору [49*] то, что он получил от него; за «всем» я вижу (и я знаю, что это — так) режиссера духовного, через Чехова давшего Москве Гамлета: в минуту трудную!

Неисповедимы пути внутренней помощи!.. Чехов — Гамлет в этом разрезе мне видится «усыновленным» Отцом: внешний знак «отца» — один Чехову дорогой человек (и Вы догадываетесь — кто... [50*]); а внутренний смысл знака: сошествие «Манаса» [51*], «Разума» над мятежами нашего времени.

Пусть все это будет моею субъективною фантазией, хотя расширение «Гамлета» до громадного «символа» и было в плане чеховской постановки; и все-таки: разве не

чудесно, что «символы» эти «молча кивают без слов» каждую неделю над Москвой: Ольга Дмитр[иевна] Форш [52*] (тоже потрясенная «Гамлетом») говорила мне, что на галерке рядом с ней сидели простые женщины (одна из них, кажется, была трамвайной кондукторшей); и — плакали; одна из них уже «третий раз» на Гамлете. Стало быть, то, что «молча» кивает из слов: берет!

Я вот — «мистик»; и мне, стало быть, простительна «субъективизация» Гамлета; и все же я знаю, что в плане постановки, в момент «рационализации» замысла, Клавдио дан Ариманом, чертом, отсюда его лубочно-схематический облик: это какой-то Ирод с преувеличенно страшным «Ха-ха-ха-ха!», с нарочно подчеркнутыми, стилизованными жестами (Чабан [53*], играющий Клавдио, по-моему, великолепно справился с таким заданием); а двор — какие-то «крысы» в серо-голубых и серо-черных тонах (цвета Аримана); фон декораций — холодный, черно-синий, т. е. «подвал с крысами» и с «царем крыс», или «Дания, как тюрьма». «Классиков» и академических «шекспирологов» шокирует такая утрировка; но она имеет свою «мысль», коренящуюся в новизне трактовки; пусть постановка и дефектна; какая бы ни была она, но она «по-новому» вычерчивает; она и должна быть такой в «Гамлете», как «мистерии наших дней».

Понятно, что я взят Гамлетом. А вот чем взяты «большевики»? А — взяты: и в этом — правда «целого»; эту свою «взятость» они формулируют тем, что показан весь ужас «гнилого» строя и показан Гамлет, как революционер, как активно-волевой тип вместо интеллигентного «нытика». Другим импонирует Гамлет тем, что это «активное» начало есть «воля к добру»: показан «Гамлет», пробуждающий «чувства добрые»; чем взята трамвайная кондукторша,— я не знаю. Что «взята» Москва, доказывает «полный сбор» до сих пор (все другие пьесы идут не с «полным сбором»; и можно сказать, что почти «провалилась» замятинская «Блоха» [54*], в постановочном смысле рассчитанная на «современность», «дешевые хлопки» и неверно понятые «массы»; а «массы»-то как раз хотят больше «Гамлета»). «Взят», например, такой мало способный на увлечения человек, как Лежнев [55*], не «интеллигент» в прежнем смысле, не «большевик», не «мистик», не трамвайный кондуктор. Он — по-своему оформляет «Гамлета», утверждая в своей статье, что — «Да. Мы — завершители. Мы — живое резюме всего отошедшего

столетия: его идей, его смятенности, его огненной воли, его горестного отчаяния... Топкое финское болото перерождается в подземную лаву. Толстовский Каренин оборачивается Аблеуховым-отцом. Гусеница — уже тугой обмот куколки; и мотыльком вырывается из нее Аблеухов-сын, летит в золоченом квадрате комнаты, в тюремной клетке... Симфония... «Петербург»... возмездие всему веку в конце века. «Возмездие» — (Лежнев разумеет В[озмездие] Блока) — поэтический баланс эпохи, переклик... с зачинателем — Пушкиным. Мы — завершители...Зонд истории в новизне андреевского Лоренцо [56*] прощупывает пушкинскую старину. Онегин, и Печорин, и Чацкий, и Рудин, и Раскольников, и Аблеухов-сын, как и Лоренцо,— восстающие против отцов дети, принцы крови и духа, устроители дворцовых переворотов, мятущиеся в... квадратах отцовского дома... Кругом... челядь, провокация, Бенкендорфы. Между принцем [57*] и народом — стена в... завитушках ампир; народ глух и нем... Горестно исповедуется пушкинский принц-пророк: «Как труп в пустыне я лежал»... В принце-пророке — смятенная душа. Он гневно наскакивает на стену и... расшибает себе лоб. То...— декабристы... Теряется в лабиринтах миражей... Но... горестные провалы не склоняют долу единой, восходящей, волевой линии... Мы, современники, были рупором отчаяния прошлых поколений, но и рупором их мужества, их... революционной воли. Мы — завершители...; мы дали повторительный курс... прошлого... Самоотчаяние — действенная... эмоция, оборотная сторона... мужества. Кто из-за частностей... теряет... перспективу восходящей линии — тот лишен чутья истории... В самоощущении... ярчайшая точка — болевая. Ее... проектировали... и выступил... образ... интеллигентской эмоции — принц Гамлет... Видели существо безвольное... резонерствующее. Но то не был объективный образ: правда истории затуманилась правдой большого стона. Лишь сейчас мы видим прошлые вещи, как они есть... И вновь... спроектирован Гамлет... Нового Гамлета дает актер Худ[ожественного] театра М. А. Чехов. В этом его огромная художественная заслуга и интеллектуальная высота. Что же это за Гамлет? Это все тот же принц в... остенении отцовского дворца. И тут — Китайская стена между ним и народом, и тут... шпионящая челядь... Бенкендорфов, и тут... зеркальные... отображения... Но — в неровной раме королевского золота, предательского...

маскарада челяди и траурного крепа — во весь рост встает человек саженный, волевой человек — принц Гамлет... Линия действенного протеста идет, все возрастая от акта к акту до финального момента — казни короля. И видишь: вот, наконец, принц Гамлет, как быть ему дóлжно. Се — человек! Завершительный синтез столетнего пути. Мы его узнаем — это наш родной путь. Это родной «герой нашего времени»... воплотившийся в Чехова, распрямившийся и ставший во весь свой человеческий рост. Гамлет — наша трагедия. Наш гамлетизм — не карликовый, не мозглявческий. Он — высокий и трагический. Его мы узнали» [58*].

Лежнев — публицист, просто — умный деловой человек (кстати сказать,— от Бог весть каких причин изо всех сил ориентирующийся на меня и на М. П. Столярова [59*]; я ему — «изменяю» с романом, а он мне — «прощает»). «Гамлет» — его расшиб, перевернул до дна... Я не видел Мочалова [60*], я не видел России [61*], но думаю, что М. А. Чехов после 25-летия «станиславщины» в «Гамлете» возрождает «героической эпохи» актера. «Гамлет — Моисси» (герой германской сцены [62*]) — ничтожество перед Гамлетом — Чеховым. Но в этом — ужас: каждый раз, когда после 2-го акта я захожу в уборную М. А. Чехова, я его застаю в сердечном припадке. Каждый раз, когда я иду на «Гамлета», я боюсь, что увижу вместо «чуда» — мертвую куклу, ибо «Гамлет», сжигая человеческую жизнь М. А. Чехова, для спасения этой жизни взывает к замене человека «манекеном». На днях снимают временно «Гамлета» с репертуара, потому что здоровье Чехова расстроилось донельзя. Я досадовал, что Вы 27-го февраля не были: М. А. очень чтит Вас и — меня. Его жена сказала, что он играл — для нас с Вами, и играл «божественно». Но он может каждый следующий спектакль сыграть «чудовищно-плохо»; его игра — сжигание заметного кончика жизни.

Дорогой Разумник Васильевич,— вот так письмо: нелепое, чудовищное, несуразное; пишу его вместо того, чтобы писать статью Лежневу о «России» («Исчезни в пространство!»). Мы с Лежневым договорились: в «СССР» правомерно навсегда рассыпалась историческая Россия, физическая, географическая: «СССР» — ширящаяся «эфирная» аура бывшей географической, «физической» России: такой — не будет. Но осталась другая Россия: в «бýди, бýди» сознания русского «интеллигента»,

в неклассовом смысле; теперешний интеллигент — из нового, часто рабоче-крестьянского слоя; и этот, еще только становящийся интеллигент понесет миру в нем сконцентрированное «буде, буде!» России, как миссию «обходя моря и земли глаголом жечь сердца людей» конкретным богатством народов; теперешний «русский» — только интеллигент, или — никто; а теперешний новый интеллигент (может быть,— бывший дворянин, может быть,— рабочий, может быть,— крестьянин) — «пророк», или — никто. Но чтоб быть пророком, надо сперва — в «пустыне мрачной» томиться, потом — с рассеченной грудью, без сердца (и — ходить!), потом — лежать трупами: «Как труп в пустыне я лежал». Тогда лишь — «воззовет» (к середине 30-х годов).

Итак: разрушимся, онемеем, умрем, чтоб... воскреснуть: «русскими интеллигентами»!

И — разрушаюсь: не имею где приклонить главы; вместо «дома», «комнаты» — у меня «черт знает что» (и везет же мне!). Мой хозяин — милый, забитый человек, химик, «Хондриков» своей жены [63*]; жена — так называемая Вера Георгиевна Анненкова, которую давно уже я окрестил Верой Горгоновной,— совершенно исключительный, феноменальный экземпляр: мегеры, ведьмы, «вампира», «бесноватой». У меня, с одной стороны — умопостигаемые удобства работы «вне Москвы», за городом, с другой — эмпирический тигриный рев мегеры под моей дверью: в иные дни с утра и до ночи; последний припадок ярости этой мегеры длится вот уже «семь недель»; «семь недель» — рёвы; семь недель не воздух, а «синильная кислота» — атмосфера квартиры; дочь сего «демона» в образе «бабы-яги» — худосочная, страдающая хлорозом, а следовательно, и последствиями оного, фурункулезом, 17-летняя, покрытая нарывами, интересующаяся символизмом и сживаемая со свету «мегерой» барышня (хлороз — последствия перманентного нервного потрясения),— есть источник моих беспокойств; я с утра до вечера слышу, как загрызается прислуга, муж, дочь и мать мегеры; — в результате: дома болен, разбит, вырвана возможность продолжать роман [64*], т. е. этим и подорвано материальное благосостояние. Наконец,— Вы понимаете, что есть пределы «нейтралитета»; 1,5 года терпел, шел на компромиссы «ничего невидениями», а слышал, как загрызалась девочка; я не мог дальше оставаться нейтральным и должен был показать кое-что

оной «мегере», чтобы она — подтянулась: и результат — конденсированная ненависть, обращенная ко мне; верите ли, что чисто «психо-физиологически» эта «бабища» обладает таким возмутительным астралом, что я у себя дома — хирею, деться же — некуда; и вот — закупорился уже 2,5 недели в задушине своей комнатенки, как в клетке, не могу работать, а — деваться некуда.

Все планы летят к черту. Первое полугодие,— боролся за материальное право писать; к Рождеству — получил возможность, но тут-то и лопнул «эолов мешок» в мою комнату. Думаю пока на днях бежать на неделю в Троицу: отдыхать.

Изъял целый лист письма к Вам, ибо он оказался переполнен неожиданными для себя ламентациями, это мне не понравилось...

Да, живешь одновременно и в «во здравие» и в «за упокой»; среднего ничего не осталось; обступают и низины и вершины, а ведь человеческий организм (сердце, мозг) приурочены лишь к «средней» работе; собственно, жизнь апеллирует уже к психо-физиологическому аппарату, сработанному иогой; мы, человеки, опоздали. Будь у нас подлинная «тренировка», мы бы оказались сильнее; получается ненормальность: люди «морального» сознания не выдерживают: лопаются сердца и воспаляются мозги. Одумайся раньше мы,— мы бы к 1925 г. уже обладали бы и надлежащими нервами. Я, например, с грустью корю себя в том, что за период от 1912 г. до 1918 я не сумел достаточно закалиться, чтобы плавать, как рыба в воде, в условиях нашего времени, и попал в глупое положение: «Дух бодр, плоть же немощна», вместо «Mens sana in corpore sano» [65*]; бывает обидно: есть у тебя и работоспособность, и силы, и мысли, и образы, а воплотить их мешает неумение справиться с физиологической, физической и т. д. перегрузками, механически съедающими 9/10 из тобой увиденного, продуманного, выношенного. Живешь в вынужденном «авось», «как-нибудь». Роман мой задуман на 8 глав; 2 главы — провел; стою перед 3-й и 4-й; и при всем желании работать, не сумею сказать: позволит ли жизнь?

Ты-то исправен, а вот судьба к тебе неисправна; посылает «бабищу»; в прежнее время от «бабищи» можно было бежать; теперь — бежать некуда; и опять — в который раз — для «нормального» дела взывает все в тебе к «мобилизации», к «maximum'у» хладнокровия. Все

только одни «maximum'ы». Жил пять лет в России в «maximum'е» беспокойства за то, что «вопросы жизни» [66*] твоей висят в воздухе; 2 года преодолевал только русскую границу, чтобы за границей удариться всею жизнью в такое, отчего и более сильный человек мог бы прийти в отчаяние; выносить пытку двух лет за границей, потом преодолевать «границу» в обратном порядке и т. д. [67*] Все полный «maximum»! Да ведь нервы-то даны не в «maximum'е».

Ну вот, и ропщешь, и устаешь.

Тут, в Москве, судьба посылает много волнующихся «культурой», интересных, живых людей; но — Боже мой: в каких условиях живут иные: тот — сгорает в чахотке, эта — живет в голоде, ту — выселяют. Только и слышишь. Иногда приедешь в Москву и разбаливаешься от того, что видишь и слышишь вокруг себя в смысле людской судьбы. тому надо помочь материально; всем — морально. Помочь безнадежно. А то минимальное, что делаешь, производит впечатление, как если бы предложил теплом сердца растопить альпийский ледник; топишь вокруг себя какой-нибудь «дюйм» среди километров льда.

И бывают минуты, когда слетает с души: «Стоит ли? Не донкихотство ли это?» А Дон Кихотом быть не желаю: отказываюсь...

И все-таки — «не хочу я, други, умирать: я жить хочу, чтоб мыслить и страдать», этот лозунг подымается из глубины наперекор приятному желанию «умереть-уснуть». Опять антиномия: «не хочу умирать — умереть-уснуть». И приходится расходящиеся «ножницы» жизни, т. е. то, что доселе считалось ненормальным, рассматривать как нечто нормальное, как пару рук, пару ног, и если морально антиномии неразрешимы, то приходится практически учиться все же их разрешать; и — не по средней линии, а как-то иначе: «Гамлет» и «бабища», умирающие голодные, прекрасные, свободные, «maximum» внутренне-революционно настроенные люди и... упитанные всякими «упитанными тельцами» подлецы...

Узнаешь факты, от которых в негодовании сжимаются кулаки; и — ничего не можешь поделать. Сейчас узнал об одном таком факте: не хочу ничего пока говорить о нем, потому что питаю слабую надежду на то, что 9/10 из него сплетня; все равно на днях узнается; но если бы

хоть 2/10 было истинным из того, что я узнал, то и этого достаточно.

Дорогой Разумник Васильевич, я каждый день думаю о Вас; но я почти не спрашиваю Вас, как Вам живется; знаю, как трудно... Но верьте: именно в этом пункте, в пункте последней разъединенности, когда даже другому нельзя ничего передать, перекинуть словами, когда все слова «лживы» («пролживились», а новых средств еще нет для общения) — в том-то пункте и встает для меня «отчаянное» утешение: в «я — один» я уже — «не один»; «уже», или... «почти уже», в то время, как по линии общения «я не один», все более и более себя ощущаешь — «один», «один»; и — не передашь, до чего один; на этой почве некоторые из моих друзей рекомендуют почти тактику «само-упразднения», «само-ухода» из всех видимостей внешне-коллективистических форм (так — в нашем кружке); теперь,— уходя, приходишь; и, чаще всего, приходя, уходишь. Но там, где человек пребывал прежде «в центре круга» и был «замкнут кругозор»,— круг размыкается; и «я» — сочетаются; но только «там», в «центре круга»; итак — в центр; ход «от людей в себя» становится новой ставкой на общение, на ход — «от себя к людям». Все прочее — гибнет: во всем прочем — гибнем.

И, возвращаясь к Гамлету,— скажу: и здесь, в деле Чехова, я вижу подтверждение закона вывороченности, который действует все сильней и сильней: человек бежал из «театра» в «антропософию»; почти бросил любимое дело и головой нырнул во все другое; и дал «театр»: дал Москве — не представление, а для многих — «утешение сезона». Жест разбития «театра» в душе обернулся «театральным веянием». Очень часто мы гоним нашу молодежь — «прочь» от себя; и вызываем непонятный протест, будто... брошены; а это — жест надежды из отчаяния; это подслушиваемая верная весть: «Только так и найдемся: только в том путь к окончательному нахождению друг друга».

И из каких-то словами не уплотняемых соображений, из какого-то почти эзотерического жеста души своей, я Вас тем более не спрашиваю о Вас, что это единственная мне из Москвы реальная (верьте) форма моего перманентного общения с Вами. Хочется не словами, а большим сказать: в дни и, быть может, в года, когда мы, живые, закопаны и обложены каменною оградой, чтобы

все прежние пути друг к другу были преграждены (видеться нельзя, вместе работать — нельзя, писать друг другу — нельзя и т. д.),— одно остается: строить радиоприемник: бежать «диким и суровым» на «брега пустынных волн», через «пустыню мрачную», может — лежать в ней «трупами» (еще время «лежать трупами» не вполне подошло, еще подходит и, вероятно — подойдет); пребыть «спокойными, твердыми и угрюмыми» в этом «бытии», которое назвать — «именем каким?» — нащупать точку «ни сна, ни бденья» («меж них оно»); это — точка в другом измерении есть разрез линии шеста, на котором воздвигается радиоприемник; и вот из точки «ни сна, ни бденья», где «с безумием граничит разуменье», но где человек парадоксально «в полноте понятья своего» — прислушаться к «волнам»: «волны» — уже идут, лишь бы прибежать к берегу вовремя — нам «диким и суровым», отдаться «отчизны дальней» «стихийному смятенью». (Это я из начала «Последней Смерти» Баратынского все цитирую). И тогда — увидим мы, прибежавшие, «дикие», «суровые», в физическом плане «трупные» — «свет, другим неоткровенный»; «другие» — вовремя не убежавшие и вовремя не прибежавшие. «Стихийное смятение волн» есть загаданный ныне нам способ общения, загаданная по-новому встреча нас всех.

Я почти ловлю себя на том, что проповедую новый «исход из Египта» через «пустыню мрачную» и не в Моисеевых формах, а в совершенно «новых», о коих еще почти ничего сказать нельзя; и исход этот все же в представлении моем соединяется с пребыванием каждого на своем месте; просто надо учиться по-новому, взять в новом свете «спокойствие, твердость и угрюмость». Теперь уже — каждый стой на посту; оттого общение в прежних формах — затруднено.

Знаете ли, что доктор очень серьезно болен; и как-то верно знаю,что он — на «исходе»; так оно и должно быть; человеку, рукой указавшему на 30-е годы, должно уйти из жизни «до»... [68*] Тут — верный ритм времени. В человеческом «Я» развертывается дыра; человек — продыривается, чтобы было откуда, сквозь что, лучам блеснуть на жизнь.

И я «сурово» и «твердо» готов «до-дыриться» (чаще в себе открываю sui generis [69*] дыромоляйство и «ничевочество»: кстати — с некоторыми из «ничевоков» я зна-

ком, а на одного из них возлагаю даже всяческие надежды, поскольку в нем «ничто» стало «менее, чем ничто»; и, стало быть — «по-новому что-то».

Во «2 МХАТ'е» (2-ом Худож[ественном] театре) усиленно репетируют «Петербург», который я все ретуширую, ретуширую и, кажется, который доретушировался до неузнаваемости (даже по сравнению с текстом, который должен идти в Госиздат [70*]); репетиции пока sui generis; это скорее медитация над текстом, перманентный семинарий и выращивание из него стиля постановки; меня еще не пускают на репетиции, ибо это какие-то «заумные» действа, а не репетиции в собственном смысле: например — молоточками выстукивают ритм. Репетиции в собственном смысле, по Чехову — последнее дело: самое легкое; все дело — в пронизании главных действующих лиц ритмами целого. «Петербург» обещает многое, как и постановка «Гамлета»: идут либо на «провал», либо на «очень что-то». В режиссерах я уверен (Чабан, Бирман, Татаринов [71*]); все люди с внутр[енним] устремлением; в Чехове более чем уверен. Первое его «дело» постановочное (очень сериозное) выразилось в том, что он начертил схему с соотношением светлых и темных импульсов и расстановку в них действующих лиц. Сначала я много говорил, но не о постановке, а вовсе о другом: о планах, карме, пороге и т. д., а уже другие трансплантируют это в идею постановки. Все время идет какое-то воистину коллективное общение между автором, режиссерами и главными действующими лицами. Пора кончать. Так же неожиданно обрываю письмо, как неожиданно его начал. Крепко Вас обнимаю. Искренне любящий Вас Борис Бугаев.

P. S. Татьяне Ник[олаевне] и Иночке привет сердечный [72*].

[P.]P. S. В доказательство того, что я окончательно потерял всякую меру в «себявыявлении», я перед сном набрасываю Вам эти строки «ни о чем», или, если хотите — о всем, что ни есть; о «первом попавшемся»; в «первом попавшемся» факте теперь столько «типового» для нашего времени, и даже, может быть, не для нашего, а для «времени», ибо «species aeternitatis» [73*] есть все теперь; в наших маленьких, быть может, заботах вывариваются столетия, тысячелетия даже, и уже не поймешь, что «главное» в твоем «главном», том, что считаешь главным ты сам, или что «случайно» врывается в поле

сознания, как отвлекающее от главного. Поясню примером: «главное» для меня сейчас (в днях) к сроку написать; вдруг — хозяйка моего дома начинает «бесноваться»; 2,5 недели бегаю беспризорно по Москве (дома житья нет); роман — не пишется: «случай» помешал. Но вот: в Москве узнаю: все «бесноватые» бунтуют — поголовно; какой-то «астральный» вихрь; но, вероятно, есть и внешнее объяснение (одно другому не мешает); «беснование», несомненно, вызвано климатическими ненормальностями; они же — первое влияние надвигающегося ледникового периода; итак — «случай», отвлекший меня от работы, есть именно не «случай», а нечто, с чем придется отныне считаться в столетиях. И т. д.

Один ученый высказал гипотезу, основанную на данных: революции зависят от обилия солнечных пятен [74*]; т. е., выражаясь объективно, причины революции на земле и причины, вызывающие солнечные пятна, находятся в функциональной зависимости друг от друга; они суть зависимые переменные некой независимой; а это значит: надо расширяться космически; уже нельзя больше жить в пределах земного сжатия; чтобы понять, что в тебе «случайно», что «неслучайно», надо перевычислить все формулы обихода, приведя к общему масштабу: к вселенной. Вот этот-то фон «вселенскости» жизненных мелочей и вычерчивает их перед нами; прежде мелочь проглатывалась, как пыль, не влияя на нашу судьбу; теперь мелочь — «бьет в лоб»; «пылинка» стала «свинцовой пулей»; она — забронирована целым, целое — вселенная. Надо отступить, проглотить целое; и тогда, может быть, получится возможность, ну, хотя бы — стереть пыль со стола; а то «пыль» — не стираема. Ты ее стираешь, а она не стирается.

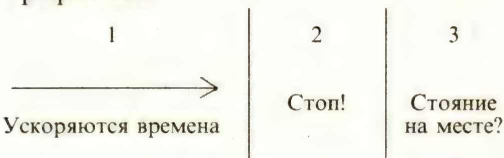
Да вот: мелочи жизни уже настолько не стираются с нас, что мы проводим жизнь в «сплошном перемогании»; стало быть: надо эту самую мерзавку «жизнь» поймать за хвост.

Вы посмотрите — черт знает что: вселенная начинает вмешиваться в погоду, климат скачет, на Кавказе появляются сибирские тигры, в Московскую губернию прилетают «орлы» и т. д. Ничего не понимаем; и опять звучит лозунг, о котором писал Вам в прошлом году: кончился аристотелианский период культуры; в Аристотеле ясном пробуждается Гераклит темный.

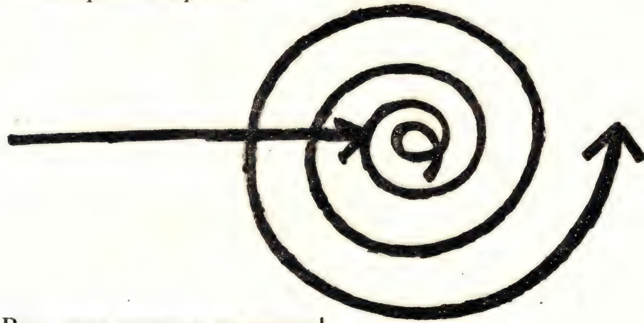
Идем в сплошное непонимание; и с временем что-то

неладное; летели, ускоряясь, времена; и вдруг — стоп: будто все стало; будто и нет движения.

Рисую графически:

Нет, не стояние, а — разрыв точки времени; в центре времени — нуль времен; в обнаружившейся впервые временной периферии, наоборот,— нарастание времени; верней — шаровое время:

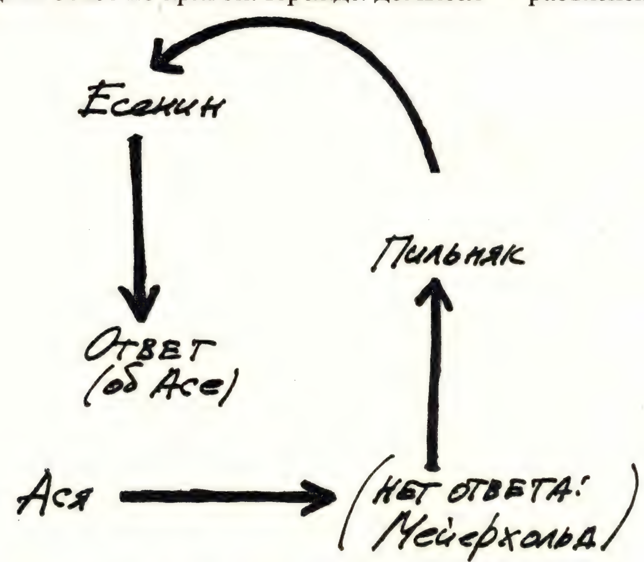
Вот, как пошли времена!

Линейно — время оборвалось; началась какая-то другая временная циркуляция; эйнштейновское время лишь симптом происходящей революции в культуре кантовых априорных форм чувственности; революция — в самом мире a priori; научные открытия лишь результируют до открытия его выплавляющую карму; научный закон, вчера найденный и твердо установленный, лишь протокол судебного процесса человечества над собой: «Ты сам себе свой высший суд». Все то, что совершается внутри нас и вне нас, во вселенной, есть приведение в действие предваряющего эти действия «самосуда». Неудобно нам стало жить. И где-то звучит: «Ты им доволен ли, взыскательный художник?»

Но тут же обрываю себя: все, что пишу — лишь подгляд, а не догмат.

Все — пошло по кривой; ничего прямо не сделаешь. Вот, например, вчера много думал об Асе [75*], о «загранице»; ни до чего не додумался; сегодня должен был пойти к Мейерхольду обедать (в 5 часов); в 2 — у зубного врача,

в 3 — освободился: куда девать 2 часа? (Живу-то вне Москвы); зашел к Пильняку (были дела — гонорар получить); Пильняка нет дома; надо ждать (без гонорара не уедешь из Москвы, а хотел на 5 дней отдохнуть у Троицы). Надо ждать Пильняка; $4\frac{1}{2}$, 5; нет Пильняка; опоздал к Мейерхольду; жена Пильняка говорит: «Оставайтесь, поросенок с кашей есть!» Остался обедать. Пришел Пильняк; с гонораром не уладилось: даром ждал; хотел уйти к Мейерх[ольду]... Пильняку звонят: «Кто?» — «Есенин!» — «Приходи, у меня Б[орис] Н[иколаевич]». Думаю: «Вот некстати: надо же бежать...» Пильняк мне: «Оставайся: Есенин едет к тебе». Явился Есенин — с 4-мя бутылками под мышкой, заставил пить вино (не люблю вина: пил насильно); все думаю, как бы удрать (уже 7 часов); вдруг Пильняк на 2 часа уезжает по делу и насильно меня оставляет с Есениным; уйти невозможно: думаю: «Вот попался»... С Есениным происходит разговор, он рассказывает мне о своих берлинских встречах с Асей, о которых я даже не знал; и, не подозревая, дает мне ответ на мои безрезультатные домыслы накануне об Асе. Это я называю: находить ответ по кривой. Прежде: домысел → разъяснение.

Нечто подобное происходит и со временем.

Дорогой Раз[умник] Вас[ильевич] — опять зарапортовался; и — обрываю себя. Еще раз — обнимаю!

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. Летописи Государственного литературного музея. Кн. 7. М., 1940.

2. Литературный псевдоним Разумника Васильевича Иванова (1878—1946).

3. Об истории первого издания романа см. статью Л. К. Долгополова в кн.: Белый А. Петербург (Серия «Литературные памятники»). Л., 1981. Отношения между Ивановым-Разумником и Андреем Белым освещены во вступлении к публикации А. В. Лаврова и Д. Е. Максимова: Из писем Андрея Белого к Иванову-Разумнику//Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи, воспоминания, публикации. М., 1988, с. 707—709.

4. Мстиславский (Масловский) Сергей Дмитриевич (1876—1943) — писатель. Принадлежал к партии эсеров; принимал участие в революциях 1905 г., Февральской и Октябрьской.

5. Иванов-Разумник до конца своих дней формально оставался беспартийным, однако его взгляды были близки леворадикальному крылу революционного народничества, организационно оформившемуся впоследствии в партию социалистов-революционеров.

6. Имеется в виду роман в стихах Г. А. Санникова «В гостях у египтян» (1933).

7. Белый А. Энергия//Новый мир, 1933, № 4.

8. Автором предисловия был Л. Б. Каменев, который, по словам В. Ф. Ходасевича, «развалился в книге Андрея Белого, как лакей на барском диване» (Возрождение, Париж, 1934, 28 июня). Как вспоминал П. Н. Зайцев, потрясение от предисловия Каменева вызвало у Белого кровоизлияние в мозг и, возможно, приблизило смерть 53-летнего писателя, последовавшую 8 января 1934 г. (см.: Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи, воспоминания, публикации. М., 1988, с. 590).

9. РГАЛИ, ф. 155, оп. 1, д. 321, л. 25 об.

10. См., например, ряд публикаций Д. Малмстада (США), в том числе в историческом альманахе «Минувшее».

11. См. об этом в письме Белого В. Э. Мейерхольду (Театральная жизнь, 1990, № 2), а также письмо Белого А. М. Горькому от 17 мая 1931 г. и три его заявления в ОГПУ (Минувшее. Т. 12, с. 349—361. Публикация Д. Малмстада).

12. Например, о своем романе «Москва» Белый сообщал Иванову-Разумнику: «...знаете, кому я ее [рукопись] посвящаю? Архангельскому крестьянину Михаилу Ломоносову» (письмо от 19 октября 1925 г. Архангел Михаил — один из важнейших символов в антропософии).

13. См.: Чехов М. А. Мне угрожали арестом//Литературная газета, 1990, 8 августа.

14. РГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, д. 4—23.

15. Немногочисленные отечественные и зарубежные публикации отдельных частей этого ценнейшего эпистолярного комплекса перечислены А. В. Лавровым, опубликовавшим 17 писем Белого Иванову-Разумнику за 1930—1932 гг. (см.: Андрей Белый. Проблемы творчества, с. 708).

16. Арестованный в феврале 1933 г., Иванов-Разумник свыше полугода провел во внутренней тюрьме ОГПУ, затем был этапирован

в Новосибирск, откуда, два месяца спустя, «учреждение, ведающее перемещением граждан по разным областям СССР», как он выразился в письме к А. Г. Горнфельду, направило его в Саратов.

17. Письма А. Белого поступили в ГЛМ 3 мая 1937 г. (см. письмо Иванова-Разумника В. Д. Бонч-Бруевичу — РГАЛИ, ф. 612, оп. 1, д. 1128, л. 31—32).

18. А. В. Лавров и Д. Е. Максимов пишут, что Иванов-Разумник не довел до конца работу по подготовке к печати писем Белого, однако материалы в фонде Гослитмузея в РГАЛИ свидетельствуют об обратном: рукопись была сдана, и публикатор получил 25% аванса. В докладной записке «Объяснения по поводу научной литературной работы Гослитмузея», составленной 28 февраля 1938 г., Бонч-Бруевич называет этот том «Летописей» среди сданных в редакцию вместе с вышедшей в 1940 г. «Перепиской А. Блока и Андрея Белого, подготовленной В. Н. Орловым (РГАЛИ, ф. 612, оп. 1, д. 61, л. 122 об.).

19. Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки. Нью-Йорк, 1953.

20. Ошибка Иванова-Разумника: первое письмо Андрея Белого к нему датировано 13 декабря 1913 г.

21. РГАЛИ, ф. 612, оп. 1, д. 1128, л. 36.

22. Литературное наследство. Т. 92, кн. 2. М., 1981, с. 385.

23. Голубева О. Д. В. Д. Бонч-Бруевич — издатель. М., 1972, с. 118.

24. Межова К. Г. Источники по архивно-собирательской деятельности В. Д. Бонч-Бруевича. Кандидатская диссертация. 05.05.74. М., 1974, с. 118.

25. Письмо не было отправлено по почте, а передано с кем-то. 8 марта — очевидно, дата получения письма, проставленная Ивановым-Разумником; авторская датировка отсутствует.

26. Чехов Михаил Александрович (1891—1955), актер и режиссер. Премьера «Гамлета», где Чехов играл заглавную роль, прошла во МХАТе 2-м 20 ноября 1924 г. В «Петербурге» Белого, премьера которого состоялась там же 14 ноября 1925 г., Чехов играл Аполлона Аполлоновича Аблеухова.

27. Гершензон Михаил Осипович (1869—1925), историк культуры, литературовед, философ и публицист. А. Белый посвятил ему мемуарную статью (Россия, 1925, № 5 (14), а также главу в своей книге «Между двух революций».

28. Имеется в виду Российская (затем Государственная) академия художественных наук (ГАХН), основанная в Москве в октябре 1921 г. Находилась в ведении Наркомпроса РСФСР. Задачей академии была организация научного искусствознания и литературоведения. Ближайшее участие в создании академии принимали А. В. Луначарский и В. Я. Брюсов; президентом ГАХН был П. С. Коган. ГАХН существовала до 1931 г.

29. Статья Белого «Штемпелеванная культура» была напечатана в 1909 г. в журнале «Весы» (перепечатана: Наш современник, 1990, № 8). Негодование Гершензона связано с тем, что он усмотрел в статье антисемитский оттенок.

30. Чеботаревская Александра Николаевна (1869—1925), переводчица, критик, сестра жены Ф. К. Сологуба. Так же, как и сестра, покончила с собой, бросившись в реку. Белый по непонятной причине даже не упоминает в письме о последовавшем самоубийстве А. Н. Чеботаревской, потрясшем литературные круги тогдашней Москвы. В комментариях ко II тому собрания сочинений Вяч. Иванова (Брюссель, 1974)

читаем: «Она [Чеботаревская] была умна, изысканно образована, многое глубоко понимала и чувствовала; но всегда нервно беспокойная, она страдала припадками мучительной тоски, грозно свидетельствующими о гнездящейся в ней наследственной душевной болезни [...] Часто стала забегать она к М. О. Гершензону; в его светлом духовном мире она искала утешение. Неожиданно Гершензон умер, 19 февраля 1925 г. В большом зале Гос. Академии художественных наук 22 февраля состоялось отпевание: М. О. Гершензон был председателем литературного отдела Академии. Его любили. Чувствовалась настоящая грусть и сердечность в переполненной зале, не нарушенная некоторой официальной торжественностью обстановки. Все речи сопровождались песнями превосходного хора Б. Л. Яворского. Вдруг к месту, близ гроба, откуда произносились речи, ринулась Чеботаревская; указывая простертой рукой на умершего, она закричала: «Вот он! Он открывает нам единственно возможный путь освобождения от этого ужаса! За ним! За ним!» И она стремглав дико убежала. Бросились ее догонять друзья; среди них Ю. Н. Верховский, Н. К. Гудзий. В течение нескольких часов они за нею гонялись по улицам, подворотням, лестницам. Наконец, хитростью безумия ей удалось от них скрыться. В тот же день вечером нашли ее мертвое тело в Москве-реке».

31. Имеется в виду А. В. Луначарский, в 1917—1929 гг.— народный комиссар просвещения.

32. Рачинский Григорий Алексеевич (1853—1939), историк литературы, переводчик, последователь В. С. Соловьева. Упоминается в романе Белого «Московский чудак». Г. А. Рачинскому также посвящена отдельная глава в мемуарах Белого «Начало века».

33. То есть антропософии.

34. «А-ского» — антропософского. «Вольфильского» — родственного по духу «Вольфиле» (Вольной философской ассоциации), учрежденной «с целью исследования и разработки в духе философии и социализма вопросов культурного творчества». Работала «Вольфила» в России в 1919—1924 гг.; председателем (до своего отъезда в Германию) был Белый, товарищем председателя — Иванов-Разумник. Впоследствии Белый принял участие в организации в Берлине зарубежного отделения «Вольфилы». К деятельности «Вольфилы» ОГПУ проявляло неослабный интерес; само существование независимых и внегосударственных идеологических структур к середине 1920-х гг. еле-еле терпелось; в ближайшем будущем их ждало полное уничтожение.

35. Петровский Алексей Сергеевич (1881—1958) — университетский товарищ Белого (был на естественном факультете; в «Начале века» Белый называет его «химиком»), музеевед, переводчик. Близкий друг Белого, антропософ (работал на строительстве антропософского храма Гетеанум в Дорнахе). Многолетний сотрудник библиотеки Румянцевского музея (с 1924 г.— библиотеки им. Ленина). В начале 1930-х гг. провел 2 года в ссылке.

36. Ариман — в религии Зороастра бог тьмы и олицетворение всего дурного, первоисточник зла, противник Ормузда. В учении антропософии под Ариманом понимают символ одного из путей демонического соблазна, дух разложения и хаоса.

37. «Страшный мир» — название стихотворного сборника Блока. Аким — персонаж пьесы Л. Н. Толстого «Власть тьмы», косноязычный темный мужик. «Костанжогловщина» — от фамилии помещика Костанжогло, «идеального» персонажа второй части «Мертвых душ».

38. Перечислены важнейшие роли Михаила Чехова, сыгранные им

в 1-й Студии МХТ в пьесах «Потоп» Бергера (1915), «Двенадцатая ночь» Шекспира (1917), «Эрик IV» Стриндберга (1921).

39. Добролюбов Александр Михайлович (1876—1944?), поэт, один из первых русских символистов. Его «уход от мира» после выпуска в свет в 1905 г. сборника «Из книги Невидимой», где автор отрекся от литературной деятельности, произвел большое впечатление на современников. Поэт оборвал все житейские, литературные, семейные связи и до конца жизни странствовал, занимаясь физическим трудом, некоторое время возглавляя своеобразную секту «добролюбовцев» из своих последователей. Сведения о «страническом» периоде жизни Добролюбова скудны; год и место смерти достоверно не известны. В 1930-е гг. он несколько раз появлялся в Ленинграде у своего гимназического друга и первого биографа В. Гиппиуса. Несмотря на декларированный в 1905 г. отказ от писательства, в письмах В. В. Вересаеву, Б. Л. Пастернаку, В. Д. Бонч-Бруевичу, хранящихся в РГАЛИ, содержатся поздние стихи Добролюбова, а также выражено желание вернуться к литературной и переводческой работе.

40. Первая Студия МХТ была организована в 1912 г. К. С. Станиславским и Л. А. Сулержицким с целью воспитания молодежи по «системе Станиславского». Открытие Студии состоялось 15 января 1913 г.; в 1924 г. студия была преобразована в МХАТ 2-й.

41. «Тредьяковщина» — от фамилии В. К. Тредиаковского (1703—1768), поэта, переводчика, реформатора российского стихосложения, чье творчество не было понято и оценено современниками, избравшими его стихи и переводы мишенью для насмешек. Лишь современники Белого (в частности В. Хлебников) использовали и развили в своей поэзии многие гениальные лингвистические находки Тредиаковского.

42. 17 ноября 1924 г. после окончания публичной генеральной репетиции «Гамлета» А. В. Луначарский передал Чехову грамоту о присуждении ему звания Заслуженного артиста государственных академических театров (см.: Михаил Чехов. Литературное наследие. Т.2. М., 1986, с. 462).

43. «Нечаянная Радость» (1907) — название сборника стихотворений А. А. Блока.

44. Крайних пределов (лат.).

45. «Христос Воскрес» (1918) — поэма Андрея Белого.

46. «Ante Lucem» («До света») — название цикла стихов А. Блока.

47. Эвритмия — в антропософии пластические и танцевальные упражнения, основывающиеся на учении о соответствии ритмов космоса и внутренних ритмов человека, попытка возродить на новом этапе древние храмовые танцы, через которые некогда познавались глубочайшие мировые свершения. См., например, описание «протанцованной» эвритмическим кружком под руководством М. В. Сабашниковой 2-й главы Евангелия от Луки (Жемчужникова М. Н. Воспоминания о Московском Антропософском обществе (1917—1923 гг.) // Минувшее. Исторический альманах. Т.6, с 24—25). Эвритмические упражнения актеров практиковались и М. А. Чеховым во МХАТе 2-м.

48. «Се Человек!» — слова Пилата, произнесенные после бичевания Христа (Иоанн, XIX, 5). Так же озаглавлена автобиография Ф. Ницше.

49. «Доктор» — Рудольф Штейнер (1861—1925), немецкий философ и мистик, доктор наук, с 1902 г.— генеральный секретарь немецкого отделения Теософского общества, основатель и руководитель Антропо-

софского общества (январь 1913 г.), центр которого до сих пор находится в Дорнахе в Швейцарии. Оказал огромное влияние на Андрея Белого; последнему принадлежат «Воспоминания о Штейнере» (Paris, 1982).

50. То есть Р. Штейнер.

51. Манас (разум) — антропософский термин.

52. Форш Ольга Дмитриевна (1873—1961), писательница, автор исторических произведений, а также основанных на реалиях литературной жизни Петрограда романов «Сумасшедший корабль» и «Символисты» («Ворон»). Форш длительное время была антропософкой.

53. Имеется в виду Чебан (Чебанов) Александр Иванович (1886—1954), актер и режиссер, работавший в 1924—1935 гг. во МХАТе 2-м. Был постановщиком «Гамлета» совместно с В. С. Смышляевым и В. Н. Татариновым; в 1925 г. совместно с С. Г. Бирман и В. Н. Татариновым осуществил постановку «Петербурга» Белого.

54. Спектакль «Блоха» (пьеса Е. Замятина по сказу Н. Лескова) был поставлен во МХАТе 2-м в начале 1925 г.

55. Лежнев (Альтшулер) Исай Григорьевич (1891—1955), издатель журнала «Россия» («Новая Россия»), выходившего в 1922—1926 гг. и бывшего одним из лучших литературных журналов того времени. И. Г. Лежнев являлся одним из ведущих идеологов т. н. «сменовеховства». В 1926 г. он был выслан из страны; сохранив лояльность СССР и советский паспорт, работал в Берлине в советском торгпредстве; в 1930 г. вернулся в СССР. По личной рекомендации Сталина Лежнев был восстановлен в партии. Работал в редакции «Правды» (до 1939 г.), стал ведущим специалистом по творчеству М. Шолохова,— и никогда более не возвращался к «сменовеховству» или чему-либо, хоть отдаленно напоминающему время «идейного плюрализма» своего руководства «Россией».

56. Герой драмы Л. Н. Андреева «Черные маски» (1908 г.; по мотивам рассказа Эдгара По «Маска Красной Смерти»).

57. Лежнев «принцем» берет «Интеллигенцию», Интеллигента (с большой буквы). (Прим. Белого).

58. Цитируется статья И. Лежнева «Восстание культуры» (Россия, 1925, № 5 (14).

59. Столяров Михаил Павлович (псевдоним — В. Быстрицкий) (1888—1937) — философ, литератор, переводчик. Член-корреспондент ГАХН. Был членом совета Московского Антропософского общества.

60. Мочалов Павел Степанович (1800—1848), русский актер. Его игра в роли Гамлета описана В. Г. Белинским в статье «Гамлет», драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета» (1838).

61. Росси Эрнесто (1827—1896), итальянский актер, исполнитель роли Гамлета.

62. Моисси Александр (1880—1935), немецкий актер. Впервые сыграл Гамлета в 1909 г.

63. Описка Белого: имеется в виду Хандриков, персонаж из произведения Белого «Возврат» («Третья симфония»; 1902). У инженера Анненкова Белый снимал комнату с ноября 1923 г., после своего возвращения из-за границы. 18 ноября 1923 г. он писал Иванову-Разумнику: «...я и поехал прямо на Москву, не имея никакого пристанища, прямо ввалился к Нилендеру; и тотчас же принялся отыскивать помещение, которое, к счастью, скоро нашлось у Анненкова

(Бережковская набережная, Красный Луг, Дорогомиловский химический завод «Анилтрест», кв. Александра Ивановича Анненкова, мне); Анненков очень милый, тихий, ко мне расположенный человек, у которого я уже живал в 1920 г., приютил меня (а то мои финансы не позволили бы мне найти комнату в городе); я совершенно отрезан от московской жизни (с сумерками уже надо быть дома; среди пустыря, отделяющего мой дом от Москвы, грабят по вечерам) [...] Когда останешься на вечер в Москве, то надо подыскивать себе ночлег, а это технически порой трудно; но все искупает возможность тихо работать» (РГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, д. 14). Со временем отношения с хозяйкой квартиры испортились (по свидетельству П. Н. Зайцева, Белый вывел В. Г. Анненкову в романе «Москва» под именем мадам Эвигкайтен),— и с конца марта 1925 г. Белый и К. Н. Васильева жили в поселке Кучино под Москвой.

64. Роман «Москва» (том I в двух частях — «Московский чудак» и «Москва под ударом» был издан в 1926 г., том 2 под названием «Маски» вышел в 1932 г.).

65. «Здоровый дух в здоровом теле» (лат.).

66. Обыгрывается название журнала «Вопросы жизни».

67. Во время двухлетнего пребывания на Западе Белый испытал сильнейший нервный и духовный кризис, внешне отразившийся в ряде его эксцентричных эскапад, в пьяных танцах в ночных кафе, карикатурно напоминающих эвритмические упражнения и проч., о чем оставили свидетельства многие мемуаристы (Вл. Ходасевич, Н. Берберова, А. Ремизов и др.). Душевное состояние Белого отразилось в письмах Иванову-Разумнику 1923 г., во многом совпадающих (зачастую даже текстуально) с содержанием его брошюры «Одна из обителей царства теней» (Л., 1924), в свою очередь выросшей из текста публичных лекций Белого о загранице.

68. Р. Штейнер умер в Дорнахе 30 марта 1925 г.

69. Своего рода, своеобразное (лат.).

70. Белый сравнивает текст пьесы с переработанной (сокращенной более чем вдвое) редакцией романа «Петербург», вышедшей в Берлине в 1922 г. и переизданной Государственным издательством в 1928 г. Эта редакция «Петербурга» была еще раз переиздана в Москве в 1979 г. с предисловием П. Г. Антокольского.

71. О А. И. Чебане см. выше, прим. 53. Бирман Серафима Германовна (1890—1976), актриса и режиссер, в 1924—1936 гг. работала во МХАТе 2-м. Татаринов Владимир Николаевич (1879—1966), режиссер МХАТа 2-го.

72. Ошибка Белого в имени близко знакомой ему жены Иванова-Разумника («Татьяна» вместо «Варвара») свидетельствует о стрессовом состоянии, в котором писалось письмо. Речь идет о Варваре Николаевне Ивановой (1881—1946), жене Иванова-Разумника и «Иночке» — их дочери Ирине Разумниковне (род. в 1908 г.).

73. «Бессмертные образы» (лат.).

74. Имеется в виду А. Л. Чижевский (1897—1964). Его теория была изложена в книге «Физические факторы исторического процесса» (Калуга, 1924) с предисловием К. Э. Циолковского.

75. Тургенева Анна Алексеевна (1890—1966), художница, антропософка, первая жена Белого. Осталась за границей в августе 1916 г., не последовав за мужем на родину. Поездка в Германию в 1921 г. мотивировалась Белым стремлением узнать что-либо о судьбе жены. Разрыв

с Тургеневой, увлекшейся в Берлине молодым поэтом-имажинистом А. Б. Кусиковым (вероятно, эта тема была затронута в беседе с приятелем Кусикова Есениным, о чем Белый пишет ниже), и обнаружившееся взаимоотчуждение привели Белого к психологическому надлому, отразившемуся в трагической эксцентрике его тогдашнего поведения. Вернувшись из Германии, он писал 18 ноября 1923 г. Иванову-Разумнику: «Помните — я ехал главным образом для того, чтобы встретиться с Асей, ехал в Дорнах, ехал, чтобы ознакомиться с пульсом жизни культурной Германии; и — что же? Встреча с Асей отозвалась рядом тяжелых ударов и потрясений; 24 месяца моей жизни в Европе были жизнью без Аси (мы с ней виделись мимолетом, при ее проездах через Берлин); да и кроме того: она умерла в моей душе; и этот процесс ее умирания во мне переполнял более года мой организм такими душевными ядами, что я прибегал к вину, чтобы погасить остроту самосознания». Попытка проанализировать свои сложные отношения с Тургеневой была предпринята Белым в исповедальном сочинении «Материал к биографии (интимный)» (см.: Минувшее, тт. 6—9).

Публикацию подготовил *С. Шумихин.*

«ЗАТО ТЕПЕРЬ СВОБОДА...»

Письма крестьян и городских обывателей в Учредительное собрание и обзор хода избирательной кампании 1917 г.

«Средь моря наше призрачное судно
в тумане заблудилось. С этих пор
мы поняли, что разум — сущий вздор,
что вспоминать о прошлом безрассудно...»

Ян Якоб Слауэрхоф

«Хозяин Всея Земли», «Учредительное собрание», «Конституанта», «Учредилка». Относились к этому явлению в России в разное время не одинаково. В начале революции — с надеждой и почтением. После того как большевики «объяснили», что республика Советов есть самая передовая форма организации власти, а возврат к парламентской республике есть шаг назад,— с подозрением и чувством неловкости. Когда наконец Собрание приступило к работе и на другой день было разогнано,— с пренебрежением и насмешкой. Во все последующие годы термин «Учредилка» стал почти единственным названием этого политического института и одновременно исчерпывающим объяснением его.

Вплоть до недавнего времени об Учредительном собрании (судя по количеству посвященных ему научных работ) почти не вспоминали и не придавали ему сколь-нибудь серьезного значения, пока наконец собравшиеся на свой Первый съезд народные депутаты СССР, как бы случайно оговариваясь и горячо извиняясь за свои оговорки перед оскорбленными коллегами, не стали исподволь идентифицировать себя с парламентом. И вот когда запугавшим до смерти себя и наиболее стойких телезрителей депутатам стал все чаще являться в сгустившемся воздухе легендарный матрос Железняк с сообщением об уставшем карауле, все вдруг начали припоминать об Учредительном собрании. Что это такое было — никто точно не знал; наверняка знали лишь то, что его разогнали большевики.

Чем же было в истории России Учредительное собрание, с которым вновь связывают надежды на лучшее будущее, на выход страны из кризиса или, во всяком случае,— на принятие Конституции Российской Федерации?

Среди исследователей на этот счет существуют две точки зрения. Одни из них утверждали, что Учредительное собрание — вчерашний день русской революции, ширма для буржуазии, маскирующая коварные планы по реставрации монархии, что оно насквозь контрреволюционно и совершенно правильно было разогнано, ибо не выражало воли большинства трудящихся России. (Справедливости ради следует заметить, что в последнее время приверженцы этой точки зрения на своем мнении не настаивают). Другие, напротив, склонны видеть в Учредительном собрании неиспользованный шанс демократического развития страны, выход из хаоса революции и гражданской войны, альтернативу диктатуре. Не осуществился этот шанс исключительно из-за коварства и вероломства большевиков, разогнавших Собрание. При всем различии взглядов и выводов обе группы объединяет признание того бесспорного факта, что Учредительное собрание собралось на свое первое и единственное заседание 5 января 1918 г. и было разогнано, да еще сближает удивительная одинаковость применяемых подходов и методов исследования.

И те и другие в своих доказательствах апеллируют к воле масс — либо попранной, либо отбросившей буржуазную «обманку». Воля же масс определяется по ставшим уже хрестоматийными 242 наказам крестьян в Учредительное собрание, которые использовал В. И. Ленин при подготовке «Декрета о земле», и резолюциями и решениями крестьянских сходов. Эти источники, безусловно, ценны и интересны, но очень часто выражено в них не столько понимание крестьянами проблем политики, сколько принятие ими политической линии той или иной партии, что не одно и то же. Наказы, резолюции, заявления неискушенных в перипетиях политической борьбы крестьян носят сильный партийный отпечаток. По характерным выражениям и стилистическим оборотам можно с большой степенью вероятности сказать, агитатор от какой партии выступал на том или ином сходе, в той или иной деревне. Большим доверием пользовались более политически «подкованные», но все же свои, деревенские, находившиеся в отпуске солдаты. Сильно действовали на односельчан письма фронтовиков, «речистые» ораторы и т. п. И поскольку почти все политические партии левого крыла заявляли о том, что Учредительное собрание наконец разрешит самый важный для

крестьян вопрос — о земле, сориентироваться в этой обстановке самому крестьянину было крайне трудно.

Поэтому, когда в доказательство той или иной точки зрения приводятся слова «Вся власть Учредительному собранию!», взятые из крестьянских наказов, следует делать поправку на то, что сам термин «Учредительное собрание» крестьянами, рабочими, обывателями и интеллигенцией понимался различно.

Политические деятели, лидеры различных партий поначалу видели в Учредительном собрании в первую очередь такой выборный орган всей России, который миром, не умаляя ничьих интересов, решит вопрос о форме будущего государственного устройства и примет новую Конституцию. Организованная в этом направлении широкая агитация, в первую очередь, партиями эсеров и социал-демократов, закрепила в массовом сознании именно такой образ предстоящего Собрания — единственного законного органа, который может и должен разрешить все насущные вопросы. Всякая попытка решить какой-либо даже не терпящий отлагательства, даже самый мелкий вопрос до его открытия воспринималось партиями как посягательство на права Учредительного собрания, умаление его роли.

Иной была позиция большевиков и кадетов. В. И. Ленин еще в знаменитых «Апрельских тезисах» подверг пересмотру точку зрения партии на Учредительное собрание. Кроме того, большевистская партия с весны 1917 г. выступала за безотлагательное разрешение земельного вопроса, вопроса о мире и др. Часть кадетской партии, имевшей богатый опыт думской практики, пришла к выводу о несвоевременности созыва Учредительного собрания в условиях «развернувшейся анархии» и отсутствия парламентских традиций в России. Поэтому уже летом 1917 г. выдвигается тезис о том, что необходимо «подморозить» расползание страны в анархии и «дотащить страну до Учредительного собрания» [1*]. И кадеты, и большевики (одни раньше, другие позже) увидели дальнейшую перспективу для России в установлении диктатуры.

К моменту открытия Собрания взгляды всех политических лидеров на его роль и функции претерпели значительное изменение. Активные сторонники Учредительного собрания, столкнувшиеся с реальной политикой, пришли к осознанию того, что после окончания работы Собрания, после определения дальнейшего типа государственного устройства и выработки основного закона, вновь потребовалось бы значительное количество времени на организацию и проведение новых выборов в новое, «нормальное» законодательное учреждение (по типу «западного» парламента) и организацию правительства. В усло-

виях войны внешней и начинавшейся войны внутренней, в условиях развала хозяйства и надвигавшегося голода Россия этим временем не располагала. Поэтому вслед за известным правоведом, членом кадетской партии А. Э. Нольде [2*] и В. М. Чернов [3*], и Н. Д. Авксентьев [4*], и Г. В. Плеханов [5*], и И. Г. Церетели [6*], и многие другие сторонники Учредительного собрания пришли к выводу, что оно должно работать как парламент с учредительными функциями. И решить ему предстояло не только вопросы о будущем устройстве государства и его Конституции, но и все другие, в том числе мелкие и мельчайшие вопросы российского государственного быта. Иными словами, депутатам Учредительного собрания предстояло заняться каждодневной политической парламентской практикой, о которой они, не прошедшие в большинстве своем думской школы политической деятельности, имели весьма своеобразное представление.

Основная масса российского населения, ранее всеми средствами отстранявшаяся от государственной и общественной деятельности, по-своему воспринимала Учредительное собрание. В их представлении оно должно было стать одноактным событием, чем-то вроде Земского собора 1613 г. [7*],— однажды собравшись, Учредительное собрание разрешит все насущные проблемы в мире и согласии, а сразу после него, буквально на следующий день, начнется новая, счастливая жизнь. Парламентская деятельность с необходимостью бесконечного согласования позиций различных фракций и компромиссами была непонятна и чужда рабочим и в особенности крестьянам. Учредительное собрание, таким образом, превращалось в нечто идеальное, абсолютное, в фетиш. И 2-й съезд Советов [8*], принявший декреты о земле и мире, т. е. те решения, которые ожидались от Учредительного собрания, тем самым выполнил его задачи (как они понимались массами) и предопределил его судьбу.

Поэтому первый день работы Собрания, с невнятным председательствованием на нем Чернова, с кликушескими речами Бухарина [9*], его сторонников и противников стал для народа откровенным разочарованием. На разгон Учредительного собрания большинство населения ответило настороженным молчанием. Именно такой реакции и следовало ожидать после неоднократного перенесения выборов и сроков открытия Учредительного собрания, бездеятельности «министров-капиталистов», а затем и «министров-социалистов», опасавшихся принимать жизненно важные решения о мире, земле, национальном самоопределении.

Идея Учредительного собрания, пользовавшаяся колоссальной поддержкой и сочувствием во всех слоях русского общества

и имевшая шанс вылиться в политическую практику, так и осталась идеей. Катастрофический провал российского парламентаризма легко объяснить произволом одной партии. Но в не меньшей, если не большей степени эта неудача связана с отторжением нового политического института, так называемой «русской почвой».

Учредительное собрание никогда не воспринималось массами как подобие парламента. Отсутствие гражданского общества, традиций политических свобод, широкой массовой частной собственности, гражданских прав и осознанного общегосударственного интереса обусловило то, что крестьяне видели в нем некую универсальную и всеобъемлющую власть. Вот и обращались крестьяне на самый «верх» с просьбами разрешить вопросы местного самоуправления, с затяжными тяжбами, местными проблемами (передел земель, прирезка пахоты, увеличение поголовья скота, борьба с самогоноварением и спекуляцией, неправильное начисление пенсий, ошибки в оплате тех или иных услуг и т.п.).

Именно такие документы мы и включили в данную публикацию. Несмотря на относительную доступность, эти документы были обделены вниманием исследователей — их сложно было традиционно отнести к тому или иному политическому лагерю, вписать в ту или иную концепцию. В коллекции ГАРФ они сосредоточены в двух делах фонда № 1781. Значение же их для понимания событий конца 1917 — начала 1918 г. велико.

В этих письмах нашли отражение не только особенности восприятия крестьянами и обывателями Учредительного собрания, но и их настроения, переживание происходившего в стране, размышления о будущем России. Из них видны действительные ожидания народа без вкраплений партийных программ и лозунгов. Установить авторство этих писем невозможно, многие из них просто не подписаны. Но ценность их от этого не уменьшается, они донесли до нас живой голос «маленького человека», осознающего себя в новом российском бытии.

Последний документ представляет собой обзор хода избирательной кампании, составленный неустановленным автором в бывшем ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС в 70-е гг. по материалам местной периодической печати 1917—1918 гг. Несмотря на некоторую тенденциозность подборки, этот обзор является дополнением к письмам, иллюстрирующим не только то, как были организованы выборы в Учредительное собрание, но и политическую возню партий вокруг избирателей, их борьбу за голоса. Как, какими методами и средствами велась эта борьба, читатель узнает из публикуемых документов.

* *
*

22 октября 1917 г.

«В Учредительное собрание

Если бы я задал себе вопрос: когда лучше жилось — при «старом строе» или при новом, то я не мог бы ответить. Старый строй с его жандармско-полицейским режимом безусловно мне не симпатичен, «новый», так называемый строй страдает симптомами анархии и полной государственной беспринципностью. Но нужно заметить, что в океане русской анархии повинна старая власть. Историческая лошадь, русский народ, получил свободу, и эта свобода понята им крайне своеобразно и характерно, особенно, с особенностью русского духа, воспитанного «царским режимом». Народ, олицетворяемый русским мужиком, стал царем земли русской, хозяином положения, и он презрел «буржуя», говорящего высоким, непонятным для мужика языком, сам не зная, что делать с добытой им свободой. Воспитанный в крайнем невежестве, скупой, неповоротливый и ленивый, он, почесываясь, стал усваивать принципы истинной гражданственности и истинной свободы, разевая рот при непонятных «барских» словах, и... начал творить русскую историю своим товарищем — топором, «спичкой» и, не удовлетворившись, начал скучать о «царе». Если проникнуть во внутреннюю психологию «мужика» с его крепкой махоркой и понять его религиозно-нравственное миросозерцание, то невольно приходится сделать вывод, какая огромная инерция духа скрыта в нем, та особенная, русская неповоротливость, лень, которая так близка инерции земного шара, вращающегося вокруг солнца. И какая огромная культурно-просветительная работа нужна и предстоит еще, чтобы разбудить самые элементарные культурные понятия. И если ранее т. н. «революционеры» бежали от «николаевского», «старого» режима, то теперь людям, близко стоящим к пониманию конституционно-парламентского строя, приходится бежать за границу от царя русской земли, русского мужика с топором в руках, не могущего протереть кулаком свои глаза и увидеть «правду», ту правду, о которой он хлопотал и хлопочет. Та крепкая сила, таящаяся в «глубине народной души», удивительным образом сочетается с бессилием «народной души», и это бессилие русского мужика, выбравшего-

ся из дремучих русских лесов, выражается в его полной растерянности — и он, словно ребенок, не понимает задач времени и слухам больше верит, чем «новым людям», навязывающим ему «республику» и заставляющим его проснуться от векового сна и оторваться от матушки земли. Эта особенная, тяжеловесная его психология, тяжелая, как земля, особенно гармонирует с тяжеловесностью бывшего уклада русской жизни.

А. Сыромятников».

ГАРФ, ф. 1891, оп. 1, д. 42, л. 211—211 а.
Подлинник, рукопись

---

30 ноября 1917 г.

«В Учредительное собрание

Мы, граждане и гражданки деревни Шимшурги, Посадско-Сотниковской волости, Чебоксарского уезда, Казанской губернии, имеющие в селении 95 дворов жителей обоего пола, 502 души, пользующиеся земельным наделом в таком размере: под усадьбами и огородами 23 десятины 276 сажен, пахотной удобной — 439 десятин 583 сажени и 192 десятины неудобной. Партия социалистов-революционеров говорит: «Землю и волю крестьянам» — и слова, прозвучавшие свободно в февральские дни, дали право угнетенному и забитому крестьянству — излагать свободное мнение о земле.

Причисляя мы себя к разряду угнетенных, сочли справедливым выразить заблаговременно желание о прирезке земли под пашню 25, 26, 27, 39, 40, 51, 52, 61 и 66 кварталов Кокшайского лесничества Чебоксарского уезда и под сенокос 16, 29, 42 и 62 кварталов того же Кокшайского лесничества в кварталы 173 и 175 сборной дачи Кужмарского лесничества и в кварталы 57, 70, 43 и 175 Шуйской дачи.

На собрании сельском, состоявшемся 30 ноября 1917 г., единогласно постановили означенное ходатайство, как острая нужда и необходимая для крестьян, направить в Учредительное собрание на благоусмотрение».

ГАРФ, ф. 1781, оп. 1, д. 2, л. 1.
Подлинник, рукопись

---

13 декабря 1917 г.

«Воззвание в Учредительное собрание.

Взываем и просим Учредительное собрание, ради Бога, ради Христа и ради всего святого и ради справедливости. Постановить статью в Законе, чтобы отец не обижал родных детей своевольно и своебылинно по его усмотрению кому дать больше кому меньше, хотя другой сын или брат или сестра и хуже другого, или один, может быть, был и пьяница, и какой бы он ни был, дать ему равную часть от имения своего.

Я, например, обижен отцом, ушел в псаломщики, и он дал мне десятую часть, и дома не поставишь, конечно, я дал расписку к раздельной бумаге, а то и этого, говорит, не дам, а теперь вот поживи в псаломщиках, никакого почти дохода [в тексте слово неразборчиво.— *С. В.*], а я из мужиков, попы съедают таких, говорят: необразованный ты мужик, мужлан, черной кости, а залез в белую не по закону, а по службе. Я его ошибаю красноречивым чтением и усердным пением, и как жить, к какому боку прижаться — не выберешь.

Итак, дорогие товарищи, прошу выработать статью закона, чтобы отец отдал часть настоящую своему родному сыну, и никакая давность чтобы не тормозила, хотя вот уже 10 лет будет, как отец с братьями оттолкнули.

Прежний закон опирался на родителей — как отец хочет, так и творил. Но отцы ведь люди, и отцы бывают очень злые и недоброжелательные, он с каким сыном пойдет туда и норовит почти все забрать, а другому кое-как. А иногда приходится отцу или матери обратиться к постылому сыну, и он их докормит и до почти до конца ихней жизни.

Ведь закон опирается на родителей добрых, а разве отец обидит сына или дочь — мне говорят они. Иногда все вы равны, палец какой и не укуси, все его больно, это палец, да, ему больно, а дите до боли обидеть, ему, в особенности злому отцу, нисколько не больно, ему кабы даже услаждение, что ненавистный сын страдает, и он злорадуется и говорит, что отмыться попытай, тебя, говорит, вареная курица еще не клевала, сказать нехорошо куда, так пусть поклюет.

Вот такие есть отцы-родители. Покорнейше прошу господина председателя Учредительного собрания прочи-

тать это мое воззвание или сей мой наказ, исправить таковые ошибки, это насилие, это тот же царизм, это тот же попизм. Да и попам 3 части брать перестать, а псаломщику давать 4-ю часть при нонешнем равенстве и братстве. Ведь бывает у попа ни [слова неразборчиво.— *С. В.*] нет детей, а у псаломщика или дьякона 8—9, как кормиться, чем жить при нонешной дороговизне.

А поп еще упреки дает и получает, или в каком учреждении еще служит и все получает.

Пора бы опомниться и взять правление справедливое и мудрое, святое, равное, всем и каждому, хотя бы несколько улучшить быт обиженных людей.

Да добром любовью закона, как Христос всех ровно любит нас, грешных, он никого не отвергнул, даже Иуду назвал другом. Друг, для чего ты здесь, но он не опомнился и не просил прощения у Христа.

А мы попросим. Господи, прости нас грешных и собери на воедино твое спасительное стадо и спаси нас. Просим все исправить к лучшему и войну закончить миром, будет кровь лить, довольно дьявола тешить. Просите Бога о мире все — и враги и друзья, и да будет Бог и мир и мы в Боге и мире».

ГАРФ, ф. 1781, оп. 1, д. 42, л. 13—14 об.
Подлинник, рукопись.

---

28 декабря 1917 г.

«Господин председатель и все граждане и многоуважаемые наши избранники Учредительного собрания.

Покорнейше прошу Вас обратить внимание на внутреннее самоуправление нашей страны. Страна с каждым днем идет ближе к голоду, а человек голодный будет на все готов. Я странную картину видел самолично [в] Витебской губернии Лютинского уезда. Там запрещен вывоз зерна из губернии. Но что делают крестьяне; уничтожают зерно двумя способами, готовят самогонку и варят пиво, а комитеты не могут преследовать, потому что их угощают. А когда свое зерно все, то берут комитеты и идут в имение и строят варки и там делят то зерно, потому что у него больше. А когда я у них спросил, что будет весной, когда надо будет засевать поля, то на это

я получил ответ очень туманный и ни на чем не основанный. Так вот, это я говорю только единицу, а думаю, что этого очень много в России. Каждому сознательному человеку болит душа смотреть на такое самоуправление наших крестьян. И если вам, граждане, жалко темных масс, то придите им на помощь.

Член исполнительного комитета 1-й Армии, беспартийный

Эдуард Драбе».

ГАРФ, ф. 1781, оп. 1, д. 42, л. 31—32.
Подлинник, рукопись.

Не позднее 30 декабря 1917 г.

«Учредительное собрание!

Просим поднять нравственный дух народа, все народы смотрят на вас, как скажет Учредительное собрание, не смотрите вы на партии, но помните все, что вы должны сделать для больной России. 1. Граждане свободной России должны быть чес[т]ны, справедливы, чужую собственность уважать, какая бы она ни была; земли или деньги — кому принадлежат и кому завещано,— тот должен ею и пользоваться, за нарушение должны возвратить ограбленное и общество уплатить убытки, народ русский никогда не занимался насилием и грабежом, и мы хотя бедны, но честны. В каждом государстве есть богатые и бедные, сколько около богатых бывших помещиков зарабатывают и кормятся; бедные мы, если вы не заступитесь за них, подумайте, сколько нас, служащих, окажется без крова и питания. Это крестьяне должны помнить, что они идут против помещиков, значит, против нас всех, служащих на экономиях и фабриках, заводах. Мы им в долгу не останемся, если и наше терпение исчезнет, мы их поблагодарим, как они нас хотят оставить голых и босых без хлеба, оставим и мы их тоже, у них жены и дети и у нас тоже жены и дети, и знаем, что они закапывают жито в ямы, чтобы дождаться подороже продать, до тех пор блюдут, пока не гниет, и вышло ни себе ни людям, а в экономиях сколько следует оставят — остальное продают, а теперь потому недостаток в провиантах, немцы сколько заняли, а к нам беженцы явились,

наши отступали, а провиант оставался победителю, поэтому трудно стало жить, и нашим сельскохозяйственным гражданам стыдно, у них всего до отвалу, хлеб свой, все продукты очень дороги, у них денег масса, почему-то все и идут и забирают с казначейства домой деньги. Ротшильд какой богатый еврей, а не боится [своих единоверцев] и евреи уже какие бедные, но своих не грабят, народ честный.

Граждане-гражане, бедные и богатые, восстановим и мы между собою братские христианские отношения и под[ад]им друг другу руки, ведь мы, не наши ли дети вместе были в окопах и перевязывали друг другу раны, и дети бросали нежные постельки, шли вместе на защиту родины, не мы ли содержали лазареты, покоили раненых, было с чего, шили белье, собирали всякую одежду — кто что мог, противогазовые маски, все шло от наших рук. Помещики, священники, монахи и монашки и весь русский народ шли рука об руку на пользу родины, неужели таких людей нужных допустить разграбить, помещики дают нам заробить [...] Священники нас крестят, венчают, хоронят, в монастыри наш религиозный [народ] любит ходить на богомоление — мы все одни одним нужны. Просим не отбирать и не разорять наш русский народ, пусть пользуются и живут, чтобы не текли слезы свободных граждан, пусть довольны будут тем, что имеют, в Китае так мало земель, а и то друг друга не грабят.

Просим поддержать славу русского народа, да не будет у нас партий, но будут одни все равные равноправные граждане свободной России. Как раньше уважали чужую собственность, будем и теперь, не ударимся в грязь лицом, пусть наши враги не смеются с нас.

Просим разослать по волостям и успокоить народ, граждане свободной России, просим, товарищи, чужую собственность не трогать, если кто взял, возвратить чье было обратно, извиниться, у нас еще много земель кроме помещичьих, монастырских и [удельных]. Мы бывали на заработках и видели: есть удельные и казенные имения, почему не отдать, кроме лесов, народу Екатеринославской, Херсонско[й], Орловской [губерний] под лесами даже можно жить, дать списки по волостям кто желает большего, продай свое и получи в казенные или удельные имения, но не Елисейскую губернию, где не зреет картофель, туда для торговли отправить евреев.

Просим обратить внимание на наши заявления, тогда, если так вы распорядитесь и все сословия будут доволь-

ны, да здравствует русский народ, да здравствует Учредительное собрание, и все будут довольны.

Вы думаете, что я что имею, но я вполне пролетарий, но я пожилой человек и много видел на своем веку, изучал всяких людей жизнь.

Служащие граждане, но честные несколько тысяч народа подписались православные христиане на пользу нам и родины».

ГАРФ, ф. 1781, оп. 1, д. 20, л. 8—9 об.
Подлинник, рукопись.

Не позднее 30 декабря 1917 г.

«Имею честь почтительнейше просить господ членов высокого собрания, избранников великого народа Земли Русской не отказать защитить меня, терпящего с самой колыбели и до настоящего времени муки и терзания злых людей, задавшихся целью стереть меня и родных моих с лица земли. Сильно обижают меня гипнозом, передают угар и проч.

Ф. С. Зинченка, Петровка,
Гадячского уезда, Полтавской губ.

Представляется на открытом письме для всеобщей гласности».

ГАРФ, ф. 1781, оп. 1, д. 20, л. 10 об.
Подлинник, рукопись.

Не позднее 31 декабря 1917 г.

«Обратите внимание: кто это выдумал перевести часы — должно быть, такой жулик, как у нас. Здесь теперь 8 час., а по-старому 7 час., ведь темно, ходить совсем нельзя, стали грабить больше. Кто это выдумал, тот сукин сын, подох скоропостижно. Должно быть, захотелось на Николаево место и выдумал небылицу, ты бы, черт говенный, свой бы хрен перевернул другим концом — какую экономию нашел. Ты идешь на занятия в 9 час., тебе хорошо и светло, а рабочему хорошо ли — подумал бы! При батюшке царе ничего не было, а теперь каждый день убийства, грабеж и жаловаться некуда. Зато

теперь — свобода, подохнуть бы вам всем, кто это выдумал.

Прошу передайте батюшке Николаю привет. Мы за него молимся, чтобы он встал на престол».

ГАРФ, ф. 1781, оп. 1, д. 20, л. 2—2 об.
Подлинник, рукопись.

Не позднее 31 декабря 1917 г.

«Прошу отметить эти слова. При выборах все добивались свободы слова — кто что хочет говорить. Я и другие, много нас, хотим голосовать за батюшку царя Николая, при котором нас бедняков никто не трогал и все было доступно и дешево, и хлеба было много, а теперь при новом вашем правительстве одни грабежи да убийства и насилия, и жаловаться некуда, и делают все солдатня. Неужели батюшка царь не вернется к нам? Господи, вразуми народ и верни нам защитника царя».

ГАРФ, ф. 1781, оп. 1, д. 20, л. 3—3 об.
Подлинник, рукопись.

---

1 января 1918 г.

«Приговор

Мы, нижеподписавшиеся крестьяне Ярославской губернии, Пошехонского уезда, Ермаковской волости, деревни 1-го Измайлово, в числе 13 домохозяев, собравшись сего числа на товарищеский сход, все единогласно постановили во что бы то ни стало требовать от народных избранников, чтобы было созвано Учредительное собрание, чтобы была передана вся власть Учредительному собранию, на которое у нас, крестьян, возложена вся надежда, и мы, крестьяне, ожидаем Учредительного собрания как светлого Христова Воскресения, так как у нас, крестьян, без власти приостановились все дела, в чем и подписуемся, крестьяне [следует 10 подписей]».

[Печать общества]

ГАРФ, ф. 1881, оп. 1, д. 42, л. 215.
Подлинник, рукопись.

---

3 января 1918 г.

«Мы, нижеподписавшиеся Ярославской губернии, Пошехонского уезда, Ермаковской волости, граждане села Ермаково, постановили настоящий приговор в следующем:

1) Так как избранные нами депутаты в Учредительное собрание до сих пор не могут открыть собрание, а между тем весь порядок разрушен, то мы просим как можно скорее собрать Учредительное собрание, с созывом которого надеемся, что будет водворен порядок и законы и 2) Учредительное собрание должно быть ответственным только перед народом и давать народу отчет, а не перед какими-либо другими существующими теперь организациями. Приговор подписываем [следует 26 подписей].

Сельский староста Ермаковского № 1 общества
Александр Николаевич Стрелков»
[Печать общества]

ГАРФ, ф. 1781, оп. 1, д. 42, л. 214—214 об.
Подлинник, рукопись.

---

6 января 1918 г.

«Товарищи!

Прочитал события при открытии Учредительного собрания 5 сего января, я вижу, что вы, представители народа, собрались туда для партийных распрей, а не для работы по восстановлению нового республиканского строя. Довольно шума; довольно братской крови — нужно строительство новой, тихой, светлой жизни; нужно кончить во что бы то ни стало войну; нужно заключить демократический, почетный для всех народов мир. Не нужно вашего шума — нужна плодотворная работа для восстановления жизни изголодавшихся крестьян, солдат и рабочих. Нужно приложить все усилия к обсеменению полей, снабжению всеми необходимыми земледельческими орудиями трудового крестьянства, чем и можно только устранить грядущий повальный голод. Голод уже есть: мрут исстрадавшиеся люди от голода и холода. Нужно вести Родину к строительству, а не к распаду.

Все вы там собравшиеся, как я посмотрю, не представляете из себя истинных тружеников, а вы есть люди, ищущие сильных ощущений и любители скандала и самохвальства. Я говорю вам, мой голос пославшего вас туда, что всему бывает предел, считайтесь с голосом народной массы — она хочет покоя, хочет отдыха после проклятой бойни. Я, проносивший три с половиной года шинель в мирное время и этот же срок в военное, вынесший все тягости войны, говорю вам — нужно дать нам, исстрадавшимся душой и телом — спокой. До проклятой шинели я износил на своих руках тысячи кровавых мозолей; оставил полжизни на снежных горах Карпат — хочу спокоя, а вы, наши представители, хотите ради своих партийных распрей отнять остальную половину жизни и оставить на произвол судьбы моих детей и жену. Довольно играть на наших [синих] жилах, как на струнах арфы. Нужен спокой им, а не мучительная голодная смерть. Довольно смерти, довольно нас травить одного на другого, как собак.

Бойтесь, лопнет наше терпение и мы перебьем и разгоним вас всех и скажем, что мы сами собой будем управлять без всяких партий. Будет одна партия труда и справедливости; не будет ни правых, не будет ни левых. Голос мой есть голос исстрадавшихся людей, как я,— нас легион.

Царское Село».

ГАРФ, ф. 1781, оп. 1, д. 42, л. 73—73 об.
Подлинник, рукопись.

* *
*

Обзор хода избирательной кампании 1917 г.

[...] Выборы в Учредительное собрание состоялись в срок, т. е. 12 ноября, правда, не повсеместно. Саботаж комиссии не дал возможности своевременно произвести выборы повсюду. В провинции они растянулись на довольно продолжительное время.

«В ряде мест перед началом выборов служились молебны, в русской деревне мужики на выборы шли в совершенно необычном настроении, как будто для какого-то святого таинства» (Дело народа, 1917, № 242).

«В то время как при выборах в волостные земства наблюдался полный индифферентизм, выборы в Учреди-

тельное собрание прошли с необычайным энтузиазмом. К урнам на руках приносили больных стариков, старух и слепых» (Воля народа, 1917, № 187, 7 декабря).

11 ноября, накануне выборов, «Дело народа» пишет несколько иначе. «Об Учредительном собрании говорят с необычайной тоской и, главное, неверием в него... Призывают голосовать, но где шум избирательной борьбы, где уличная агитация за те или другие списки, где громыхающие машины, автомобили с плакатами, знаменами, листками? В атмосфере мрака и отчаяния происходят выборы в Учредительное собрание: и в этом весь ужас нашего положения» (Дело народа. 1917, 11 ноября).

«[...] — Вы получили списки?

— Нет

— Но ведь завтра же выборы.

— Ну так что же?

— За кого будете голосовать?

— Н-не знаю — неуверенно говорит средний гражданин, не втянутый в гущу политической борьбы, стоящий вне партий.

— Списков много, а выбирать трудно. Если и не подадим голоса — много не потеряно» (Новая жизнь, 1917, № 179).

[...] Избирательные комиссии, несмотря на длительный срок подготовки выборов в Учредительное собрание, ничего не сделали для ознакомления сельского населения ни со сложной техникой выборов, ни с избирательными правами. Больше того, эти комиссии, пользуясь неосведомленностью крестьянских масс, нередко прибегали к целому ряду злоупотреблений и подлогов. Избирательные списки были опубликованы поздно.

В ряде мест выборы производились, несмотря на то, что не было всех списков. Были случаи недопуска к урнам женщин (Архангельская губерния, Исагорский уезд). В Дроздовской волости Псковской губернии выборы производились простой отметкой на листе бумаги. Были случаи отказа от выборов в Учредительное собрание. Крестьяне Апраксинской волости, Костромского уезда, заявляли, что не будут производить выборы, так как «всякие выборы ведут лишь к новым расходам». В Казанской губернии один из советов крестьянских депутатов прислал следующее заявление: «Голосование на выборах в Учредительное собрание тогда лишь будет всеобщим, когда каждый избиратель сможет написать на

избирательном бюллетене № списка, за который он голосует. Раньше обучить неграмотных товарищей писать цифры и их значение».

Нередки были и такие случаи, когда распределялись бюллетени преимущественно антисоветских партий. В ряде уездов списки выдавались кадетам или тем, кто обещал голосовать за кадетов. В Курской, например, губернии списки выдавались только грамотным, неграмотные же получали кадетские списки. Избирательные бюллетени большевиков выдавались в ограниченном количестве. Были случаи подлогов и уничтожения последних. Не включались в избирательные списки отдельные группы, отдельные избирательные участки и т. д.

Нередки случаи лишения участия в выборах целых заводов и деревень, как, например, в Уфимской губернии. В Тамбовской губернии (Моршанский уезд) запрещалась агитация большевиков.

Агитатор большевиков Ф. С. Тимошенко, бывший в Сиверской волости Псковской губернии во время выборов в Учредительное собрание, сообщал, что «земельные собственники вели агитацию путем подкупов», причем, по словам Тимошенко, собственники закупали у женщин бюллетени по 2 и 3 коп.

Во время выборов в Учредительное собрание в селе Сокуре Саратовской губернии общество устроило сход и поставило урны. Начальник станции вместе с кулаками настаивал на том, чтобы все голосовали за список № 12 (эсеров). Брали карточки и против воли крестьян бросали их в урну. Крестьяне возмущались, кричали, что надо голосовать за список № 10 (большевиков), так как это самая правильная партия, но кулаки кричали, что кто пойдет (за большевиками), того побьют нагайками, как в 1905 г. Нередки бывали случаи избиения кулаками тех крестьян, которые осмеливались голосовать за [большевистский] список.

В Щетинской волости Вологодской губернии при выборах в Учредительное собрание были вывешены лишь эсеровские и кадетские списки, остальных не было. Литература большевиков арестовывалась.

Во многих местах Ставропольской губернии избиратели получали на руки тайно эсеровские списки.

В некоторых местах не позволялось опубликование Декрета о земле (Витебской губ., Лепельский уезд; Суб-

ботинская волость Новоладожского уезда Петроградской губ. и т. д.).

В селе Оленье Царицынского уезда Саратовской губернии многие граждане не были занесены в списки и тем самым были лишены права участвовать при выборах в Учредительное собрание. На сахарном заводе села Таволжанки поденные рабочие, настроенные в пользу большевиков, были лишены права голоса (Деревенская беднота, 1917, № 44, 3/16 декабря).

В Медвежьей волости крестьянам выдавался на руки кадетский список № 1. На просьбы выдать список большевиков (№ 6) председатель избирательного комитета заявил, что этот список изорвали дети (там же).

По Рыковской волости, Себежского уезда Витебской губернии список большевиков был доставлен лишь по требованию крестьян (Деревенская беднота, 1918, № 4).

В Красногорской волости Опочковского уезда Псковской губернии во время выборов практиковалась покупка у крестьян списков левых с.-р. и большевиков и выдача вместо этих списков кадетских.

Были случаи, когда крестьяне посылали в Петроград специальных делегатов за большевистскими списками и программой, т. к. у себя в уездах получить не могли.

В Кодинской волости Зубцовского уезда Тверской губернии с.-р. агитировали по программе большевиков, а предлагали голосовать за с.-р., говоря, что это их программа (Деревенская беднота, 1917, № 75, 13 декабря).

В Севастополе в некоторых домах списки выдавались только тем, в ком были уверены, что они будут голосовать за кадетов. В местной богадельне, например, никаких иных, кроме кадетских, списков не было. В уездах Могилевской губернии (Селинский уезд), Таврической (Вердинский уезд), Вологодской (Кадниковский уезд) раздавались одни лишь эсеровские списки. В Алексеевском уезде Тульской губернии розданы были лишь кадетские списки. В ряде уездов Смоленской, Могилевской, Вологодской, Рязанской, Новгородской, Витебской, Виленской и др. губерний списков большевиков вовсе не было, а если их и выдавали, то в недостаточном количестве. В селе Гурабе Щигорского уезда Курской губернии грамотным выдавались все списки, а неграмотным только кадетские. В Псковской волости Ликвинского уезда Калужской

губернии неграмотным, просившим список № 7 (большевиков), выдавался список № 2 (эсеров).

В открытом письме на имя Петроградского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов в отдел по выборам в Учредительное собрание из лазарета раненые пишут: «Товарищи, в первом эвакуационном лазарете находится на излечении 12 солдат, которые почему-то не имеют права голосовать на выборах в Учредительное собрание. Нам не дали никаких избирательных листков».

Общество деревни Барсуки Калужской губернии в числе 300 душ обоего пола доводит до сведения Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, что «уездный комитет выслал помещикам программы и карточки, которые свои голоса подали, а мы крестьяне обойденные, не получили ни программ, ни карточек. Товарищи, ждем вашего совета и помощи, как поступить далее».

В отделе крестьянской жизни газета «Солдатская правда» сообщает следующее: «Комитет волости Гатчинско-Царскосельского уезда Петроградской губернии состоит из меньшевиков и эсеров, которые, пользуясь неграмотностью людей, заставили их голосовать за их списки. В Олонецкой губернии Петрозаводского уезда и в деревне Могильники население голосовало только за 2 списка. Других списков не было (Солдатская правда, 1918, 4 января).

Из Лифляндской губернии солдаты пишут: «Как известно, у нас в Лифляндской губернии много богатых помещиков. Они всеми силами стараются возбудить народ и заставить его голосовать за списки № 7 и 6 (партии «Народной свободы»). Остальные номера всем сжечь» (там же, 9 января 1918 г.).

Жалобы на неправильность выборов направляются Владимиру Ильичу Ленину.

«Спешу сообщить вам из г. Тотьмы, Вологодской губернии, что здесь во время прошедших выборов кандидатов в Учредительное собрание не все имели счастье подать свой голос и участвовать в выборах.

Так, например, мы с товарищами в настоящее время находимся в командировке от союза речных судоходцев, один с транспорта Ильмень. Когда пришли в городскую управу, то нас стали добираться в книгах избирательного списка. Но мы ведь здесь, как вот Кожин, находились в г. Тотьме с 2 июля и др[угие] с 3 октября 1917 г. И вот мы не оказались в этом списке и были лишены своими голо-

сами в выборах кандидатов в Учредительное собрание, в чем и было нам отказано [...] Здешнее правление [...] идет по выработанным правилам бывшей Государственной думы».

Газета «Вольность» от 12 октября 1917 г. сообщает, что в Тюмени во многих волостях составляются приговоры об исключении женщин из избирательных списков. На этой почве возникают недоразумения между населением и комиссиями.

«Протестуем против выборов в Учредительное собрание по Никитинской волости, Тульской губернии, участок 67, деревня Лопухова. Нет конвертов, нет программ партий. Голосование является явным, воля насилуется, избирательный ящик открыт, не запечатан»,— сообщает в телеграмме Петроградскому совету начальник ст. Дворники Абросимов.

«Товарищи,— пишет с артиллерийского завода Вернов,— примите, пожалуйста, во внимание мой доклад. Проживаю последнее время близ г. Вологды на станции Сухона. Прочитав газету «Демократ», из нее заметил, что товарищей большевиков, к какой я принадлежу партии, в Учредительное собрание избран № 5, а у нас по каким-то соображениям № 5 гласил за «Единство Плеханова», № 1-й — за революционеров, 2-й, оказывается, за нашу партию, 3-й — за трудовиков, 4-й — за партию «Народной свободы». Так, наша станция голосует более за № 2, а оказывается, что в Москве голосуют за нашу партию № 5. Разъясните, пожалуйста, это недоразумение».

«Честь имею сообщить,— сообщает М. М. Кольцов,— что выборы в Учредительное собрание прошли. Голосовали одна треть крестьян ввиду того, что документы были получены только 10 октября и удостоверения именные не были розданы, а также избирательные карточки не были розданы. Я не знаю, как здесь считать. Может, умышленно были задержаны документы, чтобы большинство крестьянского населения осталось без голоса, и так получилось, что крестьяне в большинстве, а голосовала одна треть и получились в меньшинстве.

А буржуазия в меньшинстве, и они все голоса подавали. Многие крестьяне не знали, они предполагали, что только одному хозяину надо быть и голосовать, и даже многие не знали, что такое Учредительное собрание. Но мне думается, что документы задержаны с целью».

«Сообщаем, что выборы всюду закончены. Успели

подать голоса незначительная часть избирателей»,— говорится в телеграмме из Тифлиса.

«Товарищи Окружной комиссии,— жалуется деревня Иванцово Авдотьинской волости Иваново-Вознесенской губернии,— обратите внимание на недобросовестное поведение местной избирательной комиссии деревни Иванцово. Когда неграмотные избиратели шли к урне и просили выбирать список № 6, то В. В. Роншин и др. члены комиссии подменивали голоса выборщиков, вкладывали в конверт список № 3, т. к. им ближе партия соц[иалистов]=революционеров. Пробовали некоторые крестьяне протестовать, но их изгоняли. Не так ли пользуются темнотой и в других местах эсеры, проводя в Учредительное собрание своих кандидатов» (Рабочий город, 1917, № 11, 16/29 ноября).

Как крестьянство было ознакомлено с техникой выборов, мы можем [увидеть] из крестьянских писем.

Так, например, крестьянин Бабичев из села Вишнево Курской губернии в своей корреспонденции сообщает следующее: «Наступило время выборов в Учредиловку. На нашу деревню прислали пуда два избирательных карточек, на каждого избирателя штук [по сто].

С утра начали баб и мужиков [собирать] к школе с этими листочками. И вот подходят к писарю, к кому попало: «Пожалуйста, напиши, а то мне некогда, дома дети кричат». Сперва спрашивали: «За кого будешь голосовать, тетка»,— потом и спрашивать перестали. Пиши, как знаешь».

Интересен рассказ крестьянина В. О. Овчинникова из села Арсеньево Тульской губернии Белевского уезда о том, как его отец голосовал. «За какую партию, за какой номер голосовать, кто их знает, какая куда приведет»,— волновался отец. Он был уже старый — 57 лет — и неграмотный. «Ну ладно,— заключил он,— завтра на сходе видно будет, как люди, так и я. Солдаты, что с войны пришли,— они знают, что делать, как они, так и я. Вон, Василий Фатеев, Семен Максимов, как они, так и я». Старику напомнил сын о том, что есть письмо от брата с Балтийского моря, где было указано, за какой номер нужно голосовать. Письмо нашли. На сходе происходит следующий разговор: «Ну, как ты, кум Василь, что тебе пишет племянник, за какой голосовать-то».— «Да пишет, что за № 5. Эта партия, говорит, полезная для рабочих и крестьян. Эта партия, говорит, будет называться советская власть. И эта советс-

кая власть все фабрики, говорит, и земли отдаст рабочим и крестьянам в их руки...»

Это возымело свое действие. Живо зашумели и начали отрывать по одной карточке от каждого листа с № 5 и опускать в ящик. Потом этот ящик закупорили и отправили его по дистанции, куда он должен следовать».

В центр по адресу выборов в Учредительное собрание посылаются письма следующего характера:

«Товарищи! Сейчас, как известно, идет запись по партиям везде на фронте и у нас в тылу,— пишет солдат учебной команды 418-го Александровского полка Филипп Косарев.— И из деревень пишут нам с вопросами: что это за запись и к чему все это значит, мы не знаем, нам дают какие-то листки, подписывайте, говорят, а если неграмотен или неграмотна, то заставляют просить кого-либо за неграмотного расписаться, а что к чему никто ничего не объясняют, (поэтому)-то и спешат спросить у нас хотя бы письменно. Но поверьте, товарищи, дух занимает, слыша и читая такие вопросы. Неужели же людям до сих пор не разъяснены все подробности суть столь важного элемента. Ведь здесь же [не] шутки какие-либо, а судьба будущего. И в неопытности народа темные лица строят себе фундаменты, возьмут большинство голосов, и уже потом будет поздно. Подумайте все, ведь корниловщина только и живет надеждой и они (враги) знают, чем им поживиться».

В телеграмме на имя ЦИКа Петроградского совета из станицы Девичьей пишется: «Товарищи, просим разъяснить, за кого голосовать в Учредительное собрание. [Укажите] номера списка. Литовинский комитет». На означенной телеграмме чернилами написан текст ответа: «Петроградский совет постановил голосовать список РСДРП (большевиков). Номер узнайте в губернском городе».

Крестьянин Екатеринославской губернии Худолой обращается в совет со следующим письмом:

«Товарищи! По получении сего прошу сообщить мне через газету «Оборона», которую я получаю, за какой № крестьянам голосовать при выборах в Учредительное собрание, потому что здесь никто ничего не поймет. Один говорит за № 1, другие за № 3, а правильно никто не знает и очень сомневается за ошибку. Есть много и смутьянов, которые сбивают крестьян». Дальше автор письма предлагает лишить права голоса крупных собственников и мелких землевладельцев, «которые идут под руку дворянам», оставить им ту землю, которую они сами

смогут засевать, не пускать и не принимать их ни на какие заводы и мастерские и ж[елезные] д[ороги].

Из Таврической губернии Днепровского уезда Краснянской волости того же села крестьянин Ефим Данилович Гавриченко пишет: «Здравствуйте, дорогие товарищи! Шлю вам свой горячий привет с пожеланием всех благ в жизни вашей. Скорого и счастливого успеха в делах ваших... Дорогие товарищи! Покорнейше прошу вас объяснить мне, какие №№ куда и за кого. Прошу вас еще раз поставить номер и подпись куда и какой поведет, потому что здесь дают номера, но не объясняют, за кого это номер. Может, тот поведет к худому, который я возьму, а который я не хочу, тот может и пошел в дело.

В центральный комитет военной организации Петроградского комитета РСДРП (большевиков) идет следующего содержания телеграмма:

«Мы, крестьяне деревни Мишино Белокрестской волости Устюжского уезда, Новгородской губернии, покорнейше просим ЦК РСДРП(б) дать точные резолюции о дне выборов в Учредительное собрание...»

Письмо 5-й казачьей дивизии сообщает: «По всему видно, что союз казачьих войск трудового казачества никак не защищает, а клонит опять к старому режиму, хочет опять ездить на казачьей шкуре, затем в казачьих войсках установлены атаманы, можно сказать, небольшие царьки. Наше темное казачество все думает, что они об них беспокоятся, думали, что улучшится жизнь. По-видимому, еще хуже будет, как раньше было. Так вот, мы, казаки, просим Центральный Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов разогнать эту свадьбу, которая в настоящее время в союзе казачьих войск. Они своими бумажками натравливают нас, казаков, на трудовое крестьянство, чтобы у нас получились опять гражданские войны. Но мы, казаки, заявляем, что мы на трудовое крестьянство никогда не пойдем, а всегда поддержим сторону трудового народа, а их бумажкам никогда не будем верить. Мы в настоящее время казаки не знаем, за какую программу голосовать, у нас до сих пор не было казачьих программ, и вот перед Учредительным собранием выставляют казачью программу, которая для трудового казачества неприемлема и мы за нее голосовать не будем».

РЦХИДНИ, ф. 71, оп. 34, д. 331, л. 1—19.
Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Русские ведомости, 1917, 13 октября.

2. Нольде А. Э. (1873—1948), барон, юрист, главный редактор еженедельника «Право». В качестве специалиста был привлечен к выработке проекта о выборах в Учредительное собрание.

3. Чернов В. М. (1873—1952), один из лидеров и теоретиков партии эсеров. В 1917 г. министр земледелия во Временном правительстве. Был председателем Учредительного собрания 5 января 1918 г.

4. Авксентьев Н. Д. (1878—1943), один из лидеров партии эсеров, член ЦК партии. В 1917 г. член Исполкома Петроградского совета, председатель Всероссийского совета крестьянских депутатов; в июле — августе — министр внутренних дел во Временном правительстве; в октябре — председатель Предпарламента.

5. Плеханов Г. В. (1856—1918), деятель российского и международного социал-демократического движения, философ, пропагандист марксизма в России. В 1917 г. поддерживал Временное правительство, к Октябрьской революции отнесся отрицательно, но против советской власти не боролся.

6. Церетели И. Г. (1881—1959), государственный и политический деятель, один из лидеров меньшевистского крыла в РСДРП. В 1917 г.— министр Временного правительства.

7. На Земском соборе 1613 г. на престол был избран «народный царь» — Михаил Романов, т. е. определена была форма государственного устройства России. Именно этот факт в первую очередь имелся в виду при проведении параллели между Земским собором 1613 г. и Учредительным собранием 1917 г.

8. 2-й Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов проходил 25—27 октября (7—9 ноября) 1917 г. в Смольном, в г. Петрограде. 26 октября в 5 час. утра объявил о переходе власти в руки Советов в результате Октябрьской революции; принял Декрет о мире и Декрет о земле. Создал первое Советское правительство — Совет Народных Комиссаров (СНК) во главе с В. И. Лениным.

9. Бухарин Н. И. (1888—1938), советский партийный и государственный деятель, академик АН СССР. В Учредительном собрании в составе фракции большевиков выступил с речью, направленной против политических противников и Учредительного собрания как полновластного органа.

Публикацию подготовил *С. Вакунов.*

ЧАСТНЫЕ ПИСЬМА ЭПОХИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

По материалам военной цензуры

Наш рассказ начинается летом 1919 г., когда Деникин подходил к Орлу, а большевистская власть, несмотря на чрезвычайки, заградотряды, красный террор и продразверстку, а может быть и благодаря им, висела на волоске. Спустя полгода, в конце 1919 г., вождь российского большевизма Владимир Ленин радостно говорил о «чуде решающих побед» и призывал своих единомышленников приглядеться к этому чуду повнимательнее. Последовали и мы советам Ленина, а заодно решили приглядеться и к загадочной русской душе, способной, по мнению очень многих наших соотечественников, лишь на иррациональные поступки.

Скажем честно, эта публикация не понравилась бы ни красным, ни белым. Очень уж неприглядной выглядит «проклятая война» в свидетельствах очевидцев. Да и что хорошего выбирать из двух зол меньшее или, по старой российской привычке, просто «годить», дожидаться, когда же наконец непримиримые политические противники определят, кому дальше-то спасать Россию.

В этой публикации нет политических героев, нет хороших красных и плохих белых или наоборот. А порядочные люди были в обоих лагерях, были гуманные большевистские комиссары и благородные поручики, как были в большом числе среди красных и белых авантюристы, преступники, садисты и прочая малосимпатичная мерзость — в агонизирующем обществе всегда переизбыток подобных людей. В гражданской войне побеждали не самые благородные и даже не самые сильные, а те, кого меньше ненавидел народ, кто умел обуздывать и укрощать собственных подлецов и мерзавцев, даже если делал это не из высокоморальных соображений, а из чувства самосохранения или во имя мировой революции.

Знакомство с документами, надеемся, убедит в этом и читателя.

А нам было просто жалко страдающих, голодных и больных людей, одичавших дезертиров и взбунтовавшихся крестьян, избитых и убитых евреев, так же, как и буржуев, которых «потихоньку расстреливали» в Киеве, жалко всех, кроме подлецов и мерзавцев, обделывавших свои личные делишки по обе стороны баррикад. Впрочем, мы не собираемся навязывать читателям свое ви́дение гражданской войны, тем более что даже между авторами не было единства в оценке публикуемых документов. Мы лишь попытались создать из подлинных человеческих документов трагический образ гражданской войны, замешенной на воодушевлении и жестокости, благородных порывах и шкурных интересах, страхе и безрассудстве, борьбе за власть и сопротивлении всякой власти.

Нас интересовала стихия народной жизни, та атмосфера повседневности, которая составляет первооснову исторического процесса, но очень трудно поддается историческим реконструкциям. Неурожай и произвол чиновников; самоубийство односельчанина, отказавшегося идти воевать, и жестокая расправа над комиссаром; реквизированная корова и судьба советской власти; спектакль в агиттеатре и закрытие церквей; не в чем идти на войну и как бы с этой войны удрать; как вступить в Коммунистическую партию и где выгоднее продать мед — обо всем этом писали люди в своих письмах в смутное время гражданской войны.

Публикуемые ниже выдержки из частной корреспонденции 1919 г. были «вынуты» из этих писем и заботливо собраны рукой ведомства сколь серьезного, столь и таинственного — военной цензурой.

Что она из себя представляла?

Цензура — изобретение древнее. Со средневековья она существует как один из инструментов защиты государственных интересов, и Советское государство не было исключением. Подтверждением служит тот факт, что само упоминание о существовании цензуры в СССР было долгие годы запрещено... цензурой. Даже последнее издание Большой Советской Энциклопедии «не знает» такого слова, как «перлюстрация», а понятие «цензура» относит только к «эксплуататорским обществам». Советская Военная Энциклопедия в статье о военной цензуре утверждала, что Октябрьская революция уничтожила царскую и буржуазную цензуру, а для соблюдения государственной и военной тайны установила некие «свои нормы политической и революционной бдительности», забыв, однако, указать, какие

именно. Документы же показывают, что «нормы бдительности» мало изменились после революции. Изменились лишь их направленность и идеологическое обоснование.

Впервые в России должность военного цензора была введена в 1812 г., однако как самостоятельный институт военная цензура сложилась только в годы первой мировой войны. 20 июля 1914 г. было принято «Временное положение о военной цензуре», которое сформулировало главную задачу нового учреждения — контроль над всей выходящей в условиях войны печатной продукцией, а также просмотр корреспонденции в целях соблюдения военной тайны. Тогда же оформился механизм работы военной цензуры, многое из которого практически без изменений было воспринято затем аналогичным советским ведомством (порядок составления военно-цензорских отчетов, их форма, порядок движения по инстанциям и т. д.). В 20—30-е гг. некоторые документы царской цензуры, в частности материалы перлюстрации солдатских писем, были опубликованы в советской печати [1*].

Царская военная цензура продолжала существовать и при Временном правительстве, отменившем цензуру общегражданскую, но сохранившем за собой царские военные обязательства. Ликвидирована она была после прихода к власти большевиков, которые отказались хранить «империалистические» военные секреты.

Однако начавшаяся вскоре новая война — гражданская, осложненная интервенцией держав Антанты, заставила советских руководителей коренным образом пересмотреть взгляды на военную организацию республики. Остро встал вопрос о создании не только кадровой армии, но и целостной военной структуры, одной из составных частей которой была военная цензура. С другой стороны, необходимость возобновления подобного института диктовалась остротой идеологического противостояния в новой войне.

В сентябре 1918 г. создается Полевой штаб Реввоенсовета Республики, 5 ноября 1918 г. утверждены его структура и штаты. Одним из подразделений и стал созданный тогда же Военно-цензурный отдел (сначала в составе так называемого Региструпа — Регистрационного управления, ведавшего агентурной разведкой, а затем самостоятельно). Порядок его работы регламентировался «Положением о военной цензуре РСФСР», принятым в конце 1918 г. В соответствии с этим документом главной задачей вновь созданной военной цензуры стало «сохранение военной тайны и ограждение интересов РСФСР» [2*]. Перечень сведений, составлявших военную тайну, был достато-

чно обширен. К секретным относились не только информация о вооружении, снабжении, численности, военно-технических средствах и боеготовности Красной Армии, ходе мобилизации и боевых действиях, но и сведения, могущие нежелательно отразиться на моральном состоянии войск. Сюда относились различного рода сенсационные и панические слухи, данные о крупных потерях в Красной Армии, об эпидемиях, взрывах и пожарах, а также о волнениях в войсковых частях и в тылу до их ликвидации [3*].

Военной цензуре дозволялся не только контроль над всей выходящей в стране печатной продукцией, содержащей военные сведения, над радио, телеграфом (в том числе РОСТА) и телефоном, но и просмотр международной и, как было сказано в «Положении», «по мере надобности внутренней почтово-телеграфной корреспонденции» [4*]. Из ведения цензуры была изъята только переписка правительственных учреждений и лиц, а также частная корреспонденция на их имя.

Исходя из поставленных задач и секретного характера работы, военная цензура создавалась как строго централизованное, замкнутое и немногочисленное учреждение. Центральному Военно-цензурному отделу (ВЦО) подчинялись военно-цензурные отделения при реввоенсоветах армий, а также местные отделения контроля печати, радио, почты и телеграфа. ВЦО определял их численность, местонахождение, осуществлял контроль за их деятельностью.

Порядок работы каждого цензурного органа регулировался специальной инструкцией. Так, цензурование военной корреспонденции производилось на основе общей Инструкции для почтово-телеграфных военно-цензурных отделений и специальных Правил для цензурования корреспонденции из Красной Армии и в Красную Армию. В соответствии с этими документами все письма из армии и в армию подлежали перлюстрации. При этом подчеркивалось, что цензура красноармейской корреспонденции есть учреждение абсолютно секретное, и разглашение малейших сведений о ее организации и деятельности карается судом Революционного трибунала.

Как работала военная цензура?

Каждое военно-цензурное отделение состояло из нескольких рядовых цензоров, контролера и начальника. Цензор получал в начале дня от контролера определенное количество писем для просмотра, а в конце дня сдавал ему готовую работу. Поскольку инструкции запрещали задерживать письма более чем на 24 часа, цензор получал столько писем, сколько был в состоянии прочитать в течение рабочего дня. При отборе необходимо

было придерживаться пропорционального представительства писем из разных армий и регионов страны. Цензор был обязан вскрывать письма крайне осторожно, а после прочтения тщательно их заклеивать. Любые пометки и вымарки в тексте строго запрещались. «Процедурные» вопросы решал обычно контролер.

Если при чтении цензору попадалось письмо, содержание которого казалось ему откровенно контрреволюционным либо неясным, то он его откладывал, а затем передавал начальнику отделения. Начальник после проверки мог такое письмо конфисковать и направить в Особый отдел ВЧК, а копию — в ВЦО. Конфискации подлежали также письма, содержащие шпионскую (в том числе шифрованную) информацию, различные сенсационные слухи, а также пропаганду антимилитаризма.

Кроме выявления писем запрещенного содержания, цензор должен был делать выписки (они назывались «меморандумы») из просмотренной корреспонденции, дающие представление о настроениях в Красной Армии и в тылу, морально-политическом состоянии войск и населения, об их отношении к войне, командованию и советской власти и т. п. Выписки классифицировались (дата, место отправления письма, воинская часть, если отправитель красноармеец), и затем составлялись сводки по темам (военная сводка, политико-экономическая, сводка о дезертирстве) и районам (губернии или фронты). Два раза в месяц (к 1 и 15 числу) эти сводки препровождались в ВЦО, а также в политотдел РВС армии, в районе действия которой расположено данное военно-цензурное отделение. В ВЦО сводки соответствующим образом обрабатывались и из них составлялись краткие тематические обзоры, которые наряду с копиями самих сводок отправлялись затем дальше, в секретариат РВСР и ЦК РКП(б).

Разумеется, сводки, идущие «наверх», не были лишены известной тенденциозности: если цензоры были не вольны изменить смысл писем, то подбор выписок, т. е. составление более (или менее) мрачной сводки, был в их власти. В то же время факт, что сводки составлялись множеством работников этого «невидимого фронта», позволяет надеяться на объективность информации в целом.

Выписки, которые мы публикуем, взяты из разных сводок. Мы не сортировали и не отбирали документы по политическим, моральным, научным или каким-либо иным критериям. Все мнения и оценки, которые содержались в доступных нам сводках военной цензуры за вторую половину 1919 г., с разной степенью полноты представлены в публикации. Щадя читателя,

мы не стали давать лишь монотонную информацию, к которой военные цензоры питали особый интерес (значительную часть выдержек из писем, направленных цензорами в инстанции, составляли сообщения о видах на урожай — тогда эти сведения имели стратегический характер, сегодня они интересны только очень узкому слою специалистов).

Мы стремились избежать тенденциозности в отборе документов и не редактировать реальную жизнь. Но как быть с шовинистическими и националистическими высказываниями, с описаниями насилий и жестокости? Некоторые письма просто тяжело читать. Но тут уж мы решили читателя не щадить.

Авторы так много говорили о стремлении к объективности, что даже у самих себя вызвали некоторые подозрения. Кто и где в мире видел это диковинное существо — совершенно объективного историка? Конечно, в нашей публикации есть тенденция, ее читатели без труда обнаружат в организации материала, последовательности разделов, которые отражают наше понимание исторической логики событий и изменений в настроениях населения. Те, кто не принимает или не понимает эту логику, найдет достаточно неотфильтрованной информации для выработки собственных суждений.

Авторы благодарят сотрудников Российского государственного военного архива и Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории, а также Институт гуманитарных и политических исследований Российско-Американского университета, который финансировал эту работу на ее начальном этапе.

* *
*

1. «Нет лучше советской власти»

«Желаем вам побольше подушить дармоедов и прочих нажившихся на чужой крови капиталов. За отсутствием хлеба стали жать зеленую рожь» [5*] (Московская губерния, Можайск, 28 июля 1919 г.).

«Пока всего хватает, но, видно, скоро вытянут последние соки. Коров, лошадей, овец не взяли. Но от остального немножко попробовали. Но все ерунда, лишь бы скорее сломить буржуазную сволочь. Все ждем и не можем дождаться, когда восторжествует советская власть. У меня в душе такая злоба к буржуазии, что я могла бы собственными руками их застрелить. Терпим до конца,

и да здравствует советская власть» (Гомельская губерния, Орша, 14 декабря 1919 г.).

«Были под властью Колчака, но собственно не советую никому думать, что у контрреволюционеров хорошо быть. Нет лучше советской власти. Хоть у вас голодно, но никто в этом не виноват, ведь ходит военная разруха» [6*] (Пермь, 30 августа 1919 г.).

«Здесь носятся слухи, что большевистские войска все разбиты, и наши буржуи ждут белых каждую минуту, и коммунистам придется плохо. А что делать? Мы всегда были на втором плане. Мне очень не хочется этого переворота, за что страдали хорошие люди, все пропало даром. Как здесь злорадствуют этому падению, сами не понимая, какой вред несет это падение» (Тамбовская губерния, Липецк, 20 июля 1919 г.).

«Мы дали клятву везде и всюду защищать советскую власть, ибо она одна защитница бедного класса. Нас назначили на завод им. Ленина. Устроились хорошо, с казаками жили дружно, особенно молодые шли с нами рука об руку за Совет. Мы им объяснили, что Совет — защита бедного класса. Назначили собрания, вели агитацию. Много сочувствующих коммунистам перешло на нашу сторону, но с других районов пришла какая-то зеленая банда, и пришлось на время оставить Хоперский район. Урожай удивительный, а на юге прямо небывалый. Скоро будем прямо завалены хлебом. На днях послали в Питер 23 вагона хлеба, а теперь — для добровольного пожертвования» (Тамбовская губерния, Погост Бибиговский, 28 июля 1919 г.).

«У нас в деревне я да Лаврентьев стоим на стороне советской власти, а остальные монархисты или анархисты, но и они когда-нибудь признают советскую власть» [7*] (Ярославская губерния, Тверцы, 28 июля 1919 г.).

«Советская власть у нас, благодаря Богу, крепнет. Вот только подлец Деникин наводит панику, забрав весь Донецкий бассейн, но т. Троцкий лично взялся за это дело, и, конечно, Деникину несдобровать» (Волынская губерния, Житомир, 22 июня 1919 г.).

«В общем, с приходом советской власти в последнее время стало лучше» (Минская губерния, Мозырь, 14 июня 1919 г.).

«Долой буржуев и кулаков. Долой Парижский мир, да здравствует советская власть на весь мир. Смерть бан-

кирам. Да здравствует наш лозунг: вперед без страха и сомнения, на подвиг доблестный, друзья» (Московская губерния, Богородск, 20 июня 1919 г.).

«Мы здесь в тылу очень крепко спаяны и твердо стоим за осуществление дорогого нам социализма. В случае чего мы все как один пойдем вам на выручку. Власть диктатуры пролетариата не отдадим» [8*] (Нижегородская губерния, Веремань, 23 июня 1919 г.).

«Мы тоже не дремлем и в корне пресекаем их замыслы, еще сообщаю тебе, что вся пензенская организация коммунистов организована и при приближении белых банд встанет под ружье» [9*] (Пенза, 7 августа 1919 г.).

«Настроение здесь довольно хорошее, почти все стоят за советскую власть, за исключением кулаческого и злого элемента» [10*] (Таврическая губерния, Мелитополь, 28 июня 1919 г.).

«У нас в Кинешемском районе публика была против советской власти, а теперь осознала положение и стоит за власть, записываются в отряды» [11*] (Иваново-Вознесенская губерния, Кинешма, 5 августа 1919 г.).

«Не завидуй сволочи дезертирам, это губители свободы, гордись именем красноармейца, вы есть исторические двигатели, борцы за право трудового народа, вот где хранится, в вас, любовь, истина и правое дело» (Владимирская губерния, Горки, 4 июня 1919 г.).

«Настроение у населения бодрое, хотя берут хлеб и скот, но пока по возможности кое-что отпускают из кооператива. Начинают привыкать понемногу к советской власти. Очень отрадно видеть, когда бородачи собираются на сход и начинают обсуждать разные вопросы. Но не как раньше, избегая всего, а все говорят, что нужно дать, нужно помочь чем можно» (Витебская губерния, Селютье, 10 ноября 1919 г.).

«Все убеждены, что советская власть все более и более укрепляется и в том, что в недалеком будущем гражданская война прекратится» [12*] (Гомельская губерния, Орша, 6 декабря 1919 г.).

«В народе большое разногласие, как и было раньше: кто очень довольны этой властью, а кто против, ну я еще стою на платформе советской власти» (Тульская губерния, Поповка, без даты).

«Мужики у нас кто за Совет, кто против. Большинство сделалось коммунистами» [13*] (Ярославская губерния, 9 июня 1919 г.).

«На ст. Золотухино находится [...] госпиталь 13-й армии. Там есть комиссар, звать его как, не знаю. И вот раньше мы, живя в деревне, газет не имели, а теперь этот комиссар ходит к нам в деревню, приносит газеты, книжки, раздает их грамотным, а неграмотных собирает вокруг себя и читает или рассказывает нам о значении коммунистического хозяйства. Как его строить и какая бывает от него польза. Были у нас на станции и другие комиссары, которые и говорить с мужиками не хотели. У нас от таких комиссаров толку мало. А вот если бы побольше таких, как этот. За такого комиссара мы очень благодарим советскую власть и вождей революции» [14*] (Курская губерния, Золотухино, 10 августа 1919 г.).

2. Эта странная новая жизнь

«Город наш неузнаваем, все перевернулось: появились бесконечные штабы [...] снуют вестовые броневики, роются окопы служащими советских учреждений — по 50% от каждого. Они тоже рубили в лесу, стоя по колено в воде. В течение 10 дней каждый должен нарубить 1/8 сажень швырка и одну кубическую — хвороста, получая по 1/2 фунта хлеба и три ложки чечевицы [...]» [15*] (Тамбов, 28 июля 1919 г.).

«Наша коммуна дурная осталась без хлеба. Рожь крестьян была засеяна, они ее сняли, и в коммуне нет ничего. Луга большую половину скосили. Крестьяне хотят разогнать коммуну, но все-таки Совет их не допускает. Одну десятину отпустила Домановская коммуна для нас, на которой мы нажали 13 сот, и семена нам должны дать соседние коммуны, чтобы не уступить крестьянам этой земли» [16*] (Смоленская губерния, Перховичи, 10 августа 1919 г.).

«Идет такой шум насчет земли, хотят сделать коммуну [...] Некоторые деревни согласились, другие против. Пусть работает каждый для себя» (Московская губерния, Ярополец, 17 июня 1919 г.).

«Принялся за дело, завоевал симпатии у крестьян, устраиваю беседы по сельскому хозяйству, работы много [...] Принялся за организацию культурно-просветительного общества, и работа также идет. Ставили спектакль «Слава погибшему». Публика начинает раскачиваться» (Вятская губерния, Каринка, 12 июня 1919 г.).

«У нас открылись два кинематографа, два клуба, два

сада, не считая старых, и в нашей деревушке это большое счастье» [17*] (Новгородская губерния, Бологое, 15 июня 1919 г.).

«Программа союза политической молодежи: вести агитацию среди деревенской рабочей молодежи, открывать курсы, гимназии, университеты и т. д. И вот так как я вижу, что ничего старого не будет, а будет все новое и т. д., т. е. советская власть, то я не хочу учиться вместе с крестьянами» [18*] (Казанская губерния, Чистополь, 24 июля 1919 г.).

«Здесь мобилизация всех интеллигентских сил города, регистрируются на вечерние занятия с неграмотными» [19*] (Вятка, 8 августа 1919 г.).

«Кругом непонятная, непроглядная тьма, переименовали все учебные заведения в трудовые школы, а дети с января бьют баклуши, педагоги не подготовлены к этому новшеству, и получилась невкусная и глупая каша. Все учреждения набиты семитами от 13 лет и до глубокой старости. Буржуев всех поголовно выселяют из дома и из города, стоит вой, как на реках вавилонских, словом, неразбериха по всей коммуне, устали ожидать правильной хорошей жизни, возят чужое сено, рубят догола леса, имения стоят разоренные, и это называется хороший порядок и хозяйство» [20*] (Орловская губерния, Елец, 21 июля 1919 г.).

«На днях мы организовали субботники, которые себя показали на высоте своего призвания в армии труда. Они занялись рубкой и перевозкой дров для отопления города. Также выделили отряд рабочих для учета урожая. Работают энергично и вместе с тем пропагандируют по деревням. В некоторых местностях их встретили с дружескими признаниями» [21*] (Могилев, 3 августа 1919 г.).

«Театр превращается в казармы да в кабак, ей-богу, стыдно становится смотреть на эти вечера. Там, где военные, там разврат, ты не можешь себе представить, что на этих вечерах творится. Собираются солдаты, а вместе с ними совсем молоденькие девочки, лет 11—16, и танцуют, гуляют и т. д. Вообще это нельзя передать словами, как отвратительны эти картины» (Витебская губерния, Беженковичи, 20 ноября 1919 г.).

«Учительский персонал здесь — прямо разгильдяйство. Спектакли бывают часто, но не услышишь ни одной революционной песни» (Вятская губерния, Пышкет, 11 ноября 1919 г.).

«Жизнь кипит только в пролетклубе, открыты всевозможные секции, курсы, можно играть на духовых инструментах. Декоративная секция, драматическая, музыкальная, курсы бухгалтерии, черчения, ткацкие, прядильные и общеобразовательные» [22*] (Костромская губерния, Новая Вичуга, 21 ноября 1919 г.).

«Мы, рабочие и работницы Детского сельского союза, работаем в разбросанном виде и не можем сделать собрание, потому что нашим заправилам неохота, что будет у них много грязи, да и трезвые они не бывают» [23*] (Петроградская губерния, Царское Село, 29 августа, 1919 г.).

«У нас около недели, как здесь находится тов. Луначарский, он устраивает лекции и митинги. Человек, который против советской власти, невольно станет коммунистом» [24*] (Смоленск, 3 сентября 1919 г.).

«2 августа были у нас в Нардоме спектакль и митинги, товарищ Швеер говорил речь, весь народ убедился и согласился с ним поддерживать Красную Армию всем. Многие не прочь и от коммуны» [25*] (Симбирская губерния, Корсунь, 3 августа 1919 г.).

«Уведомляю, что в нашей непросвещенной деревне темнота, оттого, что нет хлеба, никаких просвещений не признают, только бы хлеба» (Владимирская губерния, Большое Филипповское, 21 июля 1919 г.).

«В деревне жить очень плохо, работы политической совсем вести нельзя, потому что все голодные, только среди молодежи, и то очень туго продвигается, за 2 месяца уговорил человек 20, которые не хотели идти служить советской власти. Настроение скверное, ждут реакции, а поэтому работать трудно. Столкнулся с Советами, назвал их товарищами, а они говорят: «Какие мы тебе товарищи?» [26] (Московская губерния, Клин, 5 августа 1919 г.).

«Нас вызвали на сход и спрашивают, кто [в] чем нуждается, и назначили красноармейцам работников косить. Работать хотят принудить силой» [27] (Вологодская губерния, Ягрыш, 27 июля 1919 г.).

«Семейству нашему ввиду призыва тебя и Миши дали надел земли, обрабатывать ее заставили буржуев» [28*] (Нижегородская губерния, Большое Мурашкино, 5 августа 1919 г.).

«Тут все спокойно, понемногу расстреливаем буржуев, забираем на работу» [29*] (Киев, 12 июня 1919 г.).

3. «Лавру прикрыли, богослужения нет, богомольцев не пускают»

«У крестьян описано все церковное имущество, а также описывают все церковные капиталы и причтовые. Что из этого выйдет, увидим. Здесь заседают представители всех сельских ревкомов, и они, между прочим, заявили, чтобы власть на церкви и на монастыри не нападала, и что церкви они уничтожить не дадут. «Почему только православные церкви хотите уничтожить, а синагоги оставить?» На это коммунисты ответили: синагоги будут уничтожены. Представители на это сказали: если синагоги уничтожите, то церкви никогда. Здесь свирепствует сыпной и возвратный тиф, с фронта каждую неделю привозят 10000 больных» (Оренбургская губерния, Челябинск, 23 ноября 1919 г.).

«В Лавре обыскали монахов, все это вызвало подозрение, что монахи принимают участие в заговоре национального центра. Лавру прикрыли, богослужения нет, богомольцев не пускают. Лавру караулят красноарм [ейцы]. У всех ворот стоит вой и плач» [30*] (Московская губерния, Сергиевское, 4 ноября 1919 г.).

«Здесь всех священников приговорили на месяц к принудительным работам или штрафу в 2 тыс. руб. за то, что сделали без разрешения в Духов день крестный ход на кладбище, который существует сто лет; чем окончательно решат, не знаю, прямое издевательство» (Новгородская губерния, Белозерск, 24 июня 1919 г.).

«Недавно были первые похороны большевика без отпевания, и это возмутило еще больше народ» (Тверская губерния, Павлюхи, 19 июня 1919 г.).

«В Мценске было почти открытое возмущение. Власти надругались над мощами св. Кукши в монастыре [...] Потом порешили взять Николая Угодника и бросить его в реку [...] Собралась тысячная толпа, власти дали 3 выстрела [...] и уехали, руководил ими еврей» [31*] (Орловская губерния, Мценск, 3 июля 1919 г.).

4. Дела фабричные

«У нас была всеобщая забастовка на почве голода. Фабрики не работали семь дней, а также трамваи, заводы и водопровод, но теперь закончилась. Фабрики остановились совсем на неопределенное время, нет хлопка и хлеба.

Настроение неважное. Голод. Ничего не найдешь за деньги» [32]* (Тверь, 25 июля 1919 г.).

«Все фабрики остановились, рабочим хотят выдавать расчет, но рабочие не приходят, даже говорят [...] пусть все свергнется, нам все равно» (Костромская губерния, Писцово, 25 июня 1919 г.).

«Все рабочие против коммуны и говорят: «Долго ли будет продолжаться бойня и будут друг друга убивать ни за что» (Ярославская губерния, 11 июня 1919 г.).

«Бабы взошли на завод, запретили всем работать и у начальства стали просить хлеба; два дня завод не работал, выдали по 2 фунта хлеба; вскоре опять вспыхнет забастовка. Когда здесь был Калинин, то четырех мастеровых вынесли мертвыми с завода от голода; не пройдет дня, чтобы кто-нибудь не умер от голода, а большевики имеют по 20 пудов белой муки. Наверно, скоро будет свержение власти» (Орловская губерния, Бежица, без даты).

«У нас был председатель ЦИК т. Калинин [...] На Брянском заводе собрались рабочие около 8 тыс. чел[овек] [...] на просьбу рабочих дать хлеба т. Калинин ответил, что через два мес[яца] мы все будем сыты[...] Тогда раздались голоса: «Долой» (Брянск, 26 июня 1919 г.).

«Боремся с буржуазией и капиталистами; буржуазия у власти все стоит, а наш брат пролетариат, как он скитался, так он и сейчас скитается без делов, пусть очистят все учреждения от них» (Рязань, 24 июня 1919 г.).

«У нас форменный голод. На днях забастовали фабрики на почве голода... приглашали примкнуть город, но город нашел, что одной Твери безумие выступать. Пока требование фабричных удовлетворено, но слышно, скоро отнимут у них опять. Постепенно закрывают фабрики. Был «Съезд Советов» (так в документе. — *Авт.*), которого большевики очень боялись и который вначале был антибольшевистский; он прежде всего требовал прекращения войны, но т. Сосновский из Москвы, прекрасный оратор, обвел всех: резолюция — продолжать войну до победного конца; жиды опять ожили, а все повесили головы» (Тверь, 26 июня 1919 г.).

«В Калуге 3 дня забастовки и не ходят на ученье, потому что не дают хлеба. У нас в Рязани тоже ждут на днях забастовки, потому что стали запрашивать самых защитников со всех заводов и учреждений; вперед брали

[на военную службу] 10%, а теперь хотят 50, набор от 30 лет до 40; все чего-то ждут, но как бы то ни было, лишь бы кончилась проклятая война, так она надоела. Был у нас Троцкий, навещал Дашковские казармы, т. к. у нас собралось одних дезертиров 7 тысяч, говорил речи и очень поднял дух в них, и они кричали ему «ура» [33*] (Рязань, 29 июня 1919 г.).

5. «Реквизиция прошла, очень всех обобрали»

«Говорят: «Я у тебя реквизирую». Лучше бы сказали: «Я у тебя граблю» [34*] (Калужская губерния, Плохино, 4 июня 1919 г.).

«Правительство решило взять весь хлеб на учет на корню. Наша волость решила отказаться от этого наотрез» [35*] (Гомельская губерния, Дубровка, 4 июля 1919 г.).

«Больше всего вызывает недовольство граждан то, что у них берут лишних лошадей, не молчат и те, у кого ничего не берут, и ругают советскую власть» [36*] (Витебская губерния, Сураж, 11 июня 1919 г.).

«Когда были белые, то у крестьян ничего не отбирали, а когда пришли красные, то крестьянам оставили по одной корове» (Пермская губерния, Екатеринбург, 22 июля 1919 г.).

«Здесь, на местах, положение несколько изменилось. Везде чувствуется упадок духа, крестьянство относится крайне недоброжелательно, дезертирство хотя и не поощряется, но и не искореняется. Продовольствия и предметов первой необходимости не поступало никаких, за исключением соли по полфунту на душу. В общей сложности вся жизненная обстановка последнего времени сделала резкую перемену среди крестьянства по отношению к советской власти» [37*] (Витебск, 13 июля 1919 г.).

«Хлеб у нас отбирают красноармейцы нахально: у кого сколько найдут, и отберут. Народ страдает почем зря» [38*] (Подольская губерния, Боровичи, 24 мая 1919 г.).

«Дела наши идут весьма плохо, ссыпка хлеба крестьянами идет плохо. В той волости, куда нас посылали, 5 раз обирали. Хлеба нет. Крестьяне относятся весьма враждебно. Агитация наша не помогает. Придется действовать затвором» [39*] (Симбирская губерния, Сенгилеевская волость, 3 августа 1919 г.).

«Всех грабят, все отбирают, вообще страшное

безобразие. Мы купили 19 пудов пшена продавать, а у нас все реквизировали. Какой-то комиссаришка-татарин. Хотели мы его зарезать, но только бросили» [40*] (Уфимская губерния, Набережные Челны, 2 декабря 1919 г.).

«1 августа прибыли какие-то отряды в село Вятское по разбору выступлений Вятской волости и обложили налогом в 500 000 руб. Эти деньги собрали в 24 часа. Не знаем, от кого отряд прислан. Да, положение очень нехорошее. Сегодня поступил наряд собрать тому отряду по три барана, 2 пуда хлеба, 2 сотни яиц с района. Некоторые районы уже представили. Дела плохие очень становятся здесь» [41*] (Ярославская губерния, село Вятское, 3 августа 1919 г.).

«Крестьяне здесь контрреволюционеры, ничего на деньги не дают, хотя все есть, положение наше критическое. У всех была какая-то против нас злоба. На сходе крестьяне бунтовали, пользуясь нашей добротой, не выдали хлеба кто сколько может, а оказалось 500 пудов, это при 16-тысячном населении. У крестьян по 19—30 десятин хлеба. Уборка уже началась, и то не хотели дать старого. Везде требуется сила. Здесь в Совете помимо председателя, шута горохового, батюшка — тип опасный для коммунизма. Коммунисты работают без отдыха, да и немудрено, на каждом шагу провокация и саботажничество» [42*] (Симбирская губерния, Батраки, 31 июля 1919 г.).

«Продовольственный отряд реквизировал хлеб, но вывезли немного, а мужики некоторые кричат: «Обобрали...» Когда отряд уехал, началось пьянство, начали гнать самогонку: это вот посадили на норму 30 фунтов, крестьяне пашут и чуть не все кричат: «Какая это свобода?» — а спроси его: «Сколько засеял ярового?» — он говорит: «7 десятин» [43*] (Пензенская губерния, Эринцовка, 20 мая 1919 г.).

«Реквизиция прошла, очень всех обобрали. Другому даже не придется сеять. Есть такие волости, что отбирали по 125 пудов с каждого. Такая реквизиция не есть учет хлеба, а есть грабеж, т. к. советская власть этого бы не должна делать, а на самом деле есть. Кто что сумеет, тот это и делает. Да, плохое положение [44*] (Вологодская губерния, Ширмовское, 5 декабря 1919 г.).

«Тут на днях была Красная гвардия и отобрала 1 тыс. пудов хлеба. Теперь крестьяне все злые, ни у кого ничего

нельзя выпросить» [45]* (Саратовская губерния, Тамала, 21 июня 1919 г.).

«У нас в деревне реквизировали хлеб, и у отца твоего, но они не хотели отдать как красноармейские семьи. Твоего отца, когда он не хотел отдать, били прикладами» (Москва, 30 августа 1919 г.).

«Вчера явился к маме какой-то командир и потребовал 10 фунтов меду. Сказал, что войско с реквизициями не считается и с семьями красноармейцев тоже и в случае нужды могут отнять последнюю корову» (Витебская губерния, Жигин-Двинск, 29 августа 1919 г.).

«На наше село наложили контрибуцию 70 000 руб. С нас содрали всего 5000 руб. за то, что Вы служите и защищаете всеобщие народные интересы. Когда я понес эти деньги в Чрезвычайную следственную комиссию т. Мартынову и показал Ваши удостоверения, что вы служите в Красной Армии, он мне сказал, что это не имеет никакого значения. Я конфискую ваше имущество, а вас заставлю расстрелять. Это прямо обман. Выдают удостоверения семьям красноармейцев и хуже обдирают, никакого оправдания нет» [46]* (Владимирская губерния, Кольчугино, 1 сентября 1919 г.).

«В деревне все отбирают, полную очистку делают. Первый декрет: каждому крестьянину полагается хлеба по 26 фун[тов] в месяц, это за то, что он работает 24 часа. Завоевали фабрики 8-часовой рабоч[ий] день, а мужик получил землю, работать ему приходится 24 часа, но от него отбирают последний хлеб. Поэтому и бегут с фронта» [47]* (Тамбовская губерния, Богоявленск, 16 июля 1919 г.).

«У нас отняли всю землю и покос, но из газет видно, что они не имеют никакого права отнимать что-либо у семейства красноармейца» (Новгородская губерния, Устрехи, 8 августа 1919 г.).

«Хлеб у нас отбирают, оставляют только по 1 пуду на каждого едока на месяц, и все у нас отбирают: яйца, масло, телятину, хомуты, сани, дуги, скот и сено — и оставляют только 60 пуд[ов] на 1 лошадь» [48]* (Вятская губерния, Рябиновская волость, 10 августа 1919 г.).

«Настроение в городе сейчас нервное, идут повальные обыски, отбирают золото, серебро, мануфактуру, а в некоторых случаях даже белье, одежду, одеяла и подушки. Одним словом, все, что излишнее. Говорят, что будет

еще Неделя бедноты и будут отбирать решительно все»[49*] (Гомельская губерния, Могилев, 29 июля 1919 г.).

«Дома все разорили, хлеб отобрали весь дочиста и нельзя слова сказать. Как старый режим. Вот мы до чего дожили, и нельзя никуда жаловаться. В исполкоме засела буржуазия, и они совместно работают» (Вологодская губерния, Чунгалы, 28 ноября 1919 г.).

«Довольно страдать, добивайтесь скорее мира. У нас берут хлеб, картофель, сено, коров, свиней, овец, лошадей, полушубки, шинели, сапоги — все берут, а соли не дают»[50*] (Гомельская губерния, Горы, без даты).

«Мужики как черти ежатся на советскую власть, но мы их взяли в работу, так что им некуда поворачиваться»[51*] (Черниговская губерния, Семеновка, 28 июля 1919 г.).

«Кулаки все еще насмехаются, все еще грозят, все хлеб гноят в земле, но бедным ни за что не хотят дать»[52*] (Пензенская губерния, Инсар, 13 августа 1919 г.).

6. «Хлеба нет. Бабушка толчет мох и ест»

«Страшный призрак голода висит над нами; скорей бы кончилась эта проклятая война»[53*] (Костромская губерния, Кинешма, 19 июня 1919 г.).

«В Курске голод, хлеба нет да и ничего нет. Запретили все продавать на базаре»[54*] (Курск, 2 августа 1919 г.).

«Рабочие Путиловского завода хлопочут, чтобы на время закрыли все заводы и отпустили за продуктами, тогда будем работать, а сейчас голодны и не станем работать»[55*] (Петроград, 3 августа 1919 г.).

«Фабрики не работают, жалованье не платят, кормиться нечем (Костромская губерния, Середа, 15 августа 1919 г.).

«Фабрика не работает, много уезжают в хлебородные губернии» (Костромская губерния, Вичуга, 9 августа 1919 г.).

«У нас в полном смысле слова голод, вторую неделю едим одну траву со своего огорода, даже варим лебеду. Кроме 1/2 [фунта] хлеба, ничего нет» (Петроградская губерния, Сестрорецк, 25 августа 1919 г.).

«Схажу про наш край, что все голодают здорово, кроме крестьян, которые хотят за муку 1500 руб. Остальных продуктов нет никаких. Давно рвут и рубят

в щи траву» [56*] (Владимирская губерния, Шуя, 4 августа 1919 г.).

«Здесь кругом морит ужаснейшая голодовка. Люди не только поели солому и мякину, но даже уничтожили значительное количество мха» (Череповецкая губерния, Тихвин, без даты).

«Люди едят мох, дерево, мякину одну, без примеси муки, и живут все, не помирают... живучи люди» [57*] (Псковская губерния, Ратин, 2 июня 1919 г.).

«За недостатком хлеба в деревне едят болотный мох» [58*] (Московская губерния, Андриановка, 27 июля, 1919 г.).

«Хлеба нет, бабушка толчет мох и ест» (Московская губерния, Яхрома, 21 июня 1919 г.).

«Хлеба не привозят, нам дают дуранды или же жмыхи, и то в очень малом количестве» (Московская губерния, Яхрома, 19 июня 1919 г.).

«Многие заразились от барды, которую раньше скотина не хотела есть, а теперь ест народ» (Ярославль, 3 июня 1919 г.).

«Страшно даже и слушать, чем люди кормятся: мох толкут и мякину, распространилась сильная болезнь, очень народ болеет и даже помирает» [59*] (Тверская губерния, Калязин, 18 июня 1919 г.).

«Стоит очень сильная жара, все лето нет дождей. Скотина все лето кормится на дворах, и очень много скотины умирает от сибирской язвы. Люди опиваются от жары и получают холеру, кроме того, страдают оспой, тифом, скарлатиной. Все на полях сгорело, рожь еще ничего, а овес так, что и жать нечего, картошка тоже очень плоха. Сенокос кончили, накосили очень мало» (Костромская губерния, деревня Козловка, 3 августа 1919 г.).

«В нашем уезде большие заболевания скота сибирской язвой. В некоторых деревнях просто вымирает все дочиста» [60*] (Владимирская губерния, Муром, 3 августа 1919 г.).

«У нас идет сильный мор, народ валится, как скотина» [61*] (Тверская губерния, Озерское, 15 июня 1919 г.).

«У нас очень много мрет народа, мрут большие и дети, подростки лет 10—12. Каждый день 10 покойников. Болезнь: понос кровяной и рвота» (Владимирская губерния, Вохма, 1 августа 1919 г.).

«Фабрика стала, когда пойдет, неизвестно. Свирепствует

сильная дизентерия, умирают подростки с 13 до 15 лет» [62*] (Владимирская губерния, Нерехта, 1 августа 1919 г.).

«У нас народ мрет шибко, и малые и большие, все поносом» [63*] (Ярославская губерния, Яна Мологодская, 8 августа 1919 г.).

«Малярия в городе приняла такие размеры, о которых в городе никто не помнит[...] Мобилизации идут за мобилизациями. Врачи на комиссиях хулиганят, им все годны. Милость есть — отпустят на один месяц. Хлеба дают по первой категории полфунта, по второй — 1/4 фунта, а по третьей — ничего. При свободной продаже на базаре, кроме мяса и жира, имеется все в изобилии, но цены стоят непостижимые» [64*] (Тамбов, 28 июля 1919 г.).

«У нас очень много померло народа, больших и маленьких. Свирепствует тиф и дизентерия» [65*] (Ярославская губерния, Давыдково, 9 августа 1919 г.).

«Продовольствия нам не выдают, получили за год 1 3/4 фунта на едока муки, а больше из хлеба ничего. Очень мало всего получаем, иногда селедки, а сахару совсем не дают. Мяса не бывает, даже конского нет, все пропало. Хлеб у нас побило градом, и овес, и все. Хлеб в Юрьевском уезде отбирают и конфискуют, хотят всем паек полфунта оставить. Крестьяне не дают, их сажают в тюрьмы. Хорошего ничего не видим, одна травля. В деревне помирают от голода» [66*] (Владимирская губерния, Киржач, 20 июля 1919 г.).

«Половина деревни померло от тифа» (Владимирская губерния, Орехов-Зуево, 10 августа 1919 г.).

«В нашей местности свирепствует тиф: сыпной, возвратный и голодный. Народ мрет и мрет, в особенности женщины» [67*] (Тамбовская губерния, Вознесенский Завод, 28 июля 1919 г.).

«У нас свирепствует тиф и черная оспа, каждый день умирает десяток, а то и больше, и болеют все подряд» [68*] (Московская губерния, Щелково, 5 июня 1919 г.).

«Люди умирают каждый день тысячами, а мертвых не успевают хоронить и сваливают в сараях как дрова. Ежедневно целыми эшелонами отправляют в Уфу и Златоуст. Мне приходится проходить через мертвых и больных, т. к. не успевают санитары убирать со станции» (Оренбургская губерния, Челябинск, 19 ноября 1919 г.).

«Мобилизуют монашек, кто может в сестры, а кто не может — сиделкой. Открылись новые сыпнотифозные бараки» (Вятка, 7 декабря 1919 г.).

«Здесь большая смертность и главным образом сыпной тиф, говорят, что все больницы и госпитали переполнены. Каждый день вывозят на санях внавалку и на свалку в общую яму. Неужели мы не увидим более лучших дней, чем теперь. Когда наконец все успокоится, утихнет, не будет проливаться братская кровь. Ведь ужасно, сколько гибнет людей и от войны, и от болезни, и от холода и голода» [69*] (Казань, без даты).

«У нас невозможно как плохо жить, а на зиму оставаться — это смерть. Работа оплачивается дешево. Крестьяне у нас ничего не хотят продавать рабочим, они стали буржуями и не хотят с голодными говорить» [70*] (Кострома, 30 июля 1919 г.).

7. Дезертиры

«Бросьте к черту воевать, товарищи, коммунисты нам хлеба не дают, с голоду морят, налогами угощают; а наша та власть, кто хлеба дал вволю и землю. На меня имущественный налог наложили 75 руб, это не власть, а черт знает кто. Бросай все к черту и скрывайся куда-нибудь» [71*] (Вятская губерния, Глазов, 6 июня 1919 г.).

«В городе Васильсурске есть фельдшер, которому носят молоко, яиц, масла и меду, он оставляет от военной службы на месяц-два» [72*] (Нижегородская губерния, Васильсурск, 18 июня 1919 г.).

«В Самецкой и Петропавловской волости производится сильная борьба с дезертирами. Приехали вооруж[енные] отряды, и начался бой. В Самецкой зажгли деревню Саметь. Много невинных людей погибло. Эти чрезвычайные комиссии нельзя назвать людьми, а просто зверями. Приедут в деревню, забирают всю одежду и продукты, какие имеются, и все говорят: «Давай дезертиров»,— а дезертиров нет, они на самом деле некоторые служат, а они не верят. Берут отцов или жен и перережут. Вот, например, в Петропавловской волости. Зарезали 9 отцов дезертиров» (Кострома, 26 июля 1919 г.).

«Дезертиров теперь здесь нет никого. В Закобякине расстреляли 4 буржуев с сыновьями-дезертирами, обрали все их имение и уехали. В Куникове расстреляли 18 дезертиров и 7 чел[овек] мирных жителей. Потом поехали с большие села: Сельцо и Саметь, но их встретили 700 чел[овек] дезертиров с артиллерией, и они поехали мимо, а прислали отряд латышей, который зажег эти села и не

велел ничего спасать. Погорело много скота. Теперь пришел от Ленина приказ возместить убытки потерпевших и выстроить села» (Кострома, 12 августа 1919 г.).

«Дезертиров у нас всех взяли. Неизвестно, что им будет, расстреляют или же увезут с товарищами. Красная Армия была и очень надоела» (Орловская губерния, Медвежье, 18 августа 1919 г.).

«Ходят целые отряды красноармейцев и ловят дезертиров... Красноармейцы надругаются над родителями [дезертиров] и бьют их очень сильно» (Владимирская губерния, Успенская Ферма, 21 июня 1919 г.).

«На прошлой неделе был прислан отряд красноармейцев для поимки дезертиров. Многих поймали, увели на завод, 22 человека расстреляли, но этим, думается мне, озлобили всех дезертиров: одни пошли в Красную Армию, другие ушли к белогвардейцам» (Костромская губерния, Большие Соли, 25 июля 1919 г.).

«Забирают на войну, но никто не хочет идти, за евреев и за Совет заступаться не стоит» (Орловская губерния, Волхов, 3 июня 1919 г.).

«Разосланы отряды, делают облавы, захватывают дезертиров, а в домах делают настойчивые обыски. Становится всем что-то неприятно» (Владимирская губерния, Рязанцево, 1 июня 1919 г.).

«Стали принимать очень строгие меры, вплоть до расстрела всего семейства. В деревнях не осталось ни одного дезертира, все без исключения явились в Кинешму; за эту неделю прибыло 10 000 дезертиров» [73*] (Костромская губерния, Кинешма, 29 июля 1919 г.).

«В настоящее время в Волховском у[езде] Алещинской волости большие беспорядки наводят красноармейцы, которые ловят дезертиров. Дезертиры являются добровольно, но они ставят себя защитниками советской власти, чтобы мужиков грабить. Товарищи, если у нас будет проводиться в жизнь, то это не советская власть, а бандиты, какие в деревне Шиляевой. Начальник отряда сел на корову верхом, а комиссар по борьбе с дезертирством корову подгонял; делают телесное наказание» [74*] (Орловская губерния, Мценск, 18 августа 1919 г.).

«Приехала Красн[ая] Арм[ия] ловить дезертиров, и начали поступать как разбойники: они не ловят дезертиров, а грабят крестьян... На военную службу... никто не хочет идти. Народ не хочет защищать грабителей» (Рязанская губерния, Можары, 26 июля 1919 г.).

«Дезертиров 11 чел[овек] и недовольны советской властью, и даже на собраниях кричат: «Долой эту бойню, нам жизнь дорога» (Владимирская губерния, Юрьев-Польский, 2 июля 1919 г.).

«Все дезертиры живут дома. Они недовольны тобой, что ты служишь за еврейскую власть и продал свою шкуру» [75*] (Калужская губерния, Фроловское, 28 июля 1919 г.).

«Грабежи каждую ночь, что будет дальше. Главное, мы не знаем, кто нападает, или шайки, которых здесь очень много, или наши войска и защитники. Шайки разбойников собираются по лесам и нападают на города, местечки и также на проезжих» (Киевская губерния, Зыково, 16 июля 1919 г.).

«В уезде свирепствуют бандиты, грабят и снимают с прохожих и проезжих всю мануфактуру. Недели две тому назад понахлынуло сюда губначальство, арестовало главных деятелей исполкома и отправило в место не столь отдаленное. Объявлено военное положение. Мобилизовано 10 %» [76*] (Гомельская губерния, Чаусы, 30 июля 1919 г.).

«Кроме белых и красных, появились еще зеленые черти, банды которых состоят из дезертиров» [77*] (Петроградская губерния, Луга, 4 июня 1919 г.).

«Нас поколотили зеленые банды. Пришли ночью, и стучат в ворота, и говорят: «Пустите красноармейцев погреться». Отец пошел и отпер, думали, правда, красноармейцы, а они оказались зелеными. Как пришли в хату, так начали все колотить, искать. Забрали кожух батькин, часы, шапку. Скоро ушли и пошли к соседу, взяли жеребца и некоторые мелочи» [78*] (Минская губерния, Хилокенчи, 11 декабря 1919 г.).

«У нас каждый день насчет войны собрание, хотят перейти на сторону зеленой гвардии, у нас уже послали из деревни делегатов, не знаем, что будет, большевики все хотят отказаться, да их не пускают» [79*] (Саратовская губерния, Дуранкино, 25 июня 1919 г.).

«У нас был приказ идти на военную службу, но в деревне говорят: «За что мы будем воевать, на кого, друг на друга и брат на брата?» [80*] (Смоленская губерния, Пинка, 8 августа 1919 г.).

«Идет мобилизация, [...], но никто не идет, все живут дома, смеются, что только дураки ушли» [81*] (Нижегородская губерния, Починки, 4 августа 1919 г.).

«Павла с Мишей скоро погонят на комиссию. Они, наверное, останутся, потому что, когда идти, они курят резину и из-за этого остаются» (Витебская губерния, Вирхощиземское, 29 августа 1919 г.).

«Сосед предложил за немалые деньжонки розовый билет. У него большое знакомство в комиссариате. Он сам остался и многих оставил. Все, что заработал на Сухаревой, пошло на это дело, и, никуда не ходя, я получил розовый билет, чистую отставку» [82*] (Московская губерния, Коломна, 29 ноября 1919 г.).

«Нахожусь в мест[ечке] Краснополье, выгоняем дезертиров и мобилизованных, делаем у евреев обыски, находим много мануфактуры, соли, хлеба, сапожного товару, очень много шелку. Сейчас получаю 350 руб. в месяц и командировочные, но много встречается спекулянтов; с этого возьмешь 1000, а то и более, смотря что везет; когда что отымешь, продаешь или обмениваешь в деревне на хлеб или сало. У нас 4 пулемета» [83*] (Гомельская губерния, Орша, 28 июня 1919 г.).

«Поедем в Петроград на комиссию, повезем пуд муки, так как говорят, что за пуд муки отпускают по чистой. Яровые ничего, только жить плохо» [84*] (Ярославская губерния, Мартиницы, 28 июля 1919 г.).

«Сегодня наших дезертиров забрали отряды. Грустная картина: я видел, как провожали их жены с малолетними грудными ребятишками, сколько горя в лицах этих несчастных людей» (Владимирская губерния, Климово-Муромское, 10 августа 1919 г.).

«Дезертиров забирают всех на фронт. Мы ехали с дезертирами, и они говорят, что зачем вы воюете. Я уже с ними поругался, а они говорят, что хлеба нет и воевать нечего, когда семья помирает с голода. Здесь мы едем, и нет куска хлеба, и купить негде» (Тульская губерния, Узловая, 23 июля 1919 г.).

«Вчера поехали добровольно масса дезертиров со всех сел. Не ехать плохо и ехать тоже плохо, потому что нужно брать все свое, а ты знаешь — у меня последние сапоги» [85*] (Тамбовская губерния, Старое Юрьево, 26 июля 1919 г.).

«Сделали собрание, и все решили идти на фронт. Было объявлено: у кого дезертиры — отберут все: и хлеб, и скотину; и все напугались, так как хлеба у всех очень мало и дома делать нечего» [86*] (Владимирская губерния, Спас-Юрцево, 10 августа 1919 г.).

«Полтора месяца я был дезертиром, но теперь иду в Красную Армию, так как сенокос окончил и вообще убрал тяжелую работу» (Ярославль, 5 августа 1919 г.).

8. «У нас кругом повстанческие восстания...»

«Мобилизация 1899 — 96 годов [рождения] пока не удалась, потребовали на месте обмундирование, оружие и чтобы у власти не было ни одного жида, а также Ленина и Троцкого, и полное обеспечение семей не деньгами, а натурой. Уже собираются на повстанку, уже все почти вооружились, и если кто из советских тронет хотя одного, то уничтожат всю команду и жидов» (Черниговская губерния, Городня, 25 июня 1919 г.).

«У нас хоронили убитых 6 человек красноармейцев. Их убили в Войковском лесу: все они были искусаны и изрезаны. Все те, которые тиранили, попались, их всех расстреляли. Очень много попалось баб» [87*] (Владимирская губерния, Юрьев-Польский, 2 июня 1919 г.).

«На станции Конобеево идет народ на Красную гвардию, потому что поезда не ходят; голод пришел, все волнуются и бьют солдат, как мух» [88*] (Владимирская губерния, Орехово-Зуево, 7 июня 1919 г.).

«В городе Юрьеве восстали дезертиры вместе с белыми. Теперь слышно то же в Александрове» (Владимирская губерния, Муром, 8 июня 1919г.).

«Юрьев зеленой армией из дезертиров взят, и Совет разогнали, далее продвигаются к Иваново-Вознесенску. Орехово на военном положении ввиду того, что пошумели, не давали пайки хлеба» (Владимирская губерния, Орехово-Зуево, 7 июня 1919 г.).

«Дезертиров развелось очень много, и у них есть свои штаты и управления... Расклеивают прокламации «Да здравствуют зеленовцы, да здравствует Учредительное собрание» [89*] (Владимирская губерния, Святовицы, 23 июля 1919 г.).

«Мобилизация чуть не каждый день. Сгорел пулеметный завод, был пожар в железнодорожных мастерских. Подожгли мобилизованные. Мстят за то, что их взяли» (Владимирская губерния, Ковров, 23 июля 1919 г.).

«В Юрьевском было восстание крестьян 15 000 человек, почти во всех комиссариатах сожгли дела и бумаги и убили многих комиссаров. Это восстание называют

кулаческим, но это неправильно. Тяжело от этой возни крестьянам. В деревне и в провинции у власти в большинстве случаев попадают чуть ли не преступные элементы, которые перекрашиваются в коммунистов, распоряжения, исходящие из центра, искажают и в большинстве случаев делают по-своему» (Москва, 26 июля 1919 г.).

«На этих днях было восстание женщин и детей, ходили с белыми флагами: «Долой войну, нам нужно хлеба». Теперь разрешили провоз» (Владимирская губерния, Орехово-Зуево, 28 июля 1919 г.).

«Наш город был оцеплен Красной Армией. Несколько сел и деревень явились утром и начали громить советские учреждения. Потом на артиллерийском и оружейном складах забрали все винтовки, и по всему городу началась стрельба. Красноармейцы и все советские спрятались на вокзале, зеленые забрались на колокольню и оттуда из пулеметов стреляли на станцию. Потом из Александрова и Иванова приехали красноармейцы и разогнали» [90*] (Владимирская губерния, Юрьев-Польский, 29 июля 1919 г.).

«В Березинской волости было восстание, которое, как видно, пришлось усмирить с помощью оружия. Волостной совет был разогнан, были жертвы» (Владимирская губерния, Тихоновское, 2 августа 1919 г.).

«Во Владимирской губ[ернии], городе Юрьеве восстали крестьяне и дезертиры и захотели сбросить советскую власть, но власть они не сорвали, но только сорвали вывеску с Совета, и вот их там за это покрошили и сейчас приняли строгие меры» [91*] (Ярославль, 12 августа 1919 г.).

«Они хотят взять [на военную службу] за пять [призывных] лет, но все равно никто не пойдет, т. к. советская власть должна скоро кончиться. На крестьян наложили налоги, но они не платят. Восстали против советской власти и говорят, что от нее толку нет, один только голод» (Владимирская губерния, Груздево, без даты).

«Было предписание вести лошадей и стригунов для того, чтобы мобилизовать, но тут вышло дело иначе. В Никульской волости и в нашей сделали организацию, пошли в Паршу без лошадей, и пошли впереди всех дезертиры и вызвали организаторов, приказали ему (так в документе. — *Авт.*) все дела комиссариата сжечь, что он и исполнил. Потом пошли в село Пиногор [...] реквизиционный отряд прогнали и поколотили, оружие отобрали. В настоящее время идет организация всех волостей, даже и Суздальского уезда. Вынесли резолюцию

собранием, чтобы лошадей не давать, дезертиров чтоб не было, а все равны, и в солдаты никому не ходить; кто находится на службе, чтобы все шли домой, и хлеб реквизирован не был» (Ярославская губерния, станция Старково, 24 июня 1919 г.).

«Зеленогвардейцы разбили в селе Красном Совет. Николаевская и Красносельская волости пошли против власти, а наша деревня, трусы, пошли за власть» [92*] (Ярославль, 24 июня 1919 г.).

«У нас идут большие беспорядки, все волости взбунтовались против Советов и сшибли Советы, но только на два часа. Выбрали председателей, руководителей, но ничего не вышло, только хуже вышло: очень много арестов» [93*].

«Здесь недавно было восстание, много постреляли, прибыла масса поездов с красноармейцами. Восстали все деревни от Волги до Маслова, но, конечно, без толку» (Ярославль, 18 июля 1919 г.).

«Крестьяне восстали против Совета, но Красная Армия все ликвидировала. Несколько попались, были расстрелы» (Ярославская губерния, Закобякино, 18 июля 1919 г.).

«Взбунтовалась вся область, хотелось им смыть эту власть, но ничего не сделали» (Ярославская губерния, Пошехонье, 23 июля 1919 г.).

«Было восстание против советской власти, началось оно приблизительно 28 июня и кончилось в июле, числа 10 или 11-го. Охваченных местностей было действительно много: Любимский, Даниловский и часть Пошехонского уездов. Восстанием руководили выдающиеся из деревень. В числе их был военрук нашей волости, а мужики шли кто насильно, а кто по своей воле. Но была установлена мобилизация от 16 до 60 лет. Было убито несколько человек и расстреляно за контрреволюцию» (Ярославская губерния, Суховская, 23 июля 1919 г.).

«После твоей отправки у нас был бунт. Крестьяне сошли с ума; с вилами, с топорами пошли гнать, целую неделю безобразничали, но многих арестовали. Буржуйчики радовались, но приехали красноармейцы и всех разогнали. Зеленой армии жертвовали хлеб, масло, яйца и все что надо. Надавали лошадей, откуда что взялось. Если бы помогли Красной Армии, давно бы война кончилась» [94*] (Ярославская губерния, Семеновское, 25 июля 1919 г.).

«У нас почта не ходила. Была война, сшибали Советы. К нам приезжали красноармейцы, 3 батальона с пулеметами, но у нас боев не было, сдались без боя» (Ярославская губерния, Лобаново, 27 июля 1919 г.).

«У нас было восстание в Даниловском у[езде] против Советов. Пострадало много невинных благодаря этим несчастным зеленым бандитам» (Ярославская губерния, Данилово, 29 июля 1919 г.).

«У нас недавно было восстание. Расправа очень жестокая, повесили человек 20 и убили 100» [95*] (Ярославская губерния, Прилуки, 30 июля 1919 г.).

«Наша волость и уезд выступили 8 мая, а другие дураки стали присоединяться. На станции Путятино был штаб Красной Армии, и там теперь красуются две большие братские могилы. В Богородской волости расстреляно 55 человек, а в Бухоловской — неизвестно. В Залужской расстреляно три человека, и всем нашим дуракам, никого не исключая, нахлестали» (Черниговская губерния, Бесонин, 30 июля 1919 г.).

«Нашу деревню сожгли красноармейцы. У нас была междоусобная война. Две волости открыли стрельбу по красноармейцам, которые ездили и искали дезертиров. Крестьяне пошли на них войной, да трудно с ними бороться, потому что они вооружены» (Тверская губерния, Торжок, 18 июля 1919 г.).

«Было большое восстание, которое разыгралось в 10 верстах от станции Кувшиновка, в 85 верстах от Торжка. Около 8000 дезертиров под предводительством царского генерала и золотопогонника, командира бывшего л[ейб]-гвардейского Семеновского полка полковника Назимова захватили несколько волостей и мобилизовали все крестьянское население от 18 до 50 лет, а также и женщин, но более или менее сознательные крестьяне, которые не хотели идти с ними вместе, были расстреляны на местах. У крестьян отбирали все, как, например, хлеб, творог, молоко и скотину» [96*] (Тверская губерния, Торжок, 21 июля 1919 г.).

«Наш Кузьминский волостной комитет весь разбили, 6 чел. убили до смерти» (Кострома, 9 июня 1919 г.).

«Вчера весь Совет разбили, и в Краснове тоже, и в Бурмакине. Сегодня во всей волости [...] дома и в управлении иконы поставили, и портрет царя повесили, и молебен отпели» (Костромская губерния, Никольское, 27 июня 1919 г.).

«Народ пытается окружить красноармейцев, приехавших отбирать хлеб и, по-видимому, отнять оружие, но они разбегаются и стреляют вверх» (Нижегородская губерния, Мухтолово, 5 июня 1919 г.).

«В Болхове, кажется, скоро разразится гроза. В воскресенье на митинге рабочие совершенно отказались идти на войну... Орловские представители страшно возмутились» 97* (Орловская губерния, Болхов, 30 июня 1919 г.).

«У нас дезертиры разбивают все [до] одного Совета. Долой войну, дайте президента» 98* (Пензенская губерния, Чембар, 8 июля 1919 г.).

«Было у нас восстание, очень много побили коммунистов» (Симбирская губерния, Большие Березняки, 12 июня 1919 г.).

«У нас кругом повстанческие восстания, жидов поголовно всех вырезают, и нам дают подзатыльники, а именно советским служащим» (Киев, 3 июня 1919 г.).

«Крестьяне хоть и признают советскую власть и считают ее истинной властью народа, но коммуну устраивать ни под каким видом не хотят, на этой почве происходят очень часто восстания против советской власти. Эти восстания сопровождаются громадными кровопролитными боями, т. к. у крестьян есть много оружия» (Киевская губерния, Узин, 8 июня 1919 г.).

«Советским правительством недовольны, слишком сильны у нас кулацкие элементы в деревне и слишком большой процент евреев,— благодарный способ борьбы с советской властью [...] крестьяне восстают на жидов» (Киев, 12 июня 1919 г.).

«Брожение сильное на Украине и в Киеве. Троцкий был в Киеве. Его освистали, и он убежал скорее из Киева... Все крестьяне против большевиков: разрушают жел[езные] дор[оги], обстреливают эшелоны с красноармейцами, евреев режут сильно» (Киев, 14 июня 1919 г.).

«Мобилизация лошадей; услышав, что в соседнем хуторе продотрядчики наставляют в грудь винтовки, крестьяне схватили колья, четырех продотрядчиков обезоружили и хотели повесить, но более сознательные крестьяне победили» 99* (Полтавская губерния, Миргород, 15 июня 1919 г.).

«Идет борьба между советской властью и народными повстанцами — соколовцами, отчего жертвами падают преимущественно евреи, через что все вздорожало» (Волынская губерния, Житомир, 29 июля 1919 г.).

«8 июля в Новоградволынске появилась банда повстанцев под предводительством Соколовского и устроила бойню; убили всех советских работников и мирных жителей более 1000 человек; больше всего пострадало, конечно, еврейское население. В восстании участвовало более 20 тыс. крестьян. В ту же ночь часть этих бандитов появилась в Корце, обезоружили милицию и убили несколько человек из советских работников. Когда они появились, то начались сейчас же грабежи и убийства» (Волынская губерния, Сливута, 18 июля 1919 г.).

«Граждане деревни, собравшись на сходке, постановили написать приговор и просить уездный земельный отдел, чтобы разбить всю деревню на пятидворные поселки. Уезд утвердил и постановление. Некоторые из граждан взбунтовали всю деревню, собрали всю деревню и постановили: «Не хотим коллективов, это нас гонят в коммуну». На следующий день тоже сходка и так озверели, что началось избиение. Первенствующую роль играют дезертиры» (Гомельская губерния, Пиряш, деревня Богдановка, 28 июля 1919 г.).

9. Коммунисты

«Некоторые товарищи залезли в партию как волки в овечьи шкуры, но как узнали про мобилизацию коммунистов, то, как пчелки, стали вылетать из ячейки» [100*] (Курская губерния, Обоянь, 25 июля 1919 г.).

«Когда объявили коммунистам идти на фронт, то они стали правее кадетов и записались в зеленую армию» [101*] (Тамбовская губерния, Кулики, 9 июля 1919 г.).

«Здесь нет никакой партийной работы, нет даже коммунистической ячейки. Газет нет. Все в один голос ожидают Деникина. Там были коммунисты, пока их не мобилизовали, а тогда они стали кадетами, это такие рабочие. Спекуляция очень развита» [102*] (Гомельская губерния, Шумячи, 15 августа 1919 г.).

«Коммунисты все дезертиры. Когда им дали свободу обирать крестьян, они все были коммунисты, когда же на фронт — все бегут» [103*] (Смоленск, без даты).

«Хлеб хотят взять на корню, но тогда народ восстанет на советскую власть и на коммунизм, и так уже никто не идет защищать советскую Россию и революцию... Все мы видим: нет порядка, только и норовят, как бы ограбить, карман набить; большой тормоз сделали коммунисты:

когда сидели у власти, очень гордились, а как попросили их на фронт, то они стали прятаться по лесам и полям и повели за собой массу призываемых годов, а на защиту революции не хотят и смотреть» [104*] (Воронежская губерния, Верхнекотуховка, 15 июня 1919 г.).

«Настроение в народе против советской власти. И как не быть против, когда наши коммунисты распоряжаются в тылу, как сами хотят. Придут к тебе в дом и отберут все ценные вещи и уходят, а на фронт идти не хотят. Нас грабят до основания и еще хотят, чтобы мы за них головы свои клали. Крестьяне все люди беспартийные, и им из-за прав нечего воевать» [105*] (Тверская губерния, Поречье, 20 июня 1919 г.).

«У нас партия разбрелась, которые на фронт отправлены, а то какие уже трусят. На партийные собрания никто не ходит, и я уже не хожу, а билеты на руках у нас» [106*] (Владимирская губерния, Новые Горки, 23 июня 1919 г.).

«Партийная мобилизация пензенской организацией проведена, но мобилизованных всего человек 5, и они еще не выехали. Партийную же мобилизацию они провели ради своих шкурных интересов, потому что они должны явиться по общей мобилизации. Получив удостоверение, что они мобилизованы по партийной мобилизации, они по месяцу сидят в Пензе, ходят по улицам и зарабатывают деньги, а предлогом для сидения в Пензе они взяли отсутствие денег для отправки мобилизованных. Пользуясь этим, мобилизованные продолжают жить дома» [107*] (Пенза, 30 июля 1919 г.).

«Настроение населения здесь контрреволюционное, ожидают Колчака. Главным образом их заставили плохо думать о Советах и коммунистах действия местных советских работников (коммунистов): пьянство свирепствует вовсю, мало отличается от времен царизма. Сами комиссары ходят пьяные. За водку штрафуют на 1 тыс. руб., когда они одну четверть продают за 10 тыс. руб. Между организациями и даже отделами нет никакой организованности» (Тамбов, 15 июня 1919 г.).

«Комиссары все делают не так, как надо. К нам привозили овес для раздачи красноармейцам, и вышло так, что красноармейцы ничего не получили, а получили только те, кто эксплуатирует чужой труд... У нашего сельского комиссара имеется сын, который находится

при нем, и его так устроил, что он все время проживает при нем» (Калуга, 15 июня 1919 г.).

«У нас творилось недопустимое хулиганство царями-комиссарами. Самого воротилу Поречья Мясоедова арестовали, также и другого на словах коммуниста, подрывателя советской власти Кедрова. Жизнь у нас начинает налаживаться, народ начинает чувствовать свободнее, освободившись от бандитов-комиссаров» [108*] (Смоленская губерния, Поречье, 16 июня 1919 г.).

«Своими грубыми и безобразными действиями советские чрезвычайкины сыны напоминают собой николаевских жандармов» [109*] (Минск, 30 мая 1919 г.).

«Приехал из Москвы комиссар ячейки Синицын, только не могли узнать, какой это ячейки он; пришел к нам пьяный и угрожал, если мы ему не дадим самогонку, то убьет» (Гомельская губерния, Кряжичи, 3 июня 1919 г.).

«Как нам надоели красноармейцы, которые у нас живут, даже стыдно сказать, что это защитники Родины, это просто грабители и самогонщики... Коммунист, имя ему Борис Герасимов Синицын, и брат его здесь в 8 продовольственном транспорте командиром, тоже любит самогонку и пьет ее больше, чем Роза чаю» [110*] (Костромская губерния, Княжичи, 19 мая 1919 г.).

«Настроение масс очень плохое, все крестьяне против коммунистов, да их очень мало. В Совете сидят контрреволюционеры и возмущают трудовой народ. В городе есть соль, а ее не выдают, вся пропадает» [111*] (Нижегородская губерния, Большое Андохово, 15 июля 1919 г.).

«У нас в деревне каждый день людей казнят смертной казнью, а сами сидят и кушают белый хлеб с маслом и ветчиной, что отняли у крестьян, вином заливая. Собственными глазами вижу, как они по полу бросают, когда пьяные, а на фронт не идут, говорят, что фронт для дураков» [112*] (Нижний Новгород, 23 августа 1919 г.).

«Куликов, комиссар продовольствия, Сельдяков, директор правления, и Иванов, член Продов. (так в документе.— Авт.), потратили 43 миллиона. Итак, видишь, одни наслаждаются, а другие голодают» (Московская губерния, Орехово-Зуево, 14 июня 1919 г.).

«Из Москвы в Подольск приехала летучая ревизионная комиссия проверять деятельность советских учреждений. Уже ковыряют немилосердно грешки наших комиссаров» [113*] (Московская губерния, Подольск, 16 июня 1919 г.).

«Нашу коммунистическую ячейку немного почистили. Некоторых арестовали, некоторых исключили из партии, а некоторых собираются исключить и передать суду. Все это сделано комиссией, присланной из уездного [города]» [114*] (Московская губерния, Балашиха, 10 августа 1919 г.).

«Недавно произошел случай, довольно поразивший всех: был арестован комиссар из латышей. При обыске у него оказалось, по его собственному признанию, безделушек (золото и драгоценные камни) на два миллиона руб.; его посадили» (Самарская губерния, Екатериноград, 15 июня 1919 г.).

«В Совет, который действительно был выбран крестьянами, а не навязан, как прежний, не прошло ни одного коммуниста» [115*] (Тверская губерния, Павлюхи, 19 июня 1919 г.).

«В Советах ни одного коммуниста, а в обществе порядка нет» [116*] (Нижний Новгород, 24 июля 1919 г.).

«Настроение здесь резко отрицательное к РСФСР, говорят: «Комиссары сидят у себя на печи и дрожат за свою шкуру проклятую» [117*] (Ярославская губерния, Смешково, 15 июня 1919 г.).

«Я потерял веру к большевикам, так как везде все обман, везде только свои карманы нагружают, а крестьян совсем угнетают» (Архангельск, 16 августа 1919 г.).

«Такой беспорядок в нашей советской республике, что не дай Господь. Вожди наши такие, что и говорить. Коммунисты, а для себя строят дома капитальные» [118*] (Курская губерния, Суджа, 30 июля 1919 г.).

«За мной ухаживает комиссар. Он занимает буржуазную квартиру, обещает одеть меня как картинку, катает меня на автомобиле. На квартире у него чего только нет: несколько пар сапог с лакированными голенищами, разные туфли, каракулевое пальто, рис, масло, хлеб. Он говорит, чтобы я торговала на рынке материями, которых у него черт знает сколько. Комиссар сделал себе и мне на заказ обручальные кольца, толстые, массивные» [119*] (Петроград, 21 августа 1919 г.).

«Советская власть работает так: выбирается на 3 мес[яца], три месяца прослужит, а потом другая карманы себе набивает. Кто побудет в советской власти, тот навозит себе леса из нашего [леса] сколько ему надо. Весь наш Совет выгнать бы, только все и везде грабят» (Нижегородская губерния, Троицкое, 13 августа 1919 г.).

«Везде покосу прибавили, а нам не дали, все земельные отделы и землемеры за кулаков. Приезжал землемер прибавить покоса и хотел наш покос отобрать. Дядя подарил ему яиц да масла, и он составил акт только с его слов, а наши слова не принимал. Советские служащие любят подарки, а за подарки продают свою душу кулакам и буржуям» [120*] (Ярославская губерния, Стилово, 1 августа 1919 г.).

«Везде воровство и хищничество. Кругом не услышишь и слова в пользу советской власти; не знаю, как бы стал защищать и навязывать ту власть, которая не нравится большинству» [121*] (Смоленская губерния, Холм-Жирковский, 27 июня 1919 г.).

«В Советах одни саботажники, чего хотят, то и делают, каждый только жнет себе в карман, как было и при Николае II; нет никаких порядков, кто чего знает, то и делает» [122*] (Симбирская губерния, Барьинская слобода, 11 июля 1919 г.).

«Опять записался в коммунистическую ячейку. Вы сами знаете, что ни один коммунист плохо не живет» (Гомель, 25 августа 1919 г.).

«Если можешь, то выпиши себя из партии, потому что у нас партийным достается от белых» (Витебская губерния, Чашники, 28 августа 1919 г.).

«Порядок очень плохой. За делом смотрят плохо и принуждают записываться в коммунистическую партию, но на нее здесь смотрят плоховато, да и солдаты говорят, что коммуны у нас не должно быть; мы идем воевать не за коммунистов, а за советскую власть» [123*] (Оренбургская губерния, Челябинск, 18 ноября 1919 г.).

«Народ настолько еще серый, политикой никто не занимается, если был бы один коммунист, то его считали бы преступником, даже и в волости нет ячейки, все беспартийные» [124*] (Костромская губерния, Починск, 3 августа 1919 г.).

«Я юная коммунистка. Передо мной открываются широкие перспективы будущего. Я так хочу жить, работать, но и умереть не боюсь, умереть с честью и с сознанием исполненного долга честного человека» [125*] (Москва, 1 июля 1919 г.).

«По прибытии нашем в полк на коммунистов смотрели как на преступников уголовных, но теперь мы заслужили общую симпатию, в настоящее время у нас много коммунистов» (145-й стрелковый полк, 21 июня 1919 г.).

«Начальники наши хорошие, наверно, из крестьян, разговаривают с нами. Предлагали, даже просили нас записываться на курсы красных офицеров. Не знаю, как быть, что-то никто не пишется. Нужно становиться партийным и ответственным перед властью; дальше от моря — меньше горя. На занятия еще не ходим, потому что не выдали обмундировку» [126*] (Западный фронт, 20 июня 1919 г.).

10. «Все ждут перемены власти...»

«Все ждут перемены власти и посылают, конечно, проклятия большевикам» (Киев, 14 июня 1919 г.).

«Деревня в сравнении с прошлой весной поправела чуть не до самого монархического направления» [127*] (Тверская губерния, Старица, 13 июня 1919 г.).

«Я проклинаю эту власть, скорей бы свергнули ее долой, чтобы им не подчиняться, жидам, и подчиняться своему богу, долой их всех» [128*] (6-я рота 6-го стрелкового полка, 26 июня 1919 г.).

«Все с большой надеждой ждут, и в глубине — с сочувствием, Колчака, ожидая, что при его пришествии с тем количеством денег, которым все они запаслись, они не только не пропадут, а, напротив, заживут припеваючи. Наш исполком угощает себя изредка самогоном, и, я думаю, при первой же возможности с ним погибнет советская власть» [129*] (Ярославская губерния, Вешажанково, 12 июня 1919 г.).

«Все взоры народа обращены на восток, откуда ожидают своего избавителя Колчака, который свергнет ненавистное всем иго коммунизма» (Калужская губерния, Хвостовичи, 9 июня 1919 г.).

«Рабочие говорят, что они дальше это жидовское правительство не хотят защищать» [130*] (Екатеринославская губерния, Нижнеднепровск, 1 июня 1919 г.).

«Пишешь, что скоро победите врага; не друга ли думаете победить, не за врага ли вы воюете. По-моему, это наши враги, т. к. по их милости мы голодаем. Раньше я сам поддерживал их среди своих мужиков... никто не пойдет за них воевать, т. к. семья помрет с голода, никто ее не обеспечит» (Киевская губерния, Знаменка, 5 июля 1919 г.).

«Многие наши крестьяне ожидают, и почти вся Минская округа тоже, белых, а потому что наши товарищи

красноармейцы поступают не по правилам. При отступлении делают большие грабежи. Грабят коров, лошадей, жеребят, одежду и все, что попадется. Часто много мирных жителей падают жертвами» (Гомельская губерния, Быхово, 25 августа 1919 г.).

«Придет Колчак, не будет такого беспорядка, хоть будет хуже, а будет порядок и хлеб... » [131]* (Тверская губерния, Зубцово, без даты).

«У нас на фабрике говорят, что скоро придет Колчак; народ не дождется, скоро ли это установится» [132]* (Московская губерния, Щелково, 14 июня 1919 г.).

«Крестьяне ждут Деникина, верить не хотят, что советская власть тверда» [133]* (Орел, 12 августа 1919 г.).

«У нас в Саратове все ждут Деникина» [134]* (Саратов, 6 августа 1919 г.).

«У нас стоят солдаты 600 человек, 6 человек на квартиру, с часу на час ждут белогвардейцев на наше село. Некоторые солдаты ходят по кладовым и отбирают, что им надо. Пособия мы еще не получили» [135]* (Костромская губерния, Мисковская, 26 июля 1919 г.).

«У нас все-таки Колчака ждут, как Бога» [136]* (Нижегородская губерния, Кекино, 22 августа 1919 г.).

«Есть недовольство советской властью, но также есть определенное нежелание стремиться и способствовать Колчаку» (Новгородская губерния, Бологое, 20 июня 1919 г.).

«Несознательные массы хохлов не хотят идти против Деникина, борются только рабочие» [137]* (Харьковская губерния, Богодухов, 18 июня 1919 г.).

«Наши мужички никак не дождутся, когда придет Колчак, урожай плохой, хуже летошнего, рожь очень редкая, был град и все переломал» [138]* (Нижегородская губерния, Крестовниково, 30 июля 1919 г.).

11. «Опишу тебе про зверства белых»

«Надо во что бы то ни стало победить белогвардейцев, потому как они жестоки. Надо освободить население от ига их, они мирное население очень мучают, а за сочувствие к Советской власти сразу расстреливают, даже женщин и детей, были слухи, что детей били об угол головой. Коммунистов расстреливают и вешают на видном месте с надписью «коммунист» (12-я рота 1-го советского стрелкового полка, 22 июня 1919 г.).

«От зверств белых надо избавиться. По поступающим сведениям от пленных, зверство белых ужасно всему населению, а в особенности молодым девушкам. Коммунистов расстреливают» [139]* (12-я рота 1-го советского стрелкового полка, 24 июня 1919 г.).

«Белые творят зверства, местных крестьян гоняют в окопы, раздевают пленных, коммунистов вешают на первом попавшемся сучке» (35-й стрелковый полк, 16 августа 1919 г.)

«В нашем полку 200 перебежчиков от Колчака, они рассказывают, что их за вопросы, за что они идут воевать, больше половины расстреляли, и офицеры за каждую провинность бьют плетями» [140]* (1-я рота 444-го Вологодского полка, 1 августа 1919 г.).

«Вот теперь я окончательно узнал, что творят белые; это действительно мародеры и злодеи трудового народа» [141]* (Команда связи 11-го полка, 24 июня 1919 г.).

«Все население поголовно бежало с белыми, побросали дома, скот, имущество и бежали куда глаза глядят. Белогвардейцы запугивали население, что красные режут всех и все, но вышло наоборот: они за 2-месячное пребывание выкололи в Воткинске 2000 женщин и детей, даже женщин закапывали за то, что они жены красноармейцев. Разве они не изверги-душегубы. А большинство казанского населения желают испытать такого же счастья. Так вот как красиво поступают цивилизованные круги. Теперь жители возвращаются с другими убеждениями и уважением к советской власти, потому что она гуманна даже со своими врагами» (Вятская губерния, Воткинск, 25 июля 1919 г.).

«Я теперь нагляделся, что делают белые в Вятской губ[ернии], в 30 домах оставили одну лошадь, а то все забирали. Рабочих расстреливали, а трупы жгли на костре. Крестьяне там платят большие налоги, с бедняков берут 1000 руб. Белые закололи более 300 чел[овек]., не считаясь с женщинами и детьми, у кого служит сын, все семейство вырезают. Где были схоронены красные, то вырывали, обливали керосином и жгли» (Вятская губерния, Ижевка, 14 июля 1919 г.).

«В плену Деникин творит страшные зверства. В деникинском войске началась страшная паника, потому что в деревнях начинают организовываться крестьянские партизанские войска. В Караче расстреляно много

красноармейцев и служащих» (Курская губерния, Курск, 28 июля 1919 г.).

«Белогвардейцы очень обижают население, особенно матерей красноармейцев хлестали розгами, а жен и детей рабочих нагрузили две баржи, отправили вглубь и сожгли, когда стали отступать. Жители были очень рады, что пришли их спасители красные» (Нижний Новгород, 2 июля 1919 г.).

«Негодяи бросили у ворот бомбу, и в результате зверства оказалось 8 человек убитых, и это дело культурных людей — освободителей, в конце концов, они вызовут массовый террор с нашей стороны, и все заложники с их стороны будут в крайнем случае уничтожены за их зверства» (Петроградская губерния, Ораниенбаум, 4 июля 1919 г.).

«Все плохо, а хуже нет казацкой плети. Она никого не щадит — ни старого, ни малого. Казаки не дали нам никакого продовольствия, а отнимали одежду, мало того, что грабили, но приходилось самому отнести без одной копейки [оплаты], если не отнесешь, то к полевому суду. Много расстреляно мирных жителей, не только мужчин, но и женщин, а также ребятишек. Отрезали ноги, руки, выкалывали глаза» [142*] (Самарская губерния, Новоузенский уезд, 20 июля 1919 г.).

«Легионеры с народом обращаются плохо, требуют всего, чего им только захочется... Грабят и плеткой стегают по всем правилам и угрожают пожаром и всеми карами... забирают все... Когда легионеры приезжают в село, то все прячутся, а молодежь убегает, они догоняют и стреляют... Из дома кого вытащат, тоже уложат, не смотрят, старый или малый, все равно» [143*] (Минская губерния, Слуцк, 28 июня 1919 г.).

«Белогвардейские банды сделали наступление и заняли Жалыбек на несколько дней. Зажгли вокзал, мельницу, амбары, хлебные поезда, пакгауз, ограбили жителей догола, разграбили все учреждения, взяли с нашего исполкома полтора миллиона денег и удрали. Были жертвы» [144*] (Астраханская губерния, Астрахань, 9 августа 1919 г.).

«От нас недалеко стояли казаки и в Баланде расставили тысяч 18 солдат, почти насильно по избам. Крестьяне все ужасно недовольны их озорством, они забираются в сады, огороды и т. д.» [145*] (Саратовская губерния, Баланда, 10 июля 1919 г.).

«Казаки, как только занимают нашу местность, так самых лучших лошадей отбирают» (Воронеж, 26 июля 1919 г.).

«К нам приходили белые, многих по-зверски избили и расстреляли. Белые все разгромили и скотину всю увели. Белые мобилизовали до 35 лет. В Уче расстреляли 60 красноармейцев, попавших в плен; у пленных отнимают все что есть и отбирают деньги» (Вятская губерния, Вятская Поляна, 18 июля 1919 г.).

«Весной была у нас белая армия, и вот тогда приехали наши богачи. Начали делать обыски, арестовали, потом начали стегать плетью, так что которому попало штук по 200 ударов» (Вятская губерния, Каракулуп, 18 июля 1919 г.).

«Белые у нас весь овес вывезли, не успели посеять, а также вывезли у нас вещи и одежду» (Вятская губерния, Люк, 13 августа 1919 г.).

«Встретили бежавших от казаков целыми селениями на волах и лошадях, ведя за собой целые табуны скота из Донской области» [146*] (Саратовская губерния, Аткарский уезд, село Юнгеровка, 28 июля 1919 г.).

«Ты спрашиваешь про белых, и как они с нами обращались. У нас были одни чеченцы, очень бесчинствовали, лезли в сундуки, требовали денег, грозя кинжалом и говоря: «Секим башка» (Орловская губерния, Соломатино, 7 ноября 1919 г.).

«Белые у нас были 2 нед[ели], очень никому не понравились, такие грубые сибирские хохлы, а начальство не допускает ни слова, бьют плетями и отбирают хлеб и скот без копейки. У нас до белых мужики говорили, что красные нас грабят; нет, вот сибирские приезжали, награбили у нас в уезде добра; взяли 3 красноармейцев, раздели донага и очень били и в Криченах их расстреляли...» (Казанская губерния, Кричены, 16 июня 1919 г.).

«Пришли белые банды, и мы очутились в плену у Колчака. Не дай Бог очутиться в руках этой сволочи, лучше взять в атаку и погибнуть на поле брани. Ужас, что пришлось видеть и слышать. Дня не проходило, чтобы кого-нибудь не пороли плетью. Меня спас мой листок об освобождении по болезни при Николае Кровавом; я служил ему, так у меня не было обыска» [147*] (Ижевск, 2 июля 1919 г.).

«В Сибири в настоящее время царский старый режим. Все буржуи, капиталисты, помещики, генералы

и адмиралы сели опять на шею крестьян и рабочих. Крестьян душат податями, такие налоги наложили на крестьян, что невозможно никак уплатить. Хлеб дорогой, пуд ржаной муки 60 руб».[148]* (Вятская губерния, Проскица Александровская, 26 июля 1919 г.).

«При мне собразовалась учредиловка, которая водила в контрразведку, сажала в тюрьмы и расстреливала рабочих. Колчак торговал в городах водкой, только на николаевские деньги, рубль полведра» (Уфа, 21 июля 1919 г.).

«Ну что наделали белые, это прямо волосы дыбом становятся. Сколько всего сожгли, сколько всего забрали, остались у людей поля не обсеяны. И как они поступали, это невыносимо» (Вятская губерния, Уржум, 27 августа 1919 г.).

«Колчак здесь находился 5 месяцев, отобрал все керенки, многих перестрелял, порол плетью бедняков, ограбил их, месть была страшная, много было невинных жертв» (Пермская губерния, Кунгур, 8 августа 1919 г.).

«Перебежчиков от Колчака полон город, и все говорят, что у него скверно. Отбирают лошадей, коров и угоняют табунами. Берут за землю громадные налоги, вся Сибирь недовольна» (Уфа, 28 июля 1919 г.).

«Опишу тебе про зверства белых. Они обижали крестьян, выменивали деньги на сибирские знаки, которые выпустили на 1 год. ...Отобрали лошадей, телеги и все, что нужно для них, бездельников. Секли нагайками за каждый проступок, расстреляли очень много, сажали в тюрьмы» (Пермская губерния, Мотовилиха, 19 июля 1919 г.).

«Белые у крестьян отняли все керенки, деньги эти в ход не идут, массу крестьян расстреляли. Все идут добровольно в Красную Армию. В Сибири рабочие и крестьяне против Колчака. Он вывез весь хлеб и не дал засеять поля. Крестьяне добровольно везут хлеб на ссыпные пункты для Петрограда» (Уфимская губерния, Бирск, 22 июля 1919 г.).

«Мы дожидались Колчака, как Христова дня, а дождались, как самого хищного зверя. У нас здесь пороли всех сряду, правого и виноватого. Если не застегивают, то расстреляют или прикалывают штыком. Не дай Бог этого лютого Колчака. Прославилась Красная Армия, что не допустила до нас этого тирана» (Пермская губерния, Нижнетуранский Завод, 15 ноября 1919 г.).

«По дороге наслушался от очевидцев о зверствах белых, вернее казаков, так один рассказывал, что из их полка 38 человек решили перейти на сторону белых, им это удалось, потом скоро казаков прогнали и нашли этих людей зарезанных и исколотых штыками. Война здесь беспощадная. Многие деревни восстают поголовно против казаков за их зверства, настолько они возмутительны» (Тамбовская губерния, станция Грязи, 15 августа 1919 г.).

«У нас занял Деникин Камышин. Приезжают из отпуска, говорят, жизнь некрасива. Татары, черкесы, корейцы, вся эта банда здорово обижает крестьян. Все расстраивает» (Астраханская губерния, Плесецкое, 17 августа 1919 г.).

«Как белые наступали, скот весь перерезали и никому слова нельзя сказать, сапоги хорошие с ног снимали и одежду всю отбирали, а красные нас так не обижали, скот не резали, что надо все покупали» (Волынская губерния, Дедовыни, 15 августа 1919 г.).

«Белые нас очень обидели, все отобрали, что только было: корову, телегу и деньги до копейки. Деньги не отдавала, как стали бить, я и отдала все. Сапоги тоже утащили и все твои рубахи, брюки, пиджак и фуражку» (Вятская губерния, Залазинский Завод, 13 августа 1919 г.).

«Деникинские банды страшно зверствуют над оставшимися в тылу жителями, а в особенности над рабочими и крестьянами. Сначала избивают шомполами или отрезают части тела у человека, как-то: ухо, нос, выкалывают глаза или же на спине или груди вырезывают крест» (Курск, 14 августа 1919 г.).

«Какие ужасы творили белые, когда заняли Ямбург. Массу перевешали. Где был памятник Карлу Марксу, была устроена виселица. С коммунистами не стали разговаривать, за пустяки вешали» (Петроград, 26 августа 1919 г.).

«Белые не очень важно вели себя. Утром идешь, видишь висят от 3—4 человек, и так каждое утро. На Сенном рынке была виселица, там стали вешать» (Псков, 28 августа 1919 г.).

«Никогда не представляла, чтобы армия Деникина занималась грабежами. Грабили не только солдаты, но и офицеры. Если бы я могла себе представить, как ведут себя белые победители, то несомненно спрятала бы белье и одежду, а то ничего не осталось» (Орел, 17 ноября 1919 г.).

«У нас была белая армия. Хороши были плети и крепки, много людей хлестали плетями, многих и перестреляли» (Пермская губерния, Надеждинский Завод, 26 ноября 1919 г.).

«Побывала в стане белых. В Вильно обилие всего, все дешево. Магазины, как и раньше, до войны. Но все это не прельщает. Не могла перенести польского режима, слишком уж поляки стали притеснять православное население и давать привилегии полякам. Безработных масса, и хотя все дешево, но покупать нечего, не имея заработка. Ходят только николаевские деньги. Как ни соблазнительны были белые булки, но почему-то решила уехать в Валдай и есть сколько бы ни дали черного хлеба» (Витебская губерния, Полоцк, 3 сентября 1919 г.).

«Все было у белых, но под нагайкой. Будь она проклята эта белая армия. Теперь мы дождались своих товарищей и живем все-таки на свободе» [149*] (Вятская губерния, Верещагино, 8 августа 1919 г.).

12. «Все грабят и бьют жидов»

«Белые занимали 2 раза город, и каждый раз совершался ужасный еврейский погром. По городу ходили целые шайки искать евреев, все разграблено» [150*] (Саратовская губерния, Балашов, 23 июля 1919 г.).

«За свои два нашествия в Балашов белые постарались ограбить всех евреев, убито человек 35, точно еще не установлено. Кроме того преступления, уводили с собой арестованных, в том числе детей и женщин. Творилось что-то ужасное. Ко всему этому полное расхищение еврейского имущества» (Саратовская губерния, Аркадск, 11 августа 1919 г.).

«Сюда приехало несколько тысяч евреев, убежавших от погромов, устраиваемых деникинскими бандитами в Балашове и других городах» (Симбирск, 24 августа 1919 г.).

«Отряд Мамонтова захватил Тамбов. Распустил почти весь гарнизон, отобрал оружие и предложил солдатам идти, куда угодно. Устроил там еврейский и китайский погромы» [151*] (Тульская губерния, 27 августа 1919 г.).

«Долгиново было занято легионерами, которые пробыли с 6 по 18 июля, 19 июля утром заняли большевики. Легионеры ужасно мучили евреев, били нагайками, отобрали деньги, сапоги, одежду, все, что хотели, а одного

даже расстреляли, но раньше, чем это сделать, они отрезали ему уши, нос, выкололи глаза, поломали руки и ноги. Сделав все это, они бросили его и пошли обедать, оставив мучиться, а после обеда расстреляли» [152*] (Виленская губерния, Долгиново, 26 июля 1919 г.).

«Был погром, всех евреев порезали» [153*] (Виленская губерния, Двинск, 3 августа 1919 г.).

«Велижского начальника милиции нашли и привезли в город. Белогвардейцы его поймали и убили. Он был коммунист и, к несчастью, еще еврей. Его не убивали, а мучили. Прежде всего вырвали 2 зуба золотые, потом нагревали шомполы и прокалывали ноги около пальцев, потом вырезали куски мяса, но он еще все жил. Его взяли и положили на костер. Словом, его так изуродовали, что нельзя было узнать» [154*] (Виленская губерния, Велиж, 9 августа 1919 г.).

«Город Гайсин занят бандами, которые бесчинствуют [...] были убиты около 200—300 человек среди евреев и русской бедноты» (Подольская губерния, Винница, 9 июня 1919 г.).

«У нас Бог знает, что творится в селах: все грабят и бьют жидов» (Подольская губерния, Тульчин, 16 июня 1919 г.).

«Везде восстания крестьян, жидов топят, убивают; на жидов везде недовольство» [152*] (Киев, 11 июня 1919 г.).

«По всей Украине распространились разные банды, сильно вооруженные и организованные под командой воинственных атаманов, и устраивают систематические погромы над еврейским населением. Кажется, что во всей Украине нет ни одного уголка, где земля не пропитана еврейской кровью. Кроме того, налеты по всем дорогам на пассажиров. Нападения бывают и [на] ж[елезно]д[орожные] станции. В общем, настроение очень подавленное» [156*] (Киев, 25 июля 1919 г.).

«У нас здесь что ни город, то свой атаман, но нужно заметить, что, кроме погромов, они ничего не умеют делать» [157*] (Киев, 7 июня 1919 г.).

«В эту ночь в Голынках вырезали всех евреев. Это не преувеличено, здесь кругом очень неспокойно, и местное население смотрит на то, что произошло в Голынках, как на начало» [158*]. (Гомельская губерния, Любовичи, 8 июля 1919 г.).

«В 5 часов утра в Голынку приехали зеленоармейцы и начали резать и стрелять жидов, побили несколько русских крестьян. В Голынке нет ни одного жида, они

покидали все свои дома и едут в Рудню. День ото дня думаем, что зеленоарм[ейцы] приедут к нам в Рудню и начнут стрелять» [159*] (Гомельская губерния, Рудня, 5 июля 1919 г.).

«Погромное движение в городе поднялось до максимума, и мы ежедневно ожидаем эксцессов» [160*] (Курская губерния, Старый Оскол, 15 июня 1919 г.).

«У нас больше ничего не услышишь, кроме погромов на евреев. У нас очень скверно, восстания большие, а больше всего от мужиков из Ходарки» (Волынская губерния, Житомир, 28 июля 1919 г.).

«У нас хлеб был 5 руб., а теперь 15 руб., а все из-за жидов, потому что они заняли все учреждения. Был крестьянский съезд, и крестьяне кричали против коммун и евреев, чтобы они не находились в учреждениях, но их не выгнали, они сильнее укрепились и от крестьян стали брать хлеб и скот и хотят нас мобилизовать, но крестьяне против жидов и коммун; много деревень выступили с оружием и кричали: «Долой жидов и коммуны»,— а против советской власти ничего не имеем, если на фронт пойдут евреи, то тогда и мы пойдем» [161*] (Волынская губерния, Ровны, 14 июля 1919 г.).

«Жиду нужно бы воевать, а он уехал; из портновского союза 10 чел[овек] жидов уехали, а наши русские все воюют, как же их не бить окаянных, всех до одного жида, спекулянты ничего не боятся, а мы боимся всего на свете» [162*] (Орловская губерния, Ливны, 30 июня 1919 г.).

13. «Скоро свергнем всю белогвардейскую сволочь»

«Теперь у нас одна забота: передушить белых бандитов и зажить по-домашнему на новый и счастливый лад» (245-й стрелковый полк, 8 июня 1919 г.).

«Унывать теперь не надо, скоро свергнем всю белогвардейскую сволочь в одну мусорную яму и начисто будем строить свой новый мир на новых началах» (Команда связи 11-го полка, 30 июня 1919 г.).

«Я не раскаиваюсь, что ушел в Красную Армию, потому что знаю, что защищаю, за что борюсь и что ожидает впереди» (26-й броневой автомобильный отряд, 29 июня 1919 г.).

«Сов[етская] Россия переживает тяжелое время. Я не могу оставить своего поста и идти на защиту своего личного интереса» (Новгородские советские пехотные курсы, 2 июня 1919 г.).

«Нас немного, но мы храбры и сильны духом. Смены не требуем, а просим поддержки» (12-я рота 1-го советского стрелкового полка, 17 июня 1919 г.).

«Пробились с боем, много полков отдались белым, но наша боевая рота не сдается, она отличалась и отличается изо всех рот» (2-й взвод 11-й роты 1-го советского стрелкового полка, 17 июня 1919 г.).

«Мы балтийцы, все как один человек готовы ринуться каждую минуту в бой на защиту колыбели мировой революции Петрограда. Кто белогвардейцы, офицеры и прочая шваль, но уж бегут откуда пришли» (Кронштадт, июнь 1919 г.).

«Мы все побеждали на Северном фронте, и надеемся, что и на этом фронте не будем трусить, не будем дезертирами, а дадим такой страх, что он у нас не успеет подобрать свои красные лампасы» (152-й стрелковый полк, 23 июня 1919 г.).

«Наше трудовое правительство взялось или жить, или умереть, а капитал больше нам не нужен, его и не будет» [163*] (11-й полк, 23 июня 1919 г.).

«Белогвардейцы перебегают партиями по 300—500 человек в день» (Неизвестная часть, Уфа, 16 августа 1919 г.).

«У белых на Зап[адном] фронте не так много регулярных войск, а просто местное население. Обмундирование они надеются получить от союзников, а пока не обмундированы» [164*] (9-я рота 35-го стрелкового полка, 12 августа 1919 г.).

«Наш батальон весь состоит из колчаковских перебежчиков, которые сдались в плен советским войскам» (1-й запасной пехотный коммунистический батальон, 21 июня 1919 г.).

«Каждый день белые офицеры перебегают к нам, потому что у них нет хлеба. Белые дают только 1 фунт, а нам 2 фунта; вот они и бегут на нашу сторону» [165*] (Химическая команда 11-го полка, 13 июня 1919 г.).

«Я попал при отступлении в плен, хотели через 3 дня расстрелять; у белых очень многого чего недостает, ходят рваные, разутые и голодные, а у нас $1^1/_2$ фунта хлеба, а там только $^1/_2$ фунта, а сахару нет» [166*] (Партизанский отряд 31-го полка, 23 июня 1919 г.).

«Нам живется много раз лучше, чем белым: там выдают один фунт хлеба, а то и того нет, ходят чуть ли не босиком в своих рваных пиджаках, и как только попадется к ним наш красноармеец, то как собаки кинутся, кто из

мешка все вытряхает, кто деньги в кармане шарит, а кто обмундирование отнимает» [167*] (Команда связи 11-го полка, 13 июня 1919 г.).

«Пища хорошая, хлеба 2 фунта, обмундирование хорошее. Хорошо служить в Красной Армии» [168*] (606-й стрелковый полк 2-й отдельной стрелковой бригады, 15 августа 1919 г.).

«Дисциплина очень строгая, какая и должна быть в Красной Армии, так есть такие между красноармейцами, которые, придя в деревню, тащат что попало. Теперь этого нет» [169*] (Химическая команда 11-го полка, 23 июня 1919 г.).

«Ходим к неприятелю на братание, а они к нам. Они дают нам белого хлеба, а мы им табаку. Они зовут к себе, обещая по 3 фунта белого хлеба, а мы говорим: «Иди к нам, у нас табаку много, покурим» [170*] (154-й стрелковый полк, август 1919 г.).

14. «У нас такие беспорядки, что нет ни малейшего желания служить»

«Такую жизнь нельзя назвать жизнью: кочевание с одного места на другое, с одной казармы в другую. Удивительно, что теперешняя власть считает человека за животное. Ни постели, ни матрасов, ни одеяла, ни подушек, ни простыни, ничего нет в цейхгаузе, и поэтому не выдают солдатам. Командный состав нашей роты — это люди, которые стремятся к карьере, иначе говоря карьеристы» (Рота необученных Ударного коммунистического батальона, 25 июня 1919 г.).

«После долгого ожидания обуви ротный стал давать тем, которые ему близки и холуи, которых теперь не полагается иметь, а те, которые далеко от него, пусть обождут до следующего получения. Лошадь, какая попадет приблудная, отойдет в другое место, продают, а деньги в карман» [171*] (2-я рота 55-го стрелкового полка, 17 июня 1919 г.).

«Крестьяне на нас смотрят с презрением. От Пскова пришлось отступить благодаря изменникам» (3-й артиллерийский дивизион 5-й батареи 10-й стрелковой дивизии, 1 августа 1919 г.).

«Под Борисовом дела наши плохи. Войск очень мало, а белых много. Наступают целыми пьяными ротами и гонят наших» [172*] (Неизвестная часть, Борисов, 14 августа 1919 г.).

«Я нахожусь в окопах на передней линии, жизнь очень тяжелая, плохая и опасная и мало пищи, хлеба дают 1 фунт; 5 июня 6-я рота нашего полка ходила в наступление. В роте были расстреляны ротный командир Шубинов и 18 человек красноармейцев за то, что они отступили» (2-й взвод 1-й роты 6-го стрелкового полка, 17 июня 1919 г.).

«Живется очень скверно. Отступали от самой Риги до усадьбы Степнозол, в 11 верстах от мест[ечка] Прело Витебской губернии, в 60 верс[тах] от Режицы. Пища у нас скверная. Хлеба дают по 1 фунту с соломой пополам. Обед варят один раз в день, и поэтому приходится грабить окружающих жителей. Жду я той минуты, когда снова избавлюсь от фронта. Я бы давно удрал из полка, оттого что у нас такие беспорядки, что нет ни малейшего желания служить» (24-й стрелковый полк 2-й латышской бригады, 26 июня 1919 г.).

«Настроение у красноармейцев очень скверное. Только и слышно, что нужно бросить фронт и идти домой. А почему у них такое настроение, оттого что сейчас выдают 1 фунт хлеба да и тот наполовину с соломой. Обедаем один раз в день. Живется очень плохо, я жду не дождусь, когда кончится эта бойня» (24-й стрелковый полк 2-й латышской бригады, 26 июня 1919 г.).

«Везли нас не заперши. Много ушло домой. Выступал оратор, во время речи молодые солдаты кричали, чтобы дать два фунта или полтора хлеба, и мы пойдем на позиции и разобьем Колчака в два счета» [173*] (Новгородский распределительный пункт, 30 июня 1919 г.).

«Пища плохая, положение на фронте очень скверное. Красноарм[ейцы] переходят к белым» [174*] (35-й стрелковый полк, 17 августа 1919 г.).

«Так все голодаем. Не знаю: будем живы или нет. У солдат настроение одно, как бы бежать домой» (2-й взвод 1-й роты 2-го инженерного запасного батальона, 2 июня 1919 г.).

«Пришлите мне скорей телеграмму: приезжай скорей домой, два брата умерло, отец при смерти, все пропадает» (Хозяйственная команда 152-го стрелкового полка, июнь 1919 г.).

«С 17 июня я стал защитником русской революции, от которой стараюсь удрать куда-нибудь подальше, вроде зеленой армии» (2-я рота 3-го стрелкового запасного батальона, 20 июня 1919 г.).

«Было в Гомеле восстание дезертиров. Никто не шел на войну. Но их много расстреляли, 30 человек, а которых в тюрьму посажали. При наших глазах и расстреливали. Мы были отправлены на позицию, но нас вернули с дороги опять на старое место» [175*] (Выборгские казармы, Новгород, 30 июня 1919 г.).

«По дороге на Коростень мы перебили всех евреев, за дорогу около 500 человек. В Жлобине убили комиссара ЧК и всех обезоружили. В Бобруйске нас никак не могли обезоружить, потому что мы к себе присоединили дивизион и свою батарею навели на город. Видят, что ничего не сделают с нами, и распустили больше половины полка в отпуск. Сейчас нас отправили на фронт в Вильно» (1-я судоохранная рота, Могилев, 15 августа 1919 г.).

15. «Всему мешает война»

«Какие беспорядки везде, ни черта не добьешься, а народ как страдает, жалко до слез, и вспоминаешь про прежнюю жизнь» [176*] (Вологодская губерния, Котлас, 1 сентября 1919 г.).

«Теперь знаем свободу, везде и всюду трещат ораторы и везде обман, только нас, темных людей, обманывают... Теперь не доверяют им» [177*] (Костромская губерния, Середа, 1 июня 1919 г.).

«В деревне стало жить нельзя, неизвестные отряды грабят по ночам и днем. Власть не внимает, пусть грабят, свобода ворам и грабителям, а трудовикам гибель. Если придется идти, то где хлеб и соль — туда, а у нас обман во всем. Хлеб отобрали, а соли не дали, а жиды им торгуют» [178*] (Витебская губерния, Шалахово, 15 декабря 1919 г.).
«Денег не платят, а только пишут, а писанное остается на бумаге. Ассигнованные миллионы неизвестно куда деваются. Крестьянину ни за что не платится, ни за добро отбираемое, ни за труд. Происходит оно и с неприятельской, и с нашей стороны. Крестьяне все терпят, им некуда деться» [179*] (Самарская губерния, Ершово, 18 июля 1919 г.).

«Сейчас очень плохо жить дома. Красные и белые бандиты разъезжают и грабят волость» (Смоленская губерния, 17 августа 1919 г.).

«Наступают белые, и говорят, что они все грабят. У нас теперь идут наши войска и грабят все, что хотят» [180*] (Витебская губерния, Бочейково, 29 августа 1919 г.).

«Казаки сделали натиск и доходили до нас, были

в г. Пугачеве 8 дней и ушли обратно, в это время у нас были красноармейцы и в селе Таваложке в 8 верстах от нас. В настоящее время их опять отогнали до Урала, но они делают набег. Пропадает весь хлеб, не дают убирать. Хлеб уродился средний, а овощи всякие очень хорошие. Всему мешает война» [181*] (Саратовская губерния, Порубежка, 20 июля 1919 г.).

«Мяса нет, но есть у нас кошки, вороны и проклятые крысы, и все скушаем, но дела России непоправимы, только один исход — перемирие на всех фронтах, штык в землю, заставить работать на всех заводах и фабриках, и это лучший путь к социализму [...] не может один класс удержать власть: у нас в рабочем классе все раскол и разногласие» (Вологда, 24 июня 1919 г.).

«Все равно какая будет власть, лишь бы скорее установился порядок» (Полтавская губерния, Кременчуг, 28 мая 1919 г.).

«Скоро ли придет конец этой гражданской братоубийственной войне?» [182*] (4-й эстонский коммунистический полк, 17 июня 1919 г.).

ПРИМЕЧАНИЯ:

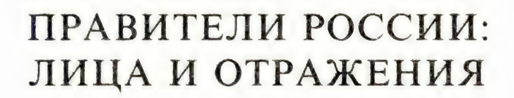
1. См. Солдатские письма с фронта в годы мировой войны (1915—1917 гг.) Красный архив. 1934. Т. 4—5; Вахрушева Н. А. Солдатские письма и цензорские отчеты как исторический источник (1915—1917 гг.) // Октябрь в Поволжье и Приуралье. Казань, 1972.
2. РГВА, ф. 6, оп. 12, д. 10, л. 260.
3. РГВА, ф. 6, оп. 12, д. 10, л. 262.
4. РГВА, ф. 6, оп. 12, д. 10, л. 276.
5. РГВА, ф.33988, оп. 2. д. 86, л. 186 об.
6. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 176 об., 167 об.
7. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 193, 196.
8. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 342, 345, 346.
9. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 79.
10. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 349.
11. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 62.
12. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 22, 172 об., 176 об.
13. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 350 об., 351.
14. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 166.
15. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 193 об.
16. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 87 об.
17. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 346, 342, 346 об.
18. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 184 об.
19. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 60 об.
20. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 188.
21. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 72.
22. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 199, 203, 206 об.

23. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86. л. 190.
24. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 169.
25. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 86.
26. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 181, 186 об.
27. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 60 об.
28. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 75.
29. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 343.
30. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 181 об., 207 об.
31. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 346 об., 350, 347.
32. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 194.
33. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 344 об., 351, 346 об., 347 об., 349 об.
34. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 23 об.
35. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 183 об.
36. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 341.
37. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 189 об., 181.
38. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 45.
39. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 87.
40. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 190 об.
41. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 93.
42. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 192.
43. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 347.
44. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 174.
45. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 348 об.
46. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 166 об., 163, 163 об.
47. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 125, л. 58.
48. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 78 об., 61.
49. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 183 об.
50. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 174, 175 об.
51. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 195.
52. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 79 об.
53. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 344.
54. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 72.
55. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 190.
56. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 71 об., 69 об., 81 об., 66 об.
57. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 351, 347 об.
58. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 72 об.
59. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 346, 351, 349 об.
60. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 185 об., 182.
61. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 350.
62. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 181 об., 182.
63. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 95.
64. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 193 об.
65. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 93 об.
66. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 181 об.
67. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 65, 87 об.
68. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 346.
69. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 181 об., 174 об., 178.
70. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 185 об.
71. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 125, л. 14 об.
72. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 346.
73. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 125, л. 70, 92 об., 100, 42 об., 45, 20, 42, 70.
74. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 137.
75. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 125, л. 77 об., 42 об., 44 об.
76. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 184 об., 184.

77. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 125, л. 21.
78. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 179 об.
79. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 348.
80. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 145 об.
81. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 76 об.
82. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 163, 179 об.
83. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 342 об.
84. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 195 об.
85. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 125, л. 87, 83 об., 81.
86. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 65 об.
87. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 125, л. 85 об., 29, 14.
88. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 345 об.
89. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 125, л. 12 об., 67.
90. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 181 об., 187, 182, 182 об., 183.
91. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 66, 93.
92. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 341, 352, 351 об.
93. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 93.
94. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86 л. 196, 195 об., 196.
95. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 94, 93 об., 94 об.
96. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 195, 195 об., 194 об.
97. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 344, 344 об., 346, 346 об.
98. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 125, л. 53 об.
99. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 348 об., 343 об., 343, 347 об.
100. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 183, 183 об., 186 об.
101. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 125, л. 58 об.
102. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 165.
103. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 125, л. 22.
104. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 342.
105. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 42 об.
106. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 341 об.
107. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 189, 189 об.
108. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 349, 343.
109. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 26 об.
110. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 342 об., 344.
111. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 75.
112. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 166 об.
113. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 345 об.
114. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 72 об.
115. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 348, 350.
116. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 187 об.
117. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 352.
118. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 60, 72.
119. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 167 об.
120. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 77 об., 95.
121. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 349.
122. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 192.
123. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 164 об., 163 об., 181 об.
124. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 186.
125. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 345.
126. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 115, л. 112 об., 112.
127. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 343, 350.
128. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 115, л. 111 об.
129. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 125, л. 29 об.
130. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 343, 342 об.
131. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 64, 164 об., 42.

132. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 346.
133. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 167.
134. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 84.
135. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 185 об.
136. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 166 об.
137. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 346 об., 350 об.
138. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 187 об.
139. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 115, л. 111.
140. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 108, 109.
141. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 115, л. 112.
142. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 183, 183 об., 186 об., 188 об., 189 об., 191 об.
143. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 65, л. 345.
144. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 60.
145. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 191 об.
146. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 60 об., 61, 84.
147. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 208, 49, 62.
148. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 183 об.
149. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 80, 119 об., 139 об., 150, 183, 146, 163, 164, 166, 167 об., 168, 182, 119.
150. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 84.
151. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 142, 168, 170.
152. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 181.
153. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 94, л. 60.
154. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 163.
155. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 347, 343 об.
156. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 185.
157. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 25 об.
158. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 183 об.
159. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 125, л. 43.
160. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 344 об.
161. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 183.
162. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 346 об., 347.
163. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 115, л. 113, 112, 113 об., 114, 111.
164. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 117 об., 108.
165. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 115, л. 111, 112.
166. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 17 об.
167. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 115, л. 112.
168. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 116.
169. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 115, л. 112.
170. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 109.
171. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 115, л. 114, 112 об.
172. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 110, 116 об.
173. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 115, л. 111 об., 112 об., 113 об., 114.
174. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 108.
175. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 115, л. 113 об., 113, 111 об., 114.
176. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 114 об., 164.
177. РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 65, л. 344.
178. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 173.
179. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 191 об.
180. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 170, 163.
181. РГВА, ф. 33988, оп. 2, д. 86, л. 192.
182. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л. 50, 27 об., 16 об.

Публикацию подготовили *И. Давидян* и *В. Козлов*

ПРАВИТЕЛИ РОССИИ: ЛИЦА И ОТРАЖЕНИЯ

ПОСЛЕДНЯЯ БОЛЕЗНЬ СТАЛИНА

Из отчетов МГБ СССР о настроениях в армии весной 1953 г.

В начале 1953 г. машина устрашения еще продолжала работать на полных оборотах. На удивление легко принимался в народе новый вариант версии о «врагах» и «шпионах». «Ленинградское» и «Мингрельское» дела, «дело врачей», травля интеллигенции под флагом борьбы с космополитизмом... Дополнительным фоном и без того гнетущей атмосферы становились внушаемые представления о неких «темных силах», которые «обманывают» Сталина.

Общая пессимистическая реакция на тяжелую болезнь Сталина подтвердила этот настрой. Но оценка ситуации, сложившейся в стране весной 1953 г., тем не менее не была в народе однозначной. Сквозь голоса скорбящие и растерянные прорывались голоса ненавидящие...

Публикуемый документ из Центрального архива Министерства безопасности России добавляет характерный штрих в картину настроений 1953 г. Авторами этого документа, подписанного тогдашним министром государственной безопасности С. Игнатьевым, были сотрудники одного из подразделений Третьего Главного Управления МГБ СССР (в период с мая 1946 г. по март 1953 г. оно занималось контрразведкой в Советской Армии и Военно-Морском Флоте).

Негласный сбор мнений о болезни Сталина в воинских частях и учреждениях, дислоцированных главным образом в Москве и Московском военном округе, был проведен в самые сжатые сроки. Наиболее типичные высказывания военнослужащих и вольнонаемных попали в справку, направленную высшему руководству страны. По понятным причинам редакцией опущены фамилии, а также полные наименования воинских частей и учреждений, указанных в документе.

Редакция

* *
*

т. МАЛЕНКОВУ Г. М.
т. БЕРИЯ Л. П.
т. БУЛГАНИНУ Н. А.
т. ХРУЩЕВУ Н. С.

5 марта 1953 г.

Докладываем Вам о реагировании военнослужащих и вольнонаемных Советской Армии и Военно-Морского Флота на болезнь т. И. В. Сталина.

Офицер штаба Московского военного округа, полковник: «В моей семье это сообщение воспринято как тяжелое горе, постигшее нашу страну».

Офицер Морского Генерального штаба, капитан первого ранга: «Да, очень тяжело поверить, что нас постигло такое горе, надежда на партию, которая железной рукой должна будет пресекать малейшую попытку внести разлад в своих рядах и народе. Особенно надо быть беспощадным к врагам».

Вольнонаемная работница военной базы Московского военного округа: «Как жаль, что он так тяжело заболел! Не приложили ли руку к его здоровью евреи?»

Начальник отдела штаба Московского военного округа, полковник: «Как же так, не уберегли т. Сталина, нужно было лучше его сохранять».

Офицер штаба Московского военного округа, майор: «Нужно сейчас смотреть, так как враги могут поднять голову».

Вольнонаемная работница штаба ВВС Московского военного округа: «В тяжелой болезни т. Сталина виновны те же врачи-убийцы. Это, видимо, они и т. Сталину давали отравляющие лекарства замедленного действия».

Офицер соединения ПВО, капитан: «Очень жаль, что т. Сталин заболел именно такой болезнью. Вряд ли после

этого будет жив, но эта утрата для нас будет очень большая. Если он выздоровеет, то вряд ли ему дадут дальше работать».

Офицер соединения ПВО, майор: «Заболевание т. Сталина — большой удар для нашей партии. Больше нет такого человека, как т. Сталин, чтобы смог его заменить. Он очень много работал, и это сказалось на его здоровье».

Вольнонаемная работница соединения ПВО: «Что же будет дальше? Ведь т. Сталин так много сделал для государства, и вот его постигло такое несчастье».

Начальник отдела штаба Военно-Морских Сил, майор: «Как же не быть унылым, горе-то ведь не одной семьи, а всего человечества».

Заведующий столовой в мотострелковой дивизии, старшина: «Заболел тяжело, можно через дня три ожидать... Тогда некому будет и пожаловаться. Сейчас чуть что получится, говорят: «Товарищу Сталину пожалуемся», а тогда некому будет. Возьмем такой пример. Почему нет евреев в колхозах, а все они на высоких занимаемых постах? Был бы Ленин, то их бы не было, он всех их сослал бы в Палестину.

Был бы Ленин, то и войны не было бы. А все же евреев не было бы, если бы был жив Ленин, а то они нас душат».

Машинистка штаба мотострелковой дивизии: «Как-то боязно. После его смерти кто будет на его месте? Кто знает, что люди думают? Встанет кто-нибудь на его пост, а потом окажется врагом народа. А что если будет война? Сейчас самый удобный момент к этому, тем более что зима кончается, а война всегда начинается летом».

Солдат отдельного КПП Главного управления пограничных войск МГБ СССР «Москва-Аэропорт»: «Не может быть, чтобы это обошлось без подлых рук врачей-убийц».

Старший контролер отдельного КПП Главного управления пограничных войск МГБ СССР, капитан: «Мне кажется, что после правительственного сообщения о болезни т. Сталина в стране все остановилось».

Сотрудник Управления Коменданта Московского Кремля, подполковник: «Все возможно. У т. Сталина повышенное давление крови, а его враги направляли на юг лечиться. На юге же находиться с такой болезнью противопоказано. Это тоже, видимо, делали врачи».

Сотрудник Управления Коменданта Московского Кремля: «Вполне возможно, что тут врачи замешаны. Если это дело подтвердится, у народа еще больше будет возмущения против евреев».

Офицер охраны Отдельного офицерского батальона, лейтенант: «Хотя и говорят, что есть заменимые люди, но т. Сталин — незаменим».

Солдат мотострелковой дивизии: «Интересно, кто же будет избран на место т. Сталина, если он умрет?».

Слесарь эксплуатационно-технического отдела: «Возможно, что т. Сталин тоже отравлен. Да, настала тяжелая жизнь, всех травят, а правду сказать нельзя, у нас такой порядок — сразу посадят и будешь сидеть. Что теперь думает... (в тексте документа пропуск.— *В. Л.)* и как он моргает глазами, все евреи его стали врагами. Настанет время, они [евреи] нам [русским] скажут: «Ну-ка, долой, хватит вам сидеть у власти, теперь мы придем к власти». Это будет так. Наши органы все проморгали. Если не выздоровеет т. Сталин, как бы рабочие не устроили погром еврейских палаток и магазинов. Если не выздоровеет т. Сталин, то нам надо пойти на Израиль и громить евреев».

Полковник в отставке, еврей, член КПСС: «Судя по тону сообщения — это конец. Сейчас в ЦК КПСС начнутся раздоры и взаимная борьба за власть, секретарь ЦК КПСС... (в тексте документа пропуск.— *В. Л.)* будет сейчас стремиться расставить на высокие руководящие посты близких ему людей, чтобы обеспечить себе единовластное руководство. Мы будем наблюдать такую же

обстановку, которая происходила в период борьбы с оппозицией. Вообще наше положение и авторитет значительно ухудшатся и по вопросам внешней политики. Возьмите страны народной демократии, они сейчас, естественно, будут стремиться к большой самостоятельности и к освобождению от нашей повседневной опеки. Особенно это положение относится к Китаю, который и до сих пор чувствовал себя наиболее самостоятельно, а сейчас трудно сказать, как могут повернуться наши отношения, тем более что США принимают все меры, чтобы вбить клин в наши отношения с Китаем.

Вышинскому пришлось коснуться в своем ответе по вопросу о евреях, значит, за границей по этому вопросу ведут соответствующую кампанию. В связи с тем, что случилось у нас, естественно, придется идти на известные уступки в области внешней политики. Вышинскому трудно будет и дальше вести непримиримую политику, теперь придется идти на уступки, особенно в корейском вопросе. Вспомните меня, что через месяц война в Корее закончится, и это будет сделано в результате наших уступок».

Начальник отдела в ВВС Московского военного округа, старший лейтенант: «Если [Сталин] умрет, то Россию растащат на куски».

Начальник клуба артиллерийской базы: «Туда и дорога». (Дано указание документировать и арестовать).

Сержант артиллерийской бригады Прикарпатского военного округа, латыш: «Ну и хорошо». (Дано указание документировать и арестовать).

Инспектор политического управления Прикарпатского военного округа, подполковник: «А стоит ли его лечить?» (Проводится оперативное расследование).

Солдат бронетанкового склада: «Сталин долго не протянет, да это даже лучше. Посмотрите, как все сразу изменится». (Проводится оперативное расследование).

Заместитель командира части Ленинградского военного округа, подполковник, еврей: «Теперь, в связи с его болезнью, начнется борьба за власть».

Солдат гвардейской стрелковой дивизии Ленинградского военного округа, литовец: «Другой возьмется за руководство тогда, может быть, и война будет».

Офицер медицинского отдела ХОЗУ Военно-Морского министерства, полковник медицинской службы: «Положение с состоянием здоровья т. Сталина безнадежное, так как имеются большие изменения в головном мозгу и жизненно важных центрах, вызванные кровоизлиянием, и угнетение функций головного мозга увеличивается».

Офицер штаба ПВО Военного министерства, полковник: «А кто теперь будет вместо него? Теперь этот вопрос всех очень волнует».

Старший лаборант кафедры Военно-инженерной академии им. Куйбышева: «Может произойти ускорение начала третьей мировой войны. Дело идет к войне, а здесь — это сообщение».

[Министр госбезопасности] С. Игнатьев.

Публикацию подготовил *В. Лазарев.*

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

КАК ЖИЛИ В КРЕМЛЕ В 1920 ГОДУ

Материалы Кремлевской комиссии ЦК РКП(б)

В октябре 1917 г. большевики были уверены: с неравенством в государстве-коммуне будет покончено раз и навсегда. И когда на третьем году советской власти в народный лексикон стали возвращаться старые понятия о «верхах» и «низах» общества, вожди революции восприняли это как неожиданность. Авторы самодельных листовок (а подобного рода материалы исправно поступали в Кремль из Секретного отдела ВЧК) не стеснялись в выражениях: «У наших верхов завелось страшное желание... быть высшими верхами, и вследствие этого пошли личные счеты, подлизывание, сплетни, злоупотребления и заискивание. Каждый верх считает низы серой кобылкой и не хочет не только с ними, низами, считаться, но даже не контролируется нами и находит нас ниже себя». Особенно острой была реакция на то, как «наши верхи, те, за кого мы стоим горой, катаются на превосходных фаэтонах, на бричках, тарантасах с тройками и четверками лошадей и чуть ли не с бубенчиками», на то, что у «верхов» «имеются штаты холуев, приносящих им, как старому николаевскому генералу, все на тарелочке и на цыпочках», что они «ходят разодетыми, сытно кушают и спокойно спят и не только не думают о низах — хотят большего — еще каких-то привилегий» [1*].

Казалось, что еще совсем недавно все рядовые и ответственные работники жили и питались примерно одинаково. Бывало даже, что ответственные работники, особенно приезжие, находились в худших условиях, чем рядовые рабочие, постоянные жители того или другого города. Правда, в конце 1918—1919 гг., когда руководители, работавшие без всякого ограничения времени, начали выбывать из строя активных работников, в центре и на местах для них стали вводить дополнительное питание, улучшать квартирные и иные условия жизни. Никто поначалу всерьез не задумывался над тем, что возникающая особая

система обслуживания представителей власти обладает такой притягательной, почти магнетической силой. И вот уже не личные заслуги, а просто принадлежность к власти обеспечивала привилегии автоматически. Одновременно начались резкие возражения против самих этих привилегий и сомнения в правильности их распределения. В основе многих случаев появления оппозиций, в частности «рабочей оппозиции» внутри РКП(б), лежал часто не осознаваемый самой оппозицией протест против этих привилегий «верхов».

В середине июля 1920 г. вопрос о неравенстве в партии и обществе был поставлен членом ЦК Е. А. Преображенским на Пленуме ЦК РКП(б) [2*]. Пленум передал тезисы Преображенского о мерах борьбы с наметившимися болезненными явлениями для обсуждения на Политбюро. Политбюро в начале августа 1920 г. единогласно приняло эти тезисы. Они легли в основу циркулярного письма ЦК РКП(б) ко всем партийным организациям и ко всем членам партии, опубликованного в сентябре 1920 г.[3*]. В том же месяце вопрос о привилегиях был поставлен в повестку работы IX Всероссийской конференции РКП(б), которая по инициативе В. И. Ленина избрала специальную комиссию по устранению материального неравенства в партии.

В резолюцию конференции был внесен и секретный пункт о создании комиссии, призванной разобраться с «кремлевскими привилегиями». Эта комиссия была наделена чрезвычайными полномочиями, с прямым подчинением Политбюро [4*]. Однако попытки членов комиссии вынести свой доклад на X съезд РКП(б) в марте 1921 г. были безуспешными. С ним был ознакомлен лишь узкий круг членов ЦК.

Материалы работы комиссии впервые предлагаются вниманию читателей. Мы намеренно не даем комментарии к упоминаемым в документах членам правительства, которые пользовались льготами; задача данной публикации — показать истоки зарождения этих привилегий, показать, с чего все начиналось...

Документы, поступившие в комиссию из проверяемых ею учреждений (№ 3, 4, 5), располагаются не по хронологии, а в порядке рассмотрения их комиссией. Заголовки к ним — из делопроизводства 20-х годов.

* *
*

№ 1. СЕКРЕТНЫЙ ПУНКТ ОБ ОБРАЗОВАНИИ КРЕМЛЕВСКОЙ КОНТРОЛЬНОЙ КОМИССИИ, ВКЛЮЧЕННЫЙ В РЕЗОЛЮЦИЮ IX ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РКП(б)

29 сентября 1920 г.
Только для членов ЦК.
Опубликованию не подлежит.

Комиссия, избранная Всероссийской конференцией РКП, считает необходимым указать ЦК на недовольство, вызываемое как внутри партии, так и среди беспартийных рабочих жилищными, продовольственными, транспортными и другими порядками Кремля. Для устранения причин, вызывающих справедливое недовольство, предложить ЦК создать комиссию из Игнатова [5*], Уханова [6*] и Муранова [7*], предоставив этой комиссии чрезвычайные полномочия с подчинением ее Политбюро. По окончании работ комиссии по реорганизации столовой и пр. сдать дело Президиуму ВЦИК.

РЦХИДНИ, ф. 44, оп. 1, д. 1, л. 14.
Копия.

№ 2. ИЗ ОТЧЕТА ЦК РКП(б)

15 сентября — 15 декабря 1920 г.

[...] Для Москвы ЦК утвердил еще специальную комиссию, вызывавшуюся специфическими московскими условиями,— это так называемую Кремлевскую контрольную комиссию. Так как неравенство в условиях жизни между членами партии особенно остро ощущалось в Москве, где сосредоточено наибольшее количество ответственных работников коммунистов и где в то же время особенно тяжелы общие условия жизни, то вопрос о кремлевских привилегиях являлся и является наиболее острым.

ЦК считал необходимым, чтобы беспристрастная и авторитетная комиссия обследовала положение дел Кремля, установила истинные размеры существующей

привилегии, ввела их (так в документе.— *Г. Б.)*, поскольку невозможно было бы полное устранение, в тех рамках, которые были бы понятны каждому партийному товарищу, и вместе с тем опровергла бы в слухах и разговорах о кремлевских порядках то, что не соответствует действительности. Комиссия утверждена Центральным Комитетом в том составе, в котором это было предложено комиссией Всероссийской конференции, именно в составе тт. Игнатова, Муранова и Уханова. Президиум ВЦИК со своей стороны утвердил эту комиссию и предоставил [в] ее распоряжение для работы свой аппарат [...].

РЦХИДНИ, ф.17, оп.109, д.121, л.2.
Копия.

№ 3. ВЫПИСКА ИЗ ВЕДОМОСТИ РАБОТЫ МАШИН ВОЕННОЙ АВТОБАЗЫ СОВНАРКОМА

Июль 1920 г.

Кому подавались	По чьему распоряж[ению]	Приблиз[ительное] число		
		верст	выездов	часов
1. В. И. Ленину		735	11	57—45
2. Ульяновой		1331	38	120—45
3. Лениной [8*]		130	1	12—55
7. Бонч-Бруевичу		1194	20	156—45
8. Луначарскому		2640	38	260—15
10. Каменеву		1229	17	121—40
26. Зиновьеву и Бухарину		35	1	9—40
51. Сталину		65	1	8—10

РЦХИДНИ, ф.17, оп.84, д.111, л.62.
Подлинник.

№ 4. СПРАВКА О СНАБЖЕНИИ ПРОДУКТАМИ ПРИПИСАННЫХ К ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМУ ОТДЕЛУ ВЦИК СТОЛОВЫХ ПО ДВУМ НОРМАМ, ВЫДАЧА КОТОРЫХ ВЫРАЖАЕТСЯ В СЛЕДУЮЩЕМ ВИДЕ НА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА В ДЕНЬ

25 октября 1920 г.

Столовая ВЦИК			Столовые СНК и Коминтерна
Обед:			
Одно взамен другого	Мясо	24 зол. [9]*	72 зол.
	Дичь	24	72
	Рыба	24	1 ф. 10 *
	Сельди	32	—
На второе взамен мяса, дичи, рыбы и сельди	Крупа	18	32
	Рис	18	32
	Макароны	18	32
	Картофель	48	1 ф.
Одно взамен другого, как гарнир и приправа	Крупа	7	18
	Макароны	7	18
	Рис	7	18
	Сухие коренья	12	24
Одно взамен другого	Масло слив.	2	6
	Масло раст.	2	6
	Сало	2	6
	Мука	2	3
	Соль	3	3
	Томат	2	6
	Сахар (в случае пригот. сладкого)	2	8
	Хлеб	24	1 ф.

Ужин:		
Ужины столовая ВЦИК отпускает лишь для дежурных и занятых физич. и сверхурочной работой (до 800 порций ежедневно, которые состоят из супа и 1/2 ф. хлеба)	одно взамен другого	Масло слив.— 6 зол. Мясо — 24 Сыр — 24 Ветчина — 24 Колбаса — 24 Икра — 24 Яйца — 2 шт. Сардины — 1/2 кор.

Делегатской столовой Коминтерна отпускается ежедневно на завтраки и для больных по след. норме

На завтраки для всех столующихся:	
Хлеба по — 48 зол. Масло слив.— 3 1/4 зол. Икры — 3 1/4 Сыр — 6 зол. Сахар — 3	Больным на 30 чел. ежедневно Яйца — по 2 шт. Хлеба бел.— по 1/2 ф.

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 84, д. 111, л. 23.
Подлинник

№ 5. СПИСОК ЛИЦ, ПРОЖИВАЮЩИХ В КРЕМЛЕ [11*]

28 октября 1920 г.

№№ по пор.	Число заним. комн.	Фамилии	Место службы	Число живущих	Отметка
ВОЗНЕСЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ					
1.	5	Стеклов, жена, сын и присл[уга]	Чл. ВЦИК	4	
2.	5	Гонецкий, жена, 2 дет[ей], бонна и прислуга	Чл. Кол[легии]	6	
6.	4	Сокольников, жена, сын, сестра и няня	К[омандующи]й 8-й армией Южн[ого] Фронта	5	

		КАВАЛЕРСКИЙ КОРПУС		
4.	5	Троцкий, жена и двое детей	Предреввоенсовета Республики	4
9.	3	Цюрупа, жена и 4 детей	Наркомпрод	6
11.	5	Калинин, жена, 3 дет[ей] и мать	Предс[едатель] ВЦИК	6
13.	3	Сталин, жена и отец	Нарком РКИ	3
		ПОТЕШНЫЙ КОРПУС		
8.	8	Луначарский, жена, 3 дет[ей] и присл[уга]. Флаксерман с женою, Лещенко с женою, Малиновский, жена	[Наркомпрос]	12
		ЗДАНИЕ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА		
1.	3	Ульянов-Ленин, жена, 2 брат[а], прислуга	Предс[едатель] Сов[ета] Нар[одных] Ком[иссаров]	5
		ДЕТСКАЯ ПОЛОВИНА		
2.	5	Рыков, жена, дочь, присл[уга] Николаевская, 2 детей	Предс[едатель] ВСНХ	7
		БЕЛЫЙ КОРИДОР		
5.	4	Каменев, жена, сын, присл[уга] и сын	Предс[едатель] М[осковского] С[овета] Р[абочих] и Кр[естьянских] Д[епутатов]	

Всего живущих в Кремле:
Гражданского населения — 1112 чел.
Партийных — 183 чел.; ответств[енных] раб[отников] — 58; раб[очих] и сотр[удников] — 125 чел.
Беспартийных — 929 чел.

РЦХИДНИ, ф.17, оп.84, д.111, л.29—32.
Подлинник.

№ 6. ДОКЛАД КОМИССИИ ЦК РКП(б) И ПРЕЗИДИУМА ВЦИК О КРЕМЛЕВСКИХ ПРИВИЛЕГИЯХ [12*]

2 марта 1921 г.

Комиссия приступила к своей работе 25 октября 1920 г. Комиссия имела ряд заседаний, но затем Московская партийная конференция, затем губ[ернский] съезд Советов и, наконец, Всероссийский съезд Советов, а также последующая дискуссия оторвали на некоторое время комиссию от работ. Работа возобновилась с февраля месяца и беспрерывно продолжалась до настоящего момента. Задержка в работе комиссии обусловливалась еще и несвоевременной подачей необходимых материалов. Комиссии всю работу приходилось выполнять целиком за отсутствием технического персонала. Всего было запротоколированных заседаний комиссии восемь, кроме целого ряда заседаний и обследований непротоколировавшихся. Комиссия перед обследованием предварительно заслушала доклады всех отделов. В результате обследования комиссия пришла к следующему заключению:

По жилищному вопросу.

Ознакомившись с жилищными условиями живущих в Кремле путем личного обхода, комиссия разделяет всех живущих на четыре группы.

К первой группе относятся наркомы и др. ответственные товарищи (Троцкий, Шмит, Каменев, Стеклов и др.), которые живут в хороших жилищных условиях и при острой жилищной нужде без ущерба для работы могут быть уплотнены при более целесообразном использовании помещения и при производстве необходимого ремонта, переделав комнаты из большого размера на более меньший, например, помещения т. Менжинского и Луначарского. Помещение последнего наименее целесообразно использовано, не представляя в то же время удобства для него самого.

Ко второй группе относятся менее ответственные работники и ответственные служащие ВЦИК, живущие одиночками и семьями, жилищные условия которых удовлетворительны и часть более чем удовлетворительны [...].

К третьей группе относятся кремлевские служащие, живущие в комнатах полутора- и 2-х комн[атных] поме-

щениях, жилищные условия которых при данном кризисе можно назвать более или менее сносными при непременном усилении санитарного надзора.

К четвертой группе относятся дворники, сторожа, курьеры и т. д., жилищные условия которых очень плохи и антисанитарны (сырость, недостаток дневного света, затхлость воздуха и т. д.). Что касается дворников, живущих в зданиях Раб[оче]-Кр[естьянского] Правительства, которые живут чрезвычайно сгущенно, в подвальном проходе, то их необходимо немедленно переселить в более здоровое и удобное помещение. Помещение, ныне занимаемое ими, не должно приспосабливаться для жилого помещения.

Военная группа (казармы курсантов, команда самокатчиков и т. д.). При обследовании казарм, где помещаются самокатчики и курсанты, помещение найдено удовлетворительным, но это надо отнести не за счет управления домами Кремля, а за счет административно-хоз[яйственного] аппарата курсов и самих курсантов, поддерживающих чистоту, порядок и стремящихся прикрасить казармы с художественной стороны, придавая ей более уютный вид. Комиссия находит, что управление кремлевскими домами в жилищном вопросе со своей задачей справляется слабо.

По транспорту.

Комиссией обследованы автоотделы ВЦИК, автобазы Совнаркома, автобоевой отряд им. т. Свердлова. В результате обследования комиссия пришла к следующим выводам: состояние автоотдела ВЦИК с точки зрения эксплуатации автотранспорта, при существующей системе общего пользования, даст минимум простоя машин, с одной стороны, и максимум использования лицами и учреждениями автотранспорта — с другой, при общем состоянии машин более чем удовлетворительном. На каждую рабочую машину приходится рабочих значительно меньше, чем в других осмотренных комиссией гаражах. Гараж и мастерские производят впечатление массового производства, в санитарном же отношении необходимо произвести улучшение.

Состояние машин автобазы [Совнаркома] хорошее, но эксплуатация машин недостаточна в силу персонального пользования (даже администрация автобазы — начальник и комиссар прикрепили себе по машине). На каждую рабочую машину приходится в среднем значительно

большее количество рабочих, чем в других гаражах. Сам гараж и мастерские производят впечатление с внешней стороны удовлетворительное, но по сравнению с автоотделом ВЦИК, гараж и маст[ерские] автобазы производят более домашнее впечатление, чем производственное, но комната для дежурных шоферов антисанитарна и мала. Хранение бензина в большом количестве является опасным для [...] жилых домов.

Состояние машин автобоевого отряда хорошее и эксплуатация удовл[етворительная], при случайном характере требований, которые целиком зависят от Президиума. Помещения, где находятся машины, для гаража не приспособлены.

Общие выводы комиссии таковы: гараж автобазы необходимо влить в автоотдел ВЦИК под общим управлением, перенеся маст[ерские] ВЦИКовского гаража в другое место. При таком объединении машины Совнаркома будут наиболее целесообразно использованы, сведя к минимуму персональное прикрепление машин.

О продовольствии.

Ознакомившись со всеми нормами общественного и детс[кого] питания, комиссия пришла к следующему заключению. Нормы Совнаркома и особенно Коминтерна необходимо пересмотреть в сторону значительного их сокращения, приняв во внимание общее положение с продовольствием. Комиссия считает, что питание больных в означенных столовых должно производиться применительно к общим условиям, устраняя контингент «постоянных больных», что вызывает справедливое недовольство и возмущение со стороны трудящихся масс. Что же касается индивидуальных выдач ответственным работникам, то комиссия полагает необходимым установить единообразную твердую норму, чтобы не получилось такого положения, когда некоторые товарищи получают по несколько раз в месяц.

Представляя означенный доклад вместе с материалами по обследованию, комиссия просит Политбюро ЦК и Президиум ВЦИК пригласить ее председателя на заседание, где будет заслушиваться означенный доклад [13*].

Члены комиссии: Е. Н. Игнатов
М. К. Муранов
К. В. Уханов

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 84, д. 111, л. 34—35.
Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 84, д. 230, л. 18.
2. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 109, д. 121, л. 38—39.
3. Известия ЦК РКП(б), 1920, № 21, 24 сентября.
4. РЦХИДНИ, ф. 44, оп. 1, д. 7, л. 58.
5. Игнатов Е. Н. (1890—1938), член РСДРП с 1912 г., с 1917 г. член Исполкома и Президиума Моссовета. В период профсоюзной дискуссии 1920—1921 гг. один из лидеров «рабочей оппозиции», возглавлял группу так называемых «игнатовцев». После X съезда РКП(б) отошел от оппозиции, работал председателем Витебского губисполкома. С 1929 г.— директор Высших курсов советского строительства при ВЦИКе. Репрессирован.
6. Уханов К. В. (1891—1937), член РСДРП с 1907 г., с 1917 г. член Московского Совета. В 1921 г. председатель Рогожско-Симоновского Совета Москвы, позднее директор завода «Динамо». В 1922—1934 гг.— зам. наркома снабжения СССР, с 1934 г.— нарком местной промышленности, с октября 1936 г.— нарком легкой промышленности РСФСР. Репрессирован.
7. Муранов М. К. (1873—1959), член РСДРП с 1904 г. Депутат IV Государственной думы от рабочих Харьковской губернии, входил в большевистскую фракцию Думы. В 1917—1923 гг. работал в аппарате ЦК РКП(б). С 1923 г.— член Верховного Суда СССР, в 1934—1937 гг. работал во ВЦИКе. С 1939 г.— персональный пенсионер.
8. Имеется в виду Н. К. Крупская.
9. Золотник— $^{1}/_{96}$ фунта — 4,266 г.
10. Фунт — 409,5 г.
11. Список публикуется в извлечении.
12. Доклад был утвержден на заседании комиссии 2 марта 1921 г.
13. Далее зачеркнуто: «Вместе с этим комиссия считала бы возможным поставить доклад комиссии на X парт[ийном] съезде, дабы тем самым устранить всякие кривотолки, циркулирующие среди широких масс трудящихся как г. Москвы, так и всей Советской Республики».

Публикацию подготовил *Г. Бордюгов.*

ДЕМОКРАТИЯ... ПОД НАДЗОРОМ НКВД

Обсуждение проекта Конституции 1936 г.

Один из удивительных парадоксов сталинского режима заключается в появлении самой прогрессивной и демократичной в мире Конституции буквально накануне массовых репрессий 1937—1938 гг.

Официальная пропаганда с трескучим восторгом и безудержным пафосом славила сталинскую Конституцию от имени «благодарных советских людей».

Как же в действительности восприняли люди появление проекта новой Конституции? Были ли они «очарованы» ее содержанием и действительно ли их наивность была настолько беспредельной, что они поверили в громкие слова Основного закона? Правдивый ответ на такие вопросы тщательно скрывался под грифом «Совершенно секретно» спецсообщений областных управлений НКВД СССР, которые готовились для секретно-политического отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР [1*] и предназначались для узкого круга лиц в высшем руководстве.

Редакция

* *
*

№ 1

ЦК ВКП(б) — т. Поскребышеву (для т. Сталина)
Секретарю ЦК ВКП(б) — т. Кагановичу
СНК Союза ССР — т. Могильному (для т. Молотова)
Секретарю ЦК ВКП(б) — т. Андрееву
Секретарю ЦК ВКП(б) — т. Жданову
Сельхозотдел ЦК ВКП(б) — т. Яковлеву

Октябрь 1936 г.

Направляю Вам спецсообщение УНКВД СССР по Ивановской области о недочетах в подготовке

к районным съездам советов, по данным на 5 октября 1936 г.

Начальник секретно-политического отдела ГУГБ — комиссар госбезопасности 2 ранга

Г. Молчанов

СПЕЦСООБЩЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ НКВД ПО ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ О НЕДОЧЕТАХ В ПОДГОТОВКЕ К РАЙОННЫМ СЪЕЗДАМ СОВЕТОВ

По данным на 5 октября 1936 г.
Совершенно секретно

Поступающие из районов материалы отмечают неподготовленность районных организаций к районным съездам советов. В части районов отчетная кампания застала большинство сельсоветов врасплох.

Отмечаются факты срывов собраний.

Юрьев-Польский район. В колхозе им. Ворошилова собрание избирателей созывалось без всякой подготовки. На собрание стали собирать с 8 час. вечера, когда большинство колхозников уже спали. В результате из 100 человек явились только 6. Собрание не состоялось.

В колхозе деревни Михальцево на общем собрании колхозников при обсуждении проекта новой Конституции колхозник Логинов Я. С. заявил: «Что нам даст Ваша Конституция. Что там написано Сталиным, так оно и будет, а не по-нашему. Надо говорить, что делается у нас и что надо делать нам,— ведь жить-то становится совершенно нечем, а тут еще дерут налоги. Есть самим нечего, а тут все отдавай государству».

Выступление Логинова было поддержано бывшими кулаками и лишенцами Ждановыми Алексеем Максимовичем и Николаем Ивановичем, которые заявили: «Правильно говорит Логинов, нам от новой Конституции толку мало».

В результате этих антисоветских выступлений обсуждение Конституции было сорвано.

В Симском сельсовете никакой работы с депутатскими группами не велось. В результате плохой подготовки назначенное на 23 сентября с. г. собрание было сорвано.

В Полозовском, Большекузьминском, Большелучинском, Турабьевском и Ивровском сельсоветах на отчетные собрания явилось 34—38% избирателей.

Владимирский район. Подготовка к районному съезду советов по району слабо организована. Райисполком и горсовет до 26 сентября никаких указаний по подготовке к выборам делегатов ни сельсоветам, ни промпредприятиям не дали.

В результате в Семеновском, Одинцовском, Ново-Александринском, Красносельском и других сельсоветах никакой подготовки к районному съезду советов не ведется.

Гаврило-Посадский район. Отмечены факты голого администрирования и перегибов.

На ткацкой фабрике им. Максима Горького в целях обеспечения достаточного количества рабочих на собрании после работы двери во двор фабрики были закрыты и около них поставлен сторож. Собрание прошло формально. Из рабочих выступало всего лишь 3 человека.

Второе отчетное собрание на этой же фабрике проводилось вечером после работы 2-й смены в помещении браковочной конторы. Чтобы удержать рабочих, сторож двери закрыл на крючок.

Работница Абалина по этому поводу заявила: «Вот поставили сторожа и насильно задерживают нас».

Работница Янышева говорила: «У меня дома дети остались, а вы меня не выпускаете».

Подмастер Скурихин с группой рабочих стоял около самой двери и выжидал удобного момента, чтобы уйти с собрания. Обманув сторожа, они с криком отворили двери, и человек 40 ушли с собрания, а кто не успел уйти, сел на лестнице и спал до конца собрания.

В Козловском сельсовете отчетные собрания должны были проходить по 10 участкам. На 29 сентября с. г. не было проведено ни одного собрания. Пленум сельсовета назначен на 1 октября с. г. Проверочная бригада по проверке наказов избирателей не создана.

Аналогичное положение в Новосельском, Шекшовском, Бородинском и др. сельсоветах.

Киржачский район. При обсуждении нового проекта Конституции отмечены факты антисоветских выступлений.

Член Храпковского сельсовета Миронов при обсуждении 120 ст. проекта Конституции заявил: «Чем мы, кол-

хозники, хуже рабочих, однако нам в случае инвалидности по новой Конституции государство не будет оказывать никакой помощи. Эта Конституция хороша только для рабочих, а нас, крестьян, опять будут гнуть, да еще вдвое против прошлых лет».

Колхозник Рыбаков А. при обсуждении проекта Конституции на пленуме Храпковского сельсовета заявил: «Новая Конституция предусматривает допуск к избирательным правам и духовенства. Это значит, что советская власть встает на путь старой избирательной системы».

Ковровский район. На пленуме Крутовского сельсовета из 33 человек собралось только 11.

Аналогичное положение в Клюшниковском, Тынцовском и Ивано-Осинском сельсоветах.

При обсуждении проекта Конституции на колхозных собраниях и пленумах советов отмечены факты антисоветских выступлений.

Член правления колхоза деревни Карики на общем колхозном собрании заявил: «Конституцией нас не оденете, а вот частную торговлю ликвидировали, и товаров не стало. Раньше у спекулянтов хоть и дорого, но зато можно было все купить, а теперь в кооперации одни только пустые полки».

Председатель колхоза деревни Игониха Гаров 26 сентября с. г. на пленуме сельсовета заявил: «В колхозах жить становится невозможно — работаем много, а получать нечего. Если вы меня с работы председателя колхоза не снимете и не отпустите на производство, я брошу все и уйду».

Суздальский район. Подготовка к районному съезду советов проведена неудовлетворительно. Пленумы сельсоветов прошли при малой активности. Явка членов пленума сельсоветов не превышала 70—80%.

Член пленума Селезневского сельсовета Горшков в беседе с бригадиром колхоза Гавриловым заявил: «После советской власти будет монархия». Горшков выдвигался в качестве делегата на районный съезд советов, но принятыми РО НКВД мерами кандидатура отведена.

Суздальским РО НКВД приняты также меры к недопущению в качестве делегатов на районный съезд советов депутатов городского совета бывших эсеров Агапова и Кривоносова.

Информирован обком ВКП(б). № 4946, Муравьев [2*].

№ 2

ЦК ВКП(б) — т. Поскребышеву (для т. Сталина)
СНК Союза ССР — т. Могильному (для т. Молотова)
Секретарю ЦК ВКП(б) — т. Кагановичу
Секретарю ЦК ВКП(б) — т. Андрееву
Секретарю ЦК ВКП(б) — т. Жданову
Сельхозотдел ЦК ВКП(б) — т. Яковлеву

Октябрь 1936 г.
Совершенно секретно

Направляю Вам спецсообщение Управления НКВД СССР по Воронежской области о неудовлетворительном проведении отчетной кампании сельсоветов, по данным на 14 октября 1936 г.

Начальник секретно-политического отдела ГУГБ —
комиссар госбезопасности 2 ранга Г. Молчанов

СПЕЦСООБЩЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР ПО ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ О НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОМ ПРОВЕДЕНИИ ОТЧЕТНОЙ КАМПАНИИ СЕЛЬСОВЕТОВ

По данным на 14 октября 1936 г.
Совершенно секретно

Отчетная кампания сельсоветов по ряду районов Воронежской области развертывается неудовлетворительно.

Некоторые райисполкомы до сих пор не приступили к отчетам перед избирателями, несмотря на то, что срок проведения этой работы истек уже 1 октября.

Низовые партийно-советские организации в значительном количестве районов не провели надлежащей подготовительной работы, в результате явка на собрания слабая. В Бутурлиновском, Хоботовском, Гремяченском районах по некоторым селам явка избирателей на отчетные собрания не превышает 30%.

Грачевский райисполком потерял наказ первого районного съезда советов, до сих пор не составил отчета для избирателей и не руководит подготовкой к отчетной кампании по селам.

Имели место несколько случаев срыва отчетных собраний по вине работников сельсоветов. Отмечен также

ряд фактов грубого нарушения принципа советской демократии при проведении выборов делегатов на районные съезды советов.

Л.-Россошанский район. Пленум Л.-Россошанского сельсовета состоялся при наличии 7 членов из 32. Несмотря на это, выборы делегатов на районный съезд советов состоялись.

Грязинский район. В селе Петровка президиум сельсовета перед избирателями в своей работе не отчитывался. На пленум сельсовета не были приглашены учителя из опасения, что они будут отмечать недочеты в работе сельсовета. Делегаты на районный съезд были избраны по заранее заготовленному списку, который «голосовался» в целом. После окончания работы пленума участники пленума устроили в парткабинете пьянку.

Хворостянский район. Секретарь Княже-Байгорского сельсовета, чтобы повысить процент участия избирателей на отчетных собраниях, вызывал в сельсовет счетоводов колхозов, которым предложил в число участников отчетных собраний вписать колхозников, не участвовавших на собраниях. В списки были внесены лица, отсутствующие в районе в течение трех лет.

Воробьевский район. Назначенный на 28 сентября пленум Воробьевского сельсовета не состоялся, т. к. председатель сельсовета Коновалов был пьян.

В отдельных селах в результате неудовлетворительной подготовки делегатами на районные съезды советов избран чуждый и разложившийся элемент.

Клевенский район. В числе делегатов, избранных на районный съезд советов, имеются лица, скомпрометировавшие себя. На райсъезд выбраны: председатель колхоза «Пробуждение» Пальчиков, пьяница, доведший колхоз до развала; председатель колхоза Коротких занимается взяточничеством, незаконно угрожал колхозникам исключением из колхоза; председатель колхоза Кожевников находится под судом за избиение пастуха.

Ламский район. На районный съезд советов Дальне-Дубровским сельсоветом делегатом избран троцкист Ларионов.

В отдельных селах на собраниях избирателей вносились к проекту Конституции СССР дополнения антисоветского характера.

Гремяченский район. На общем собрании избирателей в селе Ивановке было внесено и принято дополнение

к ст. 9-й проекта Конституции следующего содержания: «Всю землю и хозяйство от совхозов изъять и передать колхозам».

Кирсановский район. В селе Николаевке при обсуждении проекта Конституции колхозники потребовали записать их требования об отмене обязательной поставки государству хлеба, мяса и молока.

Расследованием установлено, что это выступление явилось результатом контрреволюционной пропаганды группы церковников во главе с местным попом.

Участники контрреволюционной группы призывали население «воспользоваться новой Конституцией, быть организованными, чтобы легче продвигать к руководству [своих] людей».

Моршанский район. При обсуждении проекта Конституции на пленуме 2-го Питерковского сельсовета в резолюции было записано: «Проект Конституции одобрить. Благодаря сталинской Конституции во 2-м Питерковском сельсовете не выполняются хозполиткампании».

Гремяченский район. На отчетном собрании в Яблоненском сельсовете выступила колхозница с требованием заменить записанное в Конституции «Кто не работает, тот не ест» словами: «Кто работает, тот должен есть». При этом она заявила: «Сейчас мы работаем в колхозе, а ничего не получаем, нужно, чтобы советская власть всех нас, работающих, обеспечила хлебом».

Калачеевский район. На отчетных собраниях приняты добавления к Конституции следующего содержания. В Собацком сельсовете внесен пункт: «Перевести форму колхозного хозяйства в форму государственного хозяйства». В Серяковском сельсовете принят пункт: «Установить колхозникам заработную плату на трудодень, независимо от урожая».

В ряде сел Воронежской области заметно активизировался контрреволюционный элемент, использующий отчетно-перевыборную кампанию для своей контрреволюционной деятельности, в первую очередь пытаясь скомпрометировать новую Конституцию.

Имеются факты агитации контрреволюционного элемента за выход из колхозов; это обычно мотивируется тем, что «после принятия Конституции единоличникам будет жить лучше».

В колхозе им. Карла Маркса Гремяченского района велась контрреволюционная агитация: «Зиновьев и Ка-

менев были видные люди и пользовались уважением в народе, их выбрали бы в правительство при тайном голосовании, но, чтобы этого не допустить, власть их расстреляла».

«По новой Конституции мы имеем одинаковые права со всеми. Это изменение произошло в результате того, что на Советский Союз воздействовали иностранные государства.

Скоро вообще власть переменится».

(Служитель религиозного культа в Тамбовском районе).

«Эта Конституция для крестьян невыгодна, хотя и сказано в ней, что каждый может быть избран. Нашего брата крестьянина выбирать не будут, а выберут опять коммунистов».

(Павловский район, бывший член партии эсеров).

«Новая Конституция — это бумажная конституция. Статья «право на собственность» выгодна только коммунистам, которые захватили себе много добра за время революции и хотят его закрепить за собой. Мужику эта статья не нужна. У него нет собственности, все это было отобрано советской властью».

(Член партии социал-революционеров, Моршанский район).

Контрреволюционные элементы в ряде сел открыто призывали при проведении тайного голосования бойкотировать кандидатуры коммунистов и проводить в выборные советские органы «своих людей».

«Теперь выборы будут тайные, и мы будем голосовать за своих людей, а не за коммунистов. За коммунистов подавляющее большинство населения голосовать не будет, и власть переменится».

(Кулак, Павловский район).

«Конституция даст возможность вернуться к старому строю. Когда утвердят новую Конституцию, мы сможем свободно требовать, что нам нужно. Нам нужно будет выбирать в правительственные органы своих людей, а не тех, которых нам будут навязывать коммунисты».

(Село Николаевка Кирсановского района).

«Хорошо, что будет тайное голосование, теперь у нас в советы не пройдут коммунисты, лучше выберем своих беспартийных людей».

(Бывший антоновец, с. Иноковка Кирсановского района).

«При перевыборах советов надо выбирать беспартийных и бывших кулаков. Эти люди умнее коммунистов и не желают чужого, а коммунисты только грабят народ».

(Бывший антоновец, с. Верхоценье Сампурского района).

«Жаль, что расстреляли зиновьевцев. Мы бы при новых выборах голосовали за них».

(Кулак, Добринский район).

Особенно активизировались в последнее время контрреволюционные элементы из числа церковников и сектантов различных толков. Ими распространяются различные контрреволюционные слухи. Призывают верующих «проваливать кандидатуры коммунистов» при выборах в советы. Имеются также попытки самовольно открыть ранее закрытые церкви и молитвенные дома.

В отдельных случаях служители религиозного культа, организовав верующих, произвели самовольное открытие церквей.

Рассказовский район. В селе Хуторово церковь самовольно открыта верующими, спровоцированными на это попом Сучковым.(Привлечен к ответственности).

Церковниками сел Коптево и Арженка и членами секты молокан поданы заявления об открытии в этих селах церквей и молитвенного дома.

Молоканин Белтор организовал сбор подписей сектантов к заявлению об открытии молитвенного дома в г. Рассказово. Обходя с подписным листом сектантов, Белтор убеждал их: «По новой Конституции, все церкви и молитвенные дома должны быть открыты».

Л.-Россошанский район. Члены церковного совета Кондрашевского сельсовета — Чикмарев и Ушаков, ссылаясь на Конституцию, вели среди населения агитацию: «Церковь от государства отделена, поэтому нужно требовать у сельсовета немедленного освобождения нашей церкви от находящегося в ней хлеба». (Арестованы).

Задонский район. Священник села Алисово Данилов агитировал за открытие церкви: «Нужно воспользоваться новой Конституцией и немедленно открыть церковь. Кто не будет бороться за церковь, тот будет проклят». (Арестован).

О неудовлетворительном проведении отчетной кампании сельсоветов и об активизации контрреволюционных элементов в ряде сел Воронежской области информирован областной комитет ВКП(б). Дукельский, № 11283.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Секретно-политические отделы образованы в марте 1931 г. как в центральном аппарате ОГПУ, так и в местных органах. В 30-е годы для секретно-политических отделов, сохранившихся в структуре Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, были определены следующие главные задачи: борьба с так называемыми контрреволюционными элементами города и деревни, сбор информации о политических настроениях во всех слоях населения страны. На основе обобщения информации подготавливались для партийных органов спецсообщения, сводки, доклады практически по всем проблемам жизни общества.

2. Спецсообщения направлялись в вышестоящие органы за подписью руководителя областного управления НКВД. В них указывался также и телеграфный номер этого сообщения.

Публикацию подготовил *В. Хаустов*.

КАК СНИЖАЛИ ЦЕНЫ В КОНЦЕ 40-Х — НАЧАЛЕ 50-Х ГОДОВ И ЧТО ОБ ЭТОМ ГОВОРИЛ НАРОД

Цены после войны снижали. Старшие об этом помнят и ставят в пример. Младшие слышали и не верят.

Было, было!

После денежной реформы и перехода к единым ценам в 1947 г. в течение семи лет регулярно проводились массовые снижения розничных цен на товары народного потребления. В целом за семилетний период индекс государственных розничных цен снизился в 2,2 раза, цен колхозного рынка — 2,5 раза (1955 г. к 1947 г.) [1*].

Из постановления № 1558 Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные товары» от 31 марта 1952 г.: «В связи с успехами, достигнутыми в 1951 г. в области промышленного и сельскохозяйственного производства, ростом производительности труда и снижением себестоимости продукции советское правительство и Центральный Комитет ВКП(б) сочли возможным осуществить с 1 апреля 1952 г. новое — пятое по счету — снижение государственных розничных цен на продовольственные товары массового потребления.

Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Снизить с 1 апреля 1952 г. государственные розничные цены на продовольственные товары в следующих размерах:

Хлеб печеный, мука и макароны

Хлеб ржаной . . . . **на 12%**

Хлеб из пшеничной сортовой муки, булки, баранки и другие хлебо-булочные изделия . . . . **на 15%**

Мясо и мясопродукты

Говядина, баранина, свинина, колбаса, сосиски, сардельки, куры и другие мясопродукты . . . . . . **на 15%**

Утки, гуси, индейки . . . . **на 20%**

Жиры, сыры и молочные продукты

Масло сливочное . . . . **на 15%**
Молоко, молочные продукты и молочные консервы . **на 10%**
Сыр советский, швейцарский, голландский и другие сыры . . . . **на 20%**
Яйца . . . . **на 15%**

Сахар, кондитерские и бакалейные товары

Сахар-песок и рафинад . . . . **на 10%**
Карамель завернутая, мягкие конфеты, шоколад и другие сахаристые кондитерские изделия . . . . . . **на 10%**
Печенье, вафли, кексы, торты, пирожные, пряники, сухари и другие кондитерские изделия из муки . . . . **на 12%**
Чай натуральный . . . . **на 20%**
Кофе натуральный и какао . . . . **на 15%**

Фрукты

Яблоки, груши, виноград . . . . **на 20%**

2. Снизить соответственно цены в ресторанах, столовых и других предприятиях общественного питания.

3. Снизить с 1 апреля 1952 г. розничные цены на книги, включая учебники, в среднем на 18%.

4. Снизить также с 1 апреля 1952 г. плату за номера в гостиницах в среднем на 15% [2*].

В чем же причины этой малопонятной государственной щедрости? Неужели и в самом деле «преимущества социализма»?

По существу, снижение цен непосредственно вырастало из колониальной политики по отношению к деревне. Во всех этих акциях было гораздо больше твердокаменного упорства и политического расчета (успокоить население городов, ожидавшее от «начальства» улучшения своей жизни), чем здравого экономического смысла.

Основой политики снижения розничных цен была перекачка средств из сельского хозяйства. Она носила характер явной политической акции. Не экономической! А деревня находилась на грани вымирания. Сельскохозяйственное производство топталось на месте. В 1949—1953 гг. среднегодовой сбор зерна ненамного превышал уровень 1910—1914 гг., а урожайность была даже ниже. Механизм ценообразования, прежде всего на продовольственные товары, запускался в деревне в действие волевыми, директивными методами. Процедура была чрезвычайно проста: колхозникам за работу ставили трудодни, именуемые в народе «палочками», а произведенную продукцию государство подчистую изымало из колхозных амбаров и кладовых, а чаще всего прямо с тока. Вот на такой переплетенной

множеством противоречий политической и социально-экономической почве осуществлялась «забота» руководства о своем народе. Справедливости ради заметим, что ресурсов для повышения зарплаты рабочим и служащим у государства все равно не было. Ведь все силы направлялись на восстановление народного хозяйства, качественное перевооружение армии, ускоренное развитие науки и техники, поддержку коммунистических режимов в Восточной Европе.

Процесс снижения цен проходил болезненно. Разрыв между «волевыми» ценами и фактической себестоимостью продукции, низкие темпы роста объемов производства и производительности труда, увеличение спроса и другие факторы способствовали, например, исчезновению с прилавков многих товаров, вздорожанию продуктов на колхозных рынках и т. п. Более того, выкачивание средств из деревни приводило к еще большему ухудшению материального положения крестьян, подрывало и без того слабые производительные силы.

Закономерно, что зигзаги, противоречия, перекосы в политике цен, как в зеркале, отражались в настроениях различных слоев общества. По-разному воспринимали снижение цен в народе. Кому-то это действительно было большое облегчение в жизни. Кто-то смотрел на эту проблему глубже, стараясь разобраться в сути происходящего. Предлагаемый читателям материал из Центрального архива Министерства безопасности России с достаточной полнотой и достоверностью показывает, как это происходило, приоткрывает еще одну малоизвестную страницу в истории России.

* *
*

4 апреля 1952 г.

Товарищу Сталину [3*]

О высказываниях населения города Москвы в связи с постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) о новом снижении государственных розничных цен на продовольственные товары.

Докладываю, что, по поступившим в МГБ СССР данным, население города Москвы с чувством радости и огромного удовлетворения встретило постановление Совета Министров и ЦК ВКП(б) о новом снижении цен на продовольственные товары [...]

Ниже приводятся характерные выдержки из писем.

2.IV.52 г. «Я пишу тебе письмо в то время, когда передают по радио постановление Совета Министров Союза ССР и ЦК ВКП(б) о снижении розничных цен на товары массового потребления. По счету уже пятое снижение. Из этого нам, простым людям, видно, что наша Советская держава из года в год растет, ширится и вместе с этим крепнет. Придет время, когда мы свой долг отдадим, демобилизуемся и станем штатскими людьми, будем работать, трудиться на наших полях и МТС и на других предприятиях советской социалистической родины, и нам уже будет жить лучше, легче, жизнерадостнее. Это можно судить по всему развитию Советского государства».

Получатель: Карпов И. Л.,
Казань, 31, в/ч 31528 «Г».
Отправитель: Москва, почтамт, в/ч 6449 «К».

2.IV.52 г. «Поздравляю вас, мои дорогие, со снижением на продовольственные товары. Одновременно благодарю советское правительство и большевистскую партию за заботу о нашем советском народе».

Получатель: Помазкова М. Т.
Львов, ул. Энгельса, 99.
Отправитель: Помазков Н. А.,
Москва, гостиница ЦДСА.

2.IV.52 г. «Поздравляю всех со снижением цен. Несмотря на трудную международную обстановку, наша страна растет, строится и крепнет».

Получатель: Вознесенский Н. Н.,
Киров (обл.), ул. Октябрьская, д. 15, кв. 14.
Отправитель: Вознесенский Р. Н.,
Москва, 2, Вышеславцев пер., д. 17, общежитие МЭМИИГа.

1. IV. 52 г. «Как здорово, что снизили цены! Теперь молоко стоит 2 руб. 20 коп. Дешевле, чем в Горлове, наверное. Нам с тобой теперь станет легче. Москва прямо торжествует».

Получатель: Таштаева А. Ф.,
Рязанская область., п/о Горлово, ул. Октябрьская, 20.
Отправитель: Багаева,
Москва, 76, Стромынка, 32, комн. 461.

31. III. 52 г. «Знаешь, только что передали постановление о снижении цен. Мне это очень нравится. Оклад

у папы сохраняется, а продукты дешевле, следовательно, жизнь будет легче».

Получатель: Киселева П.,
Киев, ул. Довнар-Запольского, д. 32, кв. 17.
Отправитель: Кузина З.,
Москва, ул. Тихвинская, д. 5, кв. 3.

31. III. 52 г. «Слушала постановление о снижении цен. До чего же хорошо, радостно! Обидно, что годы идут не к малым, а все к большим числам».

Получатель: Чубуков Л. П.
Курская обл., Дмитриевский р-н, Первоавгустовский пос.
Отправитель: Афиногенова,
Москва, Б. Каретный пер., д. 22, школа 187.

31. III. 52 г. «Передали сообщение о снижении цен. Как долго ждали его, сколько было разговоров. Самое основное — это масло, сыр, колбаса, крупа, а на них цены снизили неплохо, я ожидал меньшего. В общем, я очень доволен...

Настроение приподнялось, жить легче будет».

Получатель: Литвеева В. Б.,
Ленинград, 33, Железнодорожная ул., 25/2, кв. 7.
Отправитель: Литвеев,
Москва, 57, до востребования.

2. IV. 52 г. «Сегодня по радио сообщили о снижении цен на продовольственные товары, так что наша жизнь становится все лучше и лучше. Я ждала снижения цен на промтовары, ведь у нас, по-моему, одна мечта — как бы получше одеться, но его не было. Но и это хорошо, что на продукты снизилось, ведь у нас сейчас тяжелое международное положение, да притом также громадные стройки, а многие этого не сознают».

Получатель: Самсонова А. М.,
Московская обл., Куровской р-н, п/о Красное, с. Красное.
Отправитель: Дмитриева Л. В.,
Москва, 9, до востребования.

2. IV. 52 г. «Сейчас передали сообщение о новом снижении цен на продовольственные товары. Мы ликуем: маргарин, сырки, сахар, хлеб подешевели на 10—15%».

Получатель: Вакуленко К. К.,
Сталинская обл., Енакиево, пр. Шевченко, д. 66.
Отправитель: Гедговд К.,
Москва, 2, Донской проезд, д. 9.

1. IV. 52 г. «Сегодня я погулял по магазинам, посмотрел, что почем. Здорово продукты подешевели, мы те-

перь не меньше чем на 5 руб. ежедневно экономить будем на снижении, а 150—200 руб.— это хорошие деньги».

Получатель: Долгов Н.,
Муром, Владимирская обл., ул. Воровского, 72.
Отправитель: Долгов А. А.,
Москва, 51, Цветной бульвар, 19, кв. 18.

Московские рабочие, служащие, научно-технические работники, студенты, домашние хозяйки в беседах подчеркивают, что снижение цен существенно повышает материальное благосостояние трудящихся Советского Союза и служит новым доказательством нашей миролюбивой политики.

Прусов Н. В., слесарь-сборщик завода № 23 Министерства авиационной промышленности:

«Хорошее снижение. Оно дает снижение цен на продукты питания, которые потребляем мы ежедневно. Не так давно, в период войны, мы думали только о том, как достать картошку, а сейчас об этом уже не думаем, а свободно и дешево покупаем масло, колбасу и другие продукты питания. Быстро улучшается наша жизнь. Пройдет еще немного времени, и мы заживем зажиточно. Так заботятся о нас наша партия и наше правительство».

Борисов А. М., студент 5-го курса Московского высшего технического училища им. Баумана:

«Характерно в этом постановлении еще и то, что снижение цен произведено на предметы первой необходимости, которые ежедневно покупаются населением, и это существенно улучшает материальное положение нашего народа».

Напочкова А. И., домашняя хозяйка:

«Новое снижение цен показывает, что советское правительство действительно заботится о трудовом народе. Ведь для тех, кто получает небольшую зарплату, это снижение явится чрезвычайно большим облегчением. Эти люди от всего сердца благодарят правительство и Сталина».

Курляндцев, токарь цеха № 2 НИИ-1 Министерства авиационной промышленности:

«Снижение цен на продовольственные товары так значительно, что я с моей семьей в пять человек получил

большое облегчение. Смогу на оставшиеся деньги от продуктов купить для детей и себя кое-что из одежды».

Буртов М. А., начальник отдела главного технолога Государственного подшипникового завода им. Л. М. Кагановича:

«Посмотрите, как абсолютно методически наша партия проводит свою политику в части улучшения материального и культурного благосостояния нашего народа. Сделанное в свое время заявление т. Сталина о том, что партия будет особое внимание уделять вопросу поднятия жизненного уровня трудящихся путем последовательного снижения цен на товары, претворяется неуклонно в жизнь. Моя семья в этом снижении сэкономит около 15% от заработной платы».

Леонов В. В., конструктор ОКБ-45:

«Такое значительное снижение цен, проводимое 5-й раз, доказывает действительную заботу правительства и партии о народе. Значительное снижение цен на жизненно важные продукты улучшит бюджет семьи, и, хотя снижения цен на промышленные товары нет, экономия позволит покупать их больше».

Малкин А. С., технолог завода № 124 Министерства авиационной промышленности:

«Решение правительства об очередном снижении цен имеет для всех нас большое значение. Оно дает моей семье дополнительно по меньшей мере около 100 руб. экономии в месяц. Особенно ценно, что значительным снижением охвачены самые необходимые для нас продукты питания: хлеб, жиры и мясо».

Подколзина В. Ф., плановик завода им. Войкова:

«Снижением цен я, как и многие другие, довольна. Это произошло вопреки моим ожиданиям, я предполагала, что снижение будет на 5—10%, а снизили в среднем на 15%. Несмотря на напряженную международную обстановку, чувствуется действительная забота нашего правительства о трудящемся человеке».

Иллеш В. В., заведующий экономическим отделом журнала «Советский Союз»:

«Меня волнует такая проблема: ведь в государственном масштабе снижение цен дает миллиардную сумму

экономии для населения и, следовательно, ту же сумму убытка для государства. Самое главное состоит в том, что государство идет на такие убытки ради нашей выгоды. Ни одно из капиталистических государств за всю свою историю таких вещей не делало».

Госс Н. П., старший инженер 1-го Главного управления Министерства автомобильной и тракторной промышленности СССР:

«Я несказанно рад постановлению партии и правительства и реально ощущаю это на своем бюджете. Ведь у меня трое малюток, жена поэтому не работает, и 150 руб. ежемесячно выигрыша для моей семьи — великое дело: я могу значительно улучшить питание своих детей».

Нечаева А. А., заведующая машинописным бюро секретариата Министерства цветной металлургии СССР:

«Я горжусь тем, что наша страна и наше правительство проводят уже пятое снижение, тогда как за границей еще существуют в некоторых странах карточки, а цены увеличиваются».

Дранков В. А., технорук артели «Швейремонтодежда» Советского р-на Москвы:

«Слова т. Сталина всегда оправдываются. Не было еще случая,чтобы то, что сказал вождь, не осуществлялось на практике. Несмотря на то, что капиталисты Америки и Англии грозят нам войной, у нас снизили цены на продукты, это большая помощь для рабочего класса».

Бояров А. И., старший инженер лаборатории № 6 Всесоюзного электротехнического института:

«Интересно, как американцы и англичане смогут объяснить своему народу, почему в Советском Союзе правительство из года в год улучшает материальный уровень своих людей, а у них не только это не получается, а даже наоборот — цены все время повышаются. Это снижение еще раз разоблачает клеветническую пропаганду империалистов о том, что Советский Союз готовится к войне. Новое снижение цен — это новое доказательство нашей миролюбивой политики».

Бардин, рабочий-полировщик цеха покрытий НИИ-1 Министерства авиационной промышленности:

«Большое спасибо нашей партии и товарищу Сталину за заботу о нас, с каждым годом мы стали жить все лучше».

Наряду с положительными высказываниями со стороны отдельных лиц зафиксированы высказывания отрицательного характера.

Калдобская М. М., консультант Мосгорсуда:

«Это все — сплошная фикция. Во-первых, потому, что все равно в провинции нигде продуктов нет и не будет, а торговля хлебом ведется по спискам; во-вторых, никакого выигрыша население не получит, так как сэкономленную сумму с нас вытянут другим путем под любым предлогом».

Вадюхин П. В., экономист обувного отдела Главобувьсбыта:

«Несомненно со снижением цен могут быть проведены мероприятия по снижению зарплаты за счет имевшейся надбавки на хлеб или за счет увеличения подписки на государственный займ».

Ильичев М. А., ведущий инженер отдела ОКБ-670 Министерства авиационной промышленности:

«Оно, конечно, подешевление заметное, если считать по процентам — 15% или 20%. Но если учесть, что оно затронуло только часть продуктов, а промтовары совсем не подешевели, то это очень мало. К тому же повторится ловкий прием в магазинах — более дешевые сорта, которые после подешевления должны бы стать еще дешевле, совсем исчезнут, а более дорогие, подешевев, станут дороже, чем раньше были дешевые. Одним словом, государство никакого убытка не терпит, как об этом пишут газеты».

Савицкая М. А., художница:

«Следом за снижением всегда сейчас же бывает снижение расценок и зарплаты у всех рабочих и служащих. Поэтому снижение не играет никакой роли».

Сальников П. И., студент 5-го курса Московского высшего технического училища им. Баумана:

«Хотя и произошло новое снижение, а все равно население питается суррогатами и концентратами, так как в магазинах нет мяса, яйца, а если где и появится что-

либо, то в магазинах устраиваются громадные очереди».

Иванов А. С., главный инженер ОКБ-156 Министерства авиационной промышленности:

«Снижение безусловно существенное, порядка на 10% на все основные продукты потребления. Однако результата от этого ощутимого мы не получим, так как в этом году нас безусловно подпишут на заем больше, чем в предыдущем году, и на сумму, превышающую прибыль от проведенного снижения».

Куцоев, сотрудник Центрального авиационного моторостроения, доктор технических наук:

«Новое снижение цен сильно повлияет на материальное положение только малооплачиваемых категорий населения. Это некоторый косвенный шаг на пути нивелировки обеспеченности различных слоев населения в СССР. Следует также заметить, что это снижение поведет к увеличению суммы предстоящего займа».

Ретуев, работник сектора себестоимости и цен планового отдела Министерства машиностроения и приборостроения:

«Это снижение в конечном счете ничего не дает. В прошлом году сумма снижения розничных цен превышала сумму подписки на заем. Между тем в текущем году экономия от снижения розничных цен составляет, по тайным данным, около 28 миллиардов руб., подписка на заем в 1952 г. составит 42 миллиарда руб. В конечном счете получается не экономия для трудящихся, а потеря около 14 миллиардов руб.».

Вейберг К. М., главный механик треста «Союзстеклосырье» Министерства промышленности строительных материалов СССР: «Наше правительство наверняка не дало бы снижения цен, если бы не экономическое совещание, на котором присутствуют иностранцы. Все это делается только для того, чтобы доказать, что у нас «рай земной».

В. И. Вейц, член-корреспондент Академии наук СССР:

«Многих удивляют высокие цены на апельсины и ананасы. Известно, что за границей они стоят много

дешевле. Министерство торговли делает сумасшедшую наценку на несколько тысяч процентов против покупной цены. На время экономического совещания следовало бы убрать эти товары из магазинов или снизить на них цены. В противном случае с этим можно попасться очень здорово.

Делегаты могут обвинить Советское правительство в спекуляции. Они скажут: вот Советы покупают у нас апельсины по несколько копеек за штуку, а продают своему народу по 5 руб. Советский рабочий работает целый день за три апельсина».

С. И. Толкачев, инженер:

«Непонятно, почему уксус удостоился такой чести. Цены на гостиницы снижены, а на квартиры нет. Экономика у нас стоит вверх ногами: плата за квартиру в каком-нибудь доме-развалюхе равна плате за шикарную площадь в новом доме».

О высказываниях иностранцев, находящихся в Москве.

А. Нажжар, советник ливанской миссии:

«Систематическое снижение цен в Советском Союзе является результатом того, что в СССР существует правильно организованная экономическая система. Вы даже не представляете себе, какие вы счастливые люди: вы все сыты, все одеты, все работаете, а главное, вы все спокойны. Вы даже не представляете, что делается в других странах, например, в Англии, где люди сидят на голодном пайке».

М. Рахнема, 3-й секретарь иранского посольства:

«Пятое снижение на продукты питания может быть только в Советском Союзе, ни одна другая страна, ни одно другое правительство не в состоянии этого сделать».

Аргаман, советник израильской миссии:

«В этом году снижение меньше, чем в прошлом году, на промтовары снижения вообще нет, но думаю, что и они и мы это почувствуем. Вот, например, мне вчера купили яички по 15-30, сегодня же яички стоят 13 руб. Если кто-либо расходует полкилограмма мяса в день, то он полтора рубля на нем сэкономит. Конечно, большой

разницы нет, все еще дорого, но все же снижение — приятное явление».

В. Принн, военный атташе английского посольства:

«Я сегодня слушал о снижении цен по радио и читал в газете. Это хорошо для рабочих, но плохо для государства и крестьян, так как государство будет иметь меньше денег, а крестьяне должны все продукты продавать дешевле. У нас в Англии тоже хотят снизить цены и давно занимаются этим, но это трудно, так как многих продуктов у нас еще мало».

Лим Хэ, чрезвычайный и полномочный посол Корейской Народно-Демократической Республики.

«Мероприятие Советского правительства имеет громадное значение в политическом и международном отношениях. Советское правительство неустанно заботится о поднятии благосостояния своего народа, чего нельзя наблюдать в капиталистических странах.

Характерно, что зарплата остается прежней, а цены на продукты все более чем на 50% снизились со времени 1947 г.».

Дьи Хыэ, китайский военный атташе:

«Снижение цен имеет большое политическое и моральное значение для трудящихся. Меняется настроение, человек живет лучше и лучше работает».

А. Эден, атташе шведского посольства:

«Новое снижение безусловно имеет большое значение для населения. В среднем снижение продуктов составляет 15%, что дает возможность населению осуществить экономию на продукты питания, покупать другие вещи, например, промтовары. Особенно большое значение это снижение цен имеет перед экономической конференцией в Москве и безусловно сыграет большую роль».

Норберт Бишофф, австрийский посланник:

«Стоимость жизни в СССР сейчас ниже, чем раньше, рабочий может пообедать в заводской столовой немногим больше, чем за рубль».

Х. С. Камминг, поверенный в делах посольства США.

«Советское правительство одной рукой дает, а другой

забирает. После окончания экономического совещания будет выпущен новый заем, который заберет у населения часть сбережений, а также будут предприняты другие меры, чтобы получить от населения как можно больше денег».

Э. Франек, жена военного и военно-воздушного атташе Чехословакии:

«Прочитала газету с сообщением о снижении цен. На 30% подешевел только майонез, остальные продукты — на 10—20%. В кармане от этого не будет больше денег. Практически это даже не почувствуем, но министерство нам уменьшит жалованье».

Игнар Стефан, профессор высшей школы сельского хозяйства в Варшаве:

«Не могу понять, каким образом колхозники получают выгоду, если сельскохозяйственные продукты, которые они получают на трудодни или с приусадебного участка, они должны продавать на рынке дешевле на 15—20%, а на вырученные деньги приобретать товары ширпотреба, цены на которые остались прежними.

Колхозники здесь не выигрывают и не проигрывают от нового снижения цен только на сельскохозяйственные продукты».

Лонгхельм, финн, участник экономического совещания:

«По-моему, русские провели снижение цен на продукты лишь потому, чтобы показать экономическому совещанию, что жизнь населения улучшается. Конечно, правительством предусмотрено это. Интересно то, что русские провели снижение цен на продукты как раз в канун экономического совещания».

С. Игнатьев [4]*

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] История ценообразования в СССР. Документы и материалы. Т. III, М., 1975, с. 17.

[2] «Правда», 1952, 1 апреля.

[3] Копии были разосланы: Молотову, Маленкову, Берия, Булганину, Микояну, Кагановичу, Хрущеву.

[4] Игнатьев С. Д. (1904—1983), в 1951—1953 гг.— министр государственной безопасности СССР, в 1952—1953 гг.— секретарь ЦК КПСС.

Публикацию подготовили *А. Краюшкин* и *Н. Тепцов*.

РАСКРЫТЫЕ ТАЙНЫ

МИРОВОЕ РАВНОВЕСИЕ И «ВАКУУМ СИЛЫ»

Прогноз министра иностранных дел Германии И. Риббентропа о судьбах послевоенного мира с приложением документов по истории сепаратных переговоров Германии и союзников

Вторая мировая война изменила не только политическую карту мира — распределение и главным образом соотношение цветов на этой карте тоже целиком зависело от результатов глобального конфликта. Это последнее обстоятельство, особенно на заключительном этапе войны, когда поражение Германии стало неминуемым, остро осознавалось ее участниками. Вопрос заключался даже не в том, «кто будет править миром», а в том, будет ли править миром коммунистическая Россия. Отношение к Советскому Союзу, к его месту в послевоенном мире стало краеугольным камнем мировой политики, той точкой, в которой пересекались две главных оси отношений: между союзниками и СССР, с одной стороны, и между союзниками и Германией — с другой.

Прекрасно осознавая генетическую обусловленность антагонизма между союзниками, германское руководство, начиная с 1943 г. и вплоть до конца войны, пыталось играть на противоречиях между ними. Цель этих усилий была ясна: внести раскол в антигитлеровскую коалицию и тем самым избежать окончательного разгрома Германии, реальность которого стала очевидной в начале 1944 г. даже для многих ближайших сподвижников Гитлера. Эти последние, используя аппарат разведывательных служб и дипломатические каналы в нейтральных странах (Швеция, Швейцария, Ирландия и др.), а также личные связи, начинают непрерывный зондаж в руководстве США и Великобритании насчет возможного заключения сепаратного мира. Тон закулисных переговоров постепенно меняется: по мере приближения конца германские

эмиссары «сбрасывают» цену, запрашиваемую с англичан и американцев за выход Германии из войны. Однако неизменной остается аргументация «сепаратистов»: Германию надо сохранить, единая и сильная Германия нужна западному миру как «бастион капитализма» в Европе, противостоящий натиску коммунизма и грядущей «советизации». С этой точки зрения представляет интерес перехваченная советской разведкой в феврале 1945 г. телеграмма Риббентропа германскому посланнику в Ирландии. Уникальность этого документа не только в том, что он раскрывает механизм «обработки» западных правительств с целью склонить их к переговорам с Германией, но и — в большей степени — в том, что он представляет, по сути дела, манифест послевоенного антикоммунизма, программу будущей «холодной войны», неизбежность которой была очевидна для Риббентропа уже в феврале 1945 г.

Что касается реакции США и Англии, то они, хотя и не пошли на прямые переговоры с Германией, полностью разделяли опасения о «коммунистической угрозе» Западу. Ряд документов показывает, что в конце войны союзники (главным образом Англия) тайно предпринимают меры, направленные на сокращение сферы влияния СССР в послевоенной Европе (например, указание о возобновлении разведывательной деятельности британских спецслужб на территории стран, освобожденных Красной Армией, или телеграмма Черчилля о необходимости опередить русских в освобождении Чехословакии).

Публикуемые документы представляют собой подборку резидентурных сообщений и перехваченных советской разведкой дипломатических посланий, имеющих отношение к планам и ведению сепаратных переговоров между фашистской Германией и союзниками СССР по антигитлеровской коалиции в 1944—1945 гг. Более полно эти документы из Центрального архива Министерства безопасности России будут представлены в готовящемся к печати сборнике «Советские органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне» (главный редактор — В. П. Ерошин, отв. секретарь редколлегии — В. П. Ямпольский).

Редакция

№ 1. СООБЩЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ПОСЛА В ПОРТУГАЛИИ В МИД ВЕЛИКОБРИТАНИИ О ЗОНДАЖЕ РУМЫНИИ ОТНОСИТЕЛЬНО УСЛОВИЙ ВЫХОДА ЕЕ ИЗ ВОЙНЫ

8 февраля 1944 г.

Мистер Кадере [1*] возвратился из Бухареста в Лиссабон. Он прислал мне письмо с просьбой в ближайшее время встретиться с ним. Он хочет проинформировать меня о готовности его правительства немедленно и безоговорочно капитулировать перед тремя основными союзными странами, если Румыния получит гарантию, что после изгнания немцев из Румынии оттуда также будут выведены и русские войска. Если союзники согласятся с этими условиями, то румынское правительство пошлет военных представителей в Лиссабон для встречи с представителями союзников.

Это все, что содержится в письме Кадере. Я не уверен, что в нем изложено все то, что Кадере хотел мне передать в действительности. Считаете ли Вы необходимым, чтобы я встретился с ним и выяснил, что он намерен сообщить нам. В конце беседы я скажу, что его письмо передам Вам. Пока не получу других указаний, я не буду делать никаких высказываний, помимо постановки перед ним таких вопросов, которые могут оказаться необходимыми в процессе беседы для уяснения смысла его сообщения.

№ 2. СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ НКГБ СССР В ВАШИНГТОНЕ О ПОПЫТКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВОЕННЫХ КРУГОВ ГЕРМАНИИ ДОБИТЬСЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СЕПАРАТНОГО МИРА С ЗАПАДНЫМИ ДЕРЖАВАМИ

[Май 1944 г.]

Находящийся в Швейцарии в американском посольстве в Берне представитель УСС[2*] Даллес [3*] сообщил в первых числах мая в Госдепартамент, что лично к нему приезжал из Германии генерал фон Браухич [4*], который от имени группы военных предложил мир на следующих условиях:

1) группа свергнет Гитлера;

2) группа создаст военное правительство, которое пойдет на безусловную капитуляцию.

3) советские войска не должны участвовать в оккупации какой бы то ни было германской территории.

В последних числах мая Даллес сообщил в Госдепартамент, что к нему с предложением о мире обратились представители еще одной группы в Германии, состоящей из видных военных, включая Цейтцлера [5*], промышленников и оставшихся в Германии правых социал-демократов. Условия мира — очищение германскими войсками оккупированных территорий в Западной Европе и свобода действий на Востоке для продолжения войны против СССР.

№ 3. СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ НКГБ СССР В СТОКГОЛЬМЕ О ПОПЫТКАХ ГЕРМАНИИ ЗАКЛЮЧИТЬ СЕПАРАТНЫЙ МИР С ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ И США

20 июля 1944 г.

В начале июля германский посланник в Стокгольме Томсон [6*] установил контакт с англичанами и сделал им следующее предложение: «Ввиду преобладающей необходимости для Германии защищать себя и Европу против большевистской угрозы Германия согласна допустить вступление в Германию англо-американских войск с запада без сопротивления или только с показным сопротивлением.

За это англичане и американцы гарантируют Германии:

1) категорический отказ в разрешении русским войскам вступить на германскую территорию к западу от линии, проходящей между Одером и Вислой;

2) англичане и американцы в своей послевоенной политике по отношению к Германии проявят разумную умеренность.

Более подробные условия могут быть выработаны на последующей встрече».

Англичане в Стокгольме хотя и ответили на это предложение отрицательно, однако согласились передать его содержание в Лондон.

№ 4. СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ НКГБ СССР В ИТАЛИИ О ПЕРЕГОВОРАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕМЕЦКИХ ВОЕННЫХ КРУГОВ С СОЮЗНИКАМИ О ЗАКЛЮЧЕНИИ СЕПАРАТНОГО МИРА

24 июля 1944 г.

Спеллман [7*] и Тэйлор [8*] прибыли в Рим по просьбе папы [9*]. Они встречались с немецким послом при Ватикане Вейцзекером, который представляет военную группу Браухича и Кейтеля в Германии. Вейцзекера рассматривают как лучшего дипломата, который не скомпрометирован нацизмом и является стойким антикоммунистом.

Немцами выдвинуты перед союзниками следующие условия мира:

район Рейна отходит к Франции;

Австрия выделяется в самостоятельное государство;

Польша получает старые границы с Германией, но без коридора и Данцига, взамен чего она получает Мемель с округом;

будет сформировано военное правительство из нескомпрометированных генералов;

союзники сохраняют целостность Германии.

№ 5. СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ НКГБ СССР В РИМЕ О ПЕРЕГОВОРАХ НЕМЕЦКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ С У. ЧЕРЧИЛЛЕМ В ВАТИКАНЕ ОБ УСЛОВИЯХ СЕПАРАТНОГО МИРА

27 августа 1944 г.

Черчилль был принят не в пятницу, как сообщают газеты, а в среду. Черчилль был без свиты, лишь с одним личным секретарем. После беседы с папой он посетил Государственный секретариат Ватикана, где его ожидал Вейцзекер, который, как упорно утверждают в Ватикане, возглавляет немецкую делегацию, прибывшую для переговоров с англичанами. Беседа Черчилля с Вейцзекером была непродолжительной.

Англичане выдвинули условия:

1. Полная капитуляция немцев и быстрая оккупация Германии.

2. Детальные переговоры о территории будут вестись после оккупации, против чего возражают немцы.

3. Воскресить партию христианских демократов и земледельцев, которые должны составить большинство в правительстве.

4. Временная администрация должна находиться в англо-американских руках.

5. Немедленное возвращение аннексированных Германией территорий.

6. Немцы должны сотрудничать в устранении опасности коммунизма.

Что касается Ватикана, то он настаивает на скорейшем формировании немецкого правительства, с тем чтобы избежать при оккупации Германии какого бы то ни было просоветского правительства.

№ 6. ЦИРКУЛЯРНОЕ УКАЗАНИЕ РУКОВОДИТЕЛЯ ИНТЕЛЛИДЖЕНС СЕРВИС (СИС) МЕНЗИСА[10*] ОБ АКТИВНОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ, ОСВОБОЖДЕННЫХ КРАСНОЙ АРМИЕЙ

Январь 1945 г.

Я решил, что сейчас уже настало время отменить введенный мною ранее запрет на разработку деятельности советских властей в некоторых странах. В связи с этим я разрешаю начать активно (хотя и осторожно) разработку деятельности советских властей в Люблине, вне советской территории, и сбор любой необходимой СИС развединформации на территориях, частично или полностью оккупированных советскими властями, а именно в Румынии, Болгарии, Венгрии и Северном Иране.

Вся эта деятельность должна вестись при условии строгого соблюдения нижеследующего: ни один агент не должен быть использован для проникновения в советские вооруженные силы, советские дипломатические и экономические миссии без разрешения Центра. На

агентуру, которая рекомендуется для внедрения в советские органы, необходимо прислать в Центр полные детальные данные.

Все предыдущие указания, противоречащие вышеизложенному, по получении данной инструкции аннулируются. Директивы о характере информации, которую необходимо получать, будут посылаться вам время от времени.

№ 7. ДИРЕКТИВА И. РИББЕНТРОПА НЕМЕЦКОМУ ПОСЛАННИКУ В ИРЛАНДИИ ПО ВОПРОСУ СЕПАРАТНОГО МИРА ГЕРМАНИИ С ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ И США [11*]

16 февраля 1945 г.

Ниже передается директива только для главы миссии, а также его уполномоченных.

Изложенное здесь должно быть использовано в разговоре с особо важными политическими лицами, которые в состоянии передать его сущность высокопоставленным и влиятельным англичанам и американцам.

Мне неизвестно, на каких англичан и американцев вы можете рассчитывать в конкретном случае. Если представится возможность, то прошу передать сущность этой директивы через представителя наиболее важной английской или американской службы. Ни в коем случае от вас не должно исходить чего-либо в письменном виде.

Содержание директивы следующее:

Согласно достоверной информации, авторитетные берлинские политические круги характеризуют ситуацию таким образом:

1. Германия сейчас, как и всегда, намерена непоколебимо бороться на стороне своих союзников, защищая империю всеми возможными средствами, и продолжать войну до тех пор, пока враг Германии поймет, что она и ее союзники не могут быть побеждены.

2. Современное международное положение порождает в берлинских кругах следующие мысли: новым и самым важным фактом, вскрытым нынешней войной, является военная мощь Советского Союза. Насколько силен Советский Союз сегодня, свидетельствовало его зимнее

наступление. Оно показало, каким образом действует Советский Союз. Сталин подчинил своей власти фактически всю Восточную Европу и Балканы (Румыния, Болгария, Македония, ЭЛАС в Греции [12*], Сербия, Венгрия). Тито не кто иной, как агент Коминтерна. Меры, к которым обращаются русские в этих странах, показывают (хотя русские иногда и пытаются скрыть факты), что они (русские) не имеют никакого намерения отказаться от них и в конечном счете хотят преобразовать их в коммунистические государства как часть Советского Союза [13*].

Даже во Франции и Италии коммунисты исключительно активны... а казнь князя Кирилла [14*] показывает, каковы советские методы.

3. Сталин не удовлетворится тем, что уже завоевал. Он рассматривает Турцию как сферу своего влияния и желает получить контроль над этой страной. Он одержал победу в Иране и намеревается завладеть Северной Норвегией. Однако наступление против Германии показывает, что Сталин добивается, помимо всего этого, осуществления более великой цели: он планирует завоевание и оккупацию Германии и этим думает завершить свою программу осуществления господства над Европой. Это иллюстрируется тем фактом, что Молотов еще во время своего посещения Берлина [15*] недвусмысленно заявил, что русские претендуют на контроль над проливами Скагеррак и Каттегат. Германия на сегодня является единственной силой, которая борется против Советского Союза. Германия представляет собой стену, которую Сталин должен разбить, если он хочет пробить себе путь в Европу. Если Сталину удастся сломить сопротивление Германии на Восточном фронте, то большевизация Германии, а отсюда и всей Европы будет навсегда совершившимся фактом. Если один русский когда-либо войдет в Берлин, тогда без всяких церемоний Европа станет коммунистической.

4. С германской точки зрения, наивно и нереально верить в то, что англичане и американцы, выполнив свой план подчинения Германии посредством использования большевизма, смогут затем нанести полное поражение замыслам Сталина путем соглашений о разделе на зоны оккупированной территории Германии [16*]. Даже если Сталин пошел бы на такое соглашение во время конференции глав трех правительств, то это была бы просто

тактика, и ни в коем случае не изменятся его замыслы о большевизации Европы и о полном подчинении ее сюзеренству Кремля.

Неописуемо безобразное поведение Красной Армии в восточных германских провинциях (истребление и увод населения) уже является достаточным фактом для того, чтобы ясно показать, каковы намерения Сталина.

Более того, хорошо известно, что на протяжении последних нескольких лет он направил тысячи военнопленных в политические школы и сформировал из них кадры для новой германо-советской армии. Руководство этими политическими и военными формированиями сосредоточено в руках коммунистов, которые еще раньше выехали из Германии и занимались в коминтерновской школе, а сейчас вместе с несколькими захваченными германскими офицерами вошли в состав Комитета свободной Германии [17*].

Войска, работающие совместно с ГПУ [18*], предназначены для как можно более быстрого строительства коммунизма в Германии после оккупации ее Красной Армией, для истребления интеллигенции и установления германо-советского режима.

Если большевизм когда-либо победит в Германии, то он не ограничится районом Эльбы, Везера или даже Рейна, а распространится по всему европейскому континенту. Что это будет означать для Англии, довольно очевидно.

В данное время Сталин все еще осторожно продолжает вести дела с мистером Черчиллем. Но как только германский противовес исчезнет с пути, Сталин покажет себя Черчиллю в своем настоящем виде.

Характерный свет, помогающий понять тактику Кремля по отношению к английскому правительству, проливает следующий инцидент, который произошел недавно между Молотовым и новым посланником коммунистической Болгарии в Москве. Когда последний высказал свое опасение по поводу того, что Англия может в один прекрасный день возобновить свою оппозицию по отношению к Тито и, усилив свое влияние среди старых сербских партий, нарушить федеральный блок между коммунистической Югославией и Болгарией, который уже формируется, Молотов только сделал презрительный жест и заявил, что англичане будут неистовствовать, опасаясь за Эгейское море, но они не осмелятся

произнести ни слова, если болгаро-югославский блок, к которому позже присоединятся Македония и ЭЛАС в Греции и который будет создан под руководством Москвы, станет фактом даже до окончания войны. Важно, чтобы этот блок был создан до окончания войны, в то время как Англия занята решением греческого вопроса, что поможет поставить ее перед совершившимся фактом. Нам известно об этом разговоре из телеграммы, которая была направлена из Москвы в Софию и попала в руки германских властей.

После того как Германия и остальная Европа будут побеждены, Советский Союз автоматически начнет осуществлять свои претензии прежде всего в отношении Ближнего Востока.

Нефтяной интерес Англии в Иране и на Ближнем Востоке будет потерян для нее в течение короткого времени, и никакая сила в мире не помешает Сталину пробивать себе дорогу к Суэцкому каналу. Крайняя опасность для английского флота остаться без своей собственной нефти и опасность для империи встать перед фактом прерванного морского пути в Индию являются очевидными. Однако даже это не является конечной целью Кремля.

Решающим фактором является (как хорошо всем известно) то, что Сталин ненавидит Англию. Поэтому после покорения Европы уничтожение Британской империи Советским Союзом будет только вопросом времени. Для каждого политически грамотного человека достаточно бросить взгляд на карту, чтобы убедиться в данном факте. Уничтожение британского империализма как цитадели капитализма, что уже проповедовалось Лениным, будет тогда завершено путем продвижения в направлении Индии и установления там коммунизма.

Отношение Сталина к современному господствующему классу в Америке хорошо известно в Берлине. Его ненависть к этому классу не меньше его ненависти к английскому капитализму.

С Рузвельтом Сталин также ведет только тактическую игру. Америка совершенно одна предстанет перед созданным таким образом мощным европейским блоком, который еще никогда не существовал в мировой истории.

Нет нужды вдаваться в подробности о том, что это будет означать для Америки в Восточной Азии, так как для Сталина заветной мечтой всегда было сделать Китай

коммунистическим. Всякое влияние Соединенных Штатов в Восточной Азии сразу же прекратится, и большевизация самих Соединенных Штатов этим гигантским мировым блоком вновь будет только вопросом времени.

5. Предположения американцев и англичан о том, что Германия может быть демократизирована, а не советизирована, рассматриваются в Берлине как пустая иллюзия. Помимо всего прочего, наличие миллионов немцев в Германии, дома которых разрушены во время налетов, и огромный экономический и моральный ущерб, причиненный войной, делают определенным то, что Германия станет большевистской, если национал-социалистский режим будет уничтожен. Но существенный момент заключается в следующем: Сталин рассматривает налеты англо-американской авиации как манну небесную, ибо знает, в какой степени это способствует осуществлению политических задач Кремля. Утверждают, что он назвал англо-американские воздушные силы своей европейской артиллерией, а английских и американских солдат охарактеризовал как выполняющих историческую задачу, ибо они помогают завладеть Европой для Советов.

Если германский восточный фронт будет действительно когда-нибудь разбит, вышеупомянутая советская программа начнет осуществляться немедленно. Всякая попытка изменить направление современной английской и американской военной политики тогда станет совершенно невозможной. Будет правильным сказать, что со дня нашего поражения на германском восточном фронте судьба Европы, Британской империи, в конечном счете Америки будет решена, так как там, где воткнут советский штык, ГПУ немедленно уничтожит всю интеллигенцию с тем, чтобы после этого перевоспитать оставшихся в живых в коммунистическом духе, то есть сделать так, как того требует Сталин, а он, в частности, требует полного подчинения конкретной страны. Таким путем Сталин создает однозначную политическую действительность, которая совершенно исключает возможность всякого влияния со стороны каких-либо других кругов в стране, оккупированной Советским Союзом.

Единственным политическим и духовным противовесом несомненно грозной доктрине коммунизма является сейчас национал-социализм, то есть именно тот фактор, который англичане и американцы намерены уничтожить. Поэтому английская корона, английская консервативная

партия и американские правящие классы должны иметь только одно желание, а именно: чтобы не случилось никакого несчастья с Адольфом Гитлером.

Во время мировой войны 1914—1918 гг. положение было иным. В то время коммунизм не распространялся еще за пределы России. Однако даже тогда невозможно было принять эффективные военные и политические меры против коммунизма в России. Английские войска, находившиеся в Архангельске, были очень быстро отозваны из этого района, так как они не только не могли ничего сделать в военном отношении, но уже сами начали заражаться коммунизмом.

Однако сейчас за спиной агрессивного духа коммунистической концепции о международной политике стоит Сталин приблизительно с 650 дивизиями, готовыми прийти на помощь туда, где любая европейская или неевропейская держава, т. е. англичане или американцы, выступят против большевизации и насаждения коммунизма в Европе. Даже самая сильная англо-американская армия и воздушный флот, которые могут быть когда-либо посланы этими странами в Европу, не в состоянии будут многого сделать в конце концов в борьбе против мощного блока России с Германией с его огромными людскими и материальными резервами.

Надежда англичан и американцев на то, что, в случае поражения Германии, они могут положить конец коммунизму в оккупированных ими районах, в то время как Советы будут вводить коммунизм в оккупированных ими районах, является в глазах политических деятелей, знакомых с методами большевизма, ошибочной и наивной. В действительности же коммунизм может в течение короткого периода времени победить также и в англо-американских оккупационных зонах. Ни один немец не поднимет руку для того, чтобы помешать этому. Ненависть по отношению к англичанам и американцам за бомбардировки ими Германии слишком велика для этого. Очевидно, английские и американские штыки бессильны в борьбе с коммунистической идеей.

Видимо, также придется учитывать опасность проникновения большевистско-коммунистической заразы в английскую и американскую армии, находящиеся в Европе, так как следует принять во внимание, что со времени первой мировой войны пропаганда и подрывная деятельность Советов поставлена гораздо более широко,

и эта опасность стала бесконечно большей, чем она была в то время.

6. Исходя из этих военных и политических моментов никто в Германии больше не понимает политики Англии и США, ибо эти государства делают все возможное для уничтожения фактора, который является единственным противовесом и препятствием для объединения Советским Союзом крупных людских резервов и материальных ресурсов всей Европы.

Таким фактором является Германия.

После того, как станет очевидной колоссальная мощь России, не только Германия, но и вся Европа должны будут тратить свои силы на протяжении поколений на защиту от опасности, идущей с Востока. Поэтому для Англии не возникает больше никакой опасности со стороны Европы. В Берлине сложилось мнение о том, что вместо прежней системы равновесия в Европе должна возникнуть в будущем новая система равновесия среди великих держав. Принимая во внимание огромную силу России, в будущем сможет существовать установка равновесия в запасном полушарии только в том случае, если европейские страны будут стоять плечом к плечу против России, а морские пути, ведущие в США, будут открытыми.

Подобным же образом существование Японии как великой державы является обязательным условием для уравновешивания сил в восточно-азиатском районе, так как сила России огромна: Россия несомненно является самой богатой страной в мире, исключительно сильной в биологическом отношении (высокая и все еще повышающаяся рождаемость). Ее военная промышленность, созданная в течение всего нескольких лет, разбросана по всей стране и практически не подвержена опасности атак.

Решающим фактором, однако, является, пробуждение и техническая подготовка самих русских. Это помогло Кремлю использовать естественные ресурсы страны и народа, создать наиболее мощную военную машину из всех существовавших когда-либо раньше. Если Германия будет когда-либо уничтожена, то чаша весов раз и навсегда упадет в сторону Советской России. Однако с германским и в дополнение к этому европейским потенциалом в людях и технике, которые будут иметь в его распоряжении, Советский Союз будет всесильным. Германия искала честного союза с Советским Союзом и с этой целью она заключила с ним соглашение летом

1939 г. Сталин, однако, питал надежду на то, что Германия будет вовлечена в длительную войну на Западе, и надеялся, что ему удастся воспользоваться данной войной для того, чтобы подорвать Германию посредством пропаганды и использовать ее в своих интересах.

В момент начала войны в Берлине было уже больше тысячи русских агентов, в так называемой советской делегации [19] *, которые использовали каждый час вечера с тем, чтобы заразить германских рабочих идеей коммунизма.

Когда после поражения Франции Сталин увидел, что его расчеты были ошибочными, он стал проводить более агрессивную политику (действия, направленные на захват прибалтийских государств и Румынии, визит Молотова, во время которого он претендовал на Дарданеллы и на выход из Балтийского моря). Наконец, в своей речи, произнесенной для слушателей Академии Фрунзе в мае 1941 г., он совершенно открыто проповедовал войну против Германии. О последнем факте стало известно от трех русских офицеров, видных военных чинов, которые были взяты в плен в различное время и допрашивались отдельно. Эти офицеры присутствовали на военном банкете и полностью подтвердили факты [20] *.

Германия будет вести борьбу против Советского Союза до конца. Однако подойдет время, когда Германия должна выбирать между Востоком и Западом. Широкие круги германского народа, особенно население, имущество которого погибло во время бомбардировки, а также широкие партийные круги совершенно определенно устремляют свои взгляды на Восток. На основе этой тенденции должны быть сейчас сделаны выводы. В течение последнего времени эта тенденция все больше и больше дает себя чувствовать. Несомненно это будет рассматриваться англичанами и американцами как блеф; однако, с точки зрения Берлина, это что угодно, но не блеф, и в случае если не удастся удержать Восточный фронт, Гитлер и народ решили, несмотря на серьезные бедствия, которые в результате этого падут на Германию, продолжать этот путь до самого конца. Если англичане и американцы не верят этому, то их научат события, которые произойдут в таком случае.

Во всяком случае Германия при таких обстоятельствах не в состоянии будет изменить в каком-либо отношении ход событий. Если Запад упустит психологический момент, тогда Германия будет вынуждена неизменно ориентироваться на Восток.

7. По концепции Берлина мировое равновесие является обязательным фактором для того, чтобы предотвратить дальнейшее... В современном мире с существующим развитием техники никогда больше не может быть где-либо пустоты в политическом или военном отношении. Самая сильная держава все время будет заполнять такую пустоту своей силой.

Поэтому если сила Германии в Европе будет когда-либо сломлена совместными усилиями союзников, то вакуум силы в Германии и в Европе будет автоматически заполнен самой сильной державой, т. е. Советским Союзом.

Поэтому в интересах Англии и Америки важно, чтобы Германия и в Восточной Азии Япония продолжали существовать как великие державы и чтобы эти две великие державы участвовали в предстоящем соглашении великих мировых держав как могущественные факторы силы.

Цель Германии в войне ясна. Она желает уйти вместе со своими собственными народами в пределы ее границ. Германия желает, чтобы все нации в Европе были свободными. Утверждение о том, что Германия стремится к господству в Европе, является продуктом иностранной пропаганды.

Политика, которую Германия проводила во Франции и на Балканах, показывает, что Германия никогда не имела намерений нарушить свободу отдельных наций. Даже внутренняя политика национал-социализма настолько извращена пропагандой противника, что ни один англичанин или американец в действительности не представляет себе, что значит национал-социализм.

В Берлине убеждены, что каждая страна, включая Англию и Америку, должна окончательно разрешить социальную проблему без промедления, и если она не пойдет по пути всеразрушающего большевизма или коммунизма, то она может в социальном отношении только следовать по пути Адольфа Гитлера. В Берлине убеждены, что национал-социализм является упорядоченным синтезом капитализма, а поэтому он является формой рационального капитализма.

Еврейский вопрос является делом германской внутренней политики и должен быть разрешен в Германии, если она не станет жертвой коммунизма. Еврейский вопрос в других странах не интересует Германию. Вместе с тем на практике в Германии придерживаются мнения,

что немцы могут сотрудничать с другими странами в разрешении еврейского вопроса во всем мире.

Клевета особенно велика в связи с церковным вопросом. Несомненно, что радикальное крыло партии придерживается антиклерикальных взглядов. Однако в течение нескольких лет в данном вопросе происходит все усиливающаяся эволюция даже внутри самой партии, и в результате этого все церкви в Германии больше посещаются, чем когда-либо раньше. В основном партия, как и всегда, настаивает на принципах партийной программы, то есть ее отношение к христианству является положительным. Программа устанавливает, что каждый человек может иметь свою собственную веру. Однако то, что церковь не может вмешиваться в государственные дела, является принципом, который теперь утвердился на практике и не вызывает вопросов в руководящих кругах, несмотря на случайное вмешательство со стороны радикальных кругов, которое иногда имеет место.

Как интересный симптом в связи с этим можно отметить, что государство ежегодно предоставляет в распоряжение германских церквей более миллиарда марок из национального дохода.

В экономическом отношении в Берлине придерживаются такой точки зрения, что следует стремиться к максимальному производству необходимых товаров в пределах собственной территории страны и что базис максимального самообеспечения необходимыми товарами является основным условием экономического переустройства и обмена товарами между различными странами и таким образом процветания мировой торговли.

8. В Берлине ясно представляют себе, что только сотрудничество великих держав между собой и участие Германии в будущем устройстве мира поможет добиться согласия и обеспечить сотрудничество мировых держав. Сотрудничество мировых держав, которое должно занять место военных союзов и в котором Германия должна принимать активное участие, поможет само по себе предотвратить возникновение третьей мировой войны. Однако все требования, предъявляемые Германии ее противниками, направлены на предотвращение всякого сотрудничества такого вида в будущем и на создание условий для вечной войны. Безоговорочная капитуляция и предполагаемые отправки партий немцев, закованных в цепи, в Сибирь будут означать только сдачу Германии на откуп коммунизму.

В Берлине удивлены тем, что никто в Лондоне и в Вашингтоне не признает этого факта и того обстоятельства, что настоящая политика английского и американского правительств должна привести не к обеспечению длительного мира, а как раз наоборот — к состоянию вечной войны.

Эти мысли, которые вскрывают глубину эволюции, происходящей сейчас в Германии, в то же время содержат в себе предупреждение об угрожающих событиях. Но если момент будет упущен и германская империя будет уничтожена большевизмом, тогда больше не представится возможности договориться с Германией, так как она никогда больше не сможет быть демократическим государством, а станет только коммунистической страной и будет лишь влачить свое существование. День поражения на германском восточном фронте будет поэтому в полном смысле слова поворотным пунктом в мировой истории.

№ 8. СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ НКГБ СССР В АНГЛИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ПЕРЕГОВОРОВ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ЗАПАДНЫМ ФРОНТОМ А. КЕССЕЛЬРИНГА [21] * С АНГЛИЧАНАМИ И АМЕРИКАНЦАМИ ПО ВОПРОСУ КАПИТУЛЯЦИИ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК В ИТАЛИИ

8 апреля 1945 г.

Агент ФБР «Лемон» рассказала нашему агенту «Д», что от работника УСС (организация Донована), который на днях прибыл из Италии в Англию, ей стало известно, что до перевода Кессельринга с итальянского на западный фронт сам Кессельринг или два высших немецких офицера от его имени вели с союзническим командованием в Италии переговоры о капитуляции немецких войск, находящихся на итальянском фронте.

«Д» сообщил об этом Лидделу [22] *, который неохотно подтвердил правдоподобность данной информации, но продолжать разговаривать на эту тему не пожелал.

9. ДОНЕСЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ПОСЛАННИКА В СТОКГОЛЬМЕ В. МАЛЛЕТА В ФОРИН ОФФИС О БЕСЕДЕ Г. ГИММЛЕРА С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ШВЕДСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА Ф. БЕРНАДОТОМ ПО ВОПРОСУ ВЫХОДА ГЕРМАНИИ ИЗ ВОЙНЫ

13 апреля 1945 г.

1. Граф Бернадот [23] * строго конфиденциально сообщил мне некоторую информацию о его беседе с Гиммлером в Берлине на прошлой неделе, которая продолжалась четыре часа.

2. В противоположность встрече Бернадота с Гиммлером три недели тому назад сейчас Гиммлер признал, что все кончено. Бернадот заявил, что правильной политикой было бы немедленно капитулировать, и это спасло бы бесчисленное количество жизней. Гиммлер ответил, что он поддержал бы такую линию, но Гитлер не хочет и слушать об этом, а он, Гиммлер, считает себя связанным клятвой верности Гитлеру. Бернадот на это заявил, что верность Гиммлера германскому народу является более важным фактором, однако Гиммлер ответил, что он всем обязан фюреру и не может покинуть его в последние минуты.

Гиммлер совершенно не казался взволнованным, и создалось впечатление, что он является совершенно нормальным и сохранил энергию и организационную способность. У него даже хватает времени для чтения книг с руническим письмом, что, очевидно, всегда являлось его любимым занятием.

Гиммлер заметил, что ему известно, что он стоит первым в наших списках военных преступников. Бернадот сказал ему, что то, что он рассматривается как военный преступник, является вполне естественным, так как он является главой гестапо, ужасные жестокости которого доказаны.

Я спросил Бернадота, не осталось ли впечатления о Гиммлере как о садисте. Бернадот ответил мне, что, к его удивлению, Гиммлер не произвел на него такого впечатления. Гиммлер сам сказал Бернадоту, что ему известно о том, что за пределами Германии его считают жестоким. Гиммлер утверждал, что на самом деле он не любит жестокостей и что за границей о нем создалось

неправильное мнение. Бернадот повторил, что о нем следует судить по действиям его подчиненных. Гиммлер заявил, что действия его подчиненных очень преувеличены. Тогда Бернадот указал Гиммлеру на дикие и подтвержденные факты убийств, совершенных гестапо, включая умерщвление 200 евреев в одном из госпиталей. Гиммлер ответил, что этот факт не имел места. Однако Бернадот настаивал на своем, и на следующий день, когда они увиделись снова, Гиммлер честно заявил, что, наведя справки, он, к сожалению, должен признать, что данный случай действительно имел место.

Гиммлер рассказал, что хотел эвакуировать евреев из Германии, что именно через него была подготовлена депортация 1200 евреев в Швейцарию [24] *, но, к несчастью, сообщения об этом в швейцарской прессе стали известны Гитлеру, и тот строго приказал, чтобы вновь подобных случаев не повторялось.

3. Один из основных помощников Гиммлера Шелленберг, по словам Бернадота, является его разведывательным офицером и характеризуется Бернадотом как порядочный и гуманный человек. который оказал огромную помощь при подготовке эвакуации интернированных норвежцев и датчан в лагерь в Ноенгамме.

Что касается Кальтенбруннера, который обладает очень большой властью, то он всеми рассматривается как самый ужасный тип жестокого человека и убийцы. Даже Гиммлер, видимо, опасается его и дал указание Шелленбергу предупредить Бернадота о том, что Кальтенбруннер является наиболее опасным человеком и что он организовал подслушивание всех телефонов, которыми пользуется Бернадот в Германии.

4. Все сведения о Гитлере, которые Бернадоту удалось собрать в Германии, говорят о том, что он совершенно ненормальный. Говорят, что он почти все свое время посвящает изучению архитектурных планов по восстановлению германских городов. Ходит даже очередная острота о том, что он также планирует восстановление Лондона.

Несмотря на это, Гитлер сохраняет свой непостижимый престиж даже среди таких твердолобых людей, как Гиммлер. Он все еще обладает властью накладывать вето на решения, но он, видимо, потерял всякую инициативу.

5. Бернадот считает, что Геринг еще жив, но не играет никакой роли. Говорят, что он пристрастился к кокаину, снова носит тогу и красит ногти красным лаком.

6. В Берлине ожидают, что союзники вскоре рассекут Германию на две части и что нацистские лидеры обоснуются в своей последней резиденции на юге Германии.

№ 10. СООБЩЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО СОТРУДНИКА НКГБ СССР О НАМЕРЕНИИ КОМАНДУЮЩЕГО НЕМЕЦКИМИ ВОЙСКАМИ В ГАМБУРГЕ СДАТЬСЯ АНГЛИЧАНАМ

24 апреля 1945 г.

20 апреля шведские банкиры братья Валленберг [25] * по просьбе командующего немецкими войсками в Гамбурге генерала Буша [26] * связались с английским посланником в Стокгольме и передали ему заявление Буша о его желании сдаться англичанам со своими войсками. Последние подчинятся Бушу при условии, если английские войска продвинутся до Любека на побережье Балтийского моря и таким образом отрежут район Гамбурга — Бремена и Данию от остальной германской территории, еще занимаемой немцами. Буш указал, что в противном случае немцы смогут бросить в этот район войска СС и тем самым предупредить его оккупацию.

Вопрос рассматривается Эйзенхауэром и Госдепартаментом США.

№ 11. ТЕЛЕГРАММА У. ЧЕРЧИЛЛЯ НАХОДИВШЕМУСЯ В ВАШИНГТОНЕ АНГЛИЙСКОМУ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А. ИДЕНУ С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ ДОБИТЬСЯ СОГЛАСИЯ США НА УСКОРЕНИЕ ПРОДВИЖЕНИЯ СОЮЗНЫХ ВОЙСК В ЧЕХОСЛОВАКИИ С ТЕМ, ЧТОБЫ ОНИ ПЕРВЫМИ ВСТУПИЛИ В ПРАГУ [27] *

26 апреля 1945 г.

Черчилль предложил Идену сделать все возможное для того, чтобы США дали указание Эйзенхауэру уско-

рить продвижение его войск в Чехословакии, с целью вступления в Прагу до того, как это сделает Красная Армия. Черчилль подчеркнул, что если именно англо-американские войска, а не Красная Армия освободят Прагу, то вся политическая ориентация Чехословакии и чехословацкого правительства в послевоенном периоде будет иной.

№ 12. ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА БЫВШЕГО НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ГЕРМАНИИ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА В. КЕЙТЕЛЯ

17 июня 1945 г.

Вопрос. Когда вам как начальнику штаба верховного главнокомандования стало ясно, что война Германией проиграна?

Ответ. Оценивая обстановку самым грубым образом, я могу сказать, что этот факт стал для меня ясным к лету 1944 г. Однако понимание этого факта пришло не сразу, а через ряд фаз, соответственно развитию положения на фронтах.

Начиная с лета 1944 г. Германия боролась за выигрыш времени, в ожидании тех событий, которые должны были произойти, но не произошли. Большие надежды возлагались также на наступление в Арденнах, которое должно было возвратить Германии линию Зигфрида и обеспечить стабилизацию западного фронта.

Вопрос. В чем же заключался смысл сопротивления, которое продолжала оказывать Германия?

Ответ. Как я уже сказал, это была затяжка в ожидании политических событий и частично в ожидании улучшения в военной обстановке. Я уверен, что если бы со стороны союзников в свое время были предложены другие условия, а не требование безоговорочной капитуляции, то Германия прекратила бы сопротивление гораздо раньше. Однако других предложений не поступило, и нам оставалось, как честным солдатам, только бороться до последней возможности. Я не считаю то положение, в котором очутилась сейчас Германия, хуже того, которое могло бы сложиться, если бы она капитулировала раньше.

Я спрашивал у фюрера: имеются ли возможности ведения дипломатических переговоров с союзниками и завязаны ли какие-либо политические связи. Гитлер либо давал резкий отрицательный ответ, либо вообще не отвечал на подобные вопросы...

№ 13. ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА БЫВШЕГО НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ОПЕРАТИВНОГО РУКОВОДСТВА ПРИ СТАВКЕ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ГЕРМАНИИ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА А. ЙОДЛЯ

18 июня 1945 г.

Вопрос. Какие у вас были отношения с Гитлером?

Ответ. Наиболее тесные отношения с Гитлером у меня установились с января 1943 г. До этого был период, когда наши отношения переживали кризис[...]

Это состояние отчуждения продолжалось до января 1943 г. В январе Гитлер вручил мне золотой значок партии. При этом он сказал мне, что я поступил тогда неправильно, но это уже позади. Он признает, что я являюсь преданным солдатом.

Личным другом Гитлера я никогда не был. Вместе с Гитлером я находился до 23 апреля. В этот день генштаб покинул Берлин. Решение Гитлера остаться в Берлине и отослать нас было принято им 22 апреля. До этого я стремился уговорить Гитлера уехать на север или на юг, так как было ясно, что Южная Германия будет отрезана от Северной. Гитлер не пошел на это. Мы хотели поставить дело так, чтобы юг и север имели самостоятельное военное руководство.

21 апреля Гитлер сказал мне: «Я могу сказать вам лишь одно: я буду сражаться до тех пор, пока хоть один солдат находится со мной. Когда меня покинет последний солдат, я застрелюсь». Я считал, что на юге можно будет дольше оказывать сопротивление, чем на севере, и поэтому большую часть штаба я в последний момент отослал на юг.

22 апреля, когда мы пришли в бункер, Гитлер был в очень угнетенном состоянии. Он позвал меня, Кейтеля и Бормана к себе и сказал, что принял решение остаться

в Берлине. Я сказал, что через 24 часа Берлин падет. Гитлер был недоволен руководством военных операций по обороне Берлина; он говорил, что нельзя сдавать столицу и что он останется, чтобы воодушевлять солдат. Я ему сказал, что армия останется без руководства. Тогда Гитлер ответил: я не хочу, чтобы вы оставались в Берлине. Мы заявили, что не уедем и не оставим его в таком тяжелом положении. В это время вошел Геббельс. Он говорил со мной наедине. Он сказал, что решение Гитлера изменить нельзя. Он сделал все, чтобы отговорить фюрера, но безрезультатно. Геббельс спросил, нельзя ли военным путем предотвратить окружение Берлина. Я ответил: да, это возможно, но только в том случае, если мы снимем с Эльбы все войска и бросим их на защиту Берлина. Американцы, возможно, не будут дальше наступать. По совету Геббельса я доложил свои соображения фюреру, он согласился и дал указание Кейтелю и мне вместе со штабом извне лично руководить контрнаступлением. Поэтому мы в последний момент вышли из окружения и направились в Потсдам.

Генерал Кребс остался с фюрером потому, что он был ответственным за восточный фронт, а не я.

Геббельс остался в Берлине потому, что он был одним из самых фанатичных борцов за дело партии. Очевидно, и ему было ясно, что он не хочет и не может пережить уничтожения этой системы[...]

Об отношениях между Гитлером и Гиммлером я могу рассказать следующее. Гитлер узнал, что Гиммлер без его разрешения начал вести переговоры со шведами. Гитлеру стало известно об этом из передач англо-американского радио. Еще раньше Гитлер узнал, что Гиммлер не выполняет полностью его указаний. В течение некоторого времени Гиммлер командовал группой армий «Висла». Его деятельность на этом поприще также, видимо, разочаровала Гитлера, так как последний надеялся, что Гиммлеру удастся достигнуть больших успехов.

Вопрос. Когда у вас возникли сомнения в возможности выиграть войну?

Ответ. Примерно в феврале 1944 г. я в письменном виде доложил фюреру, что если англичане и американцы высадятся во Франции и нам не удастся сбросить их в море, мы войну проиграем. Я сделал это заявление в письменном виде потому, что генералы, находившиеся на восточном фронте, думали, что на западе бездействует

большое количество войск. В это время мне стало ясно, что одними военными силами мы войну выиграть не можем.

Гитлер признал мою точку зрения правильной, но запретил рассылать этот меморандум командующим ВВС, армией и флотом.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Кадере Виктор — с 1942 г. румынский посланник в Лиссабоне.

2. Управление стратегических служб США, предшественник ЦРУ.

3. Даллес Аллен Уэлш — в 1942—1945 гг. руководил политической разведкой США в Европе. Позднее, в 1953—1961 гг., являлся директором ЦРУ.

4. Браухич Вальтер — немецкий генерал-фельдмаршал, один из авторов плана «Барбаросса». После разгрома фашистских армий под Москвой в 1941 г. был уволен Гитлером в отставку.

5. Цейтцлер Курт — генерал-полковник, начальник генштаба сухопутных войск вермахта.

6. Правильно — Томсен Ганс. В 1938—1941 гг.— управляющий делами германского посольства в Вашингтоне, в 1943—1945 гг.— посол Германии в Швейцарии. В мае 1944 г. награжден «Рыцарским крестом» и «Крестом за военные заслуги». До 1954 г. служил в МИД ФРГ.

7. Спеллман Френсис Джозеф — глава американского епископата, кардинал, пользовавшийся большим авторитетом в правящих кругах США.

8. Тейлор Майрон — американский католик, мультимиллионер, президент «Юнайтед Стил», личный представитель Рузвельта в Ватикане.

9. Речь идет о папе римском Пие XII.

10. Генерал-майор Стюарт Мензис возглавлял СИС с 1939-го по 1953 г.

11. Добыто зарубежным сотрудником НКГБ СССР. По не зависящим от него причинам в тексте имеются пропуски. Данная телеграмма была направлена также главам дипломатических представительств Германии в Португалии, Испании и Ватикане. 20 февраля Риббентроп в новой телеграмме указал следующее: «Прежде чем сообщить кому-либо изложенное в предыдущей телеграмме, ждите дальнейших указаний по данному вопросу. В случае если вы уже говорили в отношении этого с кем-нибудь, немедленно телеграфом передайте об этом отчет». Несколько позже Риббентроп дал указание немецкому посланнику в Дублине встретиться с Имоном де Валера (премьер-министр Ирландии — единственной страны Британского Содружества, объявившей нейтралитет во время второй мировой войны в силу своих специфических отношений с Англией) для обсуждения вопроса о сепаратном мире, используя в качестве основы беседы телеграмму от 16 февраля.

12. ЭЛАС — национально-освободительная армия Греции.

13. Здесь Риббентроп пытается сыграть на известных ему антисоветских взглядах премьер-министра Великобритании У. Черчилля, который был также убежден в экспансионистских планах Советского Союза.

14. Кирилл Преславский Саксен-Кобург-Готский — болгарский князь, сын болгарского царя Фердинанда I, брат царя Бориса III. После смерти в августе 1943 г. Бориса III стал первым регентом в регентском совете при малолетнем царе Симеоне II. В политической жизни страны не принимал активного участия, хотя был настроен профашистски.

15. Приглашение Молотову посетить с официальным визитом Берлин было сделано от имени имперского правительства Риббентропом в его письме Сталину от 13 октября 1940 г. в ответ на два состоявшихся визита Риббентропа в Москву — в августе и сентябре 1939 г. В письме Сталина Риббентропу, врученном 21 октября 1940 г. Молотовым германскому послу Шулленбургу, высказывалась готовность советской стороны к визиту Молотова в Берлин в период с 10 по 12 ноября. Поездка Молотова в Берлин в указанное время состоялась. По данному поводу в официальном сообщении газеты «Правда» от 15 ноября 1940 г. говорилось: «Во время пребывания в Берлине в течение 12—13 ноября сего года Председатель Совета Народных Комиссаров СССР и народный комиссар иностранных дел тов. В. М. Молотов имел беседу с рейхсканцлером г. А. Гитлером и министром иностранных дел г. фон Риббентропом. Обмен мнений протекал в атмосфере взаимного доверия и установил взаимное понимание по всем важнейшим вопросам, интересующим СССР и Германию.

Тов. Молотов имел также беседу с рейхсмаршалом г. Герингом и заместителем г. Гитлера по партии национал-социалистов г. Гессом...»

16. Вопрос о будущем разделе территории побежденной Германии на зоны оккупации обсуждался в руководящих кругах США и Великобритании уже в январе — марте 1943 г., то есть почти за полтора года до открытия второго фронта в Европе. Особенно жесткую позицию по данной проблеме занимал президент США Рузвельт. В частности, в информационном сообщении английского министра иностранных дел Идена премьер-министру Черчиллю о ходе англо-американских переговоров в Вашингтоне по вопросу послевоенного устройства в мире от 28 марта 1943 г., добытого советской внешней разведкой, в § 8 говорится: «При обсуждении вопроса о Германии президент вновь выдвинул предложение об ее расчленении, которое, как он склонен думать, будет способствовать обеспечению безопасности Европы... Я заявил, что мы также изучаем этот вопрос, однако в основном я согласен с необходимостью расчленения Германии, поскольку Вы сами неоднократно высказывались в пользу этого. Президент заметил, что объединенная Германия существует не так уж давно и вполне вероятно, что там могут появиться тенденции расколоться на ряд отдельных государств. Такие тенденции, по мнению президента, нужно поощрять».

17. Имеется в виду Национальный комитет «Свободная Германия», созданный в июле 1943 г. на территории СССР по инициативе немецких коммунистов. Действовал до ноября 1945 г.

18. Имеется в виду НКГБ.

19. Вероятно, речь идет о советском дипломатическом корпусе и торгово-промышленном представительстве в Берлине.

20. В целях оправдания вероломного нападения на Советский Союз гитлеровская Германия выдвинула версию «оборонительного», «превентивного» удара против СССР. Несмотря на несостоятельность, эта версия до сих пор имеет хождение в западной историографии второй мировой войны.

21. Кессельринг Альберт — генерал-фельдмаршал вермахта. С 1940 г.— командующий 2-м воздушным флотом Германии, действовавшим против Франции, Голландии и Англии. После нападения

Германии на СССР 2-й воздушный флот участвовал в ожесточенных бомбардировках советских городов, в т. ч. Москвы. В декабре 1941 г. Кессельринг был назначен главнокомандующим войсками Юго-Запада (Средиземноморье — Италия), а в марте 1945 г.— главнокомандующим западного фронта. В мае 1947 г. английский военный трибунал приговорил Кессельринга за военные преступления к смертной казни, которая была заменена пожизненным заключением. В октябре 1952 г. освобожден.

22. Лиддел Гай — начальник отдела «В» английской контрразведки. Отдел получал и оценивал разведывательные материалы и намечал их использование.

23. Бернадот Фольке — граф, видный шведский общественный деятель, находился в родственных связях с правящей династией Швеции.

24. В результате переговоров Джейн Мари Музи, бывшего федеральным канцлером Швейцарии, выступавшего как частное лицо, с Гиммлером и другими высокопоставленными офицерами СС, Музи удалось добиться разрешения на отправку в феврале 1945 г. в Швейцарию 1200 евреев из концлагеря Терезиенштадт (Чехословакия). В конце апреля 1945 г., после еще одной встречи Гиммлера с представителями еврейских организаций, были освобождены еще несколько тысяч евреев из концлагеря Равенсбрюк. По оценке итогового отчета американского Комитета по делам беженцев от 15 сентября 1945 г. «это был со стороны германских руководителей еще один жест последней минуты, которые надеялись таким образом вызвать благоприятное отношение к себе со стороны союзников».

25. Валленберг — известная семья шведских банкиров. С начала XX в. контролирует банки и страховые компании. Связана с крупнейшими концернами электротехнической промышленности и судостроения в странах Западной Европы.

26. Буш Эрнст — генерал-фельдмаршал вермахта. В годы второй мировой войны командовал 16-й армией, в 1943—1944 гг.— группой армий «Центр» на советско-германском фронте. После разгрома немецко-фашистских войск в Белоруссии был отстранен от должности и зачислен в резерв. В конце марта 1945 г. назначен командующим северо-западной группировкой германских войск. После капитуляции сдался в плен англичанам.

27. Телеграмма дается в изложении зарубежного источника информации.

Публикацию подготовили *В. Ерошин* и *В. Ямпольский.*

P. S. К истории документа «Директива И. Риббентропа немецкому посланнику в Ирландии по вопросу сепаратного мира Германии с Великобританией и США».

Когда этот материал был уже готов, члены редакции встретились с человеком, непосредственно причастным к добыванию информации о сепаратных переговорах гитлеровской Германии,— с бывшим заместителем начальника советской разведки, генерал-лейтенантом в отставке Виталием Григорьевичем Павловым, который рассказал об одном эпизоде своей будущей книги «Полвека в разведке».

«17 сентября 1944 г. газета «Правда» опубликовала сообщение собственного корреспондента в Каире о том, что, по сведениям из заслуживающих доверия источников, состоялась встреча Риббентропа с английскими руководящими деятелями в целях выяснения условий заключения сепаратного мира с Германией. На самом деле сообщение было получено от советского разведчика, работавшего в Вашингтоне, а затем, чтобы скрыть источник информации, было «привязано» к Каиру.

Этим «источником» был Исхак Абдулович Ахмеров — советский разведчик-нелегал, который всю войну проработал в Вашингтоне, добывая для Советского правительства исключительно важную информацию. Он начал свою разведывательную деятельность еще до войны.

Впервые Ахмеров выехал с разведывательной миссией в Китай, где в Пекине учился в американском колледже для иностранцев с 1933-го по начало 1934 г. В начале 1934 г. он переехал в Америку и стал работать в составе советской нелегальной резидентуры в районе Вашингтона. С 1934 г. до конца 1939 г. он руководил очень важной агентурой и сам занимался сбором ценной политической информации. В конце 1939 г., когда по преступному указанию Берии, нанесшему серьезный урон зарубежной советской разведывательной сети, разведчики отзывались в центр для проверки их благонадежности, Ахмеров был вынужден вернуться в Москву.

С началом Великой Отечественной войны в 1941 г. он вновь выезжает в США, где была законсервирована, т. е. временно остановлена в бездействии важная агентура — около 10 источников информации в различных ведомствах США. Ахмеров должен был восстановить связь с этими агентами и начать работу. В районе Вашингтона он проработал до конца 1945 г. Ему очень активно помогала его жена, Вера Ивановна, урожденная американка, которая отвечала за получение информации от различных источников. Среди агентов Ахмерова были люди, работавшие в различных государственных ведомствах, в том числе и в Управлении стратегических служб (УСС). Именно группа Ахмерова добыла для советского руководства сведения о факте переговоров Риббентропа с английскими представителями».

Редакция

РАСКУЛАЧИВАЛИ ДАЖЕ... ИНОСТРАНЦЕВ

Документы периода коллективизации

На рубеже 20 — 30-х годов Россию переломили. Под руководством ВКП(б) мужиков переводили на так называемые социалистические рельсы. Творцы «великого перелома» планировали за два-три года ликвидировать более 25 миллионов мелкотоварных хозяйств, разбросанных на одной шестой части планеты. Среди них были работающие почти как западные фермеры прибалтийские хуторяне, а по необъятной северной тундре кочевали со стадами оленей, били в дремучей тайге зверя чукчи, якуты, эвенки и другие народы, находящиеся на первобытном уровне развития. Большинство же славянских крестьян трудились на общинных полях и лугах, имея в своей собственности лишь дом, хозяйственный двор, лошадей да корову.

Всей этой на удивление разноликой массе крестьян предстояло постепенно пройти дорогой нэпа, втягивающего миллионы и миллионы землепашцев и скотоводов в рыночные отношения, встать наконец на дорогу цивилизованного обустройства. Но для такого перехода требовались долгие годы. Большевики же решили пробежать этот путь в одночасье. Была поставлена задача: создать на селе крупные формы аграрного производства по типу «промышленного», пролетаризировать основную массу мужиков, освободив их от «тяжких пут» частной собственности, а зажиточных и непокорных — ликвидировать. У мужиков отбирали землю, скот, орудия труда, свозили все на общий двор, так сказать, обобществляли средства производства. Понятно, что оставлять в таком случае какие-то островки свободного товарного производства было бы сущей бессмыслицей. Вот почему раскрестьянивание носило тотальный характер. Под его «колесницу» попадали все, без различия по национальным и религиозным признакам или гражданского подданства. Признавался лишь один критерий — классовый.

Число самостоятельных крестьянских хозяйств стремительно сокращалось. В города, на стройки, бросив родные места, в годы сплошной коллективизации сбежало 18 миллионов деревенских жителей. Какая-то часть крестьян была вынуждена эмигрировать за границу. Примерно 12 миллионов мужиков со стариками и ребятишками было сослано в отдаленные районы страны на спецпоселение, то есть заключено в своеобразные концентрационные лагеря. Десятки тысяч мужиков расстреляли как контрреволюционеров. Всего от земли принудительно было отлучено около 30 миллионов крестьянских душ.

Попали под раскулачивание даже... иностранные граждане, волею разных судеб оказавшиеся в эти годы на территории России. У них также отнимали мельницы, скот и т. д. И лишь угроза международных осложнений вынуждала сталинское руководство отступать от проведения «твердой классовой линии» по отношению к «кулаку-иностранцу». По этому поводу в самых верхах возникали непростые коллизии, трения между высшими чинами власти. Однако об этом «вслух» не говорилось и не писалось: существовал строжайший запрет. Раскулачивание иностранных граждан осталось тайной.

* *
*

№ 1. ОТНОШЕНИЕ НАРКОМИНДЕЛА СССР НАРКОМЗЕМУ СССР О НЕДОПУСТИМОСТИ РАСКУЛАЧИВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ПОДДАННЫХ

2 февраля 1930 г.
В[есьма] срочно.
Совершенно секретно

В связи с проводимым в настоящее время общим раскулачиванием, затрагивающим также в некоторых случаях интересы иностранных граждан, НКИД считает необходимым обратить Ваше внимание на нижеследующие обстоятельства.

До тех пор, пока раскулачивание было основано на экономических мероприятиях (налоговый пресс и т. п.), оно не выходило за рамки установленных законами норм и не нарушало тем самым обязательств, принятых на себя Союзом по его международным договорам. НКИД отводил возникавшие в этой области домогательства иностранных миссий, ссылаясь на то, что иностранцы,

проживающие в СССР, подчиняются советским законам. Однако в настоящее время, когда на местах начато проведение прямой конфискации имуществ кулацких слоев, положение НКИД в этом вопросе чрезвычайно затруднено. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 февраля с. г. этот порядок на местах легализован, т. к. краевым исполнительным комитетам и правительствам автономных республик предоставлено право применять полную конфискацию имущества кулаков. Между тем в силу договоров, заключенных СССР с некоторыми иностранными государствами, иностранные миссии имеют право настаивать как на применении к своим гражданам в точности режима, установленного законами, так и на материальном возмещении в случаях отчуждения имущества, поскольку дело не идет о конфискации, основанной на судебных приговорах.

Наиболее полно это положение выражено в Союзно-Германском договоре от 12 октября 1925 г. Ст. 8 Соглашения о поселении этого договора устанавливает, что «всякого рода имущества, принадлежащие гражданам или обществам одной страны... не могут в этой стране быть подвергнуты со стороны правительства или каких-либо местных властей конфискации или какого-либо рода отчуждению или ограничению имущественных объектов (реквизиция) иначе, чем при условии возмещения и только по согласованию с действующим законом страны». По наибольшему благоприятствованию, этими правилами пользуются целый ряд других государств (Дания, Италия, Латвия, Норвегия, Турция, Швеция, Эстония).

По всем этим соображениям Наркоминдел считает чрезвычайно важным издание надлежащих распоряжений, которые бы ввели в определенные указанные выше рамки отчуждение имуществ всех иностранных граждан, подвергающихся раскулачиванию.

Прошу Вас сделать распоряжение о разработке в указанном смысле необходимой инструкции.

О последующем прошу меня уведомить.

Врио народного комиссара М. Литвинов [1*]

РГАЭ, ф. 7486, оп.37, д. 138, л. 40
Подлинник.

№ 2. ЗАПИСКА М. М. ЛИТВИНОВА И. В. СТАЛИНУ О ПОСТУПАЮЩИХ В НКИД СССР ПРОТЕСТАХ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН ПРОТИВ ПРОВОДИМОГО РАСКУЛАЧИВАНИЯ И КОНФИСКАЦИИ ИХ ИМУЩЕСТВА [2*].

3 февраля 1930 г.
Секретно

1. Среди кулаков, подвергающихся в настоящее время действиям новых законов в связи с раскулачиванием, имеется множество иностранных подданных (немцев, чехословаков, греков, итальянцев и др.). Некоторые из этих действий нарушают существующие международно-договорные отношения. Например, по советско-германскому договору имущество германских подданных в СССР может быть отчуждаемо либо в судебном порядке, либо же при уплате возмещения. Практикуемая ныне безвозмездная конфискация в административном порядке является, таким образом, прямым нарушением означенного договора.

2. В порядке обычной каузы [3*] о наибольшем благоприятствовании право немцев переходит автоматически и на граждан договорных стран. Можно, однако, ожидать, что и страны, не имеющие с нами договоров, но состоящие в нормальных дипломатических отношениях, не будут мириться с безвозмездной конфискацией имуществ их граждан. В НКИД уже поступили протесты от немцев, чехословаков и греков. Кое-где местные партийные и советские органы, учитывая это обстоятельство, уже сделали распоряжение об изъятии иностранцев из действия практики о конфискации. Представляется, однако, необходимым установить общую практику в отношении иностранцев во всем Союзе.

3. НКИД обратился вчера к т. Яковлеву с предложением об издании надлежащих общих инструкций. Мне представляется, однако, что прохождение дела в советском порядке без соответственных партийных директив не даст своевременно желательных результатов. Я опасаюсь, что конфискация проводится без ведения всяких формальностей, без составления описей и оценок, в результате чего нам будут предъявляться требования о компенсации в размерах, превышающих стоимость конфискованного имущества, и что, если мы теперь же не

дадим какого-нибудь удовлетворительного ответа на заявленные НКИД протесты, за границей развернется новая антисоветская кампания. Вот почему я просил бы поставить вопрос на обсуждение Политбюро и в срочном порядке, т. е. на ближайшем заседании.

Литвинов

РГАЭ, ф. 7486, оп. 37, д. 49, л 34.
Подлинник.

№ 3. ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА УПОЛНОМОЧЕННОГО НКИД ПРИ СНК УССР АЛЕКСАНДРОВСКОГО ЗАМ. НАРКОМИНДЕЛ СССР М. ЛИТВИНОВУ О РАСКУЛАЧИВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ПОДДАННЫХ И МАССОВОМ ИХ НЕЛЕГАЛЬНОМ ВЫЕЗДЕ ИЗ СССР

3 февраля 1930 г.
Совершенно секретно

Уважаемый товарищ.

Я присутствовал на расширенном совещании в ЦК КП(б)У с участием секретарей окружкомов по вопросу о разворачивании курса на ликвидацию кулачества как класса. Мне удалось говорить с некоторыми секретарями окружкомов, в округе которых имеются колонисты — немцы, чехи и поляки, а также иностранные граждане тех же национальностей.

Общее всех мнение такое — весной необходимо считаться с новой и более серьезной волной бегства колонистов из УССР, причем на этот раз они пойдут не только легальными путями, но и нелегальными. Будут массовые попытки перехода прямо через границу в Польшу и Румынию.

Наиболее яркую картину нарисовал т. Левицкий, секретарь Житомирского окружкома. По его словам, и сейчас производятся попытки нелегального перехода в Польшу групп кулаков. Со стороны ГПУ УССР я тоже имею сведения, что в Житомирском округе одна такая группа в 8 человек была арестована непосредственно перед попыткой уйти за границу, и скоро предстоит процесс этих лиц (наших граждан), сознавшихся в намерении перейти границу с целью антисоветской пропаганды в Польше путем публичных выступлений

в прессе и на собраниях на тему о советском терроре над крестьянами и т. д.

Тов. Левицкий полагает, что в его округе ведется подготовка, так сказать, в «интернациональном масштабе» (немцы, чехи и поляки) к организации крупной банды с целью перехода весной на территорию Польши организованно и даже, если окажется необходимым, то с применением силы оружия. Аналогичные сведения имеются и в ГПУ СССР.

В Мариупольском округе колонисты тоже явно подготовляются к бегству весной. В «порядке дня» у них стоит, наряду с прошлогодним путем через «Москву», и обсуждение вопроса о переходе непосредственно границы СССР. Однако там этот вопрос стоит не так остро, видимо, в связи с большими трудностями перейти границу.

Приблизительно в таком же духе можно сказать о всей нашей пограничной полосе. Оттуда поступают более или менее определенные сведения о глухой подготовке к бегству кулацких элементов из среды колонистов. Необходимо сигнализировать опасность того, что это движение может вылиться снова в стихийные формы и увлечь за собою и середняцкие элементы, а также принять слишком активные формы, вплоть до ухода через границы с оружием в руках.

Из-за этого процесс раскулачивания, само собой разумеется, не может быть задержан или темп ослаблен. Невозможно делать и какие-нибудь исключения для наших нацменьшинств. Однако конкретная обстановка и особенности отдельных районов с компактным нацменьшинственным населением, особенно немецких колонистов, должны быть учтены при проведении нового курса на практике. ЦК КП(б)У правильно отметил в своей директиве местам необходимость осторожного подхода и более тщательной подготовки к раскулачиванию в таких районах. Если этот процесс вообще возможен только в теснейшей связи с процессом коллективизации, то тем более для таких районов.

Однако я опасаюсь, что это совершенно правильное указание ЦК КП(б)У пройдет малозамеченным на местах, для которых этот момент, естественно, лишь небольшая частность перед лицом тех грандиозных задач, которые им предстоит осилить в деле практического проведения курса на ликвидацию кулачества как класса.

В обширной и густо насыщенной боевыми заданиями директиве ЦК ВКП, с которой я имел возможность ознакомиться на заседании украинской инстанции, этот момент не отмечен, а в директиве ЦК КП(б)У он стушевывается и не производит достаточного впечатления наряду с другими моментами гораздо большей важности. Но требовать в общей и основной директиве ЦК больше места этому частному моменту было бы тоже неправильно с точки зрения соблюдения правильных политических пропорций в такой директиве. ЦК КП(б)У уделил этому моменту в своей директиве для всей Украины совершенно достаточно места в соответствии с его удельным весом в ряде других.

Тем не менее я полагаю, что в местах, наиболее угрожаемых в вопросе об иностранцах, т. е. прежде всего в пограничных округах, поскольку там имеются районы сплошной коллективизации, было бы правильно поставить с большей настойчивостью ударение на необходимости особо тщательной подготовки к процессу раскулачивания, на особой вредности «административного» упрощенства этого процесса, вредности голого раскулачивания не только с точки зрения правильного проведения курса внутри нашей страны, но и с точки зрения его отражения далеко за нашими границами. Если недооценка тесной взаимозависимости между коллективизацией и раскулачиванием может исказить весь курс внутри страны, то тем вреднее она может отразиться на его оценке за нашими границами и повести к «издержкам», никак не оправдываемым объективными возможностями и предпосылками к проведению курса. Места же без достаточного предупреждения легко могут пойти именно по такой линии наименьшего сопротивления.

Поэтому я полагал бы правильным, чтобы, не придавая этому вопросу преувеличенное значение в общем масштабе, дать дополнительно только пограничным округам указание на особое значение для их практики того места директивы ЦК КП(б)У, которое трактует вопрос о подходе к районам с компактным населением из колонистов разной национальности. При этом полагал бы нужным еще раз внедрить в сознание пограничных округов их особое положение на стычке с буржуазным миром и вытекающую отсюда большую чем для других ответственность за тщательность и обдуманность к подготовке и проведению в жизнь полученных ими директив по осуществлению нового курса.

2. Несколько иначе стоит вопрос о кулаках — иностранных гражданах, проживающих на территории УССР по своим национальным паспортам. Этот вопрос не нашел отражения в общих директивах ЦК ВКП и ЦК(б)У и несомненно должен быть предметом особого рассмотрения и соответственного решения. Лично я полагаю, что мы не можем создать и для них никакого «исключительного режима», поскольку этого прямо не требуют от нас наши договорные обязательства и поскольку иностранные граждане у нас подвержены национальному режиму.

Однако из этого общего положения имеются прямые изъятия, как, например, положения Раппальского договора об экспроприации после 16 апреля 1922 г. имущества германских граждан только и безоговорочно при условии компенсации. С другой стороны, здесь возникает вопрос о политической целесообразности в современной международной обстановке проведения раскулачивания и по отношению к иностранным гражданам в той же мере или теми же способами, что и по отношению к нашим гражданам.

Вполне учитывая политическую трудность и нередко прямую невозможность для практики на местах ликвидировать своего кулака, а его соседа в деревне — иностранного кулака оставлять нетронутым, я все же полагаю, что необходимо дать директиву, по которой к ликвидации иностранцев-кулаков должен быть значительно иной подход, определяемый коррективом, вносимым соображениями от наших договорных обязательств и от политической целесообразности с точки зрения интересов нашей международной политики.

Не предрешая вопроса о том, как далеко должен заходить этот корректив, ибо у меня нет для этого достаточной полноты данных, я минимум должен обратить внимание на срочную, по моему мнению, необходимость дать указания о том, что намеченные репрессивные меры не могут распространяться, в силу ряда наших договорных обязательств и норм международного права, на иностранцев в том же порядке и в той же мере, что и на наших граждан. Между тем ни в партийном, ни в ведомственном (ГПУ) порядке на этот счет еще никаких указаний не получено, а дело прямо не терпит.

На основании изложенного, не получая никаких указаний и со стороны НКИД, я настоящим прошу поставить на обсуждение затронутые вопросы и дать мне указания.

Уполномоченный НКИД при СНК УССР

Александровский

РГАЭ, ф. 7486, оп. 37, д. 138, л.41—44.
Подлинник.

№ 4. ЦИРКУЛЯР ОГПУ ВСЕМ ПОЛНОМОЧНЫМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВАМ ОГПУ [4*], ПЕРЕДАННЫЙ ПО ТЕЛЕГРАФУ, О СТРОГОМ ЗАПРЕЩЕНИИ РАСКУЛАЧИВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ПОДДАННЫХ И КОНФИСКАЦИИ ИХ ИМУЩЕСТВА

№ 3378
Всем ПП ОГПУ

5 февраля 1930 г.

Примите [к] строгому руководству: имущество кулаков иностранных подданных тех стран, [с] которыми СССР находится в официальных отношениях, не подлежит конфискации, сами они и их семьи выселению не подлежат впредь до особого распоряжения. Директива по партлинии посылается.

Мессинг [5*] Евдокимов [6*]

ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 1944, л. 67.
Копия

№ 5. ЗАПИСКА М. М. ЛИТВИНОВА И. В. СТАЛИНУ О НАЗРЕВАНИИ СЕРЬЕЗНЫХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В СВЯЗИ С РАСКУЛАЧИВАНИЕМ ГРАЖДАН ИНОСТРАННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ [7*]

18 февраля 1930 г.
Секретно

В связи с применением определенных мер раскулачивания деревни с кулаками иностранного гражданства назревают серьезные дипломатические конфликты с рядом

стран, в особенности с Германией. Я недавно ставил частный вопрос в Политбюро о применении к этой категории кулаков конфискации имущества без суда. Соответственное решение было вынесено и директива на места дана в отношении будущей практики. Тем временем, однако, уже имели место многочисленные случаи безвозмездного отобрания у иностранцев имущества, по поводу чего к нам обращаются иностранные миссии с протестами. Надо полагать, что отобранное и переданное в колхозы имущество обезличено и вряд ли может быть возвращаемо. Я полагаю, что в таких случаях придется выдавать денежное возмещение, что соответствовало бы существующим договорам между нами и Германией и другими странами.

Данные частные случаи, однако, не исчерпывают всего комплекса возникающих вопросов. Придется решать вопрос о дальнейшей судьбе означенной категории кулаков. Если мы вернем им сельскохозяйственное имущество, то будет ли им предоставлено право пользоваться землей, а если нет, то что им остается делать на местах? Высылка их без суда в отдаленные места также вызовет дипломатические протесты. Можно было бы альтернативно предложить им выехать за границу, да мы и не вправе задерживать их здесь, если бы они сами пожелали выехать; но вряд ли было бы политически целесообразно пустить за границу новые отряды антисоветских агитаторов и вызвать повторение кампаний, сопровождавших недавний отъезд в Германию менонитов.

Вопросы эти целиком связаны с нашей внутренней политикой, и поэтому НКИД не может делать каких-либо окончательных конкретных предложений. Я ограничусь поэтому лишь постановкой вопроса, предлагая поручить проработку Наркомзему СССР или особой комиссии с участием НКИД.

Литвинов

РГАЭ, ф. 7486, оп. 37, д. 138, л. 46.
Заверенная копия.

№ 6. ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) С СОПРОВОДИТЕЛЬНОЙ ЗАПИСКОЙ Я. А. ЯКОВЛЕВА [8*] И. В. СТАЛИНУ

Февраль 1930 г.
Совершенно секретно

Посылаю Вам проект постановления ПБ по вопросу о кулаках иностранных подданных, вносимый тт. Ягодой, Литвиновым и мною.

Мы считаем возможным отложить до особого распоряжения их выселение и конфискацию их имущества (таких кулаков иностранных подданных небольшое количество, огромное большинство кулаков немецкой и других национальностей — граждане СССР) с тем, чтобы после проведения основной операции установить порядок ликвидации кулаков иностранных подданных.

Я. А. Яковлев

Совершенно секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)

Указать крайкомам и органам ОГПУ, что имущество кулаков иностранных подданных не подлежит конфискации и сами они и их семьи не выселяются впредь до особого распоряжения.

РГАЭ, ф. 7486, оп. 37, д. 138, л. 35—36.
Заверенная копия.

№ 7. ПРЕДПИСАНИЕ СНК СССР КО ВСЕМ ПРЕДСЕДАТЕЛЯМ СНК СОЮЗНЫХ И АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК, ПРЕДСЕДАТЕЛЯМ КРАЙИСПОЛКОМОВ О ПОРЯДКЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ КОНФИСКОВАННОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИНАДЛЕЖАЩЕГО ИНОСТРАННЫМ ГРАЖДАНАМ

Февраль 1930 г.

Ввиду того, что в НКИД СССР продолжают поступать жалобы на конфискацию имущества кулаков ино-

странных подданных, СНК СССР предлагает руководствоваться следующим:

1. В тех случаях, где возврат конфискованного имущества невозможен, немедленно произвести компенсацию за конфискованное имущество из средств местного бюджета с последующим возмещением из резервного фонда СНК СССР.

2. Компенсацию производить по жалобам отдельных лиц в местные исполкомы или заявлениям консулов, причем размер компенсации устанавливается специальными комиссиями при местных исполкомах из представителей РКИ, финотдела и земотдела.

3. В районах сплошной коллективизации выделять выселяемым за пределы районов сплошной коллективизации кулакам иностранного подданства необходимые земли и предоставлять возможность продать имущество (в том числе и недвижимое), как не подлежащее конфискации.

4. При применении индивидуального обложения кулаков иностранного подданства не допускать перегибов, ведущих к фактической ликвидации хозяйств.

5. Не препятствуя в отдельных случаях выезду кулацких семейств иностранного подданства за границу, всячески предотвращать возможность массовой эмиграции крестьян иностранного подданства.

Председатель СНК СССР А. И. Рыков [9*]

РГАЭ, ф. 7486, оп. 37, д. 138, л.51.
Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Литвинов М. М. (Валлах М.) (1876—1951), в 1918—1921 гг. член Коллегии НКИД РСФСР, с 1921 г. зам. наркома иностранных дел.

2. Копии записки были направлены также членам Политбюро Рыкову, Томскому, Ворошилову, Молотову, Калинину, Куйбышеву, Бауману, Рудзутаку, Микояну, Орджоникидзе, Ярославскому, Кагановичу, Менжинскому, Сырцову и наркому земледелия СССР Я. А. Яковлеву.

3. Клауза — условие, оговорка или отдельное положение, пункт договора.

4. ПП ОГПУ — полномочные представительства Объединенного Государственного Политического Управления. ПП ОГПУ имелись в республиках, краях, областях, губерниях и уездах.

5. Мессинг С. А. (1890—1946), с 1924 г.— полномочный представитель ОГПУ по Ленинградской области.

6. Евдокимов Е. Г. (1891—1941), с 1924 г.— полномочный представитель ОГПУ по Северо-Кавказскому краю.

7. Копия записки была направлена наркому земледелия СССР Я. А. Яковлеву.

8. Яковлев (Эпштейн) Я. А. (1896—1938), в 1924—1934 гг.— нарком земледелия СССР.

9. Рыков А. И. (1871—1938), в 1924—1930 гг.— председатель СНК СССР. В 1922—1930 гг.— член Политбюро ЦК ВКП(б).

Публикацию подготовили *Д. Нохотович* и *Н. Тепцов.*

О КУПОЛАХ, КОЛОКОЛАХ И О ХРАМЕ НАУКИ

Документы 1930-х гг.

«В нашем городке всякий во всем понимал толк, да кто-то без толку».
А. М. Ремизов

Беспристрастные кадры старой хроники навсегда запечатлели оседающий в дыму и пыли Храм Христа Спасителя, рушащиеся церкви, падающие и раскалывающиеся на безмолвные осколки когда-то звонкие колокола. Множество раз повторенные в различных передачах телевидения, воспроизведенные на множестве снимков, падают храмы — и не могут упасть, рушатся — и не могут разрушиться, как вечный упрек нам и напоминание. Упрек? Напоминание? В чем и о чем? О нашей безрассудности, о нашей безоглядности? А может быть, о нашей общей беде?

Данной публикацией мы вновь хотим обратиться к событиям полувековой давности. К временам разрушения «старого мира» и с пафосом провозглашенного строительства «нового мира». Но обратиться не с точки зрения «насилия кучки временщиков — большевиков» — над высоконравственным и религиозным народом, распространенной сейчас. Нет. Речь пойдет о самой возможности построить что-либо стоящее из руин и на руинах разрушенного старого.

Со времени принятия христианства многие поколения русских людей жертвовали церкви средства, умножая ее богатства. Но с падением самодержавия и возведением антирелигиозной пропаганды в ранг государственной политики для русской православной церкви наступили трагические времена.

Социалистическое строительство, развернувшееся в 30-е годы, требовало огромного количества средств, которых катастрофически не хватало. Поэтому церковные ценности, как сравнительно легкий и доступный источник этих средств, стали привлекать все более пристальное внимание государства. И слова В. И. Ленина о том, что из всего созданного капитализмом

для социалистического строительства необходимо взять самое лучшее, самое ценное, понятые и воспринятые буквально, пришлись как нельзя кстати. Не духовные ценности виделись советским руководителям в церкви, а в первую очередь именно ценности материальные. Большое количество драгоценных и полудрагоценных камней, золота и серебра в чистом виде и в виде покрытий содержали в себе предметы культа; большое количество бронзы было в церковных колоколах; большое количество камня и кирпича — в зданиях и постройках. И находилось все это богатство совсем рядом, иногда в буквальном смысле под боком. Не требовалось особых затрат для его получения. Здесь был настоящий Клондайк. Протяни руку — и сокровища твои. Оставалось их только взять...

Публикуемые ниже документы читать грустно, но полезно. В них речь идет об использовании золота с куполов Храма Христа Спасителя в целях получения валюты для нужд индустриализации страны и о переплавке колоколов восьми московских церквей на барельефы для облицовки фасада здания Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Инициатором этих акций, как увидит читатель, являлся Народный комиссариат просвещения — организация, в обязанности которой входило просвещение народа, приумножение его культуры. Именно эти цели и преследовал Наркомпрос, когда добивался разрешения на использование церковных золота и бронзы. Но вот только средства предлагал негодные, и в результате... В результате минули времена и исполнились сроки, церкви разрушены, колокола разбиты, но не страдаем мы от избытка валюты. Библиотека им. В. И. Ленина — в плачевном состоянии, и в столь же плачевном положении наша система образования и многое, многое другое. Тому множество объяснений, и неверно было бы говорить, что все наши беды проистекают от разрушения куполов и колоколов, как неверно было бы утверждать, что это не является одной из множества причин сегодняшнего болезненного состояния нашего общества. Но справедлива, видимо, старая пословица о том, что глупому сыну не впрок наследство отца, как верно и очевидно и то, что из руин и на руинах Храма Бога нельзя построить Храм Науки и Культуры. Из руин и на руинах можно построить только руины.

*   *
*

№ 1. ХОДАТАЙСТВО ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОТДЕЛА ОГПУ В СЕКРЕТАРИАТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЦИК О РАЗРЕШЕНИИ СНЯТЬ ПОЗОЛОТУ С КУПОЛОВ ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ

№ 422522 — 24 февраля 1930 г.

Согласно постановлению СТО [1*] от 5 июля 1929 г., нашему утильзаводу № 1 предоставлено исключительное право обработки золоченых предметов, не могущих быть использованными в гражданском обиходе и не имеющих исторически художественной ценности.

По договору между НКФ РСФСР и ХОЗО ОГПУ [2*] последнему передаются для обработки все золоченые предметы из закрываемых молитвенных зданий (иконостасы, киоты, иконы, медная утварь и купола).

Смываемое химическим способом с указанных предметов золото аффинируется до чистоты и сдается Валютному Управлению по лимитной цене через «Всецветметзолото», а Ос[обой] Части по Госфондам ХОЗО ОГПУ уплачивается 10% с полученной за золото суммы.

В среднем ХОЗО ОГПУ вырабатывает в месяц до 30 кг чистого золота, предполагая в самом ближайшем будущем, в связи с расширением объема работ и произведенными на заводе техническими усовершенствованиями, значительно увеличить это количество.

Самыми богатыми в отношении наличия золота являются купола церквей, и ХОЗО ОГПУ, сосредоточив все свое внимание на них, приступает весной к массовой их смывке, как на месте их нахождения, так и на заводе.

В частности, одними из лучших куполов являются купола Храма Христа Спасителя, на позолоту коих в свое время было израсходовано свыше 20 пудов золота. Сведения эти вполне достоверны, технически проверены, и наш утильзавод, имеющий большой опыт в определении предполагаемого выхода золота и смывки его, утверждает, что с этих куполов можно смыть до 18 пудов золота, тем более что позолота сравнительно недавнего происхождения, прекрасного качества и в хорошей сохранности.

После смывки золота ХОЗО ОГПУ берется за свой счет закрасить купола или даже, в случае необходимости, вновь их вызолотить более дешевым способом.

Даже последнее вполне себя экономически оправдывает, так как на позолоту вновь уйдет от 1,5 до 2 пудов золота; в отношении же внешнего вида (блеска) вновь вызолоченные купола будут лучше старых, так как теперешняя позолота сильно покрыта копотью и купола потеряли первоначальный блеск.

Сохранность новой позолоты и их внешний блеск ХОЗО ОГПУ гарантирует не на один десяток лет.

В настоящее время в связи с предполагаемым закрытием храма задача облегчается, так как можно обойтись и без затраты даже этого минимального количества золота.

В случае, если вопрос о ликвидации храма будет решен положительно, мы считаем экономически целесообразным снять купола совершенно, причем ХОЗО ОГПУ берет на себя расходы по заделке здания в соответствии с техническими требованиями организаций, коим помещение будет передано, и в соответствии с требованиями сохранения стиля здания.

Считая, что в настоящее время оставлять на куполах до 20 пудов золота (1/2 миллиона валюты) является излишней для СССР роскошью, а реализация золота будет большим вкладом в дело индустриализации страны, просим в срочном порядке разрешить вопрос о храме и куполах, с тем чтобы, приступив сейчас же к подготовительным работам, ХОЗО ОГПУ могло бы уже в начале весны заняться смывкой или снятием колоколов.

Нач. Хозотдела ОГПУ [3*]
Нач. Мат[ериально]-Заг[отовительного] Отд[ела]
Секретарь

ГАРФ, ф. 1235, оп. 2, д. 779, л. 1—1 об.
Подлинник

№ 2. СЕКРЕТАРИАТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЦИК — В СЕКРЕТАРИАТ ПРЕЗИДИУМА ВЦИК

22 июня 1930 г.

Просьба Хозяйственного отдела ОГПУ о разрешении снять золото с куполов Храма Христа Спасителя в г. Москве, по распоряжению т. Смидовича [4*], препровож-

дается для включения в повестку Секретариатом ВЦИК с вызовом представителя Хоз. отдела ОГПУ.

Приложение: отношение ОГПУ № 422522.

Секретарь ПредВЦИК Воробьев.

ГАРФ, ф. 1235, оп. 2, д. 779, л. 2.
Подлинник.

№ 3. ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ СЕКРЕТАРИАТА ВЦИК

25 июня 1930 г.
Секретно

Слушали: 4. Ходатайство ОГПУ о снятии позолоты с куполов Храма Христа Спасителя в г. Москве.

Постановили: 4. Передать на предварительное заключение Моссовета и Наркомфина.

Секретарь ВЦИК А. Киселев [5*]

ГАРФ, ф. 1235, оп. 2, д. 779, л. 3,
Подлинник.

№ 4. СЕКРЕТАРИАТ ПРЕЗИДИУМА ВЦИК — В МОССОВЕТ И НАРКОМФИН РСФСР

30 июня 1930 г..
Секретно

Препровождая при этом копию ходатайства Хоз. отдела ОГПУ от 24 февраля с. г. за № 422522 по вопросу о снятии позолоты с куполов Храма Христа Спасителя, Секретариат Президиума ВЦИК просит для доклада Пред[седателю] ВЦИК представить по означенному вопросу ваше заключение.

Приложение: упомянутое.

Зам. зав. Секретариатом Президиума ВЦИК Прокофьев
Зав. Секретариатом политотдела ВЦИК Григорьев

ГАРФ, ф. 1235, оп. 2, д. 779, л. 5.
Копия.

№ 5. НАРКОМФИН РСФСР — В СЕКРЕТАРИАТ ПРЕЗИДИУМА ВЦИК

6 июля 1930 г.
Секретно

Со стороны НКФ РСФСР возражений к снятию позолоты с куполов Храма Христа Спасителя не встречается. Принимая, однако, во внимание, что данное здание находится на учете Наркомпроса, НКФ РСФСР просил Наркомпрос послать Вам также и свои соображения по данному вопросу.

Наркомфин РСФСР — В. Яковлева [6] *
Управление доходов — Херсонский

ГАРФ, ф. 1235, оп. 2, д. 779, л. 6.
Подлинник.

№ 6. ПРЕЗИДИУМ МОСОБЛИСПОЛКОМА И МОССОВЕТА — В СЕКРЕТАРИАТ ПРЕЗИДИУМА ВЦИК

№ 2601/073/С

13 июля 1930 г.
Секретно

По вопросу о снятии позолоты с куполов Храма Христа Спасителя фракция Президиума Мособлисполкома и Моссовета сообщает, что, учитывая неизбежность нежелательных толков среди населения в связи со снятием позолоты, фракция не считает целесообразным проведение этой работы в данный момент, а полагает, что вопрос об этом должен быть отложен на неопределенное время.

Секретарь фракции Президиума
Мособлисполкома и Моссовета — Гибер

ГАРФ, ф. 1235, оп. 2, д. 779, л. 7.
Подлинник.

№ 7. СЕКРЕТАРИАТ ВЦИК — ХОЗО ОГПУ

15 августа 1930 г.
Секретно

Слушали: 1. Ходатайство Хозяйственного отдела ОГПУ о снятии позолоты с куполов Храма Христа Спасителя.

Постановили: Ввиду отсутствия заключения по этому вопросу Коллегии ОГПУ вопрос с обсуждения снять.

И. о. Секретаря ВЦИК П. Смидович

ГАРФ, ф. 1235, оп. 2, д. 779, л. 9.
Подлинник.

№ 8. НАРКОМПРОС РСФСР — В НАРКОМФИН РСФСР

На В/п 16/043/С

23 сентября 1930 г.
Секретно

Наркомпрос не возражает против смывки золота с куполов Храма Христа Спасителя, так как самый вопрос о снятии золота со всех церковных куполов, имеющихся в г. Москве и г. Ленинграде и в других крупных городах РСФСР, возбужден перед ХОЗО ОГПУ по инициативе Наркомпроса.

Вопрос же о вторичной позолоте или окраске куполов Храма Христа Спасителя должен остаться открытым до решения вопроса о дальнейшей судьбе храма и способах его использования.

И. о. Наркома по просвещению

ГАРФ, ф. 1235, оп. 2, д. 779, л. 10.
Подлинник.

№ 9. ХОДАТАЙСТВО НАРКОМПРОСА РСФСР В ПРЕЗИДИУМ ВЦИК О РАЗРЕШЕНИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦЕРКОВНЫХ КОЛОКОЛОВ ДЛЯ ПЕРЕЛИВКИ ИХ НА ГОРЕЛЬЕФЫ, УСТАНАВЛИВАЕМЫЕ НА НОВОМ ЗДАНИИ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМ. В. И. ЛЕНИНА

19 августа 1932 г.
Секретно

Строительство нового здания Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина постановлением партийных и советских органов, МК ВКП(б) и Моссоветом признано ударным и должно быть полностью закончено к 16-й годовщине Октября; парадный же корпус по Моховой улице должен быть окончен к 1 мая 1933 г.

Здание библиотеки — памятник В. И. Ленину — постановлением правительства должно быть облицовано по фасаду гранитом и тарусским камнем. Вся эта отделочная, облицовочная работа должна быть закончена к 1 мая 1933 г. Для осуществления бронзовых горельефов требуется 100 тонн бронзы.

Наркомпрос РСФСР ходатайствует перед ВЦИК о предоставлении ему возможности использования церковных колоколов по прилагаемому списку для переливки на горельефы с тем, чтобы задание правительственных и партийных органов было выполнено и единственный в СССР библиотечный комбинат был отстроен.

Замнаркомпрос РСФСР — Милютин [7*]
Зав. сектором науки — Агол

ГАРФ, ф. 1235, оп. 2, д. 1331, л. 2.
Подлинник.

№ 10. НАРКОМПРОС РСФСР — В ПРЕЗИДИУМ ВЦИК

25 августа 1932 г.
Секретно

В дополнение к отношению от 19 августа с. г. за № 2081/с о передаче для нужд Ленинской библиотеки колоколов некоторых колоколен московских церквей Наркомпрос извещает, что все означенные церкви находятся в пределах г. Москвы, никакого музейного и худо-

жественного значения они не имеют, на учете Наркомпроса не состоят и имеют колокола новой отливки.

Районы их местонахождения следующие:

1. Церковь Ирины — Ирининская ул., Бауманский район.
2. Церковь Ап[остола] Иакова — Яковлевский пер., Бауманский район.
3. Церковь Николы — Подкопаевский пер., Бауманский район.
4. Церковь Николы — Кленники — Маросейка, Бауманский район.
5. Церковь Николы — Ново-Кузнецкая, Замоскворечье.

6—7. Церковь Воскресенья и Успенья — Остоженка — Хамовники.

8. Церковь Николы в Студенцах — Таганка, Пролетарский район.

Зав. сектором науки Наркомпроса РСФСР Агол

ГАРФ, ф. 1235, оп. 2, д. 1331, л. 3.
Подлинник

№ 11. ПОСТОЯННАЯ КОМИССИЯ ПО ВОПРОСАМ КУЛЬТА ПРИ ВЦИК — В СЕКРЕТАРИАТ ПРЕЗИДИУМА ВЦИК

26 августа 1932 г.
Секретно

Возвращая дело № 2/157/с — 1932 г., сообщаю, что, по наведенной справке в Культовой комиссии Мособлисполкома, церкви, на которые ссылается Наркомпрос в своем ходатайстве о снятии колоколов, находятся в г. Москве.

На Москве колокольный звон прекращен. Вопрос дальнейшего использования колоколов не носит уже культового значения, и Культовая комиссия не имеет возражений к их использованию.

И. о. отв. секретаря Комиссии
по вопросам культа при ВЦИК Орлеанский

ГАРФ, ф. 1235, оп. 2, д. 1331, л. 4.
Подлинник.

№ 12. СЕКРЕТАРИАТ ВЦИК — В НАРКОМПРОС РСФСР

5 сентября 1932 г.
Секретно

Слушали: 2. Ходатайство Наркомпроса РСФСР о предоставлении ему возможности использовать для осуществления бронзовых горельефов при отделке и облицовке здания Публичной библиотеки СССР колокола со зданий церквей г. Москвы: Иакова по Яковлевскому пер., Николы на Кленниках, Николы по Кузнецкой, Воскресенья и Успенья по Остоженке и Николы в Студенцах.

Постановили: 2. Предложить Наркомпросу к следующему заседанию Секретариата ВЦИК представить проект отделки и облицовки здания Публичной библиотеки СССР, справку о том, из каких материалов будет сделана отделка, и о стоимости этих работ.

Секретарь ВЦИК А. Киселев

ГАРФ, ф. 1235, оп. 2, д. 1331, л. 7.
Копия.

№ 13. ДИРЕКЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМ. В. И. ЛЕНИНА — В НАРКОМПРОС РСФСР

14 сентября 1932 г.

Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина препровождает Вам материал для рассмотрения на заседании Президиума ВЦИК по вопросу снабжения бронзой для отделочных работ нового здания библиотеки.

Главный корпус по Моховой улице и часть корпуса «В» облицовываются снаружи следующим материалом:

а) колонны портика — черным полированным габбронаритом и серым полированным финляндским гранитом на сумму руб. 528552;

б) стены — белым тарусским кованым камнем на сумму руб. 199817;

в) цоколь — серым кованым запорожским камнем на сумму руб. 199817;

г) подпорная стена — серым запорожским кованым камнем на сумму руб. 378185;

д) перемычки между окон, с металлическими переплетами, облицовываются бронзовыми плитами толщ[иной] в 10 мм. Нижний ряд перемычек с барельефами и верхний ряд гладкий, без барельефов. Бронзы потребуется тонн 100.

Директор Публичной библиотеки СССР
им. В. И. Ленина Невский [8*]

ГАРФ, ф. 1235, оп. 2, д. 1331, л. 9.
Копия.

№ 14. ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ СЕКРЕТАРИАТА ВЦИК

25 сентября 1932 г.
Секретно

Слушали: Ходатайство Наркомпроса РСФСР о предоставлении для использования при отделке и облицовке здания Публичной библиотеки СССР колоколов со зданий церквей г. Москвы: Ирины по Ирининской ул., Иакова по Яковлевскому пер., Николы на Кленниках, Николы по Кузнецкой, Николы по Подкопаевскому пер., Воскресенья и Успенья по Остоженке и Николы в Студенцах.

Постановили: Ходатайство удовлетворить,

Секретарь ВЦИК А. Киселев

ГАРФ, ф. 1235, оп. 2, д. 1331, л. 16.
Подлинник.

№ 15. ПРЕЗИДИУМ ВЦИК — В НАРКОМПРОС И МОССОВЕТ

3 октября 1932 г.

Слушали: Ходатайство Наркомпроса РСФСР о предоставлении для использования при отделке и облицовке здания Публичной библиотеки Союза ССР колоколов со здания церквей г. Москвы: Ирины по Ирининской ул., Иакова по Яковлевскому пер., Николы на Кленниках, Николы по Кузнецкой, Николы по Подкопаевскому пер.,

Воскресенья и Успенья по Остоженке и Николы на Студенцах.

Постановили: Ходатайство удовлетворить.

Секретарь ВЦИК А. Киселев

ГАРФ, ф. 1235, оп. 2, д. 1331, л. 17.
Копия

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Совет Труда и Обороны СССР.
2. Хозяйственный отдел ОГПУ.
3. Подписи неразборчивы.
4. Смидович П. Г. (1874—1935), деятель российского революционного движения, советский государственный деятель. С 1924 г.— в ЦИК СССР. Член Президиума ВЦИК и ЦИК СССР.
5. Киселев А. С. (1879—1937), советский государственный и партийный деятель. С 1924 г.— секретарь ВЦИК. Репрессирован; реабилитирован посмертно.
6. Яковлева В. Н. (1884—1941), советский государственный и партийный деятель. В 1929—1937 гг.— нарком финансов РСФСР. Репрессирована; реабилитирована посмертно.
7. Милютин Н. А. (1889—1942), советский государственный и партийный деятель. С 1930 г.— заместитель наркома просвещения. Репрессирован; реабилитирован посмертно.
8. Невский В. И. (Кривобоков Феодосий) (1876—1937), советский государственный и партийный деятель, историк. Директор Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина с 1924 г., член ВЦИК. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Публикацию подготовили *С. Вакунов* и *Д. Нохотович*.

ЗАБЫТЫЕ УЧЕБНИКИ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Учебное пособие по истории для современных абитуриентов, составленное в 1910 г. в штабе Отдельного корпуса жандармов, с присовокуплением Инструкции о порядке ведения занятий на офицерских курсах при вышеозначенном штабе

Служба государственной безопасности (как внешней, так и внутренней) и секреты ее деятельности всегда вызывали жгучий интерес простых смертных. Уже само название этих служб («тайная», «секретная») подогревает любопытство. Тем более, что и сегодня практически нет литературы по истории подобных служб в царской России, в том числе знаменитых Департамента полиции Министерства внутренних дел (создан в 1880 г. вместо Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии) и охранных отделений.

Департамент полиции — руководящий орган политического розыска — серьезное внимание уделял профессиональной подготовке сыскных чинов, в том числе знанию истории революционного движения. В этих вопросах должны были разбираться как сотрудники самого департамента, так и офицеры корпуса жандармов. Кадровый состав корпуса формировался из армейских чинов (не выше чина капитана или ротмистра), не бывших в «штрафах», под судом или следствием, не имевших казенных или частных долгов. Публикуемый ниже документ не претендует на сколь-нибудь значительный научный вклад в изучение истории революционного движения или тайного политического сыска. Он скорее относится к разряду исторических курьезов.

Это своеобразный катехизис — 180 вопросов и ответов по истории революционного движения в России,— который предлагался к заучиванию офицерам, зачисленным на курсы при штабе Отдельного корпуса жандармов после специальной проверки, собеседований и сдачи своеобразного экзамена в виде реферата. Главная цель этих 3—6-месячных курсов заключалась

в возможно более полном ознакомлении офицеров, пожелавших служить в корпусе жандармов, со всеми тонкостями работы учреждения. Большое внимание при этом уделялось теории политического сыска и истории революционного движения в России, изучению которых отводилось 8 часов в неделю (см. Инструкцию в приложении).

Авторство «Вопросника» не установлено. Это коллективный ведомственный труд чиновников Департамента полиции. Дата определена по одному из пунктов «Вопросника» (п. 124). Имеющийся в нашем распоряжении гектографированный экземпляр содержит рукописную правку, принадлежащую помощнику начальника истляндского губернского жандармского управления Белинскому Евгению Еркулановичу. Вероятно, ему, как практику политического сыска, было предложено просмотреть и апробировать «Вопросник». Тексты, вписанные его рукой, публикуются в квадратных скобках.

О серьезности отношения руководства корпуса к профессиональной подготовке своего личного состава свидетельствовал и тот факт, что преподаватели и программа курсов утверждались заместителем министра внутренних дел. Интересно также, что ведущей в обучении считалась практическая сторона предмета. Преподавателям «безусловно воспрещалось» беспочвенно теоретизировать либо отсылать своих слушателей к учебнику, не разъяснив предварительно материал на конкретных примерах. То же относилось и к экзаменам, которые устраивались по окончании курсов. От экзаменующихся требовалось четкое и конкретное понимание сути вопроса, чтобы бойкие, но расплывчатые ответы «не производили ненадлежащего впечатления». Ответ оценивался по 12-балльной системе, причем получившие на экзамене оценку ниже 6 баллов считались «не выдержавшими испытания» и подлежали отчислению.

Что касается качества требуемых знаний, то публикуемый здесь вопросник дает достаточно ясное представление об этом.

Обращает на себя внимание, во-первых, сам безапелляционный характер требований, напоминающий известную шутку: на вопрос «Кто есть главный враг царя и отечества?» рядовой жандарм должен был без запинки ответить: «Большевики, жиды и студенты». Во-вторых, большинство из всех вопросов-ответов показывает, что составители вопросника были гораздо более, порой до мелочей, осведомлены о фактической истории революционного движения, нежели о теории социализма или политэкономии. Их ответы на вопросы типа «что такое социализм?», «что такое прибавочная стоимость?» хотя и выявляют несомненное знакомство с трудами «основоположников», тем

не менее не отличаются глубиной понимания проблем. Деятельность «потенциального противника» — революционеров — оценивалась по степени вреда для «царя и отечества», однако единицы измерения этого вреда (например, 300 пудов антиправительственных брошюр) порой вызывают улыбку.

Ну а в остальном вопросник, составленный для жандармских офицеров в 1910 г., очень похож на современные пособия по отечественной истории для поступающих в вузы.

Впрочем, судите сами.

ВОПРОСНИК
по истории революционного движения в России

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
1) Первоначальное революционное движение в России.	Выразилось в декабристском движении 14 декабря 1825 г.
2) Характер декабристского движения.	Движение исключительно интеллигентное и главным образом военное, не имевшее никакой связи с народом.
3) Задачи декабристов.	Декабристы делились на «северян» во главе с Муравьевым — «центр» в Петербурге, и «южан», во главе с Пестелем,— в Киеве. Цель первых — конституция; цель вторых — представительный образ правления. Средства — военный заговор.
4) Что такое социализм.	Социализм есть учение об устройстве общества, которое отрицает право личной собственности на средства производства.
5) Кто родоначальники социализма.	Родоначальниками социализма, принявшего в начале прошлого столетия осязательную форму, явились во Франции Сен-Симон и Фурье и в Англии — Оуэн. Социализм утопический; а затем Карл Маркс и Энгельс, создавшие социализм научный, и затем Кант — социализм классический.
6) Какая разница между утопическим и научным социализмом.	Утописты стремятся провести свое учение сверху вниз через власть имущих, а научный социализм желает почти ту же идею с детальными изменениями провести снизу вверх посредством борьбы классов (политической революцией). Первый обоснован на одном мышлении, а второй находится в зависимости от капитала.

7) Что такое коммунизм.	Учение об устройстве общества, отрицающего право личной собственности не только на средства производства, но и на продукты потребления.
8) Что такое коллективизм.	Учение, которое отрицает право собственности на средства производства, но оставляет открытым вопрос прав собственности на средства потребления (Франция и Бельгия).
9) Что такое нигилизм.	Народившаяся в 60-х годах потребность интеллигенции свергнуть с себя иго нравственных авторитетов в области религии, семьи, школы и т. п. была окрещена Тургеневым именем «нигилизма». Политического характера это течение не имело.
10) Какая разница между социальным и социалистическим переворотом.	Социальный — это общественный переворот. Социалистический — это переворот, основанный на точке зрения социал-демократического учения.
11) Что такое государственный социализм.	Это социализм, стремящийся к обновлению общественного строя с помощью существующего государства, т. е. мероприятиями правителей, но в обществе ошибочно понимают под государственным социализмом. Соединение средств производства в руках правительства (взятие в казну частных дорог, монополия и т. д.)
12) Что такое аграрный социализм.	Уничтожение частной собственности на землю, сохраняя ее на капитал.
13) Что такое анархизм.	Учение, признающее абсолютную идивидуальную свободу. Совершенно противоположно социализму. Отрицание какого бы то ни было из существующих государственных строев.
14) Когда впервые социализм проник в Россию.	В 30-х гг. прошлого столетия кружки Герцена, ликвидированные в 1834 г. В 40-х гг. Петрашевский — ликвидирован в 1848 г. В 50-х гг. Чернышевский — его статья в «Современнике» (критик Добролюбов).
15) Как относились революционные кружки к освобождению крестьян.	В 1861 г. кружки Чернышевского издали три прокламации «Великорусс» и «Письмо государю», требовавшие отмены выкупных платежей. Успеха прокламации не имели.
16) Когда возникли кружки «Земля и воля» и их программа.	В 1862 г.; во главе были Чернышевский и Серно-Соловьевич. Цель — объединение революционной молодежи. Герцен примкнул к этим кружкам и пропагандировал движение «в народ» (в 70-х гг.).

17) К каким кружкам принадлежал Каракозов.	К московским кружкам, носившим название «Организация», имевшим печатный орган «Молодая Россия», издавший в 1862 г. прокламации под девизом: «Да здравствует с[оциал]-д[емократическая] республика русская», требовавшие конституции, свержения династии и надела крестьян землей. В 1866 г. 4 апреля Каракозов совершил покушение на жизнь императора Александра II (Каракозовщина).
18) В котором году начались студенческие беспорядки.	В 1868 г. в Москве и Петербурге, а в 1869 г. студенты Военно-медицинской академии, перешедшие под влиянием агитации с академического на политический характер. Во главе стал учитель Нечаев.
19) Какой программы придерживался Нечаев.	После убийства студента Иванова [1*] Нечаев выехал в Швейцарию, где написал «Революционный катехизис» и стал издавать орган «Народная расправа», его программой было разрушение общественного строя.
20) В чем Нечаев видел препятствия для достижения цели.	1) Лица высшей военной и административной власти, 2) капиталисты и 3) пишущие и рассуждающие по найму правительства.
21) Что такое Интернационал.	Международное общество рабочих, основанное в Лондоне в 1864 г., во главе которого стал Маркс. Окончил существование после Женевского конгресса в 1873 г.
22) Кто такой Бакунин.	Известный русский социалист и основатель современного анархизма. Участвовал в Интернационале. В 1871 г. из-за идейных разногласий с К. Марксом отделился и обосновал в Швейцарии секцию Интернационала. Стал издавать орган «Народное дело», программой которого было: упразднение наследственности, уравнение прав женщин, общественное воспитание детей, принадлежность земли общине и т. д. Идеология Бакунина сводится к уничтожению государства и полной свободе народа.
23) Кто такой Лавров.	Русский писатель-революционер. Издал «Исторические письма Миртова», где развивал так называемую теорию долга (1868 г.).
24) Какие социалистические теории существовали в России в 70-х гг.	Существовало три теории: 1) Бакунинская — теория разрушения — устройство нового порядка предоставляется самому народу (бунтари). 2) Лавровская — умственное развитие народа. Революции делать нельзя, а она должна явиться как результат исторического хода со-

	бытий (Лавров, будучи за границей, издавал журнал «Вперед», в котором проводились идеи Интернационала). 3) Последователи Ткачева — считавшие, что подготовка революции не дело революционеров, но последние должны воспользоваться революцией для свержения власти и захвата таковой в свои руки.
25) В чем заключалась особенность теории Лаврова.	В том, что он, признавая народную революцию, придавал особенное значение в будущем мирской сходке как основному политическому элементу.
26) Какое влияние имело польское восстание на революционное движение молодежи.	Польское восстание, вызвавшее дух патриотизма, охладило оппозицию. Против этого движения выступил Катков на страницах «Московских ведомостей», вследствие чего популярность «Земли и воли», с состоявшим во главе Герценом, пала (1863 г.).
27) К чему стремилась пропаганда Герцена среди крестьян.	К достижению путем восстания устройства соц[иал]-демократической республики.
28) Что такое «субъективизм».	Это мнение Лаврова, придававшее большое значение личности в истории.
29) К чему стремилась молодежь, шедшая в народ.	К улучшению экономического, образовательного и нравственного быта народа и пропаганде социалистических идей.
30) Как делились народники.	На «народников-либералов», только проповедовавших теорию социализма, и «народников-революционеров», осуществлявших ее на деле.
31) Какие социалистические теории играли первенствующую роль в революционных кружках.	Бакунинская, что и послужило к тому, что кружки эти сильно разрослись и стали образовывать небольшие группы.
32) Что такое чайковцы.	Революционный кружок, образованный в 1869 г. студентом Николаем Чайковским, задавшийся целью снабжать революционные кружки легальной и нелегальной литературой (книжное дело). Благодаря этому завязалась связь между многими городами.
33) Чем отличались кружки чайковцев.	Сорганизованностью; нравственным подбором работников и преданностью служения народному делу.
34) Который год чайковцы могут считать полным расцветом своих кружков.	1872—1873 гг. Усиленная и успешная агитация в рабочих слоях. Своя типография; обеспеченная граница и связь с заключенными в тюрьмах.

35) Какой успех чайковцев среди рабочих.	Многие из рабочих были настолько распропагандированы, что ушли по своей инициативе в деревню для пропаганды.
36) Когда ликвидированы чайковцы.	В 1873 г.
37) Когда был расцвет движения «в народ».	В 1874 г.— массовый, стихийный характер.
38) Что такое «вспышкопускатели».	Кружок, отделившийся от кружка Ковалика (бакунинского направления), во главе которого стоял Каблиц, первый возымевший мысль о цареубийстве.
39) Где находились кружки бакунинского направления.	В Петербурге — кружки Лермонтова и Ковалика и в Киеве — Дебогорий-Мокриевича.
40) Какие еще были кружки.	Кружок артиллеристов, кружок чайковцев и провинциальные кружки.
41) Имело ли движение в народ свою программу и как велось.	Не имело. Велось или летучими отрядами или оседло (открытие каких-либо мастерских, занятие должностей сельского управления и т. д.).
42) Когда было ликвидировано движение «в народ».	В 1875 г. Арестовано до 300 человек. Следствие вел генерал Слезкин и прокурор Жихарев, Большой «процесс 193-х».
43) Принесло ли пользу революционному делу это движение.	Тун утверждает, что «нет», некоторые же историки, как, например, Шишко, что «да».
44) Какая организация возникла после ликвидации движения «в народ».	В 1876 г. Натансон и Александр Михайлов создали новую организацию, которую назвали «Земля и воля» (не надо смешивать с «Землей и волей», созданной в 1862 г. Чернышевским и распавшейся в 1863 г.). Главные условия организации: конспирация, централизация и внутренняя дисциплина. Цель организации — путем агитации создать из народа революционную партию для свержения государственного строя. Во главе организации стоял «Основной кружок», который делился на группы: 1) Администрация, или Центр, с «небесной канцелярией», 2) Интеллигентная, 3) Рабочая, 4) Деревенщина и 5) Дезорганизаторская. Кроме того, «Большой Совет» организации.
45) Как разделилась «Земля и воля».	На «Северян», стоявших только за агитацию, и «Южан», стремившихся к террору и бунтам.
46) Имела ли эта организация свой печатный орган.	Имела — того же наименования (1878 г.). До апреля месяца 1879 г. вышло 5 номеров журнала и 5 листков, в № 1 которого изложены были руководящие начала организации.

47) Какое влияние на революционную среду произвел «процесс 193-х».

С этого времени у «Землевольцев» начался поворот к террору. (Покушения на Добродеева, Котляревского, Мезенцева, Трепова, Дрентельна и др.). Возбуждается вопрос о цареубийстве (Соловьев, Кобылянский, Гольденберг, Михайлов и Квятковский). Съезд «Южан» в Липецке, затем общий в Воронеже — постановлено совершить цареубийство, для чего сформирован «Исполнительный комитет», или «Лига цареубийства» (1879 г.).

48) Какое отношение Плеханов имел к «Земле и воле».

Он стоял против террора, и когда Воронежский съезд с этим не согласился и террор политический был признан, то Плеханов вышел из организации.

49) Когда возникла «Народная воля» и «Черный передел».

15 августа 1879 г. на Воронежском съезде, причем террористы приняли название «Народная воля», а народники «Черный передел».

50) Цель «Народной воли».

Достижение политических свобод через политический террор, венцом которого стояло убийство Государя. Для достижения этого партия стремилась к созданию: 1) центральной боевой организации, 2) организации в провинции, готовой поддержать восстание, 3) среди рабочих, 4) среди войск, 5) среди интеллигенции и 6) склонить на свою сторону общественное мнение Европы. Орган «Народная воля» (вышло 12 номеров) и «Листок Народной воли» (5 номеров) до 1885 г.

51) В чем выразилась деятельность Исполнительного комитета.

В 1879 г. были подготовлены покушения на жизнь Государя в Одессе (отменено), Александровске (не произошел взрыв) и Москве (взорван ошибочно вместо царского поезда — свитский), 5 февраля 1880 г. в Зимнем дворце взрыв Халтурина и, наконец, на Екатерининском канале 1 марта 1881 г. убит Государь.

52) Когда была ликвидирована «Народная воля».

В конце 1881 и начале 1882 г., причем были взяты в Москве типография и два паспортных бюро, а в Одессе — две типографии. Тогда же была ликвидирована и военная группа — арестованы г-жа Фигнер и до 200 офицеров.

53) Отчего произошел провал военной группы.

Благодаря предательству Дегаева [2*], предложившего свои услуги полковнику Судейкину.

54) Существовала ли «Народная воля» после ее ликвидации.

Да. Осталось 2 члена — Оловянникова и Лев Тихомиров, собравшие из остатков по всей России группу, во главе которой стал Герман Лопатин, встретивший препятствие со стороны Петербургского кружка «Молодых народовольцев», склонявшихся в сторону массо-

	вого движения, но он восстановил согласие. Устроил в Дерпте и на Дону типографии и напечатал № 12 «Народной воли», а за границей печатался «Вестник Народной воли». В 1884 г. Лопатин и еще 500 человек арестованы. В 1885 г. Богораз и Оржих решили снова восстановить «Народную волю», устроили также типографию, но в 1886 г. [она] была арестована, и с этого момента «Народная воля» прекратила существование.
55) Что такое террористическая группа «Народной воли».	Это группа во главе со студентом Генераловым, ничего общего не имевшая с «Народной волей», образовавшаяся в 1887 г. с исключительной целью убийства Александра III. 1 марта 1887 г. группа была ликвидирована и прекратила существование.
56) Какая цель «Черного передела».	Стремилась отстаивать принципы революционного народничества. Агитация среди крестьян на экономической почве, которую можно получить только разрушением общественного строя, и агитация с целью убедить народ, что землю он может получить только собственным усилием (аграрный вопрос).
57) Разница между «Народной волей» и «Черным переделом».	Первая рекомендует центральный террор, а вторая — идею революционного народничества; кроме того, первая стремится к работе в городах, а вторая — в деревне.
58) Что такое прибавочная стоимость.	Это та надбавка, которую капиталист делает при продаже купленных им продуктов (учение Маркса): «Это присвоение прибавочной стоимости и определяет современный капиталистический строй государства».
59) Что такое «резервная промышленная армия».	Это люди, созданные безработицей, желающие работать, но не находящие объекта труда. Это результат сосредоточения капитала в одних руках (концентрация капитала). Это же обстоятельство и послужило к объединению рабочих.
60) Что такое «Группа освобождения труда».	Эта группа основана Плехановым, Игнатовым, Засулич и Аксельрод[ом], которые доказывали, что единственная не фантастическая цель революционного движения — это завоевание политической свободы и образование рабочей революционной партии. В 1885 г. этой группой был выпущен проект программы русской социал-демократии.
61) К чему стремилась русская соц[иал]-демократия.	1) К полному освобождению труда от гнета капитала, 2) освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, для чего должны захватить в свои руки власть. [Диктатура пролетариата].

62) Что такое пролетариат.	Класс современного общества, не владеющий средствами производства и принужденный продавать свою работу собственникам-капиталистам.
63) Кем сорганизована в России первая с[оциал]-д[емократическая] группа.	В 1884 г. в Петербурге болгарином Благоевым. В 1885 г. завела свою типографию и выпустила журнал «Рабочий». Завязала связь с Плехановым, но в 1887 г. ликвидирована, и эта связь прервалась.
64) Что такое «кружковщина».	Это кружки с.-д. молодежи, стремившиеся к агитации и революционизированию рабочих масс (1890—1892 гг.).
65) Что такое массовки.	Собрание в одно место значительного количества лиц с целью ведения среди них агитации.
66) Что такое «Рабочий союз борьбы за освобождение».	Это объединение с.-д. кружков — в 1895 г. в Петербурге, в 1896 г. в Москве, затем в Киеве и Екатеринославе, а в 1897 г. Еврейский рабочий союз в Польше и Литве (Бунд).
67) Какая литература издавалась рабочими союзами.	В 1896 г. в Киеве — «Рабочая газета», в 1897 г. в Петербурге — «Рабочая мысль» и в 1897 г. в Варшаве орган Бунда — «Голос рабочего» [Arbeiter Stimme].
68) Что такое «экономизм».	Направление, возникшее среди с.-д., доказывавшее, что для политической борьбы рабочие еще не созрели (1892 г.).
69) В котором году правительством впервые обращено внимание на с.-д. движение.	В 1895 г. Все «старики» — теоретики с.-д. движения (марксисты) были арестованы, остались только «молодые».
70) Когда был I съезд представителей с.-д. кружков и кто присутствовал.	В 1898 г. в г. Минске, на который приглашены были только «старики».
71) Что сделал этот съезд.	Выработал манифест с.-д. рабочей партии и организационный устав впервые объединенной РСДРП, во главе с Центральным Комитетом. Высшая инстанция — съезд партии. Бунд входил как автономная организация. Когда съезд разъехался, то участники его были арестованы; тем не менее манифест был издан и имел колоссальный успех. (Начало РСДРП).
[Что такое социал-демократия.]	[Есть рабочее движение под флагом научного социализма].
72) Какие два течения образовались на I съезде в г. Минске.	Одно «стариков», полагавших, что борьба с самодержавным правительством за политическую свободу есть ближайшая задача русского рабочего, и другое «молодых», доказывавших, что рабочий класс в массе еще не созрел для политической борьбы и что его интересуют лишь экономические вопросы.

73) Какие были последствия I съезда.	Разногласия между «стариками» и «молодыми» усилились, и так как большая часть «стариков» была арестована, то «молодые» взяли верх, и течение «экономистов» стало преобладающим. Против этого течения повели борьбу: Плеханов, ставший во главе «теоретиков», отстаивавших с.-д. точку зрения, заграничная группа «Освобождения труда» и вернувшиеся из ссылки старые эсдеки, сформировавшие из профессиональных революционеров «Центр» и назвавшие свою группу «Искрой», которые и стали издавать за границей свой орган того же наименования.
74) В чем выразилась деятельность «Искры».	1) Она повела литературную борьбу с «экономистами», отстаивая политическую борьбу. 2) Занялась постановкой дела в городах. Призвав в 1901 г. рабочих на помощь студенческим беспорядкам, она снискала этим популярность у интеллигенции. Вступила в борьбу с с[оциалистами]-р[еволюционерами], порицая террор. Обратила внимание на аграрный вопрос, который до этого времени с.-д. игнорировался. Различного рода техническими услугами командируемых ею лиц в города снискала расположение местных комитетов. Проповедовала централизацию (ядро), «Центральный Комитет». В результате всего этого в 90-х гг. в партии уже существовало два течения: «экономистов» и «искровцев».
75) Что вызвало созыв II съезда.	Необходимость разрешения разногласий. В 1902 г. в Белостоке собралась подготовительная конференция из «экономистов», избравшая организационный комитет, но члены этой конференции были арестованы, вследствие чего собралась вторая конференция, куда попали только «искровцы», и таким образом «Искра» захватила главенствующее положение.
76) Где и в котором году был II съезд.	В 1903 г. собрались в Брюсселе, но полиция не дозволила, и пришлось перекочевать в Лондон.
77) Из кого состоял II съезд.	По одному представителю от 36 местных комитетов, 2 — от «Искры», 2 — «Южного рабочего», 2 — «Центрального Комитета», 3 — Бунда, 2 — группы «Освобождение труда», 2 — Лиги русской революционной с.-д., 2 — Заграничного союза русских с.-д. и 2 — Заграничного Комитета Бунда — всего 43 и 14 с совещательным правом голоса. В общем 1/3 была приверженцев «Искры».

78) Что сделал II съезд.	Утвердил программу, которая признает экономическое учение Маркса и ставит главной своей задачей с.-д. республику, которая может быть достигнута путем свержения самодержавия и созыва учредительного собрания, выбранного свободно всем народом. Кроме того, выработал организационный устав.
79) Как держал себя на этом съезде Бунд.	Он желал войти в партию на федеративных, а не на автономных началах, и когда съезд на это не согласился, то он откололся.
80) Чем закончился II съезд.	Он внес в партии громадный раскол по поводу того, кто может считаться членом партии: Мартов доказывал, что им может быть каждое лицо, поддерживающее партию материальными средствами, Ленин утверждал, что им может быть только активный участник одной из организаций партии. Хотя мартовцы взяли верх, но Центральный Комитет был выбран из «искровцев» ленинского направления. Сторонники Ленина, оставшиеся в большинстве по этому вопросу, стали именоваться «большевиками», а сторонники Мартова — «меньшевиками», причем, так как большинство редакторов органа «Искра» были меньшевики, то и орган оказался в этой фракции, вследствие чего вышла ненормальность: в ЦК заседали большевики, а оппозиционный элемент главенствовал в партийном органе.
81) Какие требования были еще предъявлены Лениным на съезде.	1) Требование больших полномочий Центральному Комитету и централизации партии. 2) Возвращение крестьянам «отрезков».
82) Что сорганизовано было для объединения местных организаций с.-д. партии.	Центральный Комитет и центральный орган («Искра»). Совет партии и партийный съезд.
83) Обязанность Центрального Комитета.	Организация местных комитетов, утверждение организаций, разбор конфликтов, заведование кассой и руководство деятельностью организаций на местах. Постановления Комитета обязательны для исполнения, решаются дела большинством голосов. Право кооптации (самопополнение посредством приглашения).
84) Что возложено на редакцию центрального органа.	Идейное руководство партией.
85) Что, между прочим, рекомендуется организационным уставом.	Пропаганда среди сектантов, заключение союзов с либералами и недача показаний жандармам. Кроме того, осуждается разногласие с с.-р. и рекомендуется заключать с ними союзы для борьбы с правительством посредством демонстраций.

86) Что произошло после II съезда РСДРП.	Полный раскол большевиков с меньшевиками; редактор «Искры» Мартов ушел, за ним ушел и Ленин, а оставшийся Плеханов окружил себя «искровцами», завладевшими общим положением.
87) Как проявилась работа партии в 1904 г.	Большевики и меньшевики совместно издали около 1 000 000 прокламаций против войны и около 300 пудов брошюр, наводнивших Россию.
88) Какие были сделаны попытки к примирению большевиков с меньшевиками.	Центральный Комитет в 1904 г. издал декларацию.
89) Как отразились события 9 января 1905 г. на взаимоотношения большевиков и меньшевиков.	Убеждение, что ссориться не время, что надо учесть политический момент; возникла группа «Освобождение»; заговорили о необходимости съезда.
90) Где и когда произошел III съезд РСДРП и чем он интересен.	В Женеве в марте 1905 г., большевики называли его съездом, а меньшевики 1-й партийной конференцией, заседали отдельно и вынесли отдельные резолюции: о вооруженном восстании и о захвате власти и временном правительстве.
91) В чем выразилось революционное движение начала 1905 г.	9 января 1905 г. рабочее движение во главе с Гапоном; в феврале движение среди интеллигенции; в мае «Союз союзов». Осенью беспорядки в университетах и с наступлением зимы возникновение «Совета рабочих депутатов».
92) Что такое «Совет рабочих депутатов».	Внепартийная пролетарская организация из представителей фабрик и заводов и революционных партий.
93) Роль «Совета рабочих депутатов» в декабрьском восстании.	Руководительство.
94) В чем главным образом выразилась работа с.-д. в 1905 г.	В пропаганде своих взглядов в легальной и нелегальной прессе.
95) Чем сопровождалось революционное движение 1905 г.	Еврейскими погромами.
96) С какой целью, когда и где был созван IV съезд РСДРП.	Для объединения большевиков с меньшевиками в мае 1906 г. в Стокгольме.
97) Какие вопросы разбирались на IV съезде.	О крестьянском движении (аграрный вопрос), о Государственной думе, о вооруженном восстании, о партизанских выступлениях, о профессиональных союзах, об отношении к буржуазным партиям и выработан организационный устав.

98) Какие резолюции вынес съезд.	Отмена сословных отношений; отмена выкупных платежей и уничтожение долговых обязательств, имеющих кабальный характер; муниципализация земель, за исключением мелкого землевладения, и национализация земель, предназначенных для переселения; использование думских конфликтов; организовать давление на Думу, подорвать веру в нее народа; при выборах в нее своих депутатов не вступать в блоки с другими партиями и образовать в Думе свою фракцию.
99) Что такое «бойкотисты».	Фракция большевиков, признававшая в противовес меньшевикам необходимость бойкотировать Государственную думу.
100) В чем выразились на съезде несогласия большевиков и меньшевиков.	Главным образом большевики высказывались, что ход революции правилен, что нужно довести ее до конца и захватить власть; меньшевики оспаривали это и высказывались против захвата власти.
101) В чем, по мнению съезда, заключались основные задачи партии.	В усилении агитационной деятельности с целью вовлечения населения в активную борьбу с правительством, в содействии самовооружению населения и в организации боевых дружин.
102) Какие постановления вынес съезд по отношению к войскам, партизанским выступлениям и профессиональным союзам.	Усилить агитацию в войсках и военно-учебных заведениях, воспретить экспроприации у частных лиц, подчинить партийному утверждению экспроприации в казенных учреждениях и содействовать профессиональным организациям, связывая их с партией.
103) Какие партии объединены IV съездом.	Российская с.-д. рабочая партия, с.-д. Польши и Литвы и выработан проект объединения с с.-д. рабочей партией Латышского края и Бундом.
104) Что происходило после IV съезда.	Полоса стачек, повсеместное закрытие профессиональных союзов и организация локаутов (1906 г.).
105) Когда и где была конференция военных и боевых организаций с.-д. партии и кто на ней был.	В Финляндии осенью 1906 г.; делегаты 11 военных организаций и 10 боевых.
106) Какие резолюции вынесла конференция.	1) О распространении идеи правильного вооруженного восстания, 2) о подготовке технического дела организаций, 3) об организации кадра из сознательных работников, 4) об использовании распропагандированных офицеров в качестве инструкторов и др.

107) Когда и где был V партийный съезд с.-д. и кто на нем присутствовал.	В Лондоне в 1907 г.; участвовало 336 делегатов: 105 большевиков, 97 меньшевиков, 57 бундовцев, 44 польских с.-д., 29 латышской с.-д. и внефракционных 4.
108) Как по политическим убеждениям распределялись делегаты.	Крайняя левая — большевики, к ним примыкали польские с.-д., затем крайняя правая — меньшевики, к ним примыкал Бунд, а центр — латыши, которые при спорных вопросах имели решающее значение.
109) Какие вопросы разбирались на V съезде.	1) О деятельности ЦК. 2) О деятельности Думской фракции в частности и о задачах с.-д. в Государственной думе вообще. 3) Об отношениях к профессиональным союзам. 4) О партизанских выступлениях. 5) О работе в армии. 6) Об английском займе и 7) Организационные вопросы.
110) Какая партия на этом съезде присоединилась к РСДРП.	Армянская с.-д. партия.
111) Что произошло после V съезда.	Созыв в Выборге в 1907 г. 1-й Российской конференции для решения вопроса, как отнестись к выборам в 3-ю Государственную думу, на которой было решено избирательную кампанию принять и в действиях Думской фракции руководствоваться резолюциями V съезда.
112) Каково было положение партии после V съезда.	Начался период дезорганизации. Репрессии правительства заставили партийных деятелей сперва перекочевать в Финляндию, а затем оттуда вместе с ЦК переехать за границу (1907 г.).
113) В чем выразилась партийная жизнь за границей.	Вожаки большевиков грызлись с меньшевиками; большевики сгруппировались возле своего органа «Пролетарий». От большевиков отделилась фракция «отзовистов», требовавших отозвания думской фракции из Думы. Образовалась группа «Содействие» (1908 г.), во главе которой стало Заграничное центральное бюро (ЗЦБ). В эту группу вошли многие из большевиков и меньшевиков. Меньшевики стали издавать свой орган «Голос социал-демократа», около которого и группировались. От меньшевиков отделилась фракция «ликвидаторов», стремившихся ликвидировать нелегальную работу и перейти в возможных мерах на работу легальную.
114) В чем главным образом заключались организационные вопросы 1-й партийной конференции.	В использовании существующих и создании новых легальных, полулегальных и нелегальных организаций (21 декабря 1908 г.).

115) Какой был центральный орган партии.	«Социал-демократ».
116) Какие меры были приняты для освещения жизни партии внутри страны.	Разрешено ЦК командировать нескольких членов для этой цели в Россию, предоставив им власть ЦК.
117) В чем выразилась в это время литературная деятельность Плеханова.	В 1908 г. Плеханов, не признавая «ликвидаторского» течения, ушел из редакции «Голоса социал-демократа» и стал издавать свой орган «Дневник социал-демократа».
118) Что такое «ультиматизм».	Течение, родственное «отзовизму», последователи которого требуют поставить думской фракции ультиматум быть строго партийной и подчиняться партийному центру или иначе отказаться от думских полномочий.
119) Что такое «богостроители».	Течение среди большевиков, представители которого стараются придать научному социализму характер религиозного учения.
120) Где издавался «Социал-демократ».	За границей.
121) Что такое группа «Вперед».	Эта группа образовалась в 1909 г. из «отзовистов», «ультиматистов», и «богостроителей». Издавала орган того же наименования и образовала на острове Капри школу пропагандистов, которая впоследствии была перенесена в Болонью (Максимов, Луначарский, Максим Горький, Богданов и Вольский).
122) Когда издавалась газета «Правда».	В 1910 г. Троцким (примирительное течение).
123) Какой состав был ЦК, Заграничного центрального бюро и Русского бюро.	В январе 1910 г. на пленарном заседании ЦК в Париже решено было определить состав: 1) ЦК в пятерку (2 большевика, 2 меньшевика и 1 поляк), 2) ЗЦБ ЦК в пятерку (1 большевик, 1 меньшевик, 1 поляк, 1 латыш и 1 бундовец), 3) Русское бюро (С.-Петербург) в семерку (2 большевика, 2 меньшевика, 1 поляк, 1 латыш и 1 бундовец). На этом же заседании решено прекратить существование журнала «Пролетарий».
124) Что такое «Рабочая газета».	Это газета, издававшаяся в конце 1910 г. за границей Лениным и Плехановым, которая ставит своей задачей вести популярным языком пропаганду и агитацию общественных и революционных целей.
125) Что такое Бунд.	Организация еврейская, которая составляет часть РСДРП.
126) Какая программа Бунда.	То же, что и РСДРП.

127) С чего и где началось еврейское движение.	Кружки в Вильне (1886—1887 гг.), еврейские революционные кассы (чулочницы и др.), наконец, союзы (Всеобщий союз щетинников в Польше и Литве).
128) Какой орган Бунда.	«Голос рабочего» в Варшаве.
129) Когда все кружки слились в общую организацию Бунд (или Всеобщий еврейский союз в Литве, Польше и России).	В 1897 г.; толчком к этому послужило приглашение русских с.-д. на съезд в Минске (1898 г.).
130) Как развивалась организация Бунда.	Стачечные кассы, местный комитет, ЦК, заграничный ЦК и съезд.
131) Как выражалась организация Бунда в 1905 г.	14 местных комитетов, ЦК, фаховая (цеховая) сходка; кроме этого, были: 1) революционная сходка (сознательные рабочие), 2) пропагандистская сходка, 3) интеллигентная сходка, 4) агитаторская сходка и 5) интеллигентная дискуссия.
132) Когда Бунд соединился с РСДРП.	В 1906 г. на IV съезде РСДРП на автономных началах.
133) На чем зиждется философское обоснование программ партии с.-д. и с.-р.	На идеологиях Маркса и Михайловского.
134) Откуда ведет свое начало партия с.-р.	Из остатков группы народовольцев, окончательно ликвидированных в 1896 г. (группа Федулова, Александрова и др.)
135) Когда партия с.-р. получила свое наименование.	В 1900 г. на съезде на Юге России, созванном Союзом с.-р. (Киевским).
136) Какую конечную цель ставила тогда себе эта партия.	Полное политическое и экономическое освобождение рабочего класса и переустройство его жизни на социалистических началах.
137) Какие средства к достижению этого признавала партия с.-р.	Политические реформы и введение конституции; главными силами для этой борьбы признавала промышленный пролетариат, опиравшийся на крестьянство.
138) Какая группа партии с.-р. существовала, кроме Киевской группы.	Группа интеллигентов народовольцев, образовавшаяся в 1896 г. в Омске, а потом передвигавшаяся в Саратов и Москву и назвавшаяся в отличие от киевлян— «Северный союз социалистов-революционеров».
139) Какие существовали союзы с.-р.	Киевский, Русский (за границей) и Северный. Все они образовались в 1896 г.
140) Какую программу признавал Северный союз с.-р. и где она была изложена.	Достижение социалистического строя через социалистическую революцию. Программа эта была изложена в брошюре «Наши задачи» и существовала до 1-го съезда в 1905 г.

141) Какие средства к достижению этой цели выставляла программа.	Пропаганду, агитацию и организацию партии: привлечение в партию интеллигенции и учащейся молодежи для руководства главной силой партии — пролетариатом.
142) Что допускала партия с.-р. в борьбе с правительством.	Политический террор, который она признавала: как средство непосредственной борьбы, как пропаганду действием и как средство самозащиты.
143) Какой печатный орган имела партия и где он издавался.	«Революционная Россия», издававшаяся сперва в 1900 г. в Финляндии, затем в Баку и ликвидированная в Омске.
144) С какого года начинается расцвет партии с.-р.	С 1902 г., после слияния северян, киевлян и Заграничного союза.
145) Какие организации вошли в партию с.-р. в период ее расцвета.	В 1902 г. «Крестьянский съезд», «Аграрно-социалистическая лига», образовавшаяся за границей и вошедшая в федеративный союз с партией, и «Партия политического освобождения России».
146) Чем еще проявила себя в 1902 г. партия с.-р.	Созданием боевых организаций и массовым распространением нелегальной литературы.
147) В чем выразилась деятельность боевой организации партии с.-р.	В целом ряде террористических актов под руководством Гершуни, Савинкова и Зильберберга.
148) С какой целью был собран 1-й съезд партии с.-р., когда, где и что на нем произошло.	В 1905 г. в городе Гельсингфорсе для выработки программы и организационного устава. На съезде оформились три течения: 1 — стоявшее за работу на нелегальной почве — трудовая группа народно-социалистическая, 2 — требовавшее немедленного переворота посредством вооруженного восстания — будущие максималисты и 3 — сторонники идейных взглядов правоверных с.-р.
149) Какие резолюции вынес 1-й съезд.	1. Бойкот Государственной думы, 2. вооруженное восстание и захват земли признаны преждевременными, 3. усиление центрального террора и допуск партизанской войны, 4. об отношениях к действующим в России революционным организациям.
150) Во что вылилась боевая организация в 1906 г. и существовавшие в то время «летучие областные боевые отряды».	Создание по проекту Мовши Зильберберга боевого отряда при ЦК.
151) Когда и где был 2-й съезд партии с.-р. и что он решил.	В феврале 1907 г. в г. Таммерфорсе; решил использовать Государственную думу в своих целях; террор поставить под контроль ЦК;

	подготовить массы к восстанию на случай разгона Думы; запретить экспроприации частных имуществ; использовать железнодорожный и крестьянский союз и войти в сношение с Дашнакцутюном и Грузинской партией с.-р. федералистов.
152) Какие последствия в партии с.-р. вызвало предательство Азефа.	Создание «Парижской группы инициативного меньшинства» и созыв в 1909 г. 5-го съезда Совета партии.
153) Кто главным образом и как способствовал обвинению ЦК в создании почвы для провокации Азефа.	Юделевич в 1908 г. на страницах гезаты «Революционная мысль».
154) Какие резолюции вынес 5-й съезд Совета партии.	Восстановление организации и распространение литературы, пропаганда в высших учебных заведениях, работа среди крестьян, работа среди пролетариата, работа среди военных и усиление террора.
155) Что такое максималисты.	С.-р., считающие возможным в настоящее время осуществить программу максимум посредством массового террора, т. е. перестроить государство на социалистических началах.
156) Какие существуют революционные организации в Прибалтийском крае.	Социал-демократия Латышского края и Латышский социал-демократический союз.
157) Когда возникла Социал-демократия Латышского края. [Когда первая ликвидация кружка].	В 190[4] г. из с.-д. кружков марксистского направления. [В 1896 г.]
158) Когда началось первое рабочее движение в Прибалтийском крае.	В 1899 г. в Риге и Либаве.
159) Кто руководил рабочим движением в Прибалтийском крае.	Рижский комитет Латышской с.-д. партии.
160) Какая группа образовалась в 1902 г.	Курляндская с.-д. группа и Комитеты Либавский, Виндавский и Тальсенский.
161) Где главным образом распространялись прокламации в 1903 г. в Прибалтийском крае.	В церквах.

162) Когда произошел первый всероссийский конгресс латышской с.-д. партии.	В 1904 г. в Риге; выработан устав и положение в отношении Российской с.-д. рабочей партии, газета «Социал-демократ» признана партийным органом.
163) Как отразилось движение 1905 г. на Прибалтийском крае.	Всеобщая стачка в продолжение 8 дней с политическими требованиями. Рабочие и крестьяне объединились в группы и стали заниматься поджогами и грабежами (лесные братья).
164) Кто в это время стал во главе революционного движения в крае.	Федеративный комитет в г. Риге. [большевики, с.-д. и с.-д. Латышского края].
165) Как реагировали на революционное движение народные учителя и волостная администрация.	Устраивали свои сходки с революционными целями [1000 чел.]
166) Когда присоединилась латышская с.-д. к РСДРП.	В 1906 г. на IV съезде РСДРП, [а на следующем съезде тоже в 1906 г.] стала именоваться «Единая социал-демократия Латышского края», дружины лесных братьев из партии исключила, террор прекратила и боевые организации распустила.
167) В чем выразилась деятельность партии в 1908 и 1910 гг.	В 1908 г. был устроен общепартийный конгресс за границей, решено поднять пропаганду, усилить профессиональное движение и принять [меры] к объединению и развитию партийной дисциплины. В 1910 г. представила на пленарное заседание ЦК РСДРП отчет о своей революционной работе. В июне 1910 г. созвала последнюю конференцию, где было выяснено, что работа в Риге, Митавском и Бауском уездах, в Маленской и Мадленгайсманской деревенских организациях идет прекрасно. Принципами партии признан демократический централизм.
168) Когда образовался, какое направление и программу имел Латышский социал-демократический союз.	В 1905 г. на Учредительном съезде в Риге. Имел тяготение к партии с.-р. Целью своей ставил автономию Латышского края. На конференции 1909 г. было констатировано, что работа у съезда не ведется. Указана необходимость массовой борьбы и объединения.
169) Какие революционные партии существуют в Литве, когда образовались и их цель.	«Литовская социал-демократическая партия». Образовалась в 1895 г. из Виленской и Сувалкской с.-д. организаций. Ставила своей целью национальную автономию Литвы, признавала Эрфуртскую программу. На 2-м съезде в 1896 г. национализм исключила и стремилась к достижению в России с.-д.

	республики. Орган — «Эхо жизни рабочих» — стоял за принудительное отчуждение земли в пользу крестьян, за привлечение в свою среду евреев и признавал террор. Схема — фабричные, ремесленные и деревенские группы, над ними центры из 3 лиц ЦК, Совет партии и партийный съезд.
170) Как делятся революционные организации Привисленского края.	На «Национально-польские», «социалистические» и «анархические».
171) Какие организации принадлежат к числу национально-польских.	1. «Национальная демократия», или Народовцы — радикальная программа, 2. Автономия Польши «Фронда» — полное отделение Польши, 3. «Народовый союз» — народная милиция и восстание, 4. «Прогрессивная демократия» — восстановление Польши в пределах 1815 г., 5. «Польская прогрессивная партия» — устройство просветительных обществ, 6. «Партия реальной политики» — соглашение с русскими революционными организациями и автономия Польши. Кроме того, существовали мелкие организации: [Союз] Белого Орла, [Союз] прогрессивной молодежи, Лига независимости, Партия польской государственности и др.
172) Какие социалистические партии существовали в Польше.	1. Польская социалистическая партия (ППС), 2. Социал-демократия Царства Польского и Литвы, 3. Рабочая польская социалистическая партия и 4. Польская социалистическая партия «Пролетариат».
173) Когда образовалась ППС.	В 1893 г. Программа — достижение польской демократической республики. В 1899 г. слилась с заграничным союзом польских социалистов. Орган — «Рассвет». Средства — сборы и лотереи. Схема — фабричные и заводские кружки, местные, районные и Центральный Комитет, партийный съезд.
174) Когда партия эта проявила особо напряженную борьбу с правительством.	В 1904 г. демо[нст]рации, забастовки, террор и экспроприации. На 7-м съезде в том же году были основаны боевые организации.
175) Какое было устройство боевой организации.	Боевая система делилась на 7 районных кружков — каждый из 10 человек. Во главе ЦК боевых организаций. С развитием деятельности учреждено ЦБ со штабом из 5 человек и образованные самостоятельные «пятерки боевиков». В Галиции была школа боевиков.

176) Какие последствия имели злоупотребления боевиков своими выступлениями.

На съезде в 1906 г. в Кракове образовались два течения: 1-е за совместную работу с русскими революционерами и 2-е за революцию на территории Польши исключительно польскими силами при широком терроре. Последнее течение образовало революционную фракцию ППС «Правица» с органом «Работник», стоявшую за независимую польскую республику. Первое течение стало называться «Левица», стоявшее за автономию Польши с сеймом во главе.

177) Когда образовалась с.-д. Царства Польского и Литвы.

В 1893 г. основана Розой Люксембург. Программой принят Интернационал полностью. Главный состав — евреи. В 1894 г. проявила систематический террор. В 1906 г. присоединилась к РСДРП.

178) Когда образовалась Рабочая польская социалистическая партия.

В 1897 г., отколовшись от ППС. Орган — «Голос рабочих». Партия исключительно рабочая, стремится к демократической республике. Допускает широкий экономический террор.

179) Что такое Польская с.-д. партия «Пролетариат».

Партия существовала с 1900 по 1907 г., отколовшись от ППС. Орган — «Пролетарий». Допускали присоединение Польши к федеративной русской республике на правах отдельного штата. После ликвидации в 1907 г. фактически не существует, но идейно живет за границей.

180) Какие революционные организации существуют на Украине.

1. Украинская революционная партия национально-социалистического характера. Состоит из интеллигенции, которая, опираясь на крестьянские массы и пролетариат, стремится к созданию самостоятельной Украины. Ничем себя не проявила, существует скорее на бумаге.
2. Украинская заграничная громада, состоит из интеллигентов, преимущественно жидов. Представляет заграничный оппозиционный украинский центр. Занимается добыванием средств на революцию на Украине. 3. Украинская социал-демократическая партия — «Спилка». Образовалась в 1906 г. на съезде и присоединилась к РСДРП. Образовала ЦБ крестьянских групп, переименованные в «Главный комитет», а затем в «Центральную группу». Главная работа в крестьянстве. В 1908 г. центр партии перебрался за границу. Орган «Правда».

РАЗЛИЧИЕ

между партиями соц[иал]-демокр[атов] и соц[иалистов]- революционеров заключается как в их идеологии, так и в их программах и организационных уставах:

ПАРТИЯ с.-д.	ПАРТИЯ с.-р.
В основу программы с.-д. положена идеология Маркса, заключающаяся в так называемом «Историческом материализме», т. е. в подчинении личности естественному ходу исторического процесса, который совершается помимо воли отдельных лиц и результатом коего являются экономические отношения, влекущие за собой классовую борьбу (объективный метод изучения исторического процесса). Экономические интересы рабочих непримиримы с интересами капиталистов и потому рабочие могут добиться улучшения своего экономического благосостояния только путем классовой борьбы с капиталистами, а так как существующий политический строй поддерживает капиталистов, то и борьба должна быть направлена против этого строя.	В основу программы с.-р. положена [идеология] Михайловского, который, подчиняя критическому взгляду каждое событие, утверждает, что естественный ход исторического процесса находится в прямой зависимости от личности; идеалы и стремления личности, ее желания подвигают ее на известные действия, которые и делают историю. Но так как эти личности в стремлении к достижению своих идеалов встречаются с различными препятствиями, то и порождается борьба (субъективный метод изучения истории). Экономическое благосостояние трудящихся зависит от проведения в жизнь социализма и полного достижения политической свободы личности, а так как этому препятствуют лица, у которых сосредоточен капитал и которые поддерживаются существующим политическим строем — абсолютизмом, то и борьба должна быть направлена против него и при ней допустимы все средства до террора включительно.
С.-Д. в общей части своей программы, заключающей так называемую программу-максимум, ставя своею конечною целью диктатуру пролетариата, достижимую посредством социальной революции, придают исключительное значение обществу, интересам коего и подчиняют интересы отдельных лиц.	С.-Р. в той же части своей программы, стремясь к достижению социалистического строя, выдвигают на первый план всестороннее гармоническое развитие отдельной личности и вмешательству сознательных борцов за истину и справедливость подчиняют общество.
С.-Д. в своей программе-минимум особенно тщательно разрабатывают вопросы, касающиеся охраны интересов рабочего класса, что же касается аграрного вопроса, то дают лишь общие пожелания довольно туманного характера.	С.-Р. в той же части своей программы, наоборот, разрабатывая детально вопросы аграрного характера в отношении промышленного пролетариата, ограничиваются пожеланиями общего характера.

С.-Д. при разрешении аграрных вопросов своею программой допускают существование землевладельцев-дворян, облагая их особыми налогами в пользу культурных и благотворительных нужд сельских обществ.	С.-Р. при разрешении тех же вопросов стоят за полную социализацию земли, т. е. за обращение ее из частной собственности в общенародное достояние, т. к. права на пользование ею дает лишь личный непосредственный труд.
С.-Д. в своей программе признают муниципализацию и национализацию земли.	С.-Р. в своей программе проводят исключительно социализацию земли.

ГАРФ, ф. 102, оп. 261, д. 221, л. 2—46.
Гектограф

«На подлинной Инструкции написано
командующим корпусом: «Утверждаю»
19 октября 1909 г.

ИНСТРУКЦИЯ

о порядке ведения учебных занятий на офицерских курсах при штабе Отдельного корпуса жандармов.

1) Офицеры, желающие перейти на службу в Отдельный корпус жандармов, прикомандировываются к штабу корпуса для подготовки к будущей служебной их деятельности в корпусе.

2) Подготовка эта дается на курсах, которые открываются, по усмотрению командира корпуса, один или два раза в год, в зависимости от имеющихся в корпусе свободных вакансий адъютантов жандармских управлений.

3) Цель, которую преследуют курсы, заключается главным образом в ознакомлении офицеров со всеми отраслями той специальной службы, которую несут офицерские и нижние чины корпуса жандармов.

4) Период подготовительных курсов продолжается до 4,5 месяцев и с таким расчетом времени, чтобы число учебных дней было не менее 100 (сто).

Примечание 1. Занятия на курсах производятся ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней. Если же во время занятий на курсах придутся праздничные дни Св. Пасхи, Рождества Христова и Сырной недели, то занятия не производятся также: от четверга страстной недели до 3 дня Св. Пасхи включительно, от 24 декабря по 6 января включительно и последние три дня Сырной недели.

Примечание 2. В означенные праздничные дни офицеры могут пользоваться с разрешения начальника штаба отпуском, с выездом из С.-Петербурга. Продолжительные отпуски (более 28 дней) вне праздников могут быть разрешаемы только в исключительных случаях.

4) Занятия на курсах производятся ежедневно в течение 4 часов (от 10 час. утра до 3 час. дня, с часовым перерывом для отдыха), кроме практических занятий, которые могут быть производимы и в вечерние часы, но не более трех раз в неделю и не долее как в течение двух часов каждый раз.

5) Соответственно цели, для которой установлены курсы, преподаваемые на них предметы разделяются на главные и второстепенные.

К числу главных предметов относятся: 1) устройство корпуса жандармов, права и обязанности чинов его в строевом, инспекторском, хозяйственном и военно-судном отношениях, 2) права и обязанности чинов корпуса жандармов по производству формальных дознаний и переписок, производимых в порядке положения об охране, 3) специальные права и обязанности чинов жандармских полицейских управлений железных дорог и 4) история революционного движения и политический розыск.

К числу второстепенных предметов относятся: 1) краткое ознакомление офицеров с общей и особенной частью Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, с Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, с общей частью Уголовного уложения и с отделом о государственных преступлениях (краткий курс уголовного права) и 2) краткие сведения из русского государственного права.

Независимо сего офицеры, прослушавшие курсы, подлежат ознакомлению с существующими методами регистрации преступников (антропометрия и дактилоскопия) и с системами употребительных шифров, существующих для тайных сношений арестованных с внешним миром и между собою.

7) На каждый предмет отводится следующее число учебных часов в неделю:

Устройство корпуса жандармов	4 часа.
Производство дознаний	4“
Железнодорожная полицейская служба	6“
Розыск и революционное движение	8“
Уголовное право	1“
Государственное право	1“

На ознакомление с регистрацией преступников и на изучение шифров полагается не более десяти часов на каждый предмет в отдельности, считая 2 часа занятий в день.

8) Программы, по которым происходит преподавание на курсах, утверждаются командиром корпуса.

9) Преподавание должно быть в устном изъяснении преподавателем предмета, по программе, с приведением, возможно более часто, практических примеров.

Примечание. Задавать офицерам уроки по книге, без предварительного разъяснения заданного, безусловно воспрещается.

10) Практические занятия ведутся по указанию начальника штаба корпуса жандармов.

11) Преподаватели избираются командиром корпуса — товарищем министра внутренних дел и получают вознаграждение за каждый главный предмет по 500 руб. в год и за второстепенные — по усмотрению командира корпуса — товарища министра внутренних дел.

Примечание. Преподаватели, принадлежащие к составу штаба корпуса, получают вознаграждение из сумм штаба, все же прочие — из сумм Департамента полиции.

12) Каждый преподаватель перед началом курсов обязан представить начальнику штаба сведения о тех пособиях, которые будут им указаны офицерам для прохождения его предмета.

13) Курсы состоят в ведении начальника штаба, ближайшее же наблюдение за ними вверяется его помощнику.

Все делопроизводство по курсам лежит на обязанности старшего адъютанта штаба, заведывающего первым отделением штаба.

14) Офицеры, прикомандированные к штабу для прохождения курсов, выбирают из своей среды старшего.

15) Старший является посредником между курсовыми офицерами и штабом корпуса. Через него офицеры заявляют о всех своих нуждах и получают разъяснения всех интересующих их по службе вопросов. На его обязанности лежит: ведение списков офицеров, представление преподавателям рапортичек о неявившихся на лекции, хранение письменных принадлежностей, выдаваемых штабом корпуса, и распределение их между офицерами.

16) Посещение лекций для всех курсовых офицеров

обязательно. Офицер, почему-либо не имеющий возможности явиться на лекции, обязан заблаговременно уведомить о том старшего, с объяснением причин неявки. Об офицерах, пропустивших значительное число лекций без уважительных причин, помощник начальника штаба докладывает начальнику штаба для выяснения вопроса о возможности дальнейшего оставления их на курсах.

Примечание. Заболевший офицер обязан подать начальнику штаба рапорт с указанием, будет ли он пользоваться врачебной помощью на квартире, или желает быть помещенным в военно-врачебное заведение.

17) Пособия, указанные преподавателями и одобренные начальником штаба, приобретаются офицерами на их собственные средства.

18) По окончании прохождения курса каждый преподаватель заявляет о том письменно начальнику штаба. По получении заявлений от всех преподавателей начальник штаба назначает время для производства испытаний офицерам в знании пройденных ими предметов.

Примечание. Для производства испытаний все офицеры курса распределяются на несколько партий.

19) Испытания производятся комиссией, которую составляют: председатель — начальник штаба и члены: помощник начальника штаба и преподаватели главных и второстепенных предметов. Делопроизводителем комиссии состоит старший адъютант, заведывающий первым отделением штаба корпуса.

К присутствованию на испытаниях, без права оценки баллами познаний офицеров, приглашаются: один из штаб-офицеров, состоящих для поручений при Главном управлении корпуса, и два начальника жандармских управлений — губернского и жандармского полицейского, по усмотрению начальника штаба.

20) Испытания производятся по особым билетам, составленным преподавателями по тем программам, по которым изучались предметы в течение курса.

21) Ответ по каждому предмету оценивается председателем и всеми членами комиссии по 12-балльной системе, причем ответ, оцененный баллом ниже 6, считается неудовлетворительным.

22) При ответах каждый преподаватель должен указывать все ошибки отвечающего по своему предмету, чтобы бойкие, но неправильные ответы не производили ненадлежащего впечатления.

23) По окончании испытания председатель комиссии определяет, совместно со всеми членами комиссии, средний балл, полученный офицером по каждому предмету, и заносит его в экзаменационный список.

24) По заполнении этого списка баллами по всем предметам выводится средний балл для каждого офицера по всем предметам, а затем составляется список офицеров по старшинству полученных средних баллов, и оба списка подписываются председателем и всеми членами комиссии.

25) Офицеры, получившие в среднем менее 6 баллов, а также менее 6 баллов по какому-либо предмету в отдельности, считаются не выдержавшими испытания и подлежат отчислению в свои части.

Примечание. Об офицерах, получивших менее 6 баллов по одному из второстепенных предметов, по ходатайству комиссии может быть представлен доклад командиру корпуса по вопросу о возможности допущения такого офицера к переэкзаменовке.

26) Список по старшинству (ст. 24) представляется командиру корпуса на утверждение и служит основанием для назначения офицеров, успешно окончивших курсы, на имеющиеся свободные вакансии адъютантов жандармских управлений.

Подписал: начальник штаба Генерального штаба
генерал-майор Гершельман.

16 октября 1909 г.

ГАРФ, ф. 97, оп. 1908, д. 49а, л. 136—137.
Типографский экз.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Студент сельскохозяйственной академии Иванов был неоправданно заподозрен в связи с охранным отделением и убит Нечаевым.

2. Дегаев С. П., народоволец. После ареста в Одессе в декабре 1882 г. он не «предложил услуги», а вынужден был дать согласие В. И. Судейкину на сотрудничество с полицией, выдав своих товарищей. Летом 1883 г. после побега, устроенного ему, признался исполкому «Народной воли» в своей связи с полицией и передал списки выданных им революционеров. Ему было обещано сохранить жизнь с условием организации убийства Судейкина. В декабре 1883 г. Судейкин был убит.

Публикацию подготовила *З. Перегудова.*

СПИСОК АРХИВОВ

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (бывший ЦГАОР СССР)

РГАЭ — Российский государственный архив экономики (бывший ЦГАНХ СССР)

РГВА — Российский государственный военный архив (бывший ЦГАСА)

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (бывший ЦГАЛИ СССР)

РЦХИДНИ — Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (бывший партархив ЦК КПСС)

ГАТО — Государственный архив Тамбовской области

ЦА МБР — Центральный архив Министерства безопасности России (бывший ЦА КГБ СССР)

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (бывшей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина).

При подготовке данного издания редакция стремилась к максимальной точности воспроизведения текста документа, передаче его с соблюдением всех авторских особенностей. В некоторых случаях сохранены также и оформительские элементы, присущие делопроизводству определенного периода истории нашего общества.

Документы публикуются полностью или в извлечениях, по правилам современной орфографии. Недописанные слова или другие уточнения авторского текста даются в квадратных скобках. Явные описки и опечатки, обнаруженные в тексте документов, исправляются без дополнительных объяснений. Многоточия в квадратных скобках означают купюры текста.

Места хранения документов указаны практически во всех случаях, за исключением тех, которые определяются специальными отраслевыми требованиями.

Н **Неизвестная** Россия. XX век. Книга вторая. М.: Историческое наследие, 1992.— 384 с.

ISBN 5—86000—006—5

Эта книга для тех, кто не устал думать, кто не отказался от намерений составить собственное представление об истории России. Голоса русских философов и искателей истины, властолюбие вождей и надежды простых обывателей, ищущих понимания и сочувствия у главных российских начальников,— переплетение судеб и страстей — впечатаны в страницы документов из крупнейших архивов России.

Изданные в виде своеобразных коллекций, обладая собственной интригой и драматургией, они дают объемный срез отечественной истории, фиксируют ее светлые и теневые стороны — жизнь на миру и закулисные тайны Московского Кремля, историю каноническую и правду, спрятанную за грифом «Совершенно секретно».

Н $\frac{0503020000-004}{576(03)-92}$ Без объявл.

НЕИЗВЕСТНАЯ РОССИЯ

XX ВЕК

Составители
В. А. Козлов, С. М. Завьялов

Редакторы
Л. Л. Пушкова, Н. А. Тесемникова

Художественный редактор
М. П. Тихонов

Технический редактор
В. С. Пашкова

Корректор
Е. М. Литвиненко

ИБ № 004

Сдано в набор 28.07.92. Подписано к печати 05.10.92.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 2.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 21,66.
Тираж 40 000 экз. Заказ № 3020

Издательство «Историческое наследие».
117393, Москва, Профсоюзная, 80
Контактный телефон (095) 278-75-56

Российский государственный информационно-издательский центр «Республика».
Полиграфическая фирма «Красный пролетарий».
103473, Москва, Краснопролетарская, 16

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ»
ПРИ ОБЪЕДИНЕНИИ «МОСГОРАРХИВ»
ГОТОВИТ К ПЕЧАТИ:

Н. С. ХРУЩЕВ.
«Воспоминания»

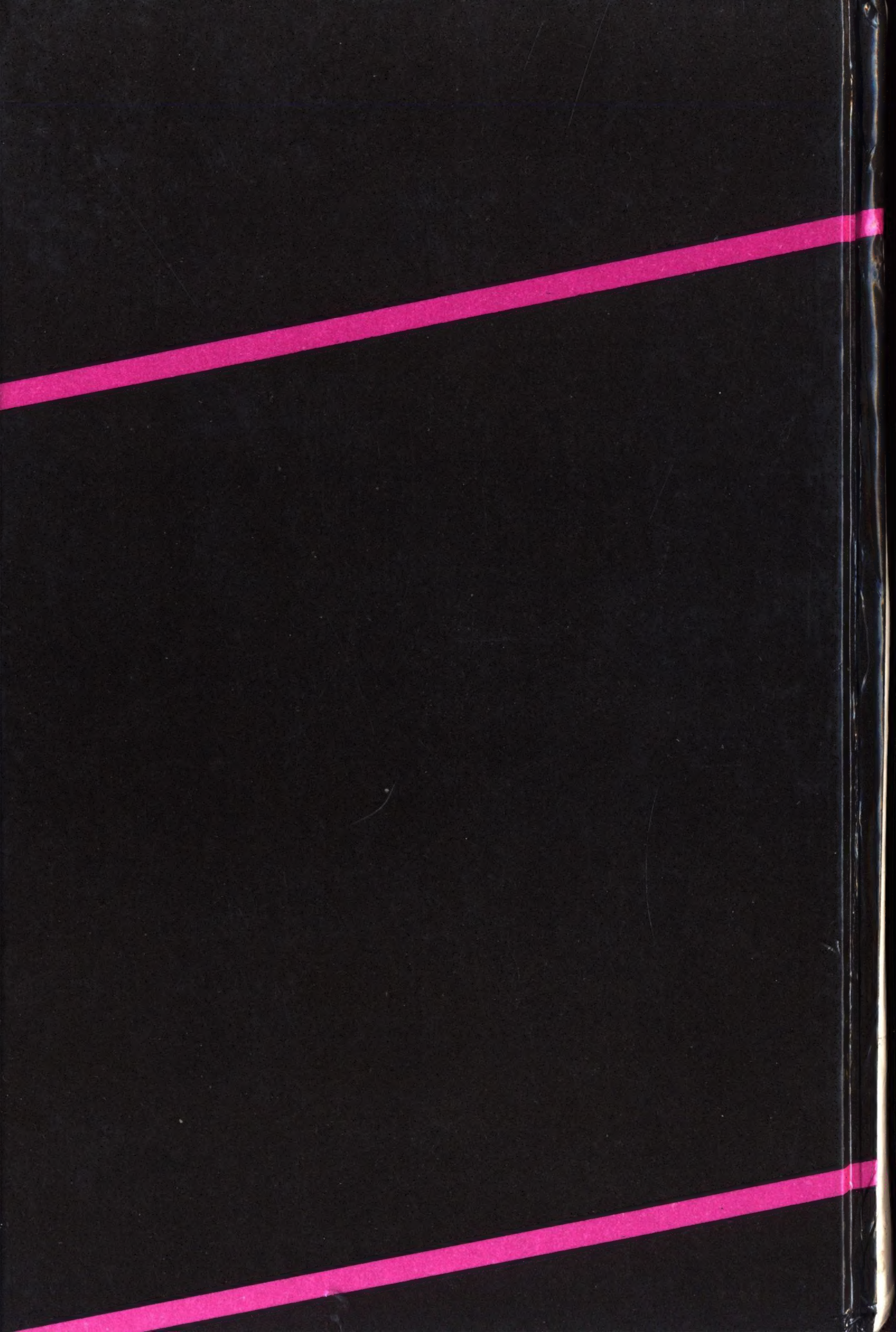
Т. 1. На перекрестках десятилетий. 1920—1945.

Т. 2. Послевоенные размышления. 1945—1960.

Т.3. Карибский кризис. Мирное сосуществование. 1961—1971.

Свои воспоминания Никита Сергеевич Хрущев не писал — он диктовал их на магнитофон. Это единственное подлинное и полное издание подготовлено при любезном содействии его сына Сергея Хрущева и снабжено обстоятельными примечаниями и редкими фотографиями.

Контактный телефон (095) 278-75-56

НЕИЗВЕСТНАЯ РОССИЯ
XX ВЕК
2